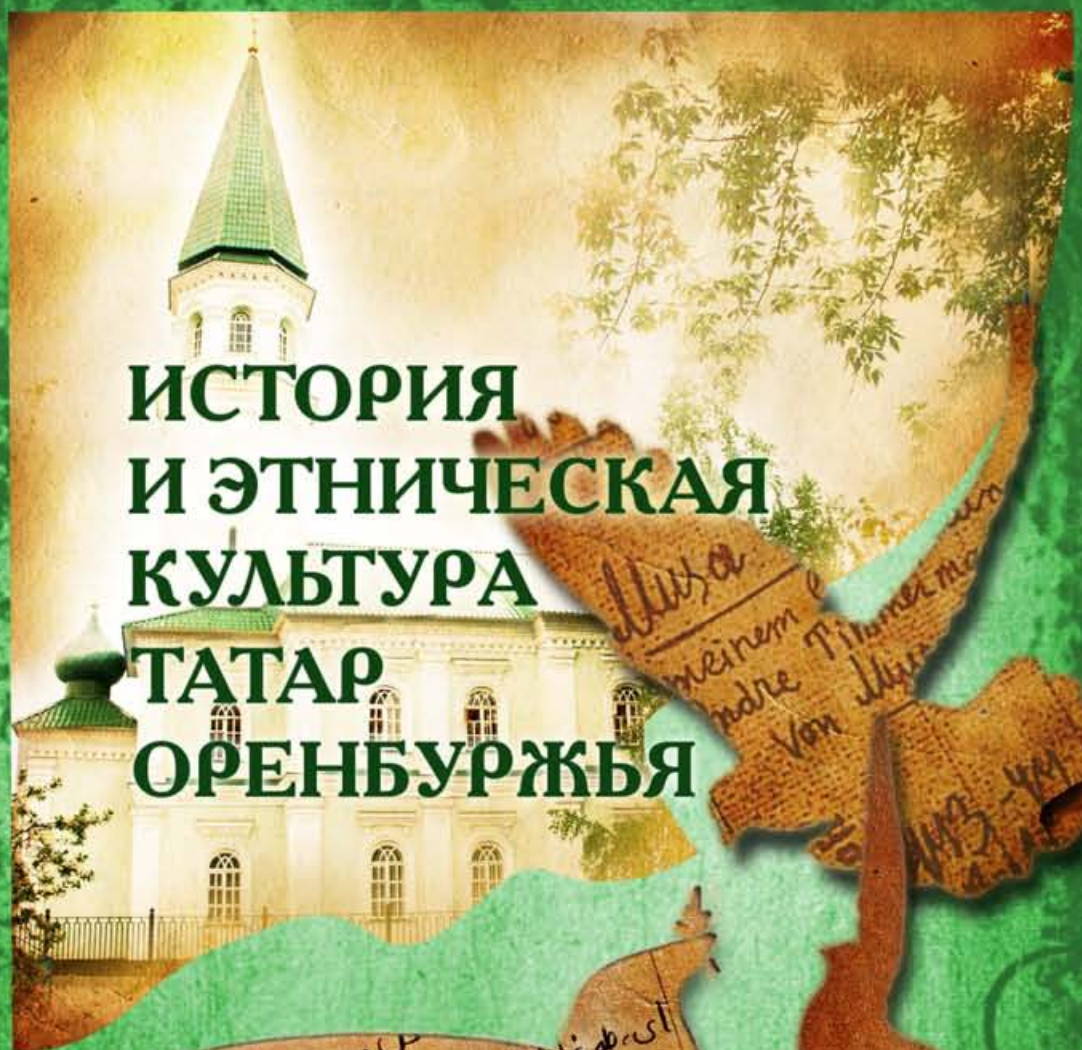

ИСТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ

ИСТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ

ای، هوغان تل، ای ماتورد تل، ته تکه، ته تکه،
تای دنیا، کو بنه سه بلمه سین،
باش تلک، بو تل بله ن ته تکه، م بیستمه،
تونه، بوین ته تکه، حکایت، سویم،
هر وقت، ارده اوق

Материалы
межрегиональной
научно-практической
конференции

Министерство культуры, общественных и внешних связей
Оренбургской области
Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета
Межинститутский центр этнополитических исследований Института
этнологии и антропологии РАН и Института управления ОГАУ
Оренбургская региональная татарская национально-культурная автономия

ИСТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ

**(к 105-летию со дня рождения М. Джалиля,
120-летию со дня рождения М. Файзи
и 125-летию со дня рождения Г. Тукая)**

*Материалы межрегиональной
научно-практической конференции*

**Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2011**

УДК 947(470.56)
ББК 63.5(2Р36-40р)
И 90

Под общей редакцией

доктора исторических наук, профессора **В.В. Амелина**

Ответственный за выпуск

кандидат исторических наук **К.А. Моргунов**

И 90 История и этническая культура татар Оренбуржья (к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая): материалы межрегиональной научно-практической конференции / под общ. ред. проф. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2011. – 296 с.
ISBN 978-5-88838-643-9

Книга издана по материалам межрегиональной научно-практической конференции «История и этническая культура татар Оренбуржья», посвященной 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая, которая состоялась в г. Оренбурге 26 февраля 2011 г.

В сборнике представлены доклады и выступления ученых, аспирантов, студентов и краеведов, посвященные различным аспектам изучения истории, сохранения и развития этнокультурного наследия татар Оренбуржья.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, интересующихся историей и культурой татарского населения Оренбургской области. Может использоваться в учебной и воспитательной работе.

УДК 947(470.56)
ББК 63.5(2Р36-40р)

ISBN 978-5-88838-643-9

© Издательский центр ОГАУ, 2011

**ПЛЕНАРНОЕ
ЗАСЕДАНИЕ**

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО)

Исторически так сложилось, что Оренбургский край формировался как многонациональный и поликонфессиональный регион. К началу XX в. Оренбург по праву считался одним из крупнейших центров татарской культуры. Таким он остается и в настоящее время.

Сегодня в Оренбуржье в традиционном добрососедстве проживают представители 119 национальностей. За столетия совместной жизни на одной территории между славянскими, тюркскими, финно-угорскими народами сложились уникальное взаимопонимание, уважение друг к другу и, что чрезвычайно важно, веротерпимость. Все это предопределило в качестве одного из приоритетных направлений в деятельности региональной власти национальную политику, отвечающую интересам и потребностям всех этнических групп, проживающих в регионе, в том числе и татар. По данным переписи населения 2002 года в Оренбургской области проживает 165 967 татар. Это вторая по численности этническая группа нашего региона (7,6% от всего населения).

В Оренбуржье национальные проблемы решаются с учетом истории, традиций, образа жизни, культуры народов региона. В этих целях у нас в области разрабатываются и вот уже на протяжении 16 лет осуществляются целевые программы реализации модели региональной национальной политики, которые финансируются за счет областного бюджета.

Созданы и активно действуют 122 национально-культурных общественных объединения. Свои национальные организации имеют представители 23 этнических групп населения. В городах и районах нашей области функционируют 10 татарских и 2 татаро-башкирских общественных организаций. Координирует их работу Оренбургская региональная татарская национально-культурная автономия.

Сегодня в области из 467 нерусских творческих коллективов работают 216 татарских коллективов. Данные цифры характеризуют только коллективы, которые работают в рамках клубной системы министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. Но, кроме того, существуют еще и национальные творческие коллективы, которые работают на базе национальных культурных центров и в системе дополнительного образования.

Традиционным стало проведение в городах и районах области праздников татарской культуры «Сабантуй», которые ежегодно собирают большое количество зрителей и участников. Проводятся научные конференции, посвященные изучению истории и культуры татар Оренбуржья. В области широко отмечаются знаменательные юбилейные даты, и неслучайно данная конференция приурочена к 105-летию со дня рождения М. Джалиля, 120-летию со дня рождения М. Файзи и 125-летию со дня рождения Г. Тукая.

В системе образования Оренбургской области выстроен комплекс мер, направленных на создание условий для сохранения и развития национальных культур, формирование у учащихся навыков цивилизованного межкультурного общения. На сегодняшний день татарский язык как предмет, в форме факультатива и кружков преподается в 68 образовательных учреждениях области с общим охватом учащихся – 4425 человек.

В информационном пространстве Оренбуржья на протяжении 20 лет осуществляет деятельность газета «Яна Вакыт». Она сегодня выполняет очень важные задачи по национальному просвещению и освещению жизни татарского населения Оренбургской области.

Электронные СМИ также ориентированы на «национальный вопрос». На телеканале «Домашний» еженедельно выходит получасовая авторская программа «Вместе», освещающая вопросы национальной политики. Кроме того, в настоящее время в большинстве районов и городов области, где компактно проживает татарское население, активно развивается кабельное телевидение, которое позволяет в режиме реального времени принимать передачи на татарском языке.

Развивается оренбургское татарское виртуальное пространство и его информационная и компьютерная инфраструктура. В качестве примера можно привести культурно-образовательный сайт lira.oren.ru, общественно-политический сайт orentat.oren.ru и сайт областного межнационального координационного совета www.nashional.narod.ru, где наряду с другими есть и страница ОРТНКА.

В культурном комплексе «Национальная деревня» создано и активно действует татарское подворье. На подворье располагаются историко-этнографический музей, представляющий собой типовой татарский дом конца XIX – начала XX веков, ресторанно-гостиничный комплекс – двухэтажное строение с элементами восточной архитектуры, венчает которое крыша в виде двух «тюбетеек», а также торговый домик, облицованный камнем-ракушечником. Нашлось здесь место и для редакции газеты «Яна Вакыт».

Гордостью всех оренбуржцев является Оренбургский областной татарский драматический театр, в прекрасном зале которого проходит сегодняшняя конференция.

На наш взгляд, все это свидетельствует о том, что татары Оренбуржья гармонично вписаны в социум и имеют возможности для сохранения своей этнической культуры.

И.М. Габдулгафарова

МУДРОСТЬ ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

Мы не уйдём туда! Уйти
не могут города и реки!
Здесь пережитые века
пребудут с нами. Здесь на века!
Здесь родились мы, здесь росли,
Вот здесь мы встретим
смертный час.
Вот с этой русской землёй
Сама судьба связала нас.

Г. Тукай «Не уйдём»

Средоточие и символ татарской государственности, столица татарской республики и духовный и этнический центр всех татар мира, Казань в 2005 году отпраздновала своё тысячелетие. Позади – славная история, подтверждающая государствообразующие способности народа, его формирование в нацию, имеющую свою самостоятельную, на уровне мировой цивилизации, культуру. Значение Казани было настолько весомым, что даже её падение как самостоятельного государства и присоединение к русскому государству значительно повысило роль последнего и стало началом превращения Руси в Российскую империю. Смешение культур создало в Казани особую культурную среду высокого творческого напряжения. Только в такой среде могли жить и работать такие великие личности, как Гаврила Державин, Лев Толстой, Николай Лобачевский, Габдулла Тукай, Муса Джалиль, Салих Сайдашев и другие, только в ней могли быть сделаны великие открытия и созданы великие творения, явившиеся вкладом в достижения человечества. Время подтвердило слова Г. Тукая: «Да, мы родились и растём в вышину, нанизаны словно на нитку одну...».

Тысячелетнее прошлое татар связано с выдающимся средневековым поэтом и мыслителем Мухаммедьяром, родившимся в конце XV века. Его

сознательная жизнь прошла в Казани – жемчужине Поволжья. Прошла в беспокойное, жестокое время, в переломную эпоху татарского народа. Благоприятное расположение Казанского ханства делало его богатым, цветущим государством, привлекающим внимание завоевателей. Используя разногласия внутри казанской аристократии, в дела страны стали вмешиваться Ногайская Орда, Крымское ханство и Московское государство. В Казани часто менялись ханы. Беспредельные войны вели к разорению края, гибели людей, внутренним распрям, а в итоге – к гибели Казанского ханства. Эту опасность предвидел Мухаммедьяр и предупредил в своих стихах:

Неверие не разрушит,
А от гнёта развалится
неверие и неверующий.
А гнёт состояние страны
Делает невыносимым

Великих поэтов и мыслителей всех времен и народов волновали прежде всего вопросы справедливого и гуманного человеческого общества. В знаменитой поэме Мухаммедьяра «Нур- и содур» («Свет сердца») можно найти впечатляющий образ идеального государства, построенного на принципах добра и справедливости. Как истинный социальный философ поэт-гуманист предлагает свой проект общественного устройства. Он призывает соотечественников забыть распри и сплотиться перед лицом грядущих угроз. В поэме «Нур- и содур» воспевается война за веру, свободу и справедливость. Пламенные строки Мухаммедьяра находили живой отклик в сердцах его соотечественников. Можно вспомнить, как героически сражались защитники Казани против завоевателей, как стойко переносили тяготы многомесячной осады.

Другое крупное произведение Мухаммедьяра – поэма «Посвящение джигитам». Оно относится к 1539–1540 годам. Это произведение примечательно осмыслением высокой миссии поэта. Мухаммедьяр блестяще продолжает традиции литературы, поэзии мусульманского Востока. Многие поколения читателей Востока лили слёзы над поучительными историями Юсуфа и Зулейхи, Лейлы и Меджнуна, Тахира и Зухры. Это была школа воспитания чувств, высокой нравственности, что проходит красной нитью через поэзию Мухаммедьяра:

Счастье жизни в том, чтоб
творить людям добро.
Не обижай людей,
Не отворачивайся от них.

Высоким гражданским пафосом проникнуто одно стихотворное на-
зидание:

Если джигит ты,
То яви своё мужество стране.
Обвяжись поясом любви.

Татарская литература во все времена была сильна именно поэзией. Это объясняется глубокими традициями национальной поэтической школы, берущей начало с Кул Гали, Кутба, Саиф Сарай и, конечно же, Мухаммедьяра. Эту школу блестяще развили в своем творчестве Тукай, Дэрдменд и другие поэты татарского Возрождения начала XX века. Она имела продолжение в творчестве Х. Такташа, М. Джалиля, Х. Туфана, С. Хакима. Как заметил С.Хаким, «замело снегами, смыло дождями седого времени многие имена, многие из них стерлись и потускнели, многие канули в Лету. Тукай же, напротив, чем дальше от нас, тем ближе и понятней, тем ярче открывается новыми, неизведанными гранями своего творчества».

Габдулла Тукай родился 26 апреля 1886 года в деревне Кушлауч Менгерской волости (Татарстан). Его жизнь подобна кратковременному грозовому дождю, который, обмывая и орошая землю, прошёл мощным и бурным потоком. Между временем написания первого стихотворения «В саду знаний» и последнего – «Школа», за четыре дня до смерти 11 апреля 1913 года, прошло всего-навсего семь лет. Тукай – поэт разностороннего дарования, он утверждал высокий долг поэта – гражданина («О, перо!», «Писателю»), возрождал национальный дух, воспевал родную землю («Шурале», «Пара лошадей!»), родной язык:

Родной язык – святой язык,
Отца и матери, язык,
Как ты прекрасен! Целый мир
в твоём богатстве я постиг.

Тукай заложил основы татарской реалистической критики, мечтал о свободном обществе, отражая дух социальных потрясений в Российской империи:

Разве мы ума лишились,
чтобы Родину кляня,
В полымя бежать чужое
из привычного огня

«Не уйдём»

Не менее мощными в его творчестве являются и общетюркские, и исламские, и западные истоки (его назира на стихи А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.А. Крылова, Байрона, Гёте, Гейне, Шиллера и др.).

О том, как боготворил А.С. Пушкина Тукай, говорит стихотворение «Пушкину»:

Я с ярким солнцем бы сравнил твои стихотворенья,
Бог столько сил в тебя вложил, исполнил вдохновенья!
Моя душа не знает тьмы: ты жизнь в неё вселяешь,
Как солнце — мир, так душу ты стихами озаряешь!

Тукай — тонкий лирик, воспеваящий радость большой земной любви, красоту природы родного края, свободу и равенство всех людей на земле. Строки из стихотворения «Приход весны» напоминают нам разлив реки Урал:

Льды горами по рекам плывут, плывут,
Птицы в небе высоком поют, поют.
Дай, творец, нам побольше таких минут

Красной нитью через творчество Г. Тукая проходит воспевание труда как вечной ценности человеческой жизни:

Но вскоре истинный свой цвет находят небо и земля,
Готовь зерно, паши и сей, работай, душу веселя!
И солнце сеет с высоты лучи горячие свои.
И прояснился наконец печальный, темный лик земли

«Весна»

В XXI веке, как и в другие времена, задача театра, по словам Тукая, — «родной народ учить с терпением и любовью»:

Театр — и зрелище, и школа для народа.
Будить сердца людей — вот в чём его природа

«Театр»

К деятельности и творчеству Г. Тукая подходит содержание одного из хадисов пророка Мухаммеда, отобранных Л.Н. Толстым: «Будьте осторожны в шести случаях: когда говорите — говорите истину; когда вы что-либо обещаете — исполняйте; долги свои платите; будьте целомудренны в мыслях и на деле; удерживайте свою руку от всякого насилия и сторонитесь всего худого». В поисках истины, общей для всего человечества, Л.Н.Толстой обратился и к исламу. Известно, что в юности Лев Николаевич изучал Восток и восточные языки.

Факел мудрости, зажженный в творчестве Мухаммедьяра, подхваченный поэзией Г. Тукая, достойно перешёл в руки Мусы Джалиля — Прометей XX века. Мир и мировая литература вписали в ткань времени многих поэтов, обессмертивших свои имена неувядаемой славой. Это и великий Байрон, и славный поэт Венгрии Петефи, и герой Юлиус Фучик, и Муса Джалиль, увековечивший своё имя и бессмертными творениями, и смертью.

1906—1944 гг.. Между этими двумя датами содержится героическая жизнь и замечательное творчество поэта Мусы Джалиля, Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии. Светлой атмосферой бодрости и жизнеутверждения, солнечной радости проникнута поэзия Джалиля довоенного периода:

Нынче наша родина — сад неувядающий,
Где и в пору зимнюю видятся цветы.
С песней нескончаемой на просторах родины
Строим жизнь счастливую вместе — я и ты.

«Песня молодости»

Солнечную радость читатель найдёт в стихах, посвящённых гармонии семейных отношений, нежным отцовским чувствам. Муса Джалиль, помня известный афоризм: «Из двух ссорящихся виноват тот, кто умнее», советует встать выше житейских мелочей:

Полно, умница моя, перестань.
Пустьками чистых чувств не мути.
Разве точат на попутчика нож?
А ведь нам с тобой идти да идти.

«Амине»

Нежное отцовское чувство обогатило поэзию М. Джалиля новыми красками:

Родилась беспомощным комочком,
Но растёт и крепнет с каждым днём.
Голосок её звенит звоночком,
В сердце откликается моём.

Как заметил американский писатель К. Кастанеда: «Воля — это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен». Воля, которую проявил М. Джалиль в фашистской неволе, это подвиг духа. Поэт не покорился страху «сорока смертей», он вёл свой репортаж «под топором палача». В его стихах, написанных в заточении: «Мои песни», «Не верь!», «Палачу», «Мой подарок», «В стране Алман», «О героизме», — чувствуешь гордость за человека, за величие и благородство его души. Человеческая фантазия дала миру образ Прометея, который был прикован к скале за то, что похитил у богов огонь и отдал его людям. Муса Джалиль, подобно античному герою, отдавал огонь своей неугасимой души, даже будучи прикованным к стене Моабита:

Нет, врѣшь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!

«Палачу»

Уважение к передовой культуре немецкого народа, высветившей имена Гете и Гейна, Баха и Бетховена, в поэзии М. Джалиля выливается в гнев к Германии фашистской:

И это страна великого Маркса?!
Это бурного Шиллера дом?!
Это сюда меня под конвоем
Пригнал фашист и назвал рабом?!

«В стране Алман»

Всему человечеству поэт страстно проповедовал добро, человечность и справедливость, ценность человеческой жизни:

Как увядший цветок, в забвении
Я под свежей засну пеленою,
Но последние песни мои
Расцветут в вашем сердце весною

«Могила цветка»

22 июня 2011 года будут приспущены государственные флаги в нашей стране: в День памяти и скорби. 70 лет назад началась Великая Отечественная война, которая стала величайшим испытанием для всех народов СССР. Все народы СССР объединились для того, чтобы отстоять независимость своей страны. В героической и самоотверженной борьбе татары проявили лучшие качества народа: любовь к Родине, ненависть к врагу, презрение к смерти во имя победы, мужество и храбрость. 160 татар стали Героями Советского Союза, почти 70 тысяч татар были отмечены боевыми наградами. Почти половина членов Союза писателей Татарстана вместе с председателем Мусой Джалилем ушла на фронт. Погибли такие замечательные поэты и писатели, как Нур Баян, Фатих Карим, Гадел Кутуй, Мансур Гаяз, Мифтах Вадут, Кашфи Басыров и многие другие, сохранившие в своих сердцах поэтический и гражданский подвиг, гуманизм Мухаммедьяра, Г. Тукая. Время высветило и другой дар, данный татарскому народу – Мусу Джалиля. Мухаммедьяр, Г. Тукай, М. Джалиль – тот эталон, по которому можно определить и меру красоты, и гуманизма, и меру гражданственности, и меру глубинного постижения тайн бытия. Эти таланты оставили потомкам нетленные произведения, актуальные на все времена. К их жизни и творчеству подходят строки:

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твоё осталось дело
Словно дуб тысячелетний

М. Джалиль. «Дуб»

Литература

1. Шаймиев М.Ш. Великий татарский поэт и мыслитель средневековья Махмуд Мухаммедьяр в контексте мировой цивилизации // Республика Татарстан. 1997. 29 августа.
2. Мустафин Р.А. Жизнь как песня. Муса Джалиль. Стихи. М.: Детская литература, 1987.
3. Габдулла Тукай. Избранное. М., 1971.

В.И. Евстигнеев

ВЕЛИЧИЕ ПОДВИГА ПОЭТА-ГЕРОЯ НЕ МЕРКНЕТ

15 февраля 2011 года исполнилось 105 лет со дня рождения Мусы Джалиля, выдающегося поэта, пламенного патриота и интернационалиста, автора всемирно известной «Моабитской тетради». В эти дни мы с благоговением вспоминаем о нем, о его поэзии, о его мужестве и героическом подвиге.

Великая Отечественная война явилась в истории человечества событием, обозначившим всемирный поворот в битве с силами реакции. Подвиг людей, вынесших на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом, не имеет себе подобных. Говоря о памятных нам именах героев Великой Отечественной, в числе первых мы называем имя Мусы Джалиля. В 1956 году за исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с фашизмом, Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Спустя год он одним из первых среди писателей и поэтов за цикл стихотворений «Моабитская тетрадь» был удостоен звания лауреата Ленинской премии. К опаленному порохом венку воина прибавились лавровые ветви поэта. Он единственный в нашей стране писатель, одновременно удостоенный двух высших государственных наград.

О Мусе Джалиле, о его подвиге, народный поэт Чувашии Педар Хузангай писал:

Слава народу, что сына такого
Вырастил в годы тревог и невзгод!
Слава поэту, чей подвиг и слово
Входит в века, бессмертив народ!

Историческая память переносит нас в события более чем шестидесятилетней давности. 25 августа 1944 года в предместье Берлина, в каземате тюрьмы Плетцензее, погибли на гильотине одиннадцать наших соотечественников, которые, попав в плен, мужественно продолжали борьбу

против германского нацизма в татаро-башкирском легионе, называемом также Волго-татарский легион.

Гитлеровцы формировали из военнопленных татаро-башкирский легион, чтобы бросить его против наступающей Красной Армии. Но замысел гитлеровцев потерпел крах. Ни один из трех батальонов не воевал против наших войск. Тогда немецкое командование решило направить легионеров на борьбу с партизанами. Но и тут им не повезло. Уже первый батальон, посланный в партизанский край — Белоруссию, почти в полном составе перешел к партизанам. Второй батальон был направлен на Балканы, а третий ещё дальше — на север Франции. Но и тот и другой дополнили ряды бойцов Сопротивления.

Так основательно поработала в легионе подпольная организация, которую в условиях строжайшей конспирации создали известный татарский поэт Муса Джалиль и его соратники — бывший командир Красной Армии лейтенант Гайнан Курмашев, детский писатель Абдулла Алишев и другие их товарищи.

В легионе готовилось восстание. Но выданные предателем (он потом был разыскан в глухом районе Казахстана и по приговору суда расстрелян), руководители подполья были арестованы и казнены.

Незадолго до казни Муса Джалиль написал стихотворение, которое облетело весь мир:

Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою.
Песни всегда посвящал я Отчизне,
Ныне Отчизне я жизнь отдаю.
Пел я, весеннюю свежесть почуя,
Пел я, вступая за Родину в бой,
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.
Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Эти стихи стали поэтическим завещанием поэта-героя.

Как известно, смерть — самый глубокий и самый значительный факт жизни, ее знаменатель. Высшее проявление мужества перед лицом смерти — это смотреть на нее не только без страха, но и без тревоги. В цепких объятиях смерти Муса Джалиль и его соратники остались верны Родине, земле своих предков, они проявили нравственное мужество, которое дается тяжелее мужества физического.

Преодолением времени, преодолением смерти поэта-героя М. Джалиля, мужественно принявшего ее 25 августа 1944 года, является память. Прошло более шестидесятилетий после гибели поэта, но его имя не предано забвению. Более того, в 2006 году широко и торжественно отмечался его 100-летний юбилей. Проводились научно-практические конференции, смотры и конкурсы сочинений, стихов, рисунков молодых поэтов, художников, чтецов. Прошли торжественные собрания и другие мероприятия на родине поэта в Оренбуржье, а также в Татарстане, Башкортостане, Чувашии, Свердловской, Тюменской областях, Москве, Санкт-Петербурге и других городах и регионах России. К знаменательной дате вышли из печати новые издания стихов поэта и книги о нем.

100-летний юбилей Мусы Джалиля был отмечен на общенациональном уровне. И это не только знак преклонения перед талантом и героизмом поэта — его юбилей стал событием, объединяющим народы нашей страны, укрепляющим чувство патриотизма, гордости за Отечество, воспитавшее таких великих сыновей.

Столь широкий интерес к творчеству поэта, к его личности вполне понятен: темы интернационализма, преданного служения Отечеству, звучащие в поэтических строках Джалиля, близки людям всех национальностей и поколений. Именно такие люди как полномочные послы представляют свою Родину во всемирном духовном общении народов и племен.

Подвиг поэта Мусы Джалиля — это не только его личный подвиг, это коллективный подвиг сотен воинов татаро-башкирского легиона, который гитлеровцы готовили к борьбе против наступающей Красной Армии. Они в большинстве своем отказались воевать против своих. Вовлеченные Джалилем и его друзьями в подпольную организацию, они уходили в партизанские отряды, в группы Сопротивления во Франции и в других странах.

Муса Джалиль оставил неизгладимый след не только в благодарных сердцах своих соотечественников, но и всех прогрессивных людей мира. Само его имя звучит как беспримерный поэтический набат мужеству, стойкости и героизма, как бессмертный призыв к высокому подвигу во имя своего народа и горячо любимой Родины, во имя утверждения светлых идеалов человечества.

Вот что говорил о Мусе Джалиле французский писатель Луи Аргон: «Поразительно, что мы, французы, которые содрогались при имени расстрелянного Гарсия Лорки, которые читали, затаив дыхание, последние слова расстрелянного Жака Декура или книгу, написанную в тюрьме Юлиусом Фучиком, повешенным нацистами, не знали даже имени этого

советского поэта. Это стыдно. Этот человек умер за всех своих братьев из Казани и Новосибирска, из Одессы и Самарканда, из Владивостока и Ленинграда, из Тбилиси и Риги. Он умер также и за нас, за французов, за чехов и других...».

Можно привести такие же замечательные слова, сказанные о Мусе Джалиле известными писателями и поэтами, славными представителями писательского содружества народов: Константина Федина и Олесея Гончара, Сергея Смирнова и Петруся Бровки, Константина Симонова и Эдуардаса Межелайтиса, Бориса Полевого и Антанаса Венцелова, а также Мустая Карима, Давида Кугультинова и многих других.

Когда-то Чингиз Айтматов говорил: «И после нас наши внуки будут смотреть на него и познавать себя, поэзию, борьбу. Будут любить его любовью, будут ненавидеть его врагов его ненавистью». А выступая в Казани, на торжественном собрании, посвященном столетию поэта-героя, он сказал, что, думая о Джалиле, я представляю себе, что если бы выписать, высечь на памятной доске имена поэтов и писателей Земли, отдавших жизнь и героически погибших за свой народ, за светлые идеалы человечества, то одним из первых в этом ряду было бы имя Мусы Джалиля.

Выступая здесь же, на этом собрании, заместитель председателя Правления Союза писателей России Анатолий Иванов говорил, что у русских есть поговорка – «село живо своим праведником». Вот таким праведником для россиян, для современной России являются такие как Муса Джалиль.

Жизнь Джалиля – пример беззаветного служения Отчизне, подлинного героизма, подкрепленного высокой поэзией. Его яркий подвиг на войне – это закономерное продолжение повседневного гражданского подвига, подвига созидательного поэтического творчества. Поэзия его – особенно Моабитский цикл – подкупает своей высокой достоверностью, жизненностью, верой в лучшее. Жизнь поэта, его творчество, героическая смерть на фашистской гильотине стали сродни прекрасному народному эпосу о неминуемой победе добра над злом, о великой силе поэтического слова, неподвластного страху и забвению.

Когда мы говорим о величии подвига Мусы Джалиля, пожалуй, не следует акцентировать внимание на его национальности, хотя татары совершенно справедливо гордятся тем, что он является татариним. Подвиг ради Родины носит надэтнический характер. Поэтому Джалиль, его поэтическое и героическое наследие являются достоянием всех россиян независимо от национальной принадлежности. В то же время Муса Джалиль и его соратники своим подвигом ради Родины показали нам, ныне живущим, высокую планку политических и гражданских ценностей, сле-

дование которым не отрицает этническую принадлежность и этнические ценности. Последнее обстоятельство особенно важное. Дело в том, что сегодня некоторые политические и околополитические деятели не перестают противопоставлять российскую идентификацию с этнической идентификацией граждан нашей страны. Хотя со всех точек зрения такое противопоставление совершенно не допустимо, т.к. наносит огромный вред целостности российского государства и общества. Татарину Мусе Джалилю его татарская этническая принадлежность не помешала проявить себя как истинного патриота Советского Союза, как тогда называлась наша Великая Родина.

Размышляя о Мусе Джалиле, его короткой, но емкой жизни, задумываешься о том, что он не допел своих песен. Когда гитлеровцы оборвали его жизнь, ему было 38 лет. Прошло более 60 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, но до сих пор кровоточит сердце при мысли о безвременно ушедшем поэте Мусе Джалиле.

В Казани, перед древним Кремлем, воздвигнут памятник Джалилю, напоминающий приготавлившегося к взлету беркута. Только два крыла скованы сзади. Кажется, что он вот-вот расправит крылья, порвет оковы и устремится в небо.

Этот памятник воплощает героический образ человека нестигаемой силы воли, безмятежной отваги, беспредельной стойкости и беспримерного мужества.

Джалиль более полувека остается символом мужества и героизма для татарского и всего российского народа. Он — общечеловеческое достояние.

Восхищаясь исключительностью личности Джалиля, башкирский писатель Карей Мэргэн сравнил его с мифическим героическим образом Прометея, при этом он подчеркнул: «...Я хотел сказать, что Муса Джалиль своим подвигом поднялся выше Прометея: продолжал раздавать огонь своей души и будучи прикованным к каменной стене Моабита! В этом его сила, в этом его бессмертие!»

Джалиль воистину являет собой не мифический, а реальный образ Прометея, легендарной личности планетарного масштаба и значения. Он по праву может быть признан Прометеем XX века!

И мы, соплеменники, земляки и соотечественники, должны все сделать для того, чтобы увековечить в своей памяти имя величайшего сына нашего Отечества, чтобы Муса Джалиль жил в памяти сегодняшних и будущих поколений.

Мне верится, что пройдут века, но образ Джалиля легендой дойдет и до будущих поколений. Алая кровь поэта-героя будет струиться по его

строкам, вливая огонь могучей воли, жизнелюбия и творческой энергии в сердца миллионов людей нашего Отечества и всего мира.

Несмотря на сменяющиеся поколения, на новые идеалы, на смену этических и нравственных норм, поэт-герой Муса Джалиль не утрачивает свою ценность. Он остается в нашем сознании и в наших сердцах великим сыном Отечества, вечным символом мужества и патриотизма.

Осмысление поэтического и героического наследия Мусы Джалиля приводит нас к таким обобщениям, которые имеют право на существование и актуальны для современной России.

Д.А. Сафонов

«ТАТАРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ОРЕНБУРГСКОЙ ИСТОРИИ

Роль данного этноса в истории Оренбургского края воспринимается многими достаточно традиционно, а именно — на вторых ролях, что, собственно, неудивительно. Ибо люди ориентируются прежде всего на нашу местную литературу, а там основной массив составляют работы «советского» периода, и концепция таковых проста и незамысловата: Оренбуржье возникло на пустующих землях юго-востока, основные этапы истории Оренбуржья — это этапы строительства государственности — государственности российской; основной массив переселенцев на новые земли составляли русские. Конечно, кроме них были и представители других народов, обычно приводимые, что называется, списком — где татары упоминались в общем ряду. Истории народов, иных, кроме великороссов, в контексте Оренбуржья места в учебниках и обзорных публикациях, как правило, не находилось. Проводимые Комитетом по межнациональным отношениям, а позднее Управлением по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Правительства Оренбургской области уже более десятка лет конференции, посвященные жизни и истории отдельно взятых этносов в Оренбуржье («Украинцы в Оренбургском крае», «Чуваши в Оренбургском крае» и т.п.), убедительно свидетельствуют в пользу того, что представители практически каждого этноса привнесли свой ценный вклад в нашу общую региональную историю, добавили интересные, ранее малоизвестные страницы. Но, к сожалению, все эти новации остаются известными достаточно узкому кругу знакомящихся с публикациями упомянутых конференций, а основная масса наших земляков по-прежнему получает информацию старого образца, чему примером, скажем, последний учебник по истории местного

края, где среди упомянутых исторических деятелей (не считая немцев-губернаторов) представителей иных наций, особенно мусульманских, можно без преувеличения пересчитать по пальцам. Некоторые из них достойны значительно большего внимания и более высокой оценки – как, например, Кутлумухаммед Мемешевич Тевкелев (1674–1766). Как переводчик коллегии иностранных дел, он возглавил посольство, направленное в 1731 г. к хану Младшего жуза Абулхаиру для изучения вопроса принятия последним российского подданства.

Пантеон отцов-основателей Оренбургского края – Кирилов, Татищев, Неплюев – известен всем; имя Тевкелева упоминается рядом с ними. Но именно рядом – на наш взгляд, следует – в их числе. Это и был тот человек, кого на самом деле можно считать подлинным основателем Оренбургского края. Облик его ошутимо подпорчен авторами, писавшими впоследствии об Оренбургской экспедиции. Историки XVIII века создали из него своеобразного «союзного туземца», а в дальнейшем – в историографии как XIX века, так и советской – он так и остался на вторых ролях: дружественный татарский мурза, всего лишь помогавший русским государственным мужам устраивать русскую губернию на пустынных землях Южного Урала. Действительно, Тевкелев был одним из наиболее активных жестких и жестоких усмирителей башкирских восстаний, наводивший порядок твердой рукой. По большому счету он ничем особым, кроме решительности, не отличался от русских «коллегов», столь же сурово усмирявших край. Между тем, Тевкелев был одним из немногих в Иностранной коллегии, кто хоть что-то понимал в среднеазиатских делах – знал восточные языки, в свое время был в составе экспедиции Бековича. Официально он вез ответную грамоту, на самом же деле, его едва ли не основная задача заключалась в выяснении обстановки на месте – вероятно, утверждения Абулхаира о готовности перейти «под протекцию е.и.в.» «с сорока тысяч человек» вызывали серьезные сомнения. Как показали дальнейшие события, для этого были все основания. Инициатива Абулхаира явно вызвала у руководства империи замешательство – с одной стороны, предложение льстило самолюбию, но с другой – создавало массу вопросов и проблем. Знания о казахских степях и народах были более чем обывистые. Показательно, что посольству Тевкелева специально приданы были два геодезиста для сбора данных для составления карты. Видимо, руководство страны пожелало получше узнать ситуацию, прежде чем принимать какие-либо решения. В инструкции, ему данной, особо подчеркивались разведывательные задачи: «будучи тамо между ими усматривать и разведать, желательно ль они в то подданство вошли» [ПСЗ. Т. 8. № 5703]. Одновременно ставились задачи «усматривать и

разведывать» о подробностях жизни башкир и казахов. Рекомендовалось записывать все «искусным способом», а в случае разоблачения надлежало утверждать, что все тайные записи делались якобы исключительно для себя, для своих нужд. Посольство казахи встретили враждебно. Обнаружилось, что большинство султанов не согласно с Абулхайром. Начались волнения, поставившие под угрозу жизнь послов. Хану Абулхайру и его сторонникам стоило больших трудов успокоить недовольных старшин, но Тевкелев и его люди оказались в роли заложников. С большим трудом удалось отправить часть посольства обратно в Россию. Ситуация накалялась, звучали призывы расправиться с послами. Большинство высказывалось за подчинение джунгарам. Абулхайр оказался в меньшинстве и, бросив всех, скрылся в своих дальних кочевьях. Вот тут-то Тевкелев и показал себя недюжинным дипломатом — в этих, казалось бы провальных условиях, он, хотя и не сразу, но сумел добиться успеха. Умело используя 2400 руб., выделенных ему на посольские нужды, он в конце концов смог убедить большую часть кочевой старшины Младшего Жуза принять присягу императорскому престолу. Это, разумеется, официальная версия. На самом же деле последнюю фразу явно стоит понимать иначе — Тевкелеву просто удалось подкупить часть старшины и заручиться согласием; простое обещание как-нибудь потом принести присягу в принципе никого ни к чему не обязывало. Было сформировано посольство, отправившееся первоначально в Уфу. В составе этого представительства, по сути дела, в качестве заложника находился сын Абулхайра Эрали-султан и двоюродный брат Князь-султан со свитой из родовой знати. Появление посольства в Уфе вызвало там настоящее потрясение — все уже перестали надеяться на благополучный исход посольства. Достаточно сказать, что всерьез уже обсуждались планы выкупа Тевкелева из плена — и неудивительно, прошло уже полтора года и известий фактически не было никаких. И вдруг он благополучно возвращается, да не один; с ним прибыли ханский сын и знатные казахские старшины.

В дальнейшем, с 1734 г., он был помощником начальника Оренбургской экспедиции И. Кирилова; в начале 1750-х гг. начальник комиссии иноверческих дел, помощник губернатора И. Неплюева. В 1763 г. после выхода в отставку губернатора Давыдова его кандидатура на пост губернатора обсуждалась достаточно серьезно. Судя по всему, он сам весьма на это рассчитывал. Во всяком случае, известно, что по степи был распространён соответствующий слух. Все прежние губернаторы приходили на пост, практически ничего не зная об Оренбуржье, местных проблемах и трудностях, и столь же достаточно легко уходили. Тевкелев же стоял у самых начал и всегда активно участвовал в происходящем, часто исполь-

зовался как знаток и консультант по всем сложным вопросам. По большому счету, он был наиболее подходящей кандидатурой – как человек, знающий край, языки, народы. Единственной, но принципиальной помехой оказалась его вера – в столице его кандидатуре было отказано «в рассуждении его магометанского закона». Тевкелев явно обиделся, и когда в очередной раз потребовалось, отказался изложить свое мнение по киргизским делам, за что и был достаточно жестко поставлен на место: императрица повелела оставить в покое и с ним «ничего не рассуждать более по киргизским делам». Так завершилась карьера этого неординарного человека.

Но дело не только и не столько в умалчивании или недостаточной оценке тех или иных исторических деятелей. Гораздо интереснее обратить внимание на факт, достаточно очевидный – при непредвзятом подходе. Проникновение российского государства на юго-восток и закрепление его через поселения было процессом более сложным, нежели писалось ранее: в процессе определяющую роль играл не один русский этнос, а два – еще и татарский. Почти одновременно в направлении Яика из зоны Поволжья потянулись своеобразные цепочки возводимых населенных пунктов. «Русских» было по понятным причинам больше; не будем перечислять все – отметим только Бузулукскую крепость (1736 г.), Бугурусланскую слободу (1743 г.), Илецкую Защиту (1754 г.). И почти в то же время на т.н. Ново-Московской дороге основались деревни Биккулово, Юзеево, Мустафино, Сарманай, Наурузово, Чюсьметево, Иске Зубачи (Старая Зубочистенка) (1782 – 1795). Собственно, та же картина присутствует и в XIX в.

На всем протяжении истории края XVIII – XIX вв. мы сталкиваемся с вариантами альтернатив развития, которые условно можно назвать «русской» и «татарской». Не в смысле постоянной оппозиции, противодействия, как это иногда пытаются представить недобросовестные авторы, а как уникальный исторический эксперимент. По сути дела, мы имеем одновременное существование двух вариантов развития. На возможные возражения относительно того, что у этих народов и языки, и вера, и традиции – все различное, а значит – что тут можно сопоставить? – ответим, что этносы, сосуществующие рядом на протяжении веков, никак не могут не влиять друг на друга.

Наиболее показательным, на наш взгляд, является условное сопоставление истории двух городов, расположенных по сути рядом: «русского» и «татарского». Мы имеем в виду Оренбург и Сагид (Сеитовский посад, Каргала). Даже сравнение мемориальных памятников с датой основания того и другого наводит сегодня на определенные мысли.

Сравним их создание. Как широко известно, Оренбург на новом, окончательном, месте был заложен 19 апреля 1743 г. До наступления холодов строители успели возвести инженерные сооружения и часть жилых строений. К 1747 г. в Оренбурге уже насчитывалось 837 домов, 175 лавок, 4 церкви, имелись гауптвахта, госпиталь, пороховой погреб и несколько казарм для чинов гарнизона. Как видим, строительство велось централизованно, силами военных, а в дальнейшем возведении строений в Оренбурге занималась специальная Контора оренбургских строений, по сути разновидность каторги.

Сеитовский посад был основан в сентябре 1744 г. торговыми татарами – выходцами из Казанской губернии на р. Сакмаре и Каргале в 19 км к северу от Оренбурга. Названо оно было по имени старшины Сеита (Сагида) Аитова сына Хаялина. Поселенцы обязывались вести торговлю с Востоком и нести службу наряду с иррегулярными войсками. Взамен они просили освобождения от рекрутской повинности и свободы вероисповедания. Сенат позволил переселение на следующих условиях: 1) число новых поселенцев не должно было превышать 200 семей; 2) приниматься должны были только люди «пожиточные и торги производить могущие». Во исполнение этого постановления С. Хаялину от имени Сената 08.08.1745 г. была дана особая грамота. Первоначально переселилось 176 семей. Они наделялись землей для посевов и сенокосными угодьями; им разрешалось покупать землю у башкир, пользоваться рыболовными и охотничьими угодьями, строить мельницы, заниматься ремеслом. Поселок быстро рос – в 1760 г. в селе было 300 дворов с населением 1158 душ м.п., несколько мечетей. Вскоре поселок стал называться по названию реки – «Каргала». Татары порой называли его «город Сагид», имея в виду не его административный статус – городом он не стал, но его размеры. И действительно, его можно было принять за город, своеобразный конкурент Оренбурга – к концу XVIII в. здесь проживало до 13 тысяч человек.

Посмотрим на дальнейшее развитие этих двух населенных пунктов. Население Оренбурга формировалось в немалой степени принудительно – за счет ссылочных, присылаемых на службу; уместно указать, что два ярких губернатора – Неплюев и Перовский – оказались здесь не по своей воле. На протяжении XVIII в. город был ограничен в своем развитии крепостными стенами. В 1770 г. губернатор И. Рейнсдорп подал на имя императрицы записку «о недостатках вверенной его управлению губернии». Он констатировал «бедность» губернии, полагая, что она «происходит от недостатка жителей в благодатном краю», а также от отсутствия промышленности и «циркуляции» денег. Для последнего он полагал

нужным активнее привлекать купцов, улучшая условия их деятельности: восстановить привилегию г. Оренбургу, построить караван-сарай, отремонтировать обветшавшие за десять лет меновой и гостиный дворы. Тем не менее, постепенно торговля перешла в руки жителей Сагида. Долгое время сеитовские татары были единственными торговцами в Оренбурге. Указ правительства от 02.06.1752 г. сообщал, что в Оренбурге «записных пожиточных и торги производить могущих купцов, кроме записавшихся казанских татар, еще нет». Они стали главными посредниками в торговле России со Средней Азией через Оренбург — так, в 1761 г. из купцов, торговавших в Оренбурге с казахами, городских было 6, а сеитовских — 38. В конце XVIII в. более трех четвертей лавок на оренбургском гостинном дворе принадлежало сеитовским купцам.

Если припомнить круг задач, поставленных перед губернатором, то бросается в глаза, что организация торговли с Азией была одной из важнейших. И ее Оренбургу решить не удалось. Зато сеитовские купцы наладили нужные контакты со Средней Азией.

В одном случае мы имеем дело с государственным проектом: чиновничьей идеей, государственным (естественно, ограниченным) финансированием, административным принуждением и даже отсутствием ясной цели — еще в 1801 г. сенаторы, ревизовавшие Оренбургский край, констатировали ненужность Оренбурга как административного центра, по причине значительной удаленности его от прочих населенных пунктов: почему центром Оренбургской губернии был город Уфа, как более благоприятно расположенный. В другом — частная инициатива, добровольное участие, общая заинтересованность.

Сходным образом можно сравнить образовательную политику в этих двух городах. Главное отличие было в системе финансирования: в Оренбурге — государственное, в Сеитовом посаде — частное. Образовательные учреждения в Оренбурге были составной частью общегосударственной образовательной системы, трансляторами соответствующего правительственного курса. Образование в Сеитовом посаде оставалось вне внимания государства, базируясь на частной инициативе и одновременно на религиозной традиции. Оренбург создавался как военно-административный и политический центр — отсюда образовательные учреждения создавались под соответствующие задачи. В XVIII в. в нем было открыто малое народное училище, преобразованное в главное в 1797 г. в связи с перенесением губернского центра из Уфы в Оренбург. В 1824 г. было создано Неплюевское военное училище на средства, пожертвованные сенатором Неплюевым (потомком первого губернатора) и оренбургским дворянством. С 1825 г. это учебное заведение готовило

офицеров и гражданских чиновников из «азиатцев» (т.е. мусульман). Училище состояло из европейского и азиатского отделений. На европейском отделении, куда определялись, в основном, русские дети, наряду с общеобразовательными дисциплинами изучались французский и немецкий языки, а также артиллерия и фортификация. На азиатском отделении военные науки отсутствовали, преподавали арабский, персидский и родные языки, а также предметы, связанные с земледелием и лесным хозяйством. В 1844 г. училище было преобразовано в корпус. В конце 40-х гг. XIX в. в нем были учреждены специальные классы, по окончании которых кадеты производились в офицеры.

Сеитов посад строился и расстраивался, что называется, «для жизни» – в конце XVIII в. там было 10 мечетей, при каждой – медресе (училище). В дальнейшем мектебы и медресе Сеитова посада стали ведущими в Оренбургской губернии. Еще в 1809 г. посетившие край адъютант И.И. Запольский и магистр П.С. Кондырев докладывали, что «в слободе Татарской Каргалы, Сеитово тоже, каменных мечетей, весьма великолепных семь и две деревянные. При всякой мечети находится особое татарское училище. Частью в покоях под самими мечетями, частью при них в особливых домах». В Каргалу приезжали учиться из различных уголков Российской империи. Как докладывали П.С. Кондырев и И.И. Запольский: «учащиеся, кроме здешних и приезжие из других стран России, бывают из Хивы, Бухарии и разных Азийских княжеств, люди с различными познаниями и поступающие в училище для различных целей; сколько учиться – предоставлено на волю, есть ученики лет 45, а бывают, говорят еще и старше; учатся иногда малое время, иногда лет около двадцати одни по охоте, другие для достижения духовного чина». Обучали в сеитовских медресе татарской азбуке, арабскому языку и литературе, персидскому языку, арифметике и геометрии, основам физики, философии по Аристотелю, толкованию Корана и выполнению религиозных обрядов. Обучение вплоть до конца XIX в. велось в основном по рукописным книгам. Огромное количество литературы привозили из Бухары, где каргалинские купцы бывали по торговым делам весьма часто.

Реформы 1860–1870-х гг. в равной степени повлияли на развитие системы учебных заведений в обоих населенных пунктах. В Оренбурге в 1868 г. открылись шестиклассное женское училище и мужская гимназия, в 1870 г. ремесленное училище, в 1879 г. учительский институт и несколько приходских училищ. Из учебных заведений других ведомств следует отметить казачье юнкерское училище (1867 г.), четырехклассное военное училище (1867 г.), духовная семинария (1884 г.), епархиальное женское

училище (1889 г.) и др. К концу века в Оренбурге функционировало 32 учебных заведения.

В период 60–80-х гг. XIX века на новый качественный уровень стали переходить традиционные мусульманские школы края – мектебы и медресе. В медресе Сеитовского посада в 1869 г. обучались 496 татар, башкир и казахов. К концу века число учеников-шакирдов возросло до 700. В дальнейшем система традиционных школ была видоизменена. Сторонники реформирования традиционной мусульманской школы (джадиды) ставили своей целью реформу образования, заключающуюся в изучении светских наук в национальной мусульманской школе на родном языке при параллельной подготовке учителей. В 1890 г. миллионеры Ахмет и Габдулгани Хусаиновы открыли в Оренбурге новометодное медресе под названием «Хусаиния», а чуть позже – еще одно в Сеитовом посаде. Все эти мероприятия осуществлялись без участия государства.

Таким образом, мы имеем возможность сравнить два подхода к градостроительству – государственный и местной инициативы. Приходится констатировать, что «сеитовский вариант» проигрывал лишь в финансовых возможностях, ощутимо выигрывая в реализации задач социального характера. Да и историческое прошлое в современной Каргале сохранилось лучше, чем в современном Оренбурге – скажем, построек первого поколения в Оренбурге вообще не сохранилось, как не найти ни могил первопоселенцев, ни самого их кладбища.

А.В. Федорова

СЕЛО АБЛЯЗОВО

Деревню Аблязово основали переселенцы-мещеряки Уфимского наместничества, выходцы из Пензенской губернии¹, Симбирского наместничества и др.² Населенный пункт появился в 1782–1783 гг.³ Руководили переселением группы татар Абляз Мустафин и Узбек Искандеров. В Оренбургский край прибыли: Санзян Резяпов – 27 лет, Яхья Абдершин – 69 лет, Абдуллатиф Абдулкаримов – 40 лет, Абдулгафар Абдулкаримов – 47 лет, Халил Мадьянов – 50 лет, Султангали Мансуров – 39 лет, Абляз Мустафин – 57 лет, Бурхан Ямашев – 37 лет, Курамша Юнусов – 47 лет, Баймет Рафиков, Бакал Искандеров – 45 лет, Махмут Хадыев, Умрали Искалиев и другие.

В деревне в 1795 г. числилось 76 мужчин и 49 женщин⁴. Сохранилась карта, составленная землемером А. Либеном, где все озера близ деревни

обозначены безымянными, а на карте 1880 года они уже имеют названия, сохранившиеся до настоящего времени.

Жители Аблязово пережили те же трудности, что и все оренбуржцы, среди них – многочисленные эпидемии. О массовом заболевании людей, в том числе и в деревне Аблязово, рассказывает рапорт Оренбургского гражданского губернатора от 12 ноября 1799 г. «Горячий кашель» унес в тот год не одну жизнь⁵.

Данные переписи 1816 г. демонстрируют значительное уменьшение мужского населения. Мужчин числилось – 41, среди них: Санзян Резяпов, Мардей Абдулкаримов (69 лет, 3 сына), Шамсутдин Абдуллатифов (44 года), Хаким Сейфульмулюков (58 лет), Бикмамет Рафиков (30 лет), Абдулгафар Абдулкаримов (67 лет), Бикбан Аблязов (55 лет, 2 сына), Бухарей Аблязов (50 лет, 1 сын), Галимбек Бурханов (37 лет, 3 сына) и т.д.⁶

С деревней Аблязово связана история широко известного украинского села Черный Отрог. Украинские переселенцы из слобод Гороховатки и Сеньковой избрали земли близ крепости Пречистинка⁷. На реке Сакмаре они заложили поселение, которое по имени поверенного Данилы Кочубея назвали Кочубеевкой. Затем сюда стали прибывать все новые поселенцы – русские и украинцы. Разросшееся село получило современное название – Черный Отрог, но часть его, где живут украинцы, продолжают называть Кочубеевкой. Оренбургская казенная палата 17 ноября 1829 г. сообщала губернатору: «По доставленным из Слободско-Украинской Казенной Палаты именным спискам войсковых обывателей 110 душ причислить на отрезанную от деревни Аблязовой в Казенное ведомство землю с наименованием деревни Кочубеевка⁸». Село Черный Отрог впоследствии стало родиной председателя Правительства Российской Федерации, Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в Украине Виктора Степановича Черномырдина, умершего в 2010 г. Таким образом, украинским переселенцам выделили землю, отрезанную у татар деревни Аблязово.

По воспоминаниям Магруды Хузяхамитовны Файзуллиной, которой в 2009 году исполнилось 95 лет, до революции состоятельным человеком из с. Татарская Каргала в деревне Аблязово была построена мечеть, он же выделил средства для кладбищенской ограды. Жители помнят муллу Гайнетдина Халитова и его проповеди. Разрушили мечеть в 1935 году. Религиозные праздники и обряды в настоящее время проводят Минахмет Мулахметович Ахмеров, активно принимающий участие в общественной жизни села, и Фирдаус Кавиевна Валитова, исполняющая обязанности абыстай в здании сельского клуба. За порядком на кладбище следит Сахиулла Загиевич Сайтбурханов.

Деревня в 1823 году имела 30 дворов, 1477 десятин земли, деревянную мечеть. В ней проживали 54 мужчины, 44 женщины. Здесь располагались владения служащих (казаков) мещераков – Татарские дачи Оренбургского уезда⁹.

Среди дел Государственного архива Оренбургской области привлекает внимание дело «Об отводе земли переселенцам Слободско-Украинской губернии, водворившимся в дачи казаков Пречистенской крепости»¹⁰. Переписка длилась тринадцать лет до 1943 года. Здесь идет речь об украинских переселенцах: «особенно было бы удобно, если бы жители Кочубеевки по примеру татар деревни Аблязовой, жительствоющих между крепостями Воздвиженкой и Пречистенской, пожелали быть казаками...».

Аблязовцы в XIX веке служили в казачьем войске, которое охраняло южные границы Российской империи, занимались земледелием и скотоводством. В 70-е годы XIX в. поселок Аблязовский относился к Никитинской станице, по которой числились также Верхне-Чебенский, Нижне-Чебенский, Пречистенский, Черноотрожский, Кочубеевский, Изяк-Никитинский (Ларионовский)¹¹. К началу XX века увеличившемуся населению села пахотной земли уже не хватало. Жители села Аблязово уехали осваивать новые земли во второй отдел Оренбургского казачьего войска (ныне Челябинская область, Агаповский район). В станице Магнитной появился новый поселок Аблязово. По данным 1917 года новое село Аблязово относилось к Верхнеуральскому уезду, Кубеляк – Телевской волости, в нем насчитывалось 92 хозяйства, 394 душ обоего пола¹².

Поселок Аблязово в 1926 г. относился к Изяк-Никитинскому сельсовету Черкасской волости. Татарское население, состоящее из 372 человек, проживало в 89 хозяйствах¹³. Год спустя в поселке прибавилось два двора. Статистика позволяет уточнить некоторые сведения. Здесь проживали только татары, из них мужчин – 172, женщин – 211¹⁴. В Изяк-Никитинский сельсовет в ту пору входили кроме поселка Аблязовского станица Изяк-Никитинская, выселки Пугачевский и Холодный родник. В период коллективизации был создан колхоз «Красная заря», председателем которого являлся Шасалим Газизович Мангушев.

Не обошли село и репрессии. Пострадали Габдерахман Мухамедьяров, Габдерахман Мангушев, Хужахамит Мадьямов, Нигъмат Едиханов, Гумер Магдеев, Мухамматгали Тухфатов, Рахматулла Султангалиев. Эти фамилии приводит краевед Р. Искандаров. В «Книге памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области» мы нашли имя Хамита Нафизовича Мадьямова, 1885 года рождения. Рыбак из села Аблязово тройкой Управления НКВД по Оренбургской области 10 октября 1937 г. был назван «врагом народа». Реабилитирован 1 октября 1957 г.¹⁵

На фронт в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. мобилизовали 112 сельчан. Из них в родное село не вернулись 64 мужчины: Мусаевых – 10 человек, Файзуллиных – 5, Мангушевых – 5, Сайтбурхановых – 4 и др. Мидхат Галеевич Бурханов – младший лейтенант, командир минометного взвода, родился в 1924 году в деревне Аблязово. Воевал на Центральном, 1-м Украинском фронтах, участвовал в Курской битве, в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, Венгрии и разгроме гитлеровских войск в Германии. Был ранен. Награжден двумя орденами Красной звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями «За взятие Берлина» и другими¹⁶.

В селе в настоящее время участников Великой Отечественной войны в живых не осталось. Здесь проживают две вдовы: Магруй Хузяхамитовна Файзуллина и Сагадат Хузяхамитовна Бахтиярова. Рамиль Хапуллович Файзуллин и Рамиль Усманович Биктин выполнили свой патриотический долг в Чеченской Республике.

Колхозом в суровое военное время руководил Гильметдин Гарифуллович Халитов. Вся тяжесть легла на плечи женщин и детей. В колхозе была создана женская тракторная бригада, в которую входили Муршида Загеевна Ахмерова, Закия Шамхаметовна Абдуллина, Захида Шамсутдинова, Магсума Галеевна Сайтбурханова. Самоотверженным трудом они приближали победу.

Село Аблязово в 40-е годы прошлого века входило в состав Гавриловского района¹⁷. Массовые полевые работы развернулись в колхозах района в 1949 году. Лучше всех в эти горячие дни трудились колхозы «Алга», «Кзыл – Чулпан», «Красный труд», «Красная заря». Они первыми в районе завоевали право быть занесенными на районную доску почета передовиков весеннего сева, завершив сев зерновых культур, подсолнечника, трав и посадку леса в сжатые сроки и с высоким качеством¹⁸.

В соответствии с постановлением бюро райкома ВКП (б) за успешное проведение весенних полевых работ на районную Доску почета занесли колхоз «Красная заря» (председатель колхоза И. Биктин, секретарь парторганизации А. Едиханов), выполнивший план сева ранних яровых культур, многолетних трав и лесопосадок с высоким качеством за 8 рабочих дней¹⁹. Колхозник Мулюков дневные задания выполнял на 100 – 120%. Высокой производительности на севе тракторист добился в результате уплотнения рабочего дня. Сеять он начинал с рассветом и продолжал до наступления полной темноты²⁰.

Для колхозников в 50-е годы читались лекции и доклады, проводились беседы и вечера художественной самодеятельности. Агитаторы, бывая в десятидворках и на квартирах избирателей, разъясняли изби-

рательный закон и знакомили с биографиями кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР. Из агитаторов, работавших в десятидворках, отмечали Б. Мусина, А. Едиханова. 10 февраля 1951 года силами учащихся для избирателей был поставлен спектакль и сделан доклад на тему «Сталинская Конституция – самая демократическая конституция в мире»²¹.

Слияние мелких колхозов сел Черный Отрог и Аблязово произошло в послевоенные годы. Объединенному колхозу присвоили имя С.М. Кирова. Председателем колхоза в то время избрали Федора Моисеевича Прядкина, а заместителем Ислама Галямовича Биктина. Труженики сел этого колхоза работали в полеводстве, животноводстве, а также занимались птицеводством и кролиководством²². Колхоз имени С.М. Кирова просуществовал вплоть до 1957 года, когда на базе мелких хозяйств организовали многоотраслевой совхоз «Колос».

На долю ветеранов выпали большие испытания. Своим самоотверженным трудом они заслужили почет и уважение. Например, Абзал Шамсутдинович Шамсутдинов (45 лет стажа), Камиль Хузяхамитович Мадьямов (52 года стажа) трудились в совхозе «Колос», Кашафутдин Маликович Насаев 38 лет отдал железной дороге, Ахтам Кавиевич Абдулин 43 года проработал в совхозе «Колос» животноводом. Каждая семья – это своя история, традиции, устои. В любой семье есть кем гордиться, есть что передать подрастающему поколению.

Пуховязальное производство в селе возникло в 1927 году с момента открытия пухартели. Очень быстро женщины в совершенстве освоили данный промысел. Вязальщица Фирдаус Кавиевна Валитова награждена орденами Трудовой славы 2 и 3 степени. Звание «Мастер-художник высшего класса» присвоено ей и Сафуре Кавиевне Насаевой, Розе Сайтбатовне Шамсутдиновой. Всех ветеранов пуховязального производства трудно перечислить.

С 60-х годов прошлого столетия село Аблязово относится к Черноотрожскому сельскому совету Саракташского района²³.

Обучение детей в дореволюционное время проводилось при мечети села. Под руководством Гушама Гарифовича Мадьямова, вернувшегося с войны в декабре 1945 года, была построена начальная школа, где он со своей женой Софьей Фаттаховой обучили грамоте, привили любовь к знаниям не одному поколению юных аблязовцев. Учителями в разное время работали Елена Степановна Васильченко, Раиса Рафиковна Сайтбурханова, Ляля Музаметшина Султангузина, Гульнур Гадильевна Инжеватова, Мунира Бахтияровна Абдуллина и другие. В 2004 году начальную школу села закрыли.

Фельдшерско-акушерский пункт действовал в селе с сентября 1989 года в одном из кабинетов школы. Из-за аварийного состояния здания школу закрыли. ФАП переехал сначала в частный дом, потом в сельский клуб. В июле 1995 года фельдшерско-акушерский пункт приняла Надежда Михайловна Рыбакова, проработавшая в данной должности десять лет. Новая начальная школа открылась в 1996 г. Кабинет под ФАП выделили в школе, а с 2006 года — большую часть здания. Светлые, просторные кабинеты, оснащенные необходимым медицинским оборудованием, высокий профессионализм медработника — вот чем славится Аблязовский фельдшерско-акушерский пункт. Провели работы по подключению водопровода и канализации, телефонизации, сделали косметический ремонт. Все это было бы невозможно без поддержки главного врача Саракташской центральной районной больницы Олега Ивановича Белозерова.

Сельский клуб построили в 1964 году. 5 декабря 1964 года вечером в новом клубе отмечали сразу два события — День Конституции СССР и открытие здания, которое стало местом отдыха не только для аблязовцев, но и жителей близлежащих сел. Частыми гостями клуба были вокально-инструментальные группы из Оренбурга, артисты Татарского областного драматического театра. Первым заведующим клубом стала Миньямал Ибрагимовна Сайтбурханова. В то время в селе отсутствовало электричество, клуб освещался керосиновыми лампами. С небольшими перерывами Миньямал Ибрагимовна проработала заведующей клубом 15 лет. Клуб всегда отличался чистотой, уютом. И сейчас Аблязовский клуб на хорошем счету в районе.

Архивы и память оренбуржцев хранят огромное количество свидетельств, касающихся истории села Аблязово. Заметим, что в книге М.М. Чумакова «О времени и о нас» представлена краткая история 56 сел Саракташского района, но отсутствуют сведения об аблязовцах²⁴. Надеемся, что краеведы пополнят летопись оренбургских сел, в том числе и села Аблязово.

Примечания

1. Российский государственный архив древних актов Ф. 1355. Оп. 1. Д.938.
2. Искандаров Р. Оренбургские татары. Казань, 2009. С. 215.
3. Там же. С. 215.
4. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Д. 3.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 1–2.
6. Там же. Ф. 98. Оп. 2. Д. 28.
7. Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9406. Л. 3.
8. Там же. Л. 18.

9. Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 34.
10. Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9842/9.
11. Приказ по Оренбургскому военному округу. 1877. 4 марта. № 69.
12. Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Оренбург: Оренб. губерн. стат. бюро, 1917. С. 26.
13. Списки населенных мест 1926 г. по Оренбургской губернии. Оренбург, 1926. С. 19.
14. Населенные пункты Оренбургской губернии. М.: 1-я гос. типолитография, 1927. С. 38.
15. Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Калуга: Золотая аллея, 1998. С. 192.
16. Симова Л. Потомки должны помнить // Пульс дня. Саракташский район. 2009. 23 июня. С. 3.
17. Административное и территориальное деление Чкаловской области. Чкалов: Чкалов. изд-во, 1949. 106 с.
18. Равняться по передовикам весеннего сева // Путь Ленина. Гавриловский район. 1949. 13 мая. С. 1.
19. Доска почета // Путь Ленина. Гавриловский район. 1949. 13 мая. С. 1.
20. Паньков И. Задания перевыполняет // Путь Ленина. Гавриловский район. 1949. 13 мая. С. 1.
21. Мадьямов Г. Лекции и беседы для избирателей // Путь Ленина. Гавриловский район. 1951. 11 февраля. С. 1.
22. Кравец И. Первые дни зимовки в колхозе имени Кирова // Путь Ленина. Гавриловский район. 1952. 30 ноября. С. 1.
23. Оренбургская область. Административно-территориальное деление по состоянию на 1 сентября 1960 г. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 1960. С. 201.
24. Чумаков М.М. О времени и о нас. Саракташ: Саракташ. тип., 2009. 161 с.

Т.С. Панина

ДОКУМЕНТЫ МУСУЛЬМАНСКОЙ СЕКЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБКОМА ПАРТИИ О ТАТАРСКОМ НАСЕЛЕНИИ ГУБЕРНИИ

В Центре документации новейшей истории Оренбургской области сохранилось значительное количество документальных свидетельств о работе партийных органов первого десятилетия советской власти с многонациональным населением губернии. Одним из феноменов периода 1920-х годов в области национально-культурной политики советского государства стало масштабное развитие культурно-просветительной деятельности. Особыми чертами она отличалась в полиэтничных регионах, таких как Оренбургская губерния. Создание системы мероприятий и учреждений, открывавших доступ к современным формам культуры

всему населению, в том числе и татарскому, вводивших культуру в его повседневный быт в обстановке реформирования общества, трансформации социальных групп, обеспечивало адаптацию этноса к новым политическим и социальным условиям.

Создавались специфические органы, которые должны были объединить всю работу среди национальных меньшинств: комиссариаты, губернские и уездные отделы по делам национальностей, национальные секции исполкомов. В 1919 году при Оренбургском губкоме партии были образованы национальные секции: немецкая, мадьярская, польская, литовская. Одной из первых была создана мусульманская секция. Основной их задачей стал подъём культурно-политического уровня народов, в первую очередь путём агитации и распространения литературы на родных языках. Началось издание газет на национальных языках, перевод законодательных актов, политических брошюр. В первые годы после революции появившиеся в разное время издания на татарском языке носили преимущественно пропагандистский характер: газеты «Эшчелер дуньясы» (Рабочий мир), «Алга» (Вперед), «Юксыллар сузе» (Пролетарское слово), «Кзыл юлдуз» (Красная звезда), «Туплан» (Объединяйся). Названия газет говорят сами за себя, печатные издания призваны были решать совершенно конкретные задачи: нести в массы пролетарскую идеологию, бороться с врагами социалистической революции и способствовать укреплению советской власти¹.

Над изданием татарской газеты «Пролетарское слово» трудился подотдел национальных меньшинств губернского комитета партии. Редактировал газету известный башкирский писатель, выпускник медресе «Хусаиния» А.М. Тагиров, ответственным секретарем издания был Х.Х. Такташев (Хади Такташ), оренбургский поэт, приобщивший к литературному труду юного Мусу Джалиля. В 1921 году «Пролетарское слово» выходило 2 раза в неделю тиражом 2000 экземпляров, во время голода ее выпуск сократился с 2–3 раз в неделю до 3 раз в месяц, в июле 1921 года газета не издавалась из-за прекращения наборщиками работ в связи с нехваткой продовольствия. С 27 сентября 1921 года по 1 февраля 1922 года было выпущено 4 номера газеты, всего 3600 экземпляров².

В феврале 1926 года секретариат Оренбургского губкома партии рассматривал вопрос об издании новой газеты национальных меньшинств «Учкун» («Искра») на татарском языке. В фонде Оренбургского губернского комитета партии сохранилась инициативная докладная записка заведующего подотделом национальных меньшинств губкома Шакирова «О перспективах татарской газеты «Учкун». Стараясь быть как можно убедительнее, он писал: «Самым главным массовым очагом

культурно-просветительной работы является газета. Поэтому рабочие и крестьяне нашей губернии не могут оставаться без базовых культурно-просветительных учреждений, которые нужны не только Оренбургу, но и для соседних областей... Крестьянство и рабочие нашей губернии с нетерпением ожидают скорейшего выхода газеты». Предполагалось газету издавать два раза в неделю тиражом до 3500 экземпляров и распространять ее не только в Оренбуржье, но и в Казахстане, Башкирии, Самарской губернии. В качестве потенциальных подписчиков на новое национальное издание рассматривалось 60-тысячное татаро-башкирское население Оренбургской губернии, а также 500 000 татар и башкир, проживавших в соседних областях. На первое время, по мнению Шакирова, губисполком должен был изыскать средства на дотацию издания в сумме 1721 руб. 70 коп. К документу прилагался грандиозный план продвижения новой «Искры» в массы трудящихся с указанием населенных пунктов Оренбуржья и соседних областей, а также фамилий ответственных за распространение газеты³.

В информационном письме, разосланном по райкомам комсомола, датой начала издания газеты «Учкун» названо 1 октября 1927 года, там же указана периодичность — 1 раз в неделю с подписной ценой на год — 1 руб. 45 коп., на месяц — 15 коп. При этом неизменным условием издания газеты становилось применение нового латинизированного алфавита («Яналиф»)⁴.

Большую агитационную работу мусульманская секция губкома партии проводила среди татар — красноармейцев, часть из которых посылались ею на учебу в Казанскую татарскую партийную школу.

В условиях значительной неграмотности татарского населения приобщения масс к новому миропониманию можно было достичь только через доступные массовые мероприятия политико-просветительного характера. Романтические настроения, далёкие от реального восприятия действительности, были созвучны началу нового революционного времени.

После Великой Октябрьской социалистической революции отчетливо выраженный политико-просветительский характер приобретают библиотеки. В 1918 г. в Оренбургскую центральную татарскую библиотеку пришел работать известный татарский писатель Шариф Камал, активным читателем был Муса Джалиль. В зале библиотеки, находившейся на 1 этаже гостиницы Урал, собирались члены созданного в Оренбурге «Общества учащихся мусульман». При библиотеке существовали драматический и музыкальный кружки, организовывались спектакли, концерты. Даже в голодные годы, когда число читателей сократилось до 507, а книговыдача — до 630 экземпляров, библиотека все равно работала⁵.

В первые годы советской власти центрами просвещения, культурного образования масс становятся клубы. С 1919 года татарские клубы были открыты в Оренбурге и Орске, Каргале, Рычковке, в Зубочистках (1 и 2), Чесноковке. К весне 1922 года были разработаны положения о клубах, народных домах и избах-читальнях. Самым крупным культурно-просветительным учреждением считался народный дом. В Оренбурге народный дом по работе с мусульманским населением находился в здании Караван-Сарая. Народный дом объединял работу изб-читален своего района, согласуя их деятельность. Изба-читальня представляла собой первичную общественную клубную ячейку. В ее задачи входило «общее поднятие умственного уровня крестьян, общественной самостоятельности, целесообразный досуг и разумный отдых», для чего в избах-читальнях специально созданные драмкружки занимались постановкой «живой газеты».

С деятельностью клубов и народных домов, библиотек и изб-читален напрямую было связано развитие театральной самодеятельности, поскольку именно театр был наиболее зрелищным, массовым, понятным широким массам. Характер проводимых во всех этих очагах культуры мероприятий был связан с главной задачей большевиков – удержанием политической власти. Естественно, без изменения общественного мировоззрения невозможно было распространить и укрепить представление о законности новой власти, её справедливом характере. Решить эту задачу только лишь путем установления новой государственной правовой системы было невозможно. Необходимо было воздействовать на сознание и эмоциональную сферу народных масс.

После Октябрьской революции по всей стране стали возникать самодеятельные театральные коллективы. Развитие самодеятельного театра имело для советской власти большое значение. Театральная самодеятельность становится с 1917 года «Театром революции», что подтверждается составом коллективов, их репертуаром и поиском новых сценических форм. Драматические кружки возникали, как правило, при клубах предприятий, организаций, были ориентированы на работу с определёнными социальными и национальными группами населения. В Оренбурге в 1919 году в бывшем кинотеатре «Люкс» был открыт клуб красноармейцев, в 1920 году – клуб имени Октябрьской революции.

Среди самодеятельных коллективов особое место занимали национальные, так как они выполняли работу по поддержке советской власти и РККА в среде нацменьшинств.

Драматическая группа была создана при мусульманском отделе губисполкома. С 1 ноября по 15 декабря 1920 г. в татарских коллективах

проведено 2 общих собрания, 18 курсантов из татар и 3 инструктора посылались в разные районы для проведения праздника 3-летия Великой Октябрьской социалистической революции, было поставлено 5 спектаклей для красноармейцев, уезжающих на фронт – с выступлениями ораторов. 14 декабря состоялось губпартсовещание по работе среди татар. К делу, хранящемуся в ЦДНННОО, приложен протокол этого совещания на татарском языке⁶.

Театральные кружки не ограничивались только спектаклями в клубах, их ставили на открытых городских площадках. Одной из своеобразных форм театрального творчества становятся массовые агитационные постановки, в которых принимало участие сразу несколько сотен человек, митинги-концерты. Как правило, эти театрализованные действия соотносили с происходящими в то время значимыми событиями. Например, в июне 1920 года в последний день «Недели Западного фронта» было организовано массовое театральное представление по пьесе «Там, где смерть» на Форштадской площади, закончившееся «летучими» митингами, записью добровольцев на фронт и сбором пожертвований. Постановки носили в большинстве своем агитационный или благотворительный характер, отражали дух того времени, настроение людей. Оренбургская татарская театральная группа «Ирэк», организованная режиссером Усманом Садыковым в июне 1919 года при татарском подотделе губоно, принимала участие в проведении «Недели фронту», собрав 92 тыс. рублей в помощь Красной Армии⁷.

25 февраля 1925 г. в Оренбурге открылся татарский театр в бывшем помещении кинотеатра «Чары», что оказало существенное влияние на сохранение и развитие национальной татарской культуры.

Развитие самодеятельного театрального творчества, несмотря на энтузиазм, проходило трудно как в городах, так и в сельской местности – из-за недостатка самого необходимого: литературы, музыкальных инструментов, принадлежностей для сцены, освещения. Районным комитетам партии поручалось требовать от отделов народного образования финансовой поддержки театральных кружков, отпуская им все, что требовалось для работы.

Однако партийное государственное руководство воспринимало театральное искусство, прежде всего, как эффективное средство политической и идеологической пропаганды, поэтому самодеятельные драматические коллективы не смогли стать самостоятельными: началась централизация театрального дела и жесткое определение тематики постановок и сценических форм.

Средства местного бюджета, выделяемые на культурно-

просветительные мероприятия, нельзя было назвать достаточными. Это обстоятельство усугубилось голодом 1921 – 1922 годов: сократилось число библиотек, клубов, изб-читален, был закрыт татарский народный дом в Караван-Сарае. Культурно-просветительные учреждения в сельской местности практически перестали существовать.

Большое внимание мусульманская секция уделяла работе с молодежью, созданию комсомольских ячеек на местах, в том числе и молодежных организаций татар. Практически все комсомольские ячейки имели свои драматические кружки. Постановки их носили агитационный и воспитательный характер. Сами спектакли ставились не только для молодежи, но и для широкого круга зрителей, для раненых красноармейцев в госпиталях, в детских домах, школах⁸.

С ноября 1925 года проходила работа по точному учету национальных меньшинств и всестороннее обследование их положения. В это время более четко были сформулированы принципы работы партийных и советских органов с мусульманским населением: обеспечить возможность обращения в местные государственные учреждения на родных языках, вовлекать трудящуюся часть национальных меньшинств в органы власти, усилить подготовку работников из числа национальных меньшинств для работы в советских аппаратах, при составлении бюджетов предусматривались расходы на нужды нерусского населения и т. д. В округах, имеющих более 10% нерусского населения, вводились должности по работе с национальными меньшинствами. Однако кадров было недостаточно. Зачастую присылали русских для работы с нацменьшинствами.

Культурно-просветительская работа среди нацменьшинств признавалась властью важной государственной задачей. Специальный декрет СНК РСФСР от 18 июня 1926 года предусмотрел расширение сети дошкольных, школьных учреждений, школ и техникумов в районах с национальным населением, открытие педагогических учебных заведений для национальных меньшинств. (В Оренбурге в Караван-Сарае работал татаро-башкирский педагогический техникум). Для их реализации предусматривалось выделение средств на финансирование культурно-просветительных мероприятий и снабжение национальной литературой библиотек и изб-читален, улучшение издания учебников и массовой литературы на национальных языках.

Особого внимания от мусульманской секции требовала работа с женским населением. О слабости этой работы говорилось на губернском совещании подотдела нацмен при Губкоме партии с делегатами с мест 5 декабря 1925 года. Отмечена продуктивная работа с рабочими в городах,

недостаточная работа в селе, практическое отсутствие таковой с женщинами. Предложено при женотделах иметь одного сотрудника для работы с мусульманками⁹.

Культурно-просветительная работа прошла несколько этапов: 1919–1921 – период стихийно-бурного роста культурно-просветительных учреждений; 1922–1924 – период катастрофического сокращения просветительных заведений вследствие гражданской войны и голода; с 1925 года – начался новый подъём культурной работы. Культурно-просветительная деятельность среди татарского населения губернии развивалась в общем русле культурной политики, имела свои особенности, характеризующиеся осуществлением коренизации, т.е. использованием родного языка в работе клубов, изб-читален, библиотек, организацией обучения детей на родном языке, подготовкой квалифицированных кадров из представителей татарского народа.

Примечания

1. Габдулгафарова И.М. Исторические судьбы татар Оренбуржья // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994. С. 52.
2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области. (ЦДНННО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 268. Л. 41, 52, 55, 69.
3. ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1692. Л. 169, 170, 172.
4. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268. Л. 41, 69.
5. Шарафутдинова В.Х. Страницы истории библиотеки им. Х. Ямашева // Татары в Оренбургском крае. Оренбург, 2008. С.117,118.
6. ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 156, 168, 169–178.
7. Брагиров Г.Б. Театральное искусство Оренбуржья в 20-х годах двадцатого века // Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт. Оренбург, 2003. С. 250–251.)
8. Брагиров Г.Б. Из истории становления и развития театральной самодеятельности на Южном Урале в период гражданской войны // Уральские Бирюковские чтения. Сборн. науч. и науч.-попул. статей. Вып. 5. Ч. 1. Челябинск, 2008. С. 328–333.
9. ЦДНННО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 795. Л. 1.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ВКЛАД ТАТАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОРЕНБУРЖЬЯ

В последние годы наше общество все больше утрачивает те черты духовности в культуре и во всей жизни народа, которые существовали в ней исторически и которые особенно рельефно проявила и сделала вещественно ощутимыми Великая Отечественная война. Всемирная история не видела во взаимоотношениях десятков народов и их культур столь органичного единства интересов и целей, которые воплотились в братском союзе советских народов — окрепшем, а отнюдь не ослабевшем, вопреки ожиданиям врагов, в битве с фашизмом.

Весомый вклад в общенародную борьбу вносили представители татарской культуры, жизнь и творчество которых неразрывно связаны с Оренбургским краем.

Символом величайшего мужества, преданности Отечеству и идее братства народов нашей страны стали имя и творчество поэта и журналиста Мусы Джалиля. Его «Моабитская тетрадь» — вершина поэзии тех огненных лет. Героическая судьба Джалиля в точном смысле слова избрана им самим. По собственной воле он оказался в действующей армии, отвергнув все предложения о бронировании, демобилизации, устройстве на газетную работу в тылу, — таких предложений было немало, последнее из них сделал А. Фадеев в феврале 1942 г. Окончив курсы политработников, Джалиль пришел в редакцию газеты 2-й Ударной армии «Отвага».

Попав в плен, он под видом сотрудничества с нацистами создал и возглавил большую подпольную организацию, чтобы, по выражению самого поэта, «взорвать легионы изнутри» — как известно, фашисты пытались создать из военнопленных Волго-татарский легион. Деятельность подпольщиков сорвала их планы: было совершено несколько групповых побегов, начата подготовка к общему восстанию легионеров с целью прорваться в партизанские края.

Джалиль сумел сформировать разветвленную организацию, члены которой были в редакции белоэмигрантской газеты «Идель-Урал», пропагандистами и командирами отделений в легионе, сотрудниками типографий и радиостанции «Винета», которая вела свои передачи на многих языках, в том числе и на татарском.

Это позволило сделать газету полезной, наладить регулярный прием сводок Совинформбюро и распространение их среди пленных, выпуск антифашистских листовок на татарском и русском языках.

Свой талант поэта Муса Джалиль сумел превратить в мощное оружие борьбы с фашизмом. Пользуясь тем, что гитлеровцы поручили ему вести культурно-просветительную работу, поэт использовал свои поездки по концентрационным лагерям для установления конспиративных связей. Под видом отбора артистов для созданной в легионе хоровой капеллы вербовал новых членов подпольной организации.

На концертах исполнялись стихи и песни поэта, ставились инсценировки с антифашистским подтекстом. Гастролируя по лагерям, капелла не только несла соотечественникам родное слово, но и распространяла листовки, осуществляла связь между подпольными группами.

Вскоре после отправки на фронт, первый батальон Волго-татарского легиона, насчитывавший свыше тысячи человек, восстал в районе Витебска, перебил немецких командиров и в полном составе, с оружием в руках воссоединился с отрядами белорусских партизан.

В ночь на 10 августа 1943 г. Джалиля арестовали, были схвачены берлинская и едлинская группы подпольщиков. Аресты прошли и в других лагерях. Но сопротивление подполья сломить не удалось: значительная часть легионеров группами и в одиночку перешли к польским и французским партизанам, они до последнего дня войны сражались против гитлеровцев.

Величие духа советского поэта проявилось в неравных, казалось бы, поединках с гестапо, на бесчеловечных допросах (у Джалиля были повреждены пальцы, сломана рука, отбиты легкие и почки), из которых он вышел победителем.

Достоинство и твердость сохранял он во всех испытаниях. До нас дошли слова, сказанные им на судебном процессе в Дрездене Имперскому прокурору: «О чем нам говорить с тобой? Я — коммунист, а ты — фашист!»¹.

Сознание того, что своей борьбой, стихами поэт и после гибели остается в памяти людской, обретя духовное бессмертие, поддерживало Джалиля. «Когда с победой мы придем домой», — так начинается стихотворение «Утешение». Именно так: не «если», а «когда», не давая ни на минуту усомниться в реальности победы над фашизмом и возвращения на Родину. Это стихотворение зимой 1943 — 1944 гг. ходило по камерам Берлинской тюрьмы Тегель. «Силу воздействия стиха, — рассказывал один из подпольщиков, Р. Хисамудинов, — невозможно передать словами»².

Рискуя жизнью, передавая из рук в руки, военнопленные сумели сохранить для нас тетради со стихами моабитского цикла. Написанные у роковой черты, в моменты высшего испытания, стихотворения Джалиля стали главным духовным оружием в борьбе с фашистской идеологией не

только подпольщиков-антифашистов в годы войны, но и всех честных людей планеты.

Поэт, предвидя свою трагическую гибель, писал в стихотворении «Могила цветка»:

Как увядший цветок, в забыты
Я под снежной засну пеленой,
Но последние песни мои
Расцветут в вашем сердце весною...³

За «Моабитскую тетрадь» М. Джалиль посмертно был удостоен Ленинской премии. 2 февраля 1956 г. за стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Одним из соратников М. Джалиля по антифашистскому подполью был уроженец Ташлинского района Чкаловской области талантливый певец Гариф Маликов. Ушедший добровольцем на фронт, за храбрость, проявленную в боях, он был неоднократно награжден правительственными наградами.

Оказавшись в фашистском плену, стал активным участником подполья. Гариф Маликов, обладавший богатым опытом организатора и участника художественной самодеятельности, вошел как профессиональный певец в состав капеллы, которая была создана штабом подпольной организации. Музыка помогала бороться. Слегка видоизменив известные в те годы красноармейские марши и песни, ансамбль выдавал их за вновь написанные и исполнял перед узниками концлагерей. Родные, хорошо знакомые мелодии вливали в сердца людей мужество. Каждый такой концерт был связан с огромным риском. Когда возникла опасность разоблачения, Г. Маликову удалось бежать. До конца войны он сражался с гитлеровцами в рядах французского движения Сопротивления⁴.

Представители творческой интеллигенции, оставшиеся в тылу, вносили свой вклад в мобилизацию сил на борьбу с захватчиками.

Подвижнически работал коллектив Чкаловского Татарского театра, который, отдав Красной Армии половину актеров, не имея своего помещения, продолжал творческую деятельность. Значение его творчества в Оренбургском многонациональном крае трудно переоценить. В предвоенные годы в составе театра было свыше 40 актеров, имелся свой оркестр, художник-декоратор, костюмерный и вспомогательный цеха. Творческий коллектив имел возможность ставить большие спектакли, и в его репертуаре были произведения драматургов-классиков: Тажи Гиззата «Смелые девушки», «Искра», Мирхайдара Файзи «Прекрасная», Карима Тенчурина «Угасшие звезды» и мн. др.

С началом войны многие актеры ушли на фронт, и для театра наступили трудные дни. Показывая пример патриотизма, то в повозках, запряженных лошадьми, быками или верблюдами, а то и пешком, в стужу и зной, артисты несли искусство людям.

В свободное от сценических забот время они трудились вместе с крестьянами на полях, токах и фермах, а вечерами давали спектакли. Артисты чувствовали свою личную ответственность за все происходящее: проводили большую работу по вопросам займов, проверке выигрышей, разъяснения методов лечения септической ангины.

Была введена в практику новаторская форма работы, требовавшая от артистов немалых навыков импровизации. В задачу «Голубой блузы» входили пропаганда передового опыта и передовиков, а также критика отстающих, для чего сразу же по приезду в село получали у руководителей хозяйства необходимую информацию — к вечеру с готовой постановкой выступали перед зрителями. Героям представления выдавались билеты в первый ряд. Воспитывающий эффект таких постановок был весьма значительным. Несмотря на сложное материальное положение театра, многие спектакли игрались в кредит из-за большой финансовой задолженности колхозов.

Блестящими были постановки произведений татарской классики, которые осуществлялись под руководством В.Г. Фатыхова — актера, главного режиссера и директора театра, впоследствии — заслуженного артиста РСФСР, который отдал работе в любимом коллективе более полувека. Из-за нехватки мужчин артисткам приходилось исполнять мужские роли: так, например, Хадича Ханская, Марфуга Каримова специализировались именно на таких ролях. Большая работа велась в госпиталях. Так, актриса С. Саттарова писала: «Я вспоминаю годы войны. Концерты в госпиталях. Глаза раненых бойцов. Аплодисменты забинтованных рук». Это был самый мобильный театр в Чкаловской области. Только за один 1944 г. он побывал со спектаклями и постановками в 24-х национальных колхозах. А общим итогом деятельности Татарского театра в годы войны стал 1061 спектакль, собравший 361 455 зрителей².

Заслуги театра оценивались высоко: он был награжден Почетной грамотой Комитета по делам искусств при СНК СССР ЦК профсоюзов, в которой отмечается самоотверженная работа в области культурного шефства над частями героической Красной Армии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В суровом 1942 г. появилась первая татарская музыкальная комедия «Башмачки» (Ж. Файзи), позже поставленная во многих театрах страны. Комедия была переведена на русский, казахский, узбекский, украинский

и тувинский языки. Ее автор – Жаудат Файзи, чьи детство, отрочество и первые творческие опыты связаны с Оренбургом. Ж. Файзи – выпускник оренбургской «Школы восточной музыки». Его духовный и профессиональный рост проходил под благотворным воздействием Салиха Сайдашева, композитора, дирижера и педагога.

В военные годы раскрывается музыкальное дарование Бату Мулюкова – уроженца Татарской Каргалы. После войны по настоянию С. Сайдашева он получил профессиональное образование в Казани и стал впоследствии известным композитором. Вершина творчества Б. Мулюкова – опера «Сююмбике».

Щедрым талантом отличалась художница М.Г. Газизова, ученица знаменитого монументалиста А. Дейнеки. Вернувшись в 1943 г. в Оренбуржье, она включилась в жизнь крестьянства: работала учетчиком тракторной бригады и делала многочисленные зарисовки с натуры, ставшие основой для создания впоследствии картины «Молотьба». В конце 1944 г. художница переехала в Чкалов и активно вошла в творческую жизнь города.

Культура военных лет была духовной квинтэссенцией той эпохи. Созданное усилиями творческой интеллигенции эмоционально-психологическое поле, пронизанное идеями коллективизма, патриотизма и интернационализма, мобилизующее и объединяющее, в сочетании с идеологическими усилиями превратившегося в единый военный лагерь государства стало мощным историческим фактором, обеспечившим победу над силами варварства и антикультуры.

Примечания

1. Воспоминания о Мусе Джалиле. Казань, 1966. С. 207.
2. Мустафин Р.А. По следам поэта-героя. М, 1971. С. 220.
3. М. Джалиль. Избранное. Казань, 1959. С. 197.
4. Семейный архив семьи Маликовых.
5. Подсчитано автором по архивным материалам: ГАОО. Ф. 1581. Оп. 2. Д. 41. Л. 1, 19; Д. 57. Л. 11; Д. 76. Л. 110; Д. 66. Л. 102.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА БУГУРУСЛАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Мусульманская община Бугуруслана стала складываться в конце XVIII – начале XIX вв. за счет притока крестьянского населения из ближайших татарских деревень. В 1812 г. здесь отмечено уже 56 мусульман мужского пола, из которых 13 человек были причислены в купечество, а еще 43 – в мещанское сословие. Ревизские сказки показывают, что они были выходцами из различных деревень самого Бугурусланского уезда: Бакаевой (ныне Северного района Оренбургской области), Верхней Ермаковой, Новой Усмановой (ныне Камышлинского района Самарской области)¹ и др. Тем не менее, в первой половине XIX в. урбанизационные процессы еще не получили широкого развития, а численность городского мусульманского населения росла крайне медленно. По данным 1848 г., в Бугуруслане проживало всего 115 мужчин, исповедовавших ислам, в 1851 г. 271 мусульманин обоего пола (120 мужчин и 151 женщина), а в 1862 г. 300 человек, что составляло 4,5% от общего количества горожан². Между тем, по требованиям российского законодательства для постройки мечети с образованием самостоятельного прихода и утверждением штата священнослужителей было необходимо не менее 200 мусульман мужского пола. Поэтому несмотря на довольно раннее формирование мусульманской общины в Бугуруслане, долгое время ее члены не имели собственного храма. В 1841 г. бугурусланский мещанин Абдрафик Мрясев обращался к властям с ходатайством о дозволении местным купцам и мещанам построить в городе деревянную мечеть³, но оно было отклонено за малочисленностью проживающих там мусульман. Для того чтобы не остаться без исполнения духовных треб и регистрации актов гражданского состояния (рождения, бракосочетания, развода, смерти), мусульманское население Бугуруслана первоначально было причислено к приходу ближайшей соборной мечети в деревне Алькиной Бугурусланского уезда (ныне Похвистневского района Самарской области).

6 февраля 1868 г., собравшись при Бугурусланской городской думе для жеребьевки рекрут, мусульмане обнаружили, что по спискам в местном купечестве и мещанстве состоят 128 ревизских душ мужского пола, исповедующих ислам, а также 22 мальчика, рожденных после ревизии 1858 г. Кроме того, в городе временно проживали еще 49 мусульманских торговцев, число которых значительно возросло в период проведения

еженедельных базаров и двух годовых ярмарок. В духовном наставлении и совершении религиозных обрядов нуждались также 25 мусульман, служивших в Бугурусланской уездной команде, и заключенные местного тюремного замка. По данным 1859 г., в нем содержалось 106 арестантов мусульманского вероисповедания, в 1860 г. 82, в 1861 г. 114, в 1862 г. 182, в 1863 г. 147, в 1864 г. 77, в 1865 г. 75, в 1866 г. 98, в 1867 г. 227, в 1868 г. 156, а в среднем за 10 лет — 126 человек ежегодно⁴. Поскольку число мусульман, постоянно и временно находившихся в Бугуруслане, превышало 200 душ м. п., 42 их представителя 6 февраля 1868 г. постановили общественный приговор, которым ходатайствовали о разрешении им постройки в городе на собственные средства деревянной мечети для ежедневного исполнения пятикратного намаза. Они указали, что «приписаны приходом к мечети деревни Алькиной, отстоящей в 15 верстах... за рекою Саврушею, через которую по неимению постоянного моста, в особенности во время разлития весенней воды, сообщение в оную бывает невозможно более двух месяцев, других же мечетей, где бы можно было в продолжение этого времени исполнять [духовные требы], вблизи нет». В результате мусульманское население города лишено «возможности исполнять все религиозные обряды богослужения под личным напутствованием... духовенства и, кроме сего, настолько же недоступно и обучение грамоте их детей, в особенности сирот и бедных родителей». Одновременно бугурусланские мусульмане просили утвердить в должности муллы избранного ими башкира Нурутдина Камалетдинова, «как нам вполне известного своей честностью и достойного выбора в муллы по указанию Алкорана»⁵. Он родился 18 августа 1837 г.⁶ в семье потомственных священнослужителей деревни Асекеевой Бугурусланского уезда (ныне Асекеевского района Оренбургской области) из рода служилых тарханов Монашевых. Его дед Кутлузаман Юсупов по указу Оренбургского губернского правления от 17 марта 1804 г. исполнял обязанности 1-го муллы при 1-й сельской мечети в званиях мухтасиба и мударриса, а отец Камалетдин Кутлузаманов указом ОГП от 28 июня 1835 г. был утвержден в тот же приход азанчеем⁷. Сам Нурутдин Камалетдинов успешно сдал экзамен в Уфе на духовные звания имам-хатыба и мугаллима, в подтверждение чего имел свидетельство ОМДС от 28 августа 1868 г. № 2995. В мае 1868 г. уполномоченные мусульманской общины г. Бугуруслана мещане Мухаммедгалим Фаткуллин и Ахмер Хамидуллин подали прошение и пакет необходимых документов на рассмотрение властей. Однако при разрешении строительства мечетей российское законодательство принимало в расчет лишь постоянное мусульманское население, численность которого в Бугуруслане по-прежнему не достигала до минимального норматива в 200 душ муж-

ского пола. Поэтому Самарское губернское правление (СГП) журналом на 10 октября 1868 г. № 1520 отклонило ходатайство (указ от 21 октября 1868 г. № 3425)⁸.

Принимая во внимание «усердное желание» бугурусланских мусульман построить мечеть и необходимость иметь собственного муллу в уездном центре, на помощь в этом деле пришло само Оренбургское магометанское духовное собрание. В марте 1869 г. за № 7931 оно вновь обратилось к региональным властям с просьбой разрешить возведение пятивременной мечети, а если губернская администрация не может «своей властью, то войти к Высшему начальству». Самарское губернское правление и само было заинтересовано в присутствии мусульманского духовного лица в уездном городе для привода единоверцев к присяге при рекрутских наборах, следствии и судебных разбирательствах, но не могло пойти на прямое нарушение закона. С учетом обстоятельств оно приняло компромиссное решение и журналом на 30 апреля 1870 г. № 605 в порядке исключения утвердило Нурутдина Камалетдинова муллою г. Бугуруслана в званиях имам-хатыба и мугаллима без разрешения постройки мечети (указ от 8 мая 1870 г. № 1056)⁹. Помимо совершения духовных треб и руководства общественной молитвой, он стал приглашаться в различные присутственные места: на сессии Окружного суда и уездного Съезда мировых судей, в уездное по воинской повинности присутствие для привода мусульман к присяге за соответствующее вознаграждение. Для проведения религиозных обрядов и духовного наставления страждущих мулла регулярно навещал единоверцев в уездной больнице и тюремном замке. Авторитет духовного лица как лидера местной общины нашел выражение в том, что благодаря поддержке единоверцев имам Н. Камалетдинов был избран гласным Бугурусланского уездного земского собрания на 1871 – 1874 гг.¹⁰

Появление собственного муллы не сняло вопрос о месте проведения бугурусланскими мусульманами общественной молитвы. При рапорте от 28 ноября 1870 г. Бугурусланский уездный исправник передал губернским властям прошение указного муллы Н. Камалетдинова «об отводе за неимением в городе... мечети квартиры для отправления молебствий по обряду магометанскому». Журналом на 29 июля 1871 г. № 783 Самарское губернское правление разъяснило, что данное ходатайство подлежит рассмотрению Городской управы¹¹. Таким образом, предположение Э.М. Гибадуллиной о том, что первая мечеть в Бугуруслане была построена еще в 1868 г., «когда численность прихожан достигла 200 ревизских душ» мужского пола, прямо опровергается историческими источниками¹². По данным 1870 г., местная мусульманская община насчитывала 297 чело-

век, в том числе всего 145 мужчин и 152 женщины¹³. По-видимому, первоначально городские мусульмане собирались на общественный намаз в одном из домов, а постройка в Бугуруслане деревянной мечети была разрешена только в 1878 г.¹⁴ К этому времени численность наличного мусульманского населения действительно превысила законодательно установленный норматив и составила 492 человека (239 мужчин и 253 женщины)¹⁵. Однако эта мечеть сгорела уже в 1881 г. Вероятно, после этого для проведения коллективной молитвы использовался дом муллы Н. Камалетдинова или приобретенное прихожанами общественное здание, поскольку в следующем пожаре 1887 г. сгорели флигель имама со всеми постройками и молитвенным помещением¹⁶. Из-за нехватки денежных средств проблема строительства в Бугуруслане новой мечети долгое время оставалась нерешенной, пока расходы по ее возведению не принял на себя местный мещанин Мухаммедгалим Фаткуллин. Журнальным постановлением СГП от 16 марта 1888 г. ему было дозволено построить новую соборную мечеть вместо сгоревшей (указ от 19 марта 1888 г.)¹⁷. В том же году на средства благотворителя был сооружен деревянный храм на Мещанской ул. (ныне ул. Рабочая)¹⁸.

Дальнейшему росту и развитию мусульманской общины Бугуруслана способствовала прокладка в 1888 г. по левому берегу реки Кинель первой ветки Самаро-Златоустовской железной дороги. Она связала город с поволжскими губерниями страны, обеспечив приток татарских крестьян из малоземельных районов на железнодорожную станцию, построенную в 2,2 верстах от уездного центра. Если в 1889 г. здесь постоянно проживало 778 мусульман (373 мужчины и 405 женщин), или 7,4% городского населения¹⁹, то в 1897 г. уже 944 человека, исповедовавших ислам (538 мужчин и 406 женщин), что составляло 7,8% от общей численности горожан. Мусульманскую общину Бугуруслана представляли 871 татарин (92,3% мусульман или 7,2% населения), 66 башкир (7% и 0,5%) и 7 неизвестных (0,7% и 0,1%). По данным Первой всеобщей переписи 1897 г., местное татарское и башкирское население занималось наемными и поденными работами (29,1%), торговлей (21,1%), промышленным и ремесленным производством (18,3%), отбывало наказания (11,6%), работало в сельском хозяйстве (6,1%), строительстве (3,7%), на транспорте (2,1%), получало доходы с капиталов и недвижимости (1,8%), средства от казны, общественных учреждений и частных лиц (1,5%), состояло на государственной (1,2%) и военной (0,6%) службе, прочее (2,9%). В социальную структуру мусульманской общины Бугуруслана входили крестьяне (60%), мещане (38,2%) и незначительное число потомственных дворян (1,8%)²⁰.

В то же время перепись выявила в Бугуруслане самый низкий уровень грамотности мусульманского населения на родном языке среди всех уездных городов Самарской губернии — 13,8% (16,9% у мужчин и 9,6% у женщин). Это объяснялось тем, что более четверти века мулла Н. Камалетдинов отказывался организовать в приходе мусульманское училище, несмотря на неоднократные просьбы своих прихожан. Помимо исполнения духовных обязанностей, он подрабатывал торговлей сырыми кожами и не мог уделять время обучению детей. Даже когда в 1896 г. купец Насыров вызвался пожертвовать средства на постройку в городе мусульманской начальной школы (мектебе), мулла Н. Камалетдинов не поддержал инициативу прихожан. В том же году они самостоятельно добились от Бугурусланской городской думы решения об отводе свободного участка земли около мечети для строительства учебного корпуса. Он был завершен уже в следующем 1897 г. и включал три комнаты, из которых две предназначались для учащихся и одна для преподавателя. На должность заведующего и учителя прихожане пригласили тептяря деревни Кичучатовой Варваровской волости Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне Альметьевского района Республики Татарстан) Мухаммедгарифа Хуснутдиновича Рахманкулова. Он родился 23 ноября 1872 г. в семье сельского муллы Хуснутдина Шарафутдиновича Рахманкулова и Мушфиги Хамидуллиной. 28 марта 1897 г. бугурусланские мещане в количестве 51 человека мужского пола постановили приговор, которым избрали Гарифа Рахманкулова 2-м муллой своей мечети. Он представил губернским властям пакет необходимых документов: 1) копию избирательного приговора; 2) свидетельство ОМДС от 9 июня 1897 г. № 2988 на звание имам-хатыба и мугаллима; 3) свидетельство Тетюшского уездного училища от 10 октября 1897 г. о знании русского языка в объеме, необходимом на звание городского ахуна; 4) увольнительное свидетельство жителей деревни Кичучатовой от 1 ноября 1897 г.; 5) выписку из метрической книги о дате рождения. Журнальным постановлением СГП от 9 марта 1898 г. № 73 Мухаммедгариф Хуснутдинович Рахманкулов был утвержден в должности 2-го муллы Бугурусланской соборной мечети, а также в званиях имам-хатыба и мугаллима (указ от 14 марта 1898 г. № 973)²¹. Он был женат на Фатиме (1870—01.03.1959), дочери ахуна 1-й соборной мечети г. Уфы, заведующего одним из лучших новометодных медресе Российской империи «Усмания», кади (заседателя) ОМДС Хайруллы Усманова (1848—1907). Имел от нее сына Шамиля (15.07.1908—1980) и 3 дочерей Хазяр, Марьям (1918—1978) и Зайнаб (1923—?).

С 1897 г. он организовал в приходе новометодную начальную школу (мектебе) с 4-летним курсом обучения, где преподавались: Коран и

правила его орфоэпического чтения (таджвид), основы и история ислама, арабский и татарский языки, арифметика, география и естествознание. Супруга имама также открыла в приходе реформированную школу для девочек. Приходские учебные заведения существовали по большей части на пожертвования прихожан. В 1908 г. купец Мухаммедгали Хасанов, владевший капиталом в 100 тыс. руб., даже завещал половину своего магазина с торговым оборотом в 15 тыс. руб. мусульманской общине г. Бугуруслана для финансирования учебного заведения. Но, к сожалению, после смерти купца его наследники перedelили имущество, оставив школу без содержания²². Финансовую поддержку приходскому училищу оказывали и органы местного самоуправления, которые шли навстречу образовательным и культурным запросам мусульман как важной части городского сообщества. Ежегодно Бугурусланское уездное земство и Городская управа выдавали пособия на содержание мусульманской начальной школы в размере 25 руб. каждое²³. Стремление прихожан к овладению государственным языком и практическими знаниями нашло свое выражение в открытии при городском мектебе 8 декабря 1910 г. русского класса²⁴. Заслуги М.-Г.Х. Рахманкулова в развитии образования быстро получили признание со стороны прихожан и государственных органов. Указом СГП от 4 сентября 1902 г. № 2456 он был удостоен почетного звания ахуна²⁵. Тем не менее, его работа также вызывала нарекания у прихожан, поскольку он организовал кирпичное производство и торговлю, которые отнимали у него много времени. Поэтому бугурусланские мусульмане пригласили второго преподавателя, который 24 октября 1912 г. открыл в городе еще одну школу для мальчиков²⁶.

В конце XIX — начале XX вв. численность мусульманской общины г. Бугуруслана продолжала увеличиваться за счет естественного прироста населения и притока новых мигрантов из сельской местности. К 1910 г. она составила уже 1494 человека, или 10% горожан²⁷. Соответственно, возросло и количество обращений мусульман за совершением духовных треб. Это заставило их избрать к городской мечети третьего священнослужителя. Указом СГП от 7 октября 1909 г. № 5053 в звании азанчея был утвержден Ахмадулла Абдулханнанович Заббаров, родившийся в 1885 г.²⁸

Ахун Гариф Рахманкулов сыграл важную роль в распространении новых методов обучения, реформировании системы мусульманского образования не только в городе, но и на уровне всего уезда. Под его председательством 14 ноября 1912 г. в Бугуруслане прошел мусульманский уездный съезд, в работе которого приняли участие 37 духовных лиц, 6 учителей и около 150 других представителей местных общин. Делегаты разработали и приняли типовую учебную программу для мусульманских

начальных школ уезда, возбудили ходатайство перед уездным земством об увеличении пособий для мектебов на приобретение учебных пособий и письменных принадлежностей, оборудование их мебелью, подписку на национальные газеты для русско-татарских школ и русских классов при медресе²⁹. Решения съезда способствовали дальнейшему развитию системы конфессионального образования, ее адаптации к меняющимся социально-экономическим, политическим и культурным условиям, запросам рынка труда. Именно благодаря хорошо поставленной организационно-методической работе, согласованной позиции духовенства и прихожан Бугурусланский уезд занял в Самарской губернии лидирующие позиции в области реформирования мусульманского образования. На 1 января 1913 г. уже 57,6% мусульманских учебных заведений в Бугурусланском уезде были новометодными тогда, как в Ставропольском уезде — 2%, в Бугульминском — 1,7%, а в Бузулукском, Николаевском, Новоузенском и Самарском уездах реформированных школ не было вовсе³⁰. Только за счет этого района общее количество джадидских училищ в Самарской губернии достигало 10,7%. При этом в Бугурусланском уезде были сосредоточены 91,9% новометодных школ региона. Таким образом, за сравнительно короткий по историческим меркам период времени Бугуруслан превратился из города с самым низким уровнем татарской грамотности в центр реформирования мусульманского образования губернского масштаба.

Глубокие изменения в общественном сознании и культуре российских мусульман, проходящие в их среде социально-политические процессы исламского обновления нашли свое выражение в организации собственных благотворительных и культурно-просветительских учреждений. В 1906 г. прихожане Бугурусланской соборной мечети избрали особый попечительский совет для решения финансово-хозяйственных вопросов: содержания, ремонта, уборки, освещения и отопления мечети, обеспечения приходских учебных заведений, благоустройства мусульманского кладбища и др. При его помощи в том же году ахун М. -Г. Х. Рахманкулов добился от уездного исправника разрешения на открытие при местном мектебе читальни, где прихожане могли знакомиться с книгами, газетами и журналами на татарском и русском языках. Ее заведующими были утверждены Мухаммедгали Хасанов и Закир Мазитов³¹.

В конце XIX — начале XX вв. на основе широкого межнационального диалога развивался процесс обновления традиционной культуры мусульманских народов, который был отмечен проникновением в нее светских элементов, появлением новых жанров, стилей, художественных приемов, становлением национальной драматургии, театрального

и композиторского искусства, ростом музыкального исполнительского мастерства. Не остался в стороне от новых веяний и уездный Бугуруслан. Так, 7 января 1914 г. силами местных самодеятельных актеров на сцене Гоголевской аудитории была впервые осуществлена постановка спектакля на татарском языке по пьесе Галиасгара Камала «Уйнаш» («Распутство»). Несмотря на то, что среди мусульман были противники публичного зрелища, театральная зала оказалась переполненной, а первый опыт имел оглушительный успех. Представление вызвало интерес у людей разных возрастов, мужчин, женщин и детей, русских и татар, мусульманских священнослужителей и учителей, военнослужащих и торговцев. В том же 1914 г. городские мусульмане организовали музыкальную школу, которая первоначально размещалась в здании медресе, а потом была переведена в отдельную квартиру. Под руководством Мухтара Мустакимова 20 человек обучались здесь игре на мандолине, скрипке и гитаре³².

Пение и декламация стихов обогатили содержание традиционных религиозных праздников. Так, 24 января 1914 г. мусульманская община Бугуруслана торжественно отметила день рождения Пророка Мухаммада – Мавлид. На собрании в городской мечети мугаллимы и шакирды хором исполнили духовные песнопения в его честь, затем в медресе было прочитано стихотворение Сагита Рамиева «Пэйгамбэр» («Пророк»), а от имени торговцев Г. Еремеева и З. Маджидова ученикам роздали памятные подарки. В школе для девочек мугаллима Гайша рассказала о жизни и пророческой миссии Мухаммада, а ученицы выступили со стихами. По случаю праздника все учащиеся приходских школ были отпущены на 10-дневные каникулы. Как отмечали прихожане, до этого дня не только дети, но и взрослые никогда не праздновали Мавлид с таким размахом. Они выразили сожаление, что в праздничных мероприятиях не участвовали многие приказчики, которых хозяева не отпустили с работы даже на час. Военнослужащие из числа мусульман также не получили увольнительные потому, что муллы своевременно не предупредили их командование о предстоящем празднике³³.

С началом и эскалацией Первой мировой войны служители ислама Бугурусланского уезда выступили в 1915 г. с инициативой открытия в городе отделения «Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям» (Петроград) как координирующего центра для близлежащей округи³⁴. После тягот военного времени, перебоев с поставками продовольствия, безудержного роста цен и спекуляции мусульмане Бугуруслана с надеждой встретили Февральскую революцию 1917 г. Для объединения их усилий в сфере образования, культуры,

социальной защиты населения в городе было образовано Мусульманское бюро, которое возглавил в качестве избранного председателя ахун Гариф Рахманкулов. 10 марта 1917 г. он отправил в Петроград телеграмму со словами поддержки нового Временного правительства: «Свершилось великое событие: гнилое здание старой власти, так долго давившее народ великой России, рухнуло, и мы, мусульмане, живущие в Бугуруслане, переживаем небывалое отрадное чувство при виде этой картины новой зари. Наступил всеобщий светлый порыв. Полные надежды на свободную жизнь и самоопределение в лоне счастливой, обновленной для всех живущих в ней народностей России, Бугурусланское общество и военные чины — мусульмане служили молебен и всем шлем свое горячее слово приветов новому правительству в лице Вас. Да здравствует великая возрожденная Россия! На благо всех своих сынов!»³⁵. Однако надежды на счастливое будущее не оправдались. Революционные потрясения и начавшаяся Гражданская война заставили ахуна Рахманкулова в мае 1919 г. сначала покинуть город с отступающими войсками Колчака, а затем эмигрировать в китайскую Маньчжурию³⁶. В 1930 г. бугурусланская мечеть на Мещанской ул. (ныне Рабочей) была закрыта и приспособлена под школу³⁷.

Таким образом, мусульманская община г. Бугуруслана стала формироваться уже в конце XVIII — начале XX вв. за счет урбанизационных процессов в самом Бугурусланском уезде. Однако до 70-х гг. XIX столетия ее численность росла крайне медленно, что не позволяло решить вопрос о строительстве собственной мечети с образованием самостоятельного прихода и назначением штата священнослужителей. Необходимость иметь в уездном центре мусульманское духовное лицо для регистрации актов гражданского состояния, привода к присяге единоверцев при рекрутских наборах, производстве следствия и суда заставила власти Самарской губернии пойти на исключение из общей практики и утвердить в 1870 г. городского муллу без постройки мечети. К концу 70-х гг. XIX в. на фоне притока татарских переселенцев из малоземельных районов Среднего Поволжья, который облегчила прокладка вблизи города Самаро-Златоустовской железной дороги, численность мусульманской общины Бугуруслана, наконец, превысила законодательно установленный норматив, и в 1878 г. здесь было разрешено строительство соборной мечети. В конце XIX — начале XX вв. бугурусланские мусульмане включились в социально-политические процессы исламского обновления, в рамках которых они образовали выборный попечительский совет для решения финансово-хозяйственных вопросов прихода, открыли новометодные мусульманские училища, библиотеку, музыкаль-

ную школу. Как следствие, за сравнительно короткий по историческим меркам период времени Бугуруслан превратился из города с самым низким уровнем татарской грамотности в крупнейший организационно-методический центр реформирования мусульманского образования на уровне Самарской губернии.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Д. 20. Л. 995–1031.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12441. Л. 9–10; Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 800. Л. 35.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11732. Л. 72.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3154. Л. 24–25 об., 28, 34.
5. Там же. Л. 13–14 об.
6. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 14. Д. 11. Л. 80 об. 81.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9958. Л. 65; ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 1. Д. 3719. Л. 78.
8. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3154. Л. 8–11 об.
9. Там же. Л. 13–14 об., 38–43 об., 49–50 об.
10. Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. С. 143.
11. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3154. Л. 53–53 об., 61–65.
12. Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 153.
13. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3152. Л. 156 об. 157.
14. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 9615. Л. 1–3.
15. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3509. Л. 23 об. 24.
16. Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 153–154.
17. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 11690. Л. 2–2 об., 5.
18. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 14. Д. 11. Л. 80 об. 81.
19. Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 г. / сост. П. В. Кругликов. Самара: Типография И. П. Новикова, 1890. С. 22–27.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXXVI. Самарская губерния. СПб.: Издание Центр. стат. комитета МВД, 1904. С. 1–3, 70–71, 150–153, 186–187.
21. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4274.
22. Гибадуллина Э. М. Указ. соч. С. 159; Бугуруслан шахареннен язлар // Вақыт. 1908. 13 ноября. № 394.
23. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 360. Л. 1–1 об.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Л. 286.
25. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 14. Д. 11. Л. 80 об. 81.
26. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Л. 286.
27. Список населенных мест Самарской губернии, составлен в 1910 г. / сост. Н. Г. Подковыров. Самара: Губернская типография, 1910. С. 13.
28. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5870. Л. 103 об. 104.

29. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 464. Л. 277–277 об., 283–284 об.
30. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 466. Л. 268–269 об.
31. Гибадуллина Э.М. Указ. соч. С. 162; Бугурусланнан // Вақыт. 1906. 22 августа. № 64.
32. Гибадуллина Э.М. Указ. соч. С. 162; Мохбирлярдэн // Вақыт. 1914. 12 января. № 1388.
33. Гибадуллина Э.М. Указ. соч. С. 163; Маулид байрэме мәджлесляре // Вақыт. 1914. 1 февраля. № 1405.
34. Гибадуллина Э.М. Мусульманская община г. Бугуруслана Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. № 1. С. 173–175.
35. Усманова Д. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1997. №№ 1–2. С. 164–170.
36. Юнусова А. Б. Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarhistory.com/turk_migracion.htm, свободный.
37. Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. С. 69.

Первая
СЕКЦИЯ

ТАТАРЫ
В ИСТОРИИ
ОРЕНБУРГСКОГО
КРАЯ

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ТАТАРСКОГО ЭТНОСА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ (ПО ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ)

В первой половине XIX века официальная статистика как научная дисциплина переживала в Российской империи период своего становления¹. Обслуживая интересы власти, она в условиях сословного деления общества на первое место ставила сословную принадлежность подданных своему монарха, их размещение по территории страны, род занятий, обусловленный фискальными интересами государства. Национальная идентификация жителей империи интересовала гражданских и военных чиновников, занимавшихся статистическими обследованиями, в последнюю очередь и в той мере и степени, в которой это интересовало центральные и региональные органы административного управления.

Это обстоятельство наложило свой отпечаток на определение численности и выявление состава не только малых, но и крупных народов империи. К последним относились, вне всякого сомнения, татары. К началу XIX столетия татарский народ в Российской империи, как и всякий значительный этнос, обладал довольно сложной внутренней структурой. Он состоял из четырёх этнотерриториальных групп: волго-уральских, сибирских, астраханских и крымских татар и субконфессиональной общности крещёных татар (нагайбаков, крещенов). Оренбургские татары в силу своего территориального размещения принадлежали к первой из этих перечисленных групп.

Динамику устойчивого роста численности татар в Оренбургской губернии в первой половине XIX века отражают данные периодических ревизий податного мужского населения, проводившихся в России. В 1795 году по V-й ревизии их было 216,2 тыс. чел., в 1833 году по VIII-й ревизии — 359,6 тыс. чел., в 1850 году по IX-й ревизии — 430,6 тыс. чел. и, наконец, в 1858 году по X-й ревизии — 511,4 тыс. чел. Тем не менее, в этот период в результате массовой русской колонизации доля податных татар, занимавшихся сельским хозяйством, ремёслами и торговлей, в составе населения губернии неуклонно снижалась. В 1795 году она составляла 26,8%, в 1833 году — 20,7%, в 1850 году — 18,0%, в 1858 году — 18,5%². Снижение процентной доли податных татар в составе жителей было вызвано также передачей в 1850 году в Самарскую губернию трёх северо-западных уездов Оренбургской губернии — Бугульминского, Бугурусланского и Бу-

зулукского, проведённой в соответствии с указом Николая I³. На территории этих уездов проживала (и проживает в настоящее время) довольно значительная группа представителей татарской национальности.

Действуя по отработанной ещё в XVIII веке схеме, чиновники, проводившие ревизии, другую и весьма многочисленную часть татарского этноса губернии либо игнорировали, либо относили к неподатным, служилым военно-сословным группам: нагайбакам, мишарям (мещерякам), тептярям.

О происхождении нагайбаков в исследовательской литературе высказывались разные мнения. Одни исследователи связывали их появление с крещёными ногайцами⁴, а другие — с крещёными казанскими татарами⁵. П.И. Рычков в целом считавший, что нагайбаки были крещёными «из магометан», отметил наличие у них ещё двух составляющих: крещёных «идолопоклонников» и небольшого числа христианизированных «азиатцев» — выходцев из Средней Азии и сопредельных с ней территорий⁶. По его данным, в состав нагайбаков в середине XVIII века вошли ещё и крещёные «персиане» — 45 чел., «аравитяне» — 12 чел., «бухарцы» — 3 чел., «каракалпаки» — 2 чел. Всего 68 «азиатцев» после крещения в 1752 году были поселены у Нагайбацкой крепости⁷.

Во всяком случае, этническую основу сословной группы нагайбаков образовали христианизированные во второй половине XVI века казанские татары. До 1736 года крещёные татары (кряшены) Уфимской провинции были податным населением. Но затем их положение в связи с необходимостью подавления начавшегося в 1735 году восстания коренного населения Башкирии кардинально изменилось. По особому указу императрицы Анны Иоановны, в 1736 году «уфимских новокрещёных, за их верную службу» было велено «определить в службу казацкую, и служить им по Мензелинскому и по строящимся новым городам в вершинах Ицких и между Уфы и Мензелинска и ясак с них снять»⁸. Своё наименование они получили по названию Нагайбацкой крепости, построенной у деревни Нагайбак. По сообщению К. Уракова, обустройство «уфимских новокрещёных» выглядело следующим образом: «...в 1736 г. Кириллов... построил на р. Ик городок называемую Ногайбацкую крепость, где имеется командир из штаб-офицеров и для обучения их священник, в котором их собрал с женами и детьми... Слож с них положенный ясак, определил их в казачью службу и отведено им пахотных земель и сенных покосов... угодья довольно без всякой платы из башкирских земель, как служили при той крепости»⁹. Подтверждение факту зачисления крещёных татар в казаки можно найти и у П.И. Рычкова. Автор «Топографии Оренбургской губернии» писал в 1762 году:

«Нагайбак или Нагайбацкая крепость... по Большой Московской дороге..., а от Мензелинска 64 версты.... В окружении сей крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещёные и иноверцы. Что до первых..., то их... пристойнее бы старокрещёными именовать. Ибо они, как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, ещё во время царя Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприняли святое крещение»¹⁰.

Таким образом, приобретя наименование по месту проживания и службы, нагайбаки (в большинстве своём крещёные татары) с 1736 по 1917 год были служилой частью Оренбургского казачьего войска. Согласно сведениям, изложенным в работе Ф.М. Старикова, в 1760 году они кроме Нагайбацкой крепости и села Бакалы, жили в следующих деревнях: Большие и Малые Усы, Дияшево, Новая, Балыклы, Акманово, Сарашлы, Кильво, Илчево, Кастеево, Маты. С 1782 года эти населённые пункты нагайбаков входили в состав Белебеевского уезда Оренбургской губернии и 3-го (Уфимского) кантона Оренбургского казачьего войска¹¹. Однако их этническая история на этом не закончилась.

В 1835 году по представлению оренбургского военного губернатора В.А. Перовского правительство приступило к сооружению так называемой Новой пограничной линии от Орска на северо-восток до станицы Березовской протяжённостью в 500 вёрст. В результате образовался между старой и новой пограничными линиями обширный Новолинейный район площадью 4 млн 13 тыс. десятин. Он был передан Оренбургскому казачьему войску для хозяйственного освоения, строительства станиц и пограничных укреплений¹². В 1842 году казаки-нагайбаки в числе 1250 душ мужского пола (2877 душ обоего пола), жившие в Бакалинской и Нагайбацкой станицах, были переселены на восток губернии и размещены в населённых пунктах Кассель, Фершампенуаз, Париж, Требия, Краснокаменск, Астафьевский в Верхнеуральском уезде¹³. Часть из них поселилась в казачьих селениях Неженское, Ильинское, Подгорный Гирьял, Аллабайтал Оренбургского уезда¹⁴. Тогда же, нагайбаки были поселены в селениях Попово, Варламово, Ключевском 2-м Троицкого уезда. Другая группа крещёных татар, прежде жившая с ними по соседству в деревнях, осталась на прежнем месте в Белебеевском уезде. Поэтому практически все населённые пункты нагайбаков, но уже без казачьего населения, сохранились на их прежней родине. Оставшиеся тут крещёные татары образовали самостоятельную бакалинскую подгруппу кряшен, оказавшуюся после разделения Оренбургской губернии в 1865 году на территории образованной за счёт её территории Уфимской губернии¹⁵.

В численном отношении оренбургские казаки-нагайбаки были относительно небольшой этносословной группой. В 1795 году они насчитывали 2,8 тыс. душ мужского пола, в 1833 году — 5,5 тыс. душ, в 1858 году 6,8 тыс. душ мужского пола¹⁶. Во второй половине XIX века нагайбаки продолжали жить в указанных выше населённых пунктах Оренбургской губернии, занимая 11 станиц и деревень в Верхнеуральском (Требия, Касельский, Остроленский, Парижский, Фершампенуаз, Астафьевский), Троицком (Попово, Варламово, Краснокаменский, Болотово, Ключевский 2-й), Оренбургском (Нежинское, Ильинское) и в Орском (Аллабайтальское и Гирьяльское) уездах. По переписи 1897 года в Оренбургской губернии нагайбаков было 8,7 тыс. человек¹⁷.

В новых районах проживания нагайбаки вошли в несколько иные, чем прежде, этнокультурные связи. Географическая оторванность от основной массы волго-уральских татар и новые этнокультурные контакты, возникшие после 1842 года, усилили у них специфическое этносословное самосознание. Причем, как отметила современница событий Е.А. Бектеева, нагайбаки смотрели на местных башкир с «пренебрежением», а к русским относились с «уважением», но «не считая... себя ниже их». Русские же не считали нагайбаков ровней себе, смотрели на них «свысока»¹⁸. Такое взаимное отторжение способствовало оформлению нагайбаков, ставших наиболее изолированной частью крещёных татар, в отдельную татарскую этнокультурную общность со своим особым менталитетом.

Второй и более значимой по численности группой служилых татар были мишари, называемые в документах ещё и мещеряками. Они являлись потомками жителей вассального от Москвы с середины XV века Касимовского ханства («Мещерского юрта») — удельного владения татарских ханов, находившегося в нижнем течении Оки. Из-за службы на границе Русского государства во второй половине XVI — первой половины XVIII столетий мишари широко расселились по берегам Волги и в Приуралье. Переселение их на Южный Урал было связано с государственной колонизацией Башкирии, начавшейся после её присоединения к России, когда возникла необходимость укрепления новых юго-восточных границ страны городами и пограничными линиями. В 1574—1587 годах начинают строиться города Уфа, Мензелинск, Бирск, Самара, которые вместе с окрестными землями были заселены служилыми людьми Московского царства, в числе которых были и татары (мишари, мещеряки). Руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов в «Изъяснении» от 1735 года указывал, что «мещеряки, то есть служилыя татары», и они «накликаны» «с начала города Уфы»¹⁹. Потомки служилых татар-мишарей в

Оренбургском крае в своих различных заявлениях всегда подчёркивали, что их предки переселились сюда по приказанию императорского величества, были мурзами и служилыми людьми. Так, например, мишари деревень Токмаковой и Мусиной Уфимского уезда в 1803 году писали, что они более 200 лет тому назад присланы Русским государством для обороны «пришедших во Всероссийское подданство башкирцев»²⁰.

Другой своеобразной этносословной группой на территории Оренбургской губернии были тептяри, самовольно переселявшиеся на земли башкир, начиная с XVI века. Термин «тептяр» был производным от персидского «дафтар» (тетрадь), заимствованного монголами, и употреблявшийся во времена Золотой Орды в значении «тетрадь для записывания податного населения»²¹. С конца XVII века тептярями стали именовать группу нерусских «припущенников» на башкирских землях, поселившихся на тех или иных условиях, «впущенных» на эти земли независимо от их этнической принадлежности и образовавших особый разряд государственных крестьян. В этническом отношении эта сословная группа была неоднородной. В XVIII – первой половине XIX столетия припущенников подразделяли на тептярей и бобылей, причем под первыми, обычно имели в виду тюрко-язычную их часть (татар, чувашей, башкир), а под вторыми – финно-язычную (марийцев, удмуртов и мордву). И современники событий, и исследователи отмечали единодушно явное доминирование татар в этой сословной группе. В «Записке» Оренбургского губернского правления, например, тептяри названы «большою частью беглыми магометанской веры татарами, сошедшими в Оренбургскую губернию с давних времён из Казанской и других губерний»²². В начале XX века татарский языковед и этнограф Р.Г. Ахмеров на основе подробного изучения языка, культуры и быта тептярей пришел к окончательному выводу о том, что «подавляющее большинство их – из татар»²³. Он же отметил, что «...сами тептяри в отношении себя это слово употребляют неохотно», а предпочитают именоваться татарами²⁴.

В 1798 году из башкир и мещеряков было сформировано Башкиро-мещерякское казачье войско, поделённое на кантоны, для охраны Оренбургской и других пограничных линий. Оно состояло из 11 башкирских и 5 мещерякских кантонов. Из тептярей, записанных в казаки, сформировали 2 отдельных тептярских полка, включив их в состав Оренбургского казачьего войска. В 1835 году их объединили в один полк численностью в 1800 чел., которому присвоили почётное наименование 1-й казачий полк²⁵.

В конце 40-х годов XIX века офицеры Генерального штаба провели статистическое обследование Оренбургской губернии, сопроводив

его любопытными этнографическими описаниями татар, мещеряков и тептярей, которых уверенно отнесли к «пришельцам татарского происхождения»²⁶. Собственно татарам, в отличие от других этнических и этносословных групп региона, они дали исключительно положительную характеристику: «Татары живут большей частью в западных уездах Оренбургского края и причислены все к государственным крестьянам; а также в Оренбургском и Уральском казачьих войсках и принадлежат к казачьему сословию. Из всех иноплемённых обитателей Оренбургского края татары имеют лучшую наружность: рост их средний, лица продолговатые, худощавые, нос тонкий, рот и глаза малые, но быстрые и по большей части чёрные; волосы русые, прямые; сложение довольно хорошее, походка смелая. Женщины их более здоровы, нежели красивы. Татары горды, честны в своём слове, трезвы, умеренны; нельзя назвать их ленивыми, но любят негу и покой, наконец, корыстолюбивы.

В домашнем быту весьма опрятны; дома их по большей части состоят из двух изб: в одной производятся все чёрные работы, другая, убранная с некоторою изысканностью, назначается для приёма гостей, и там татарин в часы отдыха предаётся неге на своих широких нарах, нередко устланных коврами и загромождённых перинами. Дворы свои не обносят сараями: они у татар большей частью открытые и гораздо чище, нежели у русских. В магометанской вере весьма тверды, имеют об ней понятия более основательные, нежели все их единоверцы, и весьма тщательно воспитывают своих детей в правилах своей религии»²⁷.

Авторы «Военно-статистического обозрения» определили основные занятия татар губернии: «В отношении сельского хозяйства не отстают от русских поселян; так же, как они занимаются почти исключительно хлебопашеством; имеют склонность и способность к торговле, которую многие из них и производят»²⁸.

Описывая мещеряков, офицеры Генерального штаба отметили их заслуги при подавлении восстаний в Башкирии в 30–40-х годах XVIII столетия, установили численность (85153 души обоего пола) и районы обитания: «Мещеряки рассеялись небольшими частями по всей Башкирии, и в настоящее время земли их находятся в уездах: Челябинском, Троицком, Верхнеуральском, Стерлитамакском, Уфимском, Мензелинском, Белебеевском и Бугурусланском»²⁹, т.е. в 8 из 12 уездов губернии. Пребывание среди башкир в течение двух столетий повлияло на их нравственный облик и хозяйственные занятия: «По наружному виду мещеряки походят на татар казанских, в нравственных же качествах сходны более с башкирами; но постояннее их, умнее, твёрже в вере своей, имея более ясные понятия о правилах, заповеданных Магометом. Образ жизни и обычаи

также весьма сходны с башкирскими, только, перестав кочевать гораздо раньше этих последних, мещеряки приобрели более осёдлости, свыклись лучше с этим бытом и с большим успехом занимаются хлебопашеством; в домашнем быту жизни они опрятнее, избы их чище и дворы имеют более удобства для помещения скота»³⁰.

В многонациональной сословной группе тептярей военные статистики выделили тептярей-татар, тептярей из черемисов (марийцев) и вогулов (манси) и бобылей – представителей других финно-угорских народов (удмуртов, мордвы). Если первые из них исповедовали ислам, то вторые и третьи были язычниками. При этом они отметили численное преобладание в этой группе татар-мусульман: «Под именем тептярей башкиры разумеют беглецов татарского происхождения, которые сначала остались на их землях по найму, а впоследствии, подобно мещерякам, получили эти земли в собственность, за содействие правительству к усмирению возмущавшихся башкиров»³¹.

Офицеры Генерального штаба составили колоритную этнографическую зарисовку тептярей-татар: «Тептяри-магометане совершенно слились в образе жизни, правах и обычаях со своими единоверцами татарами и башкирами, между которыми они живут с давних времён. О характере этих тептярей можно сказать, что они, хотя кажутся смиренными и даже раболепными, но за всем тем упрямы, мстительны, наклонны к ссорам и ябеде; в отношении к прочим инородцам не весьма дружелюбны и готовы на обман. Главное занятие их хлебопашество, некоторые же занимаются пчеловодством и рыболовством; они не отстают от прочих поселян в скотоводстве и весьма немногие производят маловажную торговлю. В общем виде сельское хозяйство у тептярей, сравнительно с другими поселянами, в особенности с русскими, незавидно»³². Управление тептярями было организовано по казачьему образцу: мужчин разделили на сотни и команды (от 200 до 2300 человек в каждой) во главе с сотенными начальниками и старшинами команд. Вместе с бобылями их насчитали 218 тыс. душ обоего пола»³³.

В конце 50-х годов XIX века, по данным В.М. Черемшанского, в Оренбургской губернии проживало 98 647 татар, 97 743 мещеряков и 196 793 тептярей обоего пола. Они составляли в совокупности 35,8% от общего числа её жителей³⁴. В 50–60-х годах обширная территория губернии была существенным образом урезана. Из 12 уездов, на которые губерния была поделена в 1802–1850 годах, в её административных границах осталось только 5 уездов: Оренбургский, Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский. Соответственно уменьшилось и население: с 2,1 млн человек в 1850 году до 843 тысяч в 1865 году³⁵. В результате

административной реформы подавляющее большинство мещеряков и тептярей оказались на территории образованной в 1865 году Уфимской губернии. В связи с упразднением в том же году Башкиро-мещеряцкого (с 1855 года – Башкирского) казачьего войска они были переведены в сословие государственных крестьян. В уездах Оренбургской губернии в её новых границах проживали в 1866 году 10 803 бывших мещеряка и 15 701 бывший тептяря обоёго пола, влившихся в сословную группу государственных крестьян³⁶.

Постепенное размывание сословных перегородок в 70–90-х годах XIX века под напором рыночных отношений способствовало консолидации татарской части населения губернии на основе родного языка и национально-культурных традиций. Результаты этого процесса к концу XIX столетия отражены в материалах Всеобщей переписи населения империи, проведённой в 1897 году. В анкетах переписи национальная принадлежность россиян устанавливалась через родной язык. К лицам татарской национальности, обозначившим татарский язык или его диалекты в качестве родного языка, были отнесены 123 401 чел., или 5,9% от числа всех татар Российской империи. Эта национальная группа состояла из 92 926 татар, 16 877 тептярей, 4898 мещеряков и 8700 нагайбаков. Она занимала 2-е место в губернии после русских, на её долю приходилось 7,7% от всех её жителей. Довольно высокой была доля татар среди городских жителей: в городах губернии она составила 16,9% (2-е место после представителей титульной нации) и в губернском центре – 15,6% (так же 2-е место после русских). Примечательно, что из 13 830 татар-горожан 11 306 чел., или 81,7%, проживали в Оренбурге³⁷.

Распределение татарского этноса по привилегированным сословиям выглядело следующим образом. Потомственных и личных дворян татарской национальности было в губернии 2448 чел., или 15,7% от общего числа сословной группы³⁸. Эту часть дворянства представляли потомки татарских мурз, получившие российское дворянство во времена Ивана IV Грозного или его преемников из числа родовой знати Касимовского и Казанского ханств, потомки офицеров Башкиро-мещеряцкого и Оренбургского казачьих войск, потомки рядовых казаков-нагайбаков, которых за особые заслуги, сопряжённые с награждением орденами, зачисляли в ряды дворянства в XIX веке³⁹. Среди священнослужителей было 376 татар (менее 1% от этой сословной группы), из них только 1 был православным священником, а остальные исповедовали ислам. Причём 86,3% мусульманских священников проживали в сельской местности. В купеческом сословии находилось 3104 купца татарской национальности, или 20,4% от численности этого сословия (2-е место после русских купцов).

Из них 2297 чел. (74%) занимались торговой деятельностью в городах губернии, а 807 чел. (26%) – в её уездах⁴⁰.

По роду занятий трудоспособное татарское население распределилось в губернии следующим образом: 54,1% были заняты сельскохозяйственным трудом, 10,8% служили в качестве прислуги, 10,1% занимались торговлей, 5,4% заняты трудом в перерабатывающей промышленности, 2,9% – в сфере услуг (включая содержание трактиров, гостиниц, ночлежных домов и т.п.) и 16,7% овладели прочими занятиями⁴¹.

И, наконец, по уровню грамотности (27,4% из них умели читать не только на арабском, но и на других языках) татары находились на 2-м месте после евреев, опередив представителей титульной нации, занявших по этому показателю 3-е место⁴².

Таким образом, к концу XIX столетия татарская диаспора Оренбургской губернии были по численности второй после русских этнической группой. Большинство татар (около 70%) были заняты трудом в аграрном секторе экономики, а также в тесно связанных с ним таких отраслях, как перерабатывающая промышленность и торговля. Модернизационные процессы в слабой степени коснулись татарского этноса. Урбанизацией было охвачено лишь 11,2% представителей этого народа, а 88,8% проживали в сельской местности, главным образом, в национальных татарских населённых пунктах, ведя традиционный образ жизни. В условиях низкого уровня урбанизации и самобытной замкнутости родной язык и ислам оставались в татарских сельских общинах гарантом их этнической и культурной идентичности. Они же в условиях чересполосного расселения татар по территории губернии облегчали национальную консолидацию этой этнической группы.

Примечания

1. См., например, Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства, составленное Главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Часть 1. О состоянии народа. СПб.: Тип. императорского Воспитательного дома, 1818; Он же. Статистические очерки России. СПб., 1848; Зябловский Е. Статистические описания Российской империи в нынешнем её состоянии. Изд. 2-е. Часть 1 – 3. СПб, 1815; Кеппен П.И. 9-я ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб, 1857 и др.

2. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 121 – 122.

3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ – II). Т. XXV. Отделение второе. 1850. № 24708. СПб., 1851. С. 279.

4. Небольсин П. Путешествие в Оренбургский край // Вестник Российского географического общества. Ч. 1. Кн. 1 – 2, 1852. С. 22.

5. Витевский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды Четвертого археологического съезда в России. Т. 2. Казань, 1891. С. 265; Бектеева Е.А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии). Очерк // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1902. С.165–168; Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 65–66.
6. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 136–137, 381.
7. Там же. С. 136–137.
8. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735–1736 гг. Т. 2. Оренбург, 1900. С. 193.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М. –Л., 1949. С. 556–559.
10. Рычков П.И. Указ. соч. С. 380–381.
11. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1884. С. 85.
12. История Оренбуржья / сост. и науч. ред Л.И. Футорянский. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1996. С. 101–103.
13. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 98–101; Бектеева Е.А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии). Очерк // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1902. С. 165–166; История казачества Урала. Оренбург – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. С. 135.
14. Бектеева Е.А. Указ. соч. С. 166.
15. Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–71; Исхаков, Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993. С. 132–133.
16. Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГА РБ). Пятая ревизия: Ф. 138. Оп. 2. Д. 30, 33, 34, 41, 51, 55, 57, 64, 68, 80, 353–355, 408, 414; Восьмая ревизия: Ф. 138. Оп. 1. Д. 1690, 1716; Оп. 2. Д. 424, 453, 455, 455-а, 510, 563, 576, 580, 692, 789. Десятая ревизия: Ф. 2. Оп. 1. Д. 9255; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1774-г; Оп. 2. Д. 780.
17. Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Т. 28. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 56–57.
18. Бектеева Е.А. Указ. соч. С. 160.
19. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. С. 493.
20. ЦГА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
21. Ахметзянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 136.
22. Материалы по истории Башкирии. Т. 5. М., 1960. С. 581.
23. Ахмеров Р.Г. Тептяри и их происхождение. Казань, 1907. С. 4–5.
24. Ахмеров Р.Г. Указ. соч. С. 12.
25. Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 52.; Баканов В.П. Из истории Оренбургского казачества. Магнитогорск: Стрела, 1993. С. 36.

26. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV. Часть 2. Оренбургская губерния. СПб., 1848. С. 41.
27. Там же. С. 45–46.
28. Там же. С. 46.
29. Там же. С. 43.
30. Там же.
31. Там же. С. 44.
32. Там же.
33. Там же. С. 45.
34. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 18.
35. Россия. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (репринтное издание). Лениздат, 1991. С. 77.
36. Список населённых мест. Ч. II. Оренбургская губерния, 1866 (репринтное издание). Уфа: Китап, 2006. С. 90.
37. Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Вып. 28. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 56–57.
38. Там же. С. 158.
39. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века (Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская, Уральская губернии): монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2005. С. 172–174.
40. Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Вып. 28. Оренбургская губерния. С. 26–27, 108–109, 112–119.
41. Там же. С. 108–110.
42. Там же. С. 30–32.

И.Ю. Филимонова

ТАТАРЫ В ОРЕНБУРЖЬЕ: КУЛЬТУРА И ГЕОГРАФИЯ

Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в своем знаменитом энциклопедическом словаре отмечали, что татар как отдельного народа не существует. Слово «татары» является собирательным именем для целого ряда народов¹. Этот этноним усвоился лишь в конце XIX – начале XX вв., переводится как «чужие люди», «варвары». Нынешние татары не являются прямыми потомками татар войска Чингисхана. Существуют следующие локально-этнографические группы татар: тептяри, мишари, крешены, нагайбаки, бакалинцы, остяки (иштяки) и др.²

Татары появились в Оренбуржье в XVIII веке, это были казанские татары и мишаре из северо-западных районов современного Татарстана, из Центральной и Южной Башкирии. Они сыграли немалую роль в развитии торговых связей с Казахстаном, Средней Азией и Индией. Вплоть

до XIX в. татары доминировали на Меновых дворах Оренбурга и Троицка³. Татарские торговцы работали честно и добросовестно, следуя Корану («и вес давайте на весах, которые не лгут»). В Коране также сказано: «Аллах разрешил торговлю и запретил рост», т.е. выдача денег под ростовщические проценты была категорически запрещена. И сейчас во многих исламских странах банки выдают деньги под мизерный процент, который берется для выплаты зарплат банковским служащим и содержания помещения банка.

Динамика численности татар в регионе показана на рисунке 1.

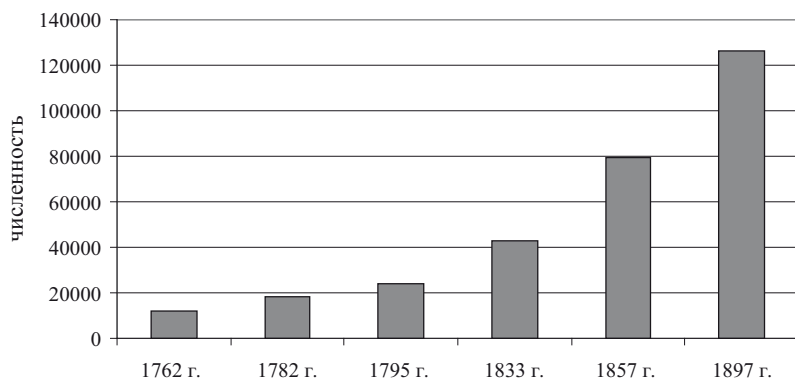

Рис. 1 – Численность татар Оренбургской губернии (составлено автором по: Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург, 2007³)

Татарами были основаны многие села нашего края, некоторые из которых обозначены на карте (рис. 2).

Как видно из карты (рис. 2), татары селились на северо-западе современной Оренбургской области и в центральной части. В настоящее время история заселения татар также прослеживается в географии их современного проживания. Татары являются преобладающей национальностью в Асекеевском и Абдулинском районах, опережая по численности русских.

Оренбургская губерния являлась одним из крупнейших очагов развития татарской культуры. Здесь действовали свыше 1500 (в 1850 г.) религиозных организаций мусульман и свыше 700 (в 1899 г.) учебных мусульманских заведений (самым известным было медресе «Хусаиния»), работал татарский театр (сейчас функционирует Татарский драматический театр имени М. Файзи). В Оренбурге был открыт татаро-башкирский агропед-

институт, работала мусульманская музыкальная школа. Издавалось до десятка газет и журналов на татарском языке, работала библиотека (сейчас это библиотека имени Х. Ямашева)⁴. В Оренбурге функционировали 3 из 13 татарских типографий Российской империи.

Рис. 2 – Населенные пункты Оренбуржья, основанные татарами (составлено автором по: Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург, 2007³)

Известное выражение «поскреби любого русского – найдешь татарина» весьма актуально. Так, из «Общего Гербовника Дворянских Родов Всероссийской империи» следует, что треть дворян Российской империи имели татарские корни, в том числе многие известные дворянские роды. Это Шереметевы (на фамильном гербе Шереметевых имеется серебряный полумесяц), Юсуповы, Юшковы, Апраксины, Бибиковы, Чириковы, Огаревы, Бакаевы, Бердяевы, Урусовы, Тухачевские, Таракановы, Талызины, Голицыны, Годуновы, Кочубеи, Строгановы, Салтыковы, Глинские, Мансуровы, Мусины-Пушкины, Чадаевы и др.

В среде русского дворянства более 120 известных татарских родов. В XVI веке среди дворян по численности преобладали татары.

Немало знаменитых людей – ученых, писателей, художников с татарскими корнями. Это Д.И. Менделеев, И.И. Мечников, И.П. Павлов и К.А. Тимирязев, С.И. Челюскин, А.И. Чириков, Л.Н. Гумилев.

В литературе – это Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.А. Булгаков, А.И. Куприн, С.Т. Аксаков, Н.В. Гоголь, Н.М. Карамзин, А.А. Ахматова, Г.Р. Державин, И.А. Бунин. В области искусства – балерины А.П. Павлова, Г.С. Уланова, а также композиторы А.Н. Скрябин, С.И. Танеев. Генералиссимус А.В. Суворов, адмирал Ф.Ф. Ушаков, генерал-фельдмаршал М.М. Кутузов также имели татарские корни⁵.

Некоторые исследователи считают, что в России не менее половины русских – генетические татары.

Большинство татар, проживающих в Оренбургской области, являются традиционно мусульманским народом. Часть татар была крещена (исследователи считают, что их не больше 4%), значительна группа неверующих. Все же в целом культура татар сформировалась под влиянием ислама.

Основная масса татар, прибывших в регион, была носителем среднего (казанского) диалекта. Язык татарского населения края отразил в себе языки ногайцев, отчасти башкир и казахов (у границы с Казахстаном). Исследователи считают, что многие татарские слова дали названия городам и селам (Бузулук, Шарлык, Кумак, Тюльган, Белебей, Саракташ, Халилово, Абдулино и др.).

По данным ЮНЕСКО, татарский язык относится к 14-ти наиболее коммуникационным языкам мира.

Примечания

1. Энциклопедический словарь. Т. 64. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. Ярославль: Изд. центр «Терра», 1991. С. 181.
2. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. 640 с.; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
3. Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки / под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: ОАО «ИПК «Южный Урал», 2007. 288 с.
4. Татары в Оренбурге [Электронный ресурс]: официальный сайт Республики Татарстан, 2010. Режим доступа: <http://www.tatar.ru>.
5. История татар [Электронный ресурс]. Старая Купавна Ногинского района Московской области: местная татарская национально-культурная автономия г. Старая Купавна Tatory.info, 2011. Режим доступа: <http://www.tatory.info>.

ВКЛАД ТАТАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

Подъём национального самосознания в начале XX в. проявился и в многогранной общественно-просветительской и научной деятельности видных представителей татарской интеллигенции Оренбургского края. Это относится, прежде всего, к такому выдающемуся деятелю исламской культуры как Ризаэтдин Фахретдинов. Не случайно его называют сегодня ученым-энциклопедистом. Значительное место в его исследованиях занимал регионально-исторический аспект. С 1906 по 1918 гг. Р. Фахретдинов жил в Оренбурге, и этот период составляет одну из главных вех в его жизни¹. С 1918 г. и до конца жизни он проживал в Уфе.

Поэтому в центре внимания Фахретдинова находился не просто исламский мир в целом, а в первую очередь, Волжско-Уральский регион, в котором он проживал и служил. Это был мир мусульман внутренней России — «булгарских тюрок», проживающих в Казанской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Вятской, Саратовской и Астраханской губерниях. Интерес к данному региону усиливался и тем, что здесь были его корни. После долгих поисков, изучив множество древних записей, он смог установить своих предков до 13-го колена, а детям говорил: «*Мы из рода булгарских тюрок, что жили на Волге*»². Впоследствии у него сложилась вполне определенная концепция, связывающая этногенез поволжских тюрок с их исламизацией задолго до падения Казанского ханства. Все они, — объяснял Фахретдинов, — населяли эти области с незапамятных времен и приняли от арабов мусульманскую веру ранее принятия русскими христианства³.

Исторический образ своего народа складывался у него и в результате личных впечатлений и наблюдений. Асьма Шараф в своих воспоминаниях неоднократно отмечает, как отец до самой старости любил путешествовать. В мае 1900 года он совершил поездку в Булгар, привез оттуда оттиски надписей с древних надгробных камней. Однажды летом они вместе с сыном Габдрашитом поехали в Троицк. Побыв там несколько дней, направились в Челябинск, Пермь, а оттуда на пароходе через Казань, Нижний Новгород, Самару вернулись в Оренбург. Его очень интересовали новые места, общение с новыми людьми, музеи, осмотр древних надгробных камней, — вспоминает Асьма⁴.

Обратим внимание на интерес Р. Фахретдинова к древним эпитафическим надписям, о чем пишет его дочь, вновь повторяя: куда бы он

не ездил, главным для него было не погостить, а посетить музеи и библиотеки, *изучить надписи на древних надгробных камнях*. Ему важно было самому прикоснуться к уникальному источнику, не удовлетворяясь анализом, представленным в научной литературе. По-видимому, этот род исследований очень увлекал его. Если приходилось бывать в деревнях, а не только в больших городах, он, независимо от времени года, и там ходил на старые кладбища и изучал надгробные надписи. Работа с болгарскими эпитафиями значительно обогатила исследования Фахретдинова в области исторической лингвистики, которые явились весомым вкладом в развитие арабской и татарской археографии⁵.

Будучи национальным просветителем, своими исследованиями стремился поделиться с читателями журнала «Шура» (1908 – 1918), главным редактором которого он являлся. В его многочисленных статьях освещаются вопросы археографии, археологии, методы сбора и хранения старых рукописей, библиотеки, старые татарские и башкирские песни и мелодии, одежда, деньги, архитектурные памятники и т.п. Даже беглый просмотр библиографии «Шуры» позволяет насчитать более 300 статей Р. Фахретдинова краеведческого характера.

В произведениях о выдающихся деятелях прошлого Риза Фахретдинов приводит историю открытия и наименования различных городов, рек, караванных путей и т.д. Так, в книге «Исмаил саяхаты» (Путешествие Исмаила, Казань, 1903) описывается поездка жителя Сеитовского посада (ныне с. Каргала близ Оренбурга) Исмаила Бехмухамедова в Индию, Среднюю Азию, Ближний Восток в 1751 г. 3/5 части книги содержат путевые записи Исмаила, а 2/5 – комментарии Ризы Фахретдинова. Для автора очень важно, что именно житель нашего края совершил свое путешествие, причем на двадцать пять лет раньше известного путешественника Филиппа Ефремова. Именно поэтому путешествие Исмаила и его товарищей, проложивших первый путь, заслуживает внимания читателей, хотя, *«в общем, удивительного и ценного для науки в их поездке мало»*, – отмечает автор в заключении.

Традиционно считается, что в его знаменитом многотомном труде «Асар» представлены очерки об известных мусульманских ученых и государственных деятелях. Однако первая часть состоит из биографий замечательных мусульман *внутренней России*.

В 1997 г. Мадина Рахимкулова перевела с татарского и опубликовала с помощью редакции газеты «Яна Вакыт» один из исторических очерков «Асар» о знаменитом купце Ахмет бае (Хусаинове) – основателе знаменитой «Хусаинии», оставившем по завещанию в пользу просвещения российских мусульман полмиллиона вакуфных средств. Ахмет бай не был ни

философом, ни писателем — более того, он был неграмотным, не умеющим даже написать свое имя. Тем не менее, Р. Фахретдинов объясняет, почему необходимо писать о таких людях: *«Служившие социальной основой жизни нации, строители, мастера, купцы, основатели мечетей и медресов, библиотек и гостиниц, а также другие люди, тратившие большие средства в пользу общества, — о них не только не писали отдельные книги, но поспешили даже говорить»* (С. 6). Он выражал надежду, что молодым людям биография Ахмет бая послужит примером. Этот очерк имеет и историко-краеведческое значение: Фахретдинов дает историческое описание тех мест, где жил его герой. Это, прежде всего, Каргалы (Сеитов Посад) и Оренбург — с момента их основания.

Основным источником, на основе которого он писал свои исторические труды, был архив Духовного управления, где хранились материалы о мусульманах России. Именно Ризаэтдин привел архив в порядок, положил начало архивной обработке и музеефикации его фондов, публикации наиболее ценных документов. По воспоминаниям дочери, занимаясь научной работой, Фахретдинов проводил многие часы в архиве — листал исторические труды, метрические книги, пытаясь найти или проверить необходимые ему сведения. Он сам говорил, смеясь: *«Если кто-нибудь понаблюдает за мной со стороны, то скажет: «Что за богатство ищет в архиве Риза кадий, наверняка там есть какой-нибудь клад, и он пытается его найти». Однако для меня узнать верные даты рождения и смерти 3—4 ученых для книги «Асар» дороже, чем ведро золота»*⁶.

Имя Р. Фахретдинова упоминается и в протоколах Оренбургской учёной архивной комиссии (ОУАК), наряду с другими представителями татарской интеллигенции, меценатами и общественными деятелями. Такими, как Фатых Гильманович Каримов, Закир Садыкович Рамеев и Гайса Хамидуллович Еникеев. Труды Архивной комиссии нередко печатались в типографии Ф. Каримова, а при выставлении счета за выпуск XVI тома «Трудов» он уменьшил его почти в половину⁷. Известный издатель внес свой вклад и в нумизматическую коллекцию музея ОУАК: так, например, в 1913 г. он принес в дар «пять турецких монет белого металла»⁸.

В 1904 г. в Оренбурге проездом из Ташкента в Петербург побывал знаменитый востоковед В.В. Бартольд. Он и раньше оказывал Комиссии практическую помощь в переводе старинных рукописей⁹. Приняв участие в ее очередном заседании, академик «со скромностью истинного ученого» давал свои пояснения по вопросам тюркологии и ориенталистики¹⁰. Участники заседания предложили В.В. Бартольду посетить Сеитов посад. В этой поездке его сопровождали председатель ОУАК А.В. Попов и Ф.Г. Каримов. *«Мы с Каримовым частенько вспоминаем о нашем совмест-*

ном путешествии в Сеитов Посад, – сообщал впоследствии Бартольд Попов, – не написали ли Вы что-нибудь из Ваших путевых впечатлений по нашему Востоку?»¹²

В 1915 г. на одном из заседаний ОУАК была выражена признательность «гг. Рамееву и Фахретдинову, благодаря содействию которых глубокие слои мусульман знакомятся через газету «Вакт» [Вақыт] с деятельностью и целями Комиссии»¹³. Член ОУАК Н.М. Чернавский использовал в своей исследовательской краеведческой деятельности рукописи Р. Фахретдинова о происхождении названия Челябинска и об истории возникновения города на языке тюрки¹⁴.

Показательно, что интерес к истории родного края татарские просветители привили и своим сыновьям. Действительными членами Архивной комиссии состояли Искандер Рамеев, Абдрахман Фахретдинов – впоследствии талантливый журналист, репрессированный в 1938 г., а также племянник З. Рамеева – Сулейман – сын его брата Шакира. Если о деятельности в ОУАК двух последних пока ничего не найдено, то сведения об одном из увлечений Искандера Рамеева были обнаружены автором в отделе рукописей Научного архива Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге.

Не задолго до начала Первой мировой войны Искандер вернулся из Германии, закончив Горную академию в г. Фраейберге, куда в свое время был послан учиться отцом. Молодой инженер с большим интересом отнесся к археологическим изысканиям ОУАК и решил испытать себя на этом поприще. Он обратился с заявлением в Комиссию разрешить ему производить раскопки¹⁵. 31 марта 1915 г. А.В. Попов выслал Императорской археологической комиссии (ИАК) ходатайство о выдаче открытого листа на право проведения раскопок действительному члену ОУАК – Искандеру Закировичу Рамееву. Работы предполагалось вести в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии и в Кустанайском уезде Тургайской области.

Председатель архивной комиссии указал на широкую образованность Рамеева, а также на большие средства, которыми он располагает, будучи сыном одного из богатейших людей России. Тем самым Попов намекнул, что в субсидировании со стороны ИАК тот нуждаться не будет. Однако целесообразность привлечения к археологическим изысканиям предпринимателя он видел в другом: «Г. Рамеев занимается добычей золота в обширных размерах. При этих его работах часто попадают курганы и древние памятники, все равно подлежащие сносу, что и делается всеми золотопромышленникам без всякого разрешения и научного интереса. Таким образом, гибнет ежегодно масса научного материала без всякого следа»¹⁶.

Далее председатель ОУАК сообщал, что Архивной комиссии удалось заинтересовать Рамеева, как образованного человека, археологией, и он обещал обратиться на курганы и «прочие древности» особое внимание.

Интерес Искандера к археологии к этому времени уже вышел за дилетантские рамки. Известно, какие катастрофические последствия для науки имели в условиях «археологического бума» раскопки «любителей древностей». Как сообщал Попов, и ранее встречающиеся при поисковых работах курганы он вскрывал «по научным методам», описывал их и все находки представлял в музей комиссии. Теперь же И. Рамеев просил дать ему официальное разрешение заниматься раскопками.

Императорская археологическая комиссия одобрительно отозвалась на инициативу нового энтузиаста археологии: «*Препятствий для Рамеева в его добром намерении не имеется*»¹⁷. Тем не менее, высылать открытый лист не торопилась. 4 мая 1915 г. А.В. Попов вынужден был повторить свою просьбу. На этот раз, предполагая причину заминки со стороны ИАК, он дал некоторые пояснения относительно собственника земель, на которых должен был вести работы Рамеев. Эти территории принадлежали разным владельцам, как-то: казне, Оренбургскому казачьему войску, Переселенческому управлению, Управлению Земледелия и Землеустройства и т.п. Все эти земли в отношении права археологических раскопок, — уточнял Попов, — относятся к казенным землям¹⁸.

Только после этого открытый лист был наконец-то выслан, о чем ИАК уведомила и оренбургского губернатора. Причем Архивной комиссии было рекомендовано предложить Рамееву доставить свой отчет не позже 1 янв. 1916 г.¹⁹ Таким образом, время летних работ было упущено, и Рамеев, по всей видимости, так и не успел воспользоваться полученным разрешением. В дальнейшем его целиком захватили инженерные работы на золотодобывающих предприятиях отца. И даже в 1930-е гг. за несколько лет до своего последнего ареста — он разработал и применил на одном из приисков в Башкирии автоматическую бегунную фабрику, которую обслуживал один человек. Изобретение талантливого инженера тогда резко увеличило выход золота. Археология же так и осталась для него увлечением юности, в котором не последнюю роль сыграл председатель ОУАК — Александр Владимирович Попов.

Активное участие в решении проблем Архивной комиссии принимал Гайса Хамидуллоевич Еникеев — крупный общественный деятель, представитель мусульманской политической культуры начала XX века. Он начинал свою карьеру как гласный Оренбургской городской думы, а затем избирался депутатом Государственной думы III и IV созывов. В IV Государственной думе Еникеев, фактически, стал председателем мусуль-

манской фракции²⁰. Он был старейшим членом Архивной комиссии, одним из ее учредителей. 12 мая 1913 г. на торжественном заседании ОУАК, посвященном ее 25-летию, была зачитана приветственная телеграмма от члена-учредителя Еникеева — «из Таврического дворца».

В 1887 г., когда решался вопрос о создании ОУАК, по отзыву директора Петербургского археологического института И.Е. Андреевского деятелей, способных вести работу с архивными документами, в Оренбурге не было. Несмотря на это пессимистическое заявление, губернатор Н.А. Маслаковец разослал начальникам учебных заведений г. Оренбурга предложение, в котором было сказано, что *«наиболее надежный контингент для личного состава предполагаемой к открытию комиссии представляют гг. преподаватели средних учебных заведений»*²¹. Действительно, 16 человек из 25 первоначального состава Комиссии — тех, кто отозвался на призыв губернатора — являлись учителями. Среди них был и Г.Х. Еникеев — в то время преподаватель татарской учительской школы (1877), приравняемой к прогимназии.

Накануне войны остро встал вопрос о новом помещении для ОУАК. Архивным документам и музейным экспонатам уже не хватало места в занимаемом здании на набережной Урала. Первоначально предполагалось построить новое здание для музея на «общественные суммы», собираемые путем пожертвований. Однако сбор средств, вопреки ожиданиям, шел медленно. Тургайское областное правление решило ассигновать на постройку музея 3 тыс. рублей. Но бюджетная комиссия Государственной думы вычеркнула их из сметы Тургайской области. Об этом стало известно Г.Х. Еникееву, который принял «близко к сердцу» сложившуюся ситуацию²².

В своем письме на имя председателя Комиссии он предложил план исходатайствования пособия на постройку и содержание музея из государственных средств — через законодательные учреждения. В начале октября 1913 г. Еникеев приехал в Оренбург, встретился с Поповым и подробно рассказал о тех путях, которые, по его мнению, «наиболее верно могут привести к благополучному окончанию ходатайства». Желательно было бы, чтобы Непременный попечитель Архивной комиссии ген.-лейтенант Н.А. Сухомлинов и попечитель Оренбургского учебного округа Н.И. Тихомиров сделали соответствующее представление — каждый в своем министерстве. Со своей стороны при прохождении этого вопроса в Государственной думе Еникеев обещал оказать содействие²³. Помимо этого он «подключил» к данному предприятию и городского главу — В.Н. Ладыгина. ОУАК совместно с Оренбургским Отделом ИРГО начали активную деятельность по разработке проекта здания музея²⁴.

План Г.Х. Еникеева осуществился, хотя и не в полной мере. В 1915 г. правительство утвердило решение ежегодно выделять Оренбургской архивной комиссии 3000 рублей на наем помещения *до постройки* музея²⁵. Однако времени, отпущенного на продолжение деятельности ОУАК, оставалось немного.

Заключительный период (1917–1918) был самым драматическим в истории Оренбургской ученой архивной комиссии. Неоднократная смена властей в крае и начавшаяся гражданская война нанесли непоправимый урон архивам, музеям и библиотекам. Ситуация осложнялась тем, что к этому времени в России не было создано памятничкоохранного законодательства.

Тем не менее весной 1918 г. к ОУАК обратилась с просьбой Комиссия РАН по изучению племенного (национального) состава населения России (КИПС) взять на себя составление этнографической карты Оренбургской губернии. Материалы для этого, по сведениям РАН, имелись в архиве б. Губернского правления в виде переписных карточек первой народной переписи 1897 г. Несмотря на чрезвычайные условия своей работы в Оренбурге, Архивная комиссия «охотно взяла на себя выполнение просьбы Академии наук»²⁶. Однако для этого необходимо было получить от новых властей архив бывшего губернского правления.

В это же время поступило распоряжение Союза российских архивных деятелей, который «поставил в обязанность архивным комиссиям своевременно принимать меры к охране архивов учреждений, закрываемых ныне в революционном порядке»²⁷. 2 апреля решение общего собрания ОУАК о необходимости передачи ей архивов А.В. Попов довел до сведения Оренбургского Губисполкома Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 3 апреля Попов пытается решить вопрос о выделении средств на составление этнографической карты и с этой просьбой обращается к «господину» председателю Оренбургского Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Он ходатайствовал перед Губисполкомом и о передаче Комиссии здания Гауптвахты, специально построенного в 1856 г. для архива, ссылаясь на безуспешные попытки получить его при старом режиме²⁸. Однако все его обращения оставались без ответа.

Перелом в отношениях председателя ОУАК и Губисполкома наступил во второй половине апреля. Ведущую роль в принятии решений, направленных на поддержку ОУАК, сыграл губернский комиссар просвещения Карим Абдрауфович Хакимов. В архиве ООКМ среди воспоминаний участников гражданской войны есть воспоминания и о К.А. Хакимове. Часть из них опубликована, как, например, воспоминания Л.З. Гадило-

ва²⁹. Воспоминания А.Х. Алпарова были написаны в связи с реабилитацией К. Хакимова (1957)³⁰. Хакимов был, пожалуй, самым образованным членом Оренбургского исполкома. Прекрасно зная русский язык, он изучил и многие восточные языки — тюрки, арабский, фарси и др., что позволило впоследствии использовать его на дипломатической работе³¹. И по долгу службы, и по образовательному уровню он лучше других понимал значение деятельности Оренбургской архивной комиссии и стал для Попова неизменным покровителем во всех его ходатайствах в Исполнительный комитет.

Учебное отделение Оренбургского Совдепа по инициативе Хакимова передало Архивной комиссии гарнизонный архив «с условием свободного доступа [к нему] членов отдела»³². При его участии было дано «соглашение» Исполнительным комитетом, и Архивной комиссии удалось получить «остатки» архива упраздненного Губернского жандармского управления³³.

Неожиданные препятствия возникли со стороны Комиссариата по национальным делам, который не отдавал архив без письменного разрешения Исполнительного комитета³⁴. Это разрешение на прошение ОУАК от 17 апреля А.В. Попов получил только 19 мая³⁵, хотя уже 18 мая жандармский архив был вывезен³⁶. Думается, что благоприятный исход наступил благодаря вмешательству К. Хакимова, который еще 26 апреля отправил сообщение в Комиссариат по делам национальностей о том, «что к получению [ОУАК] архива, находящегося в здании Караван-Сарая..., препятствий не встречается»³⁷. Тогда же, в апреле, Комиссия получила архив губернского правления³⁸, работа с которым была необходима для выполнения просьбы РАН (КИПС). 18 мая 1918 г. Хакимов дал свое согласие на выделение 1800 руб. для работы над этнографической картой, наложив на переписку по этому вопросу резолюцию — «К исполнению» — и препроводив ее в президиум Исполкома³⁹. Наконец, под музей, библиотеку и архив Комиссии было передано здание гауптвахты⁴⁰.

Исполняя декрет СНК «Об охране библиотек и книгохранилищ» от 21 июня 1918 г., Хакимов взял под свой контроль городскую библиотеку, а ее заведующему А.А. Крафту отдал распоряжение передать дела и отчеты в архив ОУАК⁴¹. Еще до выхода данного декрета Архивная комиссия приняла «историко-богословские книги из библиотеки бывшей Духовной семинарии» согласно распоряжению Губернского комиссара по народному образованию К. Хакимова от 27 мая 1918 г. за № 421.

Инициативы А.В. Попова и поддержка их К.А. Хакимовым во многом опередили соответствующие постановления Совнаркома. Так, декрет

«О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» был подписан Лениным только 1 июня 1918 г., а декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» — 5 октября 1918 г.

А.И. Дутов (бывший член ОУАК), восстановивший свою власть в Оренбурге 3 июля 1918 г., отменил все распоряжения большевистского комиссара просвещения относительно ОУАК⁴². 15 сентября от коменданта города последовал приказ «срочно освободить помещение гарнизонной гауптвахты, так как таковое необходимо для чинов караула»⁴³. Все имущество комиссии: сотни тысяч архивных дел, тысячи томов книг, музейные экспонаты были вывезены в здание Караван-Сарая. Но и оттуда их тоже выдворили, «так как необходимо было разместить караульную роту для охраны Правительства Башкирии»⁴⁴. С сентября 1918 г. последним пристанищем архивной комиссии была квартира в доме Батракова по Артиллерийскому переулку, которая была снята Поповым в 1916 г. на деньги, полученные благодаря инициативе Г.Х. Еникеева.

Следует заметить, что в середине 1920-х гг. Риза Фахретдинов, подобно А.В. Попову, провел такую же подвижническую работу по спасению исторических документов — архива Духовного собрания мусульман в Уфе⁴⁵. В сохранении культурно-исторического наследия Оренбургского края, как и в его изучении, объединялись усилия лучших представителей татарской и русской интеллигенции, независимо от национальности и позиции властей.

Примечания

1. Ризаэтдин бин Фахретдин / сост. М. Рахимкулова. Оренбург: ИЧП «Агентство ПРЕССА», 1998 (на татарском и русском яз.). С. 196.

2. Шараф Асьма. Воспоминания об отце / Ризаэтдин Фахретдинов. Научно-биографический сборник / сост. Р. Марданов, Р. Миннулин, С. Рахимов. Казань: Изд-во «Рухият», 1999.

3. См.: «Мусульмане... преисполнены надежды, что будут полностью обладать и пользоваться правами... дарованными РСФСР». Письма председателя ЦДУМ муфтия Р. Фахретдинова председателю ЦИК М.И. Калинину. 1920-е гг. (Вступительная статья, подготовка текстов к публикации и комментарии Д.Ю. Арапова, И.Л. Алексеева). Отечественные архивы. 2006. № 5.

4. Шараф Асьма. Воспоминания об отце...

5. См.: Ахметгалеева Я.С. Архив Р. Фахретдинова в Ленинградском институте востоковедения АН СССР // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Казань, 1986. С. 132 – 146.

6. Цит.: Шараф Асьма. Воспоминания об отце...

7. Оренбургская Ученая Архивная Комиссия. Протоколы заседаний за 1901 – 1907 гг. Оренбург, 1909. С. 30.

8. Отчет о составе и деятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссии за 1913 год. Составлен правителем дел А. Гра. Оренбург, 1914. С. 3.
9. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 51. Л. 99–101
10. Отчет о составе и деятельности Оренбургской Ученой Архивной Комиссии за 1913 год... С. 25.
11. ПФА РАН. Ф.68. Бартольд В.В. Оп.2. Ед.хр. 200. Л.2.
12. Оренбургская Ученая Архивная Комиссия. Отчеты и протоколы за 1914–1915 гг. Оренбург, 1917. С.104.
13. ОГАЧО. Ф. Р-874. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2; Д. 21. Л. 1–4.
14. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 115. Л. 63.
15. НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 47. Л. 1.
16. Там же. Л. 2.
17. Там же. Л. 3.
18. См.: Там же. Лл. 4, 5, 6.
19. См.: Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 г.). М.: Социал-полит. мысль, 2004. С. 92.
20. Цыпляев П.И. Деятельность Оренбургской Ученой Архивной Комиссии с 1887 по 1897 гг. Исторический очерк // Тр. ОУАК. Вып. XXX. Оренбург, 1914. С. 21–85.
21. Там же. С. 34.
22. Там же. С. 35.
23. См.: Богданов С.В. Страницы истории Оренбургского краеведческого музея (Очерк становления и развития музея в XIX – нач. XX вв.) // Оренбургский край. Вып. 1. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губ.», 1994. С. 5–7.
24. ОУАК. Отчеты и протоколы за 1914 и 1915 гг. С. 113.
25. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
26. Там же. Д. 104. Л. 54.
27. Там же. Л. 138, 140.
28. Гадилов Л, Приеров Ф. Боец за торжество ленинской национальной политики // Революцией призванные: сб. ст. Оренбург, 1961. С. 14–15.
29. НА ООКМ. Ф. 2554. Оп. 1-н. Д. 1026. Л. 1–13.
30. Там же. Д. 1028. Л. 5–6.
31. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 146.
32. Там же. Л. 140.
33. Там же.
34. Там же. Л. 141.
35. Там же. Л. 150.
36. Там же. Л. 144.
37. Там же. Л. 140.
38. Там же. Лл. 139 об., 138.
39. Там же. Д. 80. Л. 28.
40. Там же. Д. 95. Л. 151.
41. Там же. Л. 153.
42. См., подробнее об этом: Тугай Т.И. Архивный героизм оренбургского краеведа / Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. статей / Науч. ред. проф. С.С. Загребин. Вып. 3: Из истории российской интеллигенции. Челябинск: Изд-во «Абрис», 2005. С. 434–441.

43. ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 95. Л. 166.

44. Там же. Л. 165.

45. См.: Рахимкулова М.Ф., Фахретдинов Ф.Р. Татары в Оренбургском крае: науч.-пр. конф.: тез. докл. Оренбург: Изд. «Димур», 1996. С. 104 – 107.

В.Б. Попов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ С МЕСТНЫМИ ЛИБЕРАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1905 – 1913 гг.)

При рассмотрении общественно-политического движения в Оренбургском крае начала XX века необходимо обратить пристальное внимание на деятельность оренбургских мусульман, чью основу составляло татарское население. Их сплочению способствовала дискриминационная национальная политика царского правительства по отношению к нацменьшинствам. Обозначение «общего врага» в лице православного государства нивелировало насущные социальные разногласия в мусульманском обществе и выдвинуло на первый план единую политическую платформу – сохранение культуры и религии тюрко-мусульманских народов. Говоря о мусульманах, необходимо подчеркнуть, что к политике данная группа населения обратилась под воздействием повсеместного становления национального самосознания. Объединяющим началом для татар, башкир, казахов и других народов стал ислам. В то же время лидеры мусульман стремились к легальной возможности реализовать свои политические амбиции. Это подчеркивалось в отчете, сделанном для губернатора полковником Оренбургской жандармерии Г.П. Бабичем: «Ближайшей их задачей является сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в Империи государственным строем, который является в их глазах главной препоной к национальному самоопределению...»¹

Характеризуя оренбургское мусульманское общество применительно к его политической дифференциации, полковник Г.П. Бабиш выделил две основные составляющие данного социума: «Их две категории: младотатары и старотатары. Первую составляет молодежь, а также учителя, конторщики и приказчики – это сравнительно немногочисленная группа, но принимает тактику наших революционеров. Вторая категория – люди, занимающие видное общественное положение: муллы, купцы, адвокаты и другие, составляющие то же самое, что и партия Народной свободы...»².

Следует, между тем, подчеркнуть, что медресе готовили кадры мусульманского духовенства, а не учителей и журналистов – потенциальных политических деятелей. «В силу сложившейся исторической ситуации, из-за невозможности формирования полнокровного слоя светской интеллигенции, именно из служителей культа выходили первоначально сторонники духовного прогресса нации – распространения знания, просвещения, культурного развития. Их религиозное образование и деятельность служили неким ограничителем оппозиционности. Поэтому муллы-новаторы стали основной социальной опорой «правого» фланга мусульманского либерализма»³.

Можно с большой степенью вероятности утверждать, что наибольшее преобладание приверженцев либерализма среди оренбургских татар было в среде крупных предпринимателей. В свою очередь татарская интеллигенция являла собой некую опору всех мусульманских либералов, выступая в качестве объединительного звена, и была распространителем прогрессивных взглядов.

Несмотря на то что мусульмане на начало 1905 года по численности уступали православному населению Оренбургской губернии более чем в три раза, составляя 22,77%⁴ от общего количества верующих губернии, они сыграли значительную роль в развитии парламентаризма в Оренбуржье.

Первоначально лидеры мусульман (преимущественно татары) приняли сторону праволибералов (так как, по-видимому, не было альтернативы) и дополнили ряды первой Оренбургской либеральной партии – «Союз законности и порядка на основах Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.» Однако постепенно татары выходят из состава названного политического объединения и в конце февраля 1906 года окончательно его покидают. Причиной тому стала, на наш взгляд, непродуманная политика октябристов по национальному вопросу.

Лидеры татар, крупные предприниматели и землевладельцы, богатые, но ущемленные в правах, предпочли программу конституционно-демократической партии, предусматривающей в Царстве Польском автономное устройство с сеймом во главе и открывающей, таким образом, заманчивую перспективу. Предложенные программные заявления «Союза 17 октября», одобренные невнятной и порой оскорбительной публицистикой, явно вызывали острое неприятие у мусульман. Это отчасти признало руководство оренбургских праволибералов: «Что же касается вопроса о национальностях, то, как это указано и в программе Союза, он твердо стоит за равное уважение и одинаково благожелательное отношение ко всем национальностям. С этой стороны ЦК не может не от-

метить промахи, допущенные «Голосом Оренбурга». Некоторые статьи, помещенные в нем, подали повод к возникновению превратных толков об обрусительских стремлениях Союза и о не вполне дружелюбном отношении к некоторым национальностям. Так, например, вопросу о начертании татарского письма, возникшему по высказанному частному мнению С.В. Кузнецова, придана была на страницах «Голоса Оренбурга» некоторая горячность, как-будто бы переход татар к русскому алфавиту представляется для Союза существенно важным вопросом. Между тем Союз совсем этим не задавался и считает его делом самих татар»⁵.

Между тем, уже в конце 1905 года в Оренбургской губернии начинает свою деятельность отдел конституционно-демократической партии. Здесь необходимо подчеркнуть, что образование «временного бюро конституционно-демократической партии» в городе Оренбурге, а также других отделов на территории губернии, было спланированным мероприятием. На основании обнаруженных нами архивных документов установлено, что после окончательного оформления конституционно-демократической партии 12–18 октября 1905 года, согласно информации, полученной членами партии в провинции, было решено завербовать «партийных агентов». Данное мероприятие было осуществлено видным деятелем земско-городских съездов и членом ЦК партии – А.М. Колюбакиным.

В Оренбурге группу леволлибералов организовал и возглавил Н.В. Кузьмин – городской голова⁶; в Челябинске их лидером стал И.К. Покровский, предприниматель и общественный деятель. В городе Троицке кадетов объединил мещанин П.А. Зиссер. Все эти люди были «партийными агентами» конституционно-демократической партии⁷. Благодаря повсеместной поддержке со стороны лидеров татарского населения, представители партии «Народной свободы» выходят на лидирующие позиции не только в центре губернии, но и на ее периферии.

Так одним из самых активных участников данного процесса в городе Троицке стал видный представитель торговой буржуазии губернии – глава торгового дома «Братья Яушевы» – Яушев Муллагат Ахмедшахович. Роль этого предпринимателя в деле просвещения и благотворительности среди татарского населения была весьма значительна: так благодаря ему в Троицке появилось «Мусульманское благотворительное общество», где он председательствовал, и библиотека «Нажат» – ею заведовал его двоюродный брат – Л.Ш. Яушев⁸.

О мощном влиянии троичских татар свидетельствует лидер челябинских леволлибералов – Иван Корнильевич Покровский. В своем отчете от 21 марта 1906 года, сделанном для Московского комитета

конституционно-демократической партии, он, в частности, замечает: «...что же касается фразы: «партия наша сильна в Троицке», то следует пояснить, что она сильна в Троицке главным образом мусульманами. Троицкие мусульмане влияют на наших мусульман в Челябинске... И было бы весьма полезно увидеть мусульман нашего края членами Государственной Думы»⁹.

Таким образом, одним из приоритетных направлений деятельности местных либеральных групп стало стремление «заполучить» расположение татарских лидеров, так как только с их помощью они могли заручиться наибольшей электоральной поддержкой, что и показали выборы в первую Государственную Думу. В данном контексте необходимо подчеркнуть избирательную и политическую стабильность мусульман – 2 депутатских кресла и в первую и во вторую Думу.

Между тем, местные мусульмане укрепляют свои политические позиции в крае: 21 февраля 1906 года выходит первый номер единственной в Оренбургской губернии газеты на татарском языке – «Вакт» (Время). Газета «Вакт» являла собой независимый «либерально-прогрессивный орган печати» и выходила три раза в неделю при цене 4 рубля в год в формате среднестолочной газеты. Инициаторами ее появления были золотопромышленник М.З. Рамеев и редактор М.Ф. Каримов. М.З. Рамеев предложил на печатание газеты свои средства¹⁰.

В марте оренбургские мусульмане объединились под лозунгом самостоятельной мусульманской народной партии. Появление «Мусульманской народной партии», вошедшей затем в состав «Иттифак эль муслимин», повлияло на прекращение деятельности местных отделов конституционно-демократической партии в губернии, несмотря на то, что в характеристиках, составляемых для отчета в надзорные ведомства, выборщики и депутаты от татарского и башкирского населения продолжали причисляться к сторонникам партии «Народной свободы». Так, составляя подобный отчет, оренбургский губернатор В.Ф. Ожаровский замечает: «...Единственным депутатом с ярко выраженной политической ориентацией, являлся Хайрулла Абдрахманович Усманов, который, как было отмечено, примыкает к кадетам как мусульманин»¹¹. Таким образом, губернатор, собственноручно составлявший данные характеристики, подчеркивает обезличенность мусульманского электората, полагая, что политические взгляды формирует религиозная принадлежность....

Необходимо также в контексте данного анализа обратить внимание и на программу мусульманской конституционно-демократической (народной) партии. В целом, безусловно, она является либеральной по сути, так как соответствует основным принципам этого политического течения:

свобода конкуренции, торговли, неприкосновенность частной собственности (статьи №№ 6, 7, 8)¹². Однако наличествуют и существенные отличия от программы леволиберальной партии «Народной свободы», т.е. той, которая и легла в основу мусульманской. Эти отличия заключаются в преследовании мусульманской партией узкоконфессиональных интересов в рамках предполагаемых всеобщих преобразований, согласуемых с декларируемыми интересами всего общества. Так основной задачей ставилось объединение всех дел, касающихся мусульман, живущих в России¹³. Помимо существенной автономии в вопросах просвещения программа содержала: свободу открытий мектебе, медресе по программам, составленным лидерами мусульман; свободу приглашения мугаллимов из других государств и возможность печатать газеты и журналы в арабской транскрипции. Также предполагалось деление России на 16 отделов, одним из которых должен являться Оренбург. В отделах планировалось открыть заседания по всем мусульманским вопросам¹⁴.

Несмотря на значительное расхождение политических взглядов, руководство местного отдела «Союза 17 октября» не оставляло попыток сближения с лидерами мусульман посредством различных акций.

Следует подчеркнуть, что подобные попытки уже осуществлялись предыдущими деятелями местного отдела, но более прямолинейно и грубо, с явным акцентом превосходства. Новое руководство (так в списках отделов «Союза 17 октября и примыкающих к нему обществ», составленных после III Всероссийского съезда октябристов в Москве (4–8 октября 1909 года), имя прежнего председателя – В.Н. Антипина было зачеркнуто с припиской «сейчас возглавляет А.В. Попов»¹⁵) решило избрать более гибкую тактику. Для начала была издана некая «примирительная» декларация: «...Те результаты деятельности «Союза 17 октября», которые не соответствуют интересам мусульман, не объясняются враждебностью к мусульманам, а исходят исключительно от разницы точек зрения на различные вопросы государственной жизни...»¹⁶.

17 мая 1910 года состоялось партийное заседание оренбургских «октябристов», посвященное разрешению религиозного конфликта, возникшего из-за установления праздника Воскресения вместо Пятницы (Джумты) – дня мусульманского Благословения: «Выслушав заявление мусульманских представителей, члены Оренбургского отдела «Союза 17 октября» убедились, что праздничный отдых мусульманским населением понимается лишь только как религиозное установление, но профессиональная сторона его не интересует. Ввиду стремления «Союза 17 октября» утвердить в народе начала веры и воспитывать его в духе религиозном, комитет решил ходатайствовать перед думской фракцией «Союза

17 октября» с целью принять во внимание удовлетворение религиозных нужд мусульман и при обсуждении закона о нормальном отдыхе служащих в торгово-промышленных заведениях с ходатайством же обратиться к члену Государственного Совета от Оренбургской губернии Н.Д. Кудрявцеву»¹⁷.

1 октября 1910 г. совместно с депутатом от Оренбурга Зинкангиром Байбуриным (бывший председатель мусульманской народной партии (март-ноябрь 1906 года, Оренбург)) и казанским депутатом Садретдином (Садри) Низаметдиновичем Максудовым состоялось собрание в городском театре, где обсуждался законопроект о всеобщем обучении, согласно которому мусульманские школы подвергаются русификации¹⁸.

Вскоре после этого местные октябристы, во главе с А.В. Поповым, выступают с ходатайством перед Государственной Думой по поводу вышеупомянутого законопроекта «О начальном образовании»: «...Мусульмане справедливо указывают, что, будучи трудоспособными работниками, они наравне с русскими участвуют в создании народного благосостояния. Если только первые два года преподавать на родном языке (они понимают, что полный курс на родном невозможен: они в итоге не сумеют перейти на русский), следовательно, приемлемо преподавание только вероучения...»¹⁹.

Однако, несмотря на все попытки ЦК местной группы «Союза 17 октября» привлечь мусульман в свои ряды, они не увенчались успехом, причем настолько, что в письме к А.И. Гучкову, председатель отдела А.В. Попов раскаивается в своей ставке на последователей ислама.

В отчете для министра внутренних дел А.А. Макарова, подготовленном губернатором к началу выборов в IV Государственную Думу, давались подробные оценки политической ситуации в губернии: «...в настоящее время совершенно не имеется каких-либо организаций политических партий и никакой партийной работы на местах, ввиду предстоящих выборов в Государственную Думу, не ведется. Как можно заключить по опыту предыдущих выборов, следует ожидать активного участия в выборах мусульманской партии, к которой, кроме инородцев, без сомнения примкнут все сочувствующие как конституционно-демократической, так и другим, левее ее, партиям. Объединив все противоправительственные элементы, партия, по всей вероятности, выступит под флагом «прогрессивного блока» и, руководимая местными интеллигентами, людьми свободных профессий, будет проводить своих кандидатов, но едва ли кандидаты, по политическим их воззрениям, будут левее членов к-д партии, так как видных представителей крайних левых партий не имеется...»²⁰.

По своим взглядам мусульманские лидеры были по-прежнему близки к конституционно-демократической партии, несмотря на то, что деятельность оренбургской группы этой партии, и в целом отделов по губернии, после выборов в III Государственную Думу, не прослеживается.

Хочется добавить, что ошибки А.В. Попова (местный отдел «Союза 17 октября» прекратил свое существование 4 марта 1913 г.)²¹ в этой неудаче, можно сказать роковой для отдела, нет; причина неудач — более приемлемая для мусульман программа кадетов и отсутствие таковой у праволибералов.

В заключении хочется подчеркнуть, что кризис либералов губернии был общим и носил структурно-организационный характер, что выразилось в неумении политических лидеров перестраиваться под влиянием изменившихся обстоятельств, нарушении коммуникационных связей и всемерном противодействии правительства. Либералам не хватало политической гибкости и зрелости, необходимой для компромисса и умелого лавирования как среди политических оппонентов, так и в собственной среде. Еще один важный аспект: отсутствие внятной политической агитации со стороны оренбургских либералов в противовес популизму крайних партий. Само общество исследуемого периода не было готово к осуществлению либеральных замыслов. Причина тому не только неразвитость местного населения, но и неприятие им, его ментальностью, либерализма, течения политически эволюционного.

Сплоченности и осмысленности действий населения, исповедующего ислам, способствовал безоговорочный авторитет их лидеров, крупных предпринимателей, тесно связанных со служителями культа. Данный альянс базировался не только на сильной религиозной внушаемости их прихожан, но и на общем желании легально отстаивать свое право на этническую и социокультурную самобытность, иметь влияние на законотворчество. Неудивительно, что мусульмане на начало 1905 года уступая по численности православному населению, сыграли значительную роль в деле партийного строительства и становления гражданского общества в Оренбуржье. Здесь также кроется секрет успеха местного отдела конституционно-демократической партии.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412 а. Л. 2.
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412 а. Л. 2об.
3. Ямаева Л.А. Либеральное общественно-политическое движение российских мусульман в начале XX века: по материалам Уфимской и Оренбургской губерний: дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 2003. С. 155.

4. Попов В.Б. Оренбургское общество начала XX века: социально-политический портрет // Развитие университетского комплекса как фактор повышения инновационного и образовательного потенциала региона: материалы всерос. науч.-практ. конф. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. Дополнения. С. 59.

5. ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 – 19.

6. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 301. Л. 14.

7. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 301. Л. 10.

8. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412 а. Л. 6.

9. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 301. Л. 1.

10. Оренбургский край. 1906. 21 февр.

11. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 267/2. Л. 661, 727 – 729 об., 730.

12. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412а. Л. 8 об.

13. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412а. Л. 8 об.

14. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412а. Л. 11.

15. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. Л. 25, 48.

16. ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

17. ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

18. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412 а. Л. 2.

19. ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 – 10.

20. Жияев П.И. Парламент России и Оренбуржье в дореволюционный период: (историко-правовое исследование). Оренбург, 2007. С. 139.

21. ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6.Л. 20 об.

Л.И. Футорянский

ВОЖАК МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ХАЛИК РАУФОВИЧ ХАКИМОВ

Руководитель мусульманской молодежи Халик Рауфович Хакимов родился в татарском селе Дусенево в 18 верстах от Пономаревки в 1895 г. Имя его брата носит ныне одна из улиц Оренбурга. Рано познал нужду. В 12 – 13 лет началась его трудовая деятельность. Работал первоначально в мастерской подручным в Татарской Каргале, овладевал искусством изготовления браслетов, колец и других тонких национальных украшений. Позднее перебрался в Оренбург, где стал трудиться на Оренбургско-Ташкентской железной дороге сперва чернорабочим, а потом токарем. Тогда же в Оренбурге по вечерам учился в Высшей вольной школе для взрослых при реальном училище.

События революции вовлекли его в бурную общественную жизнь. Сказывался и пример брата Карима, который стал после революции первым комиссаром просвещения Оренбургской губернии. Халик сражался с дутовцами в качестве помощника командира 275-го Илецкого полка.

В феврале 1919 года вошел в состав немногочисленной инициативной группы по организации комсомола в Оренбурге. Участвовал в боях при освобождении от колчаковцев Бугуруслана, Абдулино и Белебея.

Вскоре был переведен во вновь сформированную отдельную Приволжскую татарскую бригаду, в которой стал заведующим информационным отделом, а также был председателем ячейки РКП (б) бригады.

В сентябре 1919 г. переведен в политотдел 1-й армии, штаб которой располагался в Оренбурге. Организовал Советы в Белозерской, Каратаевской, Токсурганской волостях. Под его влиянием лучшие представители татарской молодежи покинули организацию с националистическим уклоном «Брэк» (единение) и стали спланироваться вокруг комсомолом (тогда вступило под его влиянием в комсомол сорок юношей и девушек из числа рабочих кожевников и мукомолов Оренбурга). На пути вовлечения татарской, башкирской, казахской молодежи были значительные трудности. Работников, знающих языки этих народов, было тогда немного, отсутствовала и необходимая литература.

Тем с большей энергией трудился Халик Хакимов.

В октябре 1919 г. в Оренбурге была созвана конференция коммунистов-мусульман. С докладом о работе среди татарской молодежи выступил Халик Хакимов. Конференция наметила меры по улучшению массовой агитации среди мусульманской молодежи. Работа проходила в тесном контакте с политотделом армии. Ставились спектакли на татарском языке. Драматическим кружком татарской молодежи руководила Фатима Камалова (позднее народная артистка Татарской АССР).

26 ноября 1919 г. в Оренбурге был создан губернский татарский отдел РКСМ. Вскоре ее агитационно-пропагандистская группа стала выпускать газету на татарском языке «Юксынгар сузе». Материалы газеты часто читали вслух (тогда половина ребят еще была неграмотна). По примеру Оренбурга в Орске в январе 1920 г. возникла инициативная группа по работе среди татарской молодежи. Вскоре возникли первые татарские ячейки из крестьян в селах Мустафино и Илькульгана. В Мустафино одним из первых, как нам удалось установить, в феврале 1920 года вступил Муса Залимов (Джалиль). Как свидетельствуют документы, всюду в Оренбурге и других местах «Русская молодежь с радостью воспринимала приобщение молодежи к политической жизни, ее тягу в комсомол».

Состоявшийся в марте 1920 г. первый Оренбургский губернский съезд РКСМ, заслушав доклад Х. Хакимова о работе среди мусульманской молодежи, решил для работы среди башкирского и казахского юношества привлечь передовые слои татарской рабочей молодежи, как

наиболее грамотной и подготовленной. Решено было открыть курсы для работы среди мусульманской молодежи. Теперь широко развернулась работа среди татарской, башкирской и казахской молодежи. Оренбургский губком РКСМ добился создания довольно широкой сети национальных ячеек. 18 организаций мусульманской молодежи было создано в Оренбурге, а в уездах – 74.

Особенно возросли задачи вовлечения мусульманской молодежи в комсомол после превращения Оренбурга в столицу Киргизии (Казахстана). Деятельность среди мусульманской молодежи способствовала упрочению дружбы народов нашего края.

Халик Рауфович Хакимов в последующие годы был членом Оренбургского губисполкома, делегатом X съезда РКП (б). Заведовал губернским отделом национальных меньшинств, был председателем татарской секции Оренбургского губкома РКП (б). Позднее окончил Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Три года воевал в годы Великой Отечественной, в саперных войсках. Стал кандидатом, а затем и доктором технических наук, профессором Московского НИИ оснований и подземных сооружений Академии строительства и архитектуры.

Имя Халика Рауфовича Хакимова, видного организатора татарской, башкирской и казахской молодежи, не должно быть забыто.

Т.В. Судоргина

ОРЕНБУРГСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА О ПЕРВЫХ, СОСТОЯВШИХСЯ В ОРЕНБУРГЕ, СПЕКТАКЛЯХ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В оренбургских периодических изданиях начала XX века не часто, но печатались информации о первых спектаклях на татарском языке, состоявшихся в Оренбурге.

В последние ноябрьские дни 1905 года на страницах «Оренбургской газеты» обнародована заметка «Спектакль на татарском языке», автор которой извещал: «В скором времени мусульманской драматической труппой артистов в городском театре будет поставлен спектакль на чисто татарском языке. Чисто татарский язык в драматической литературе – новинка. Как известно и самого театра у татар до сих пор не существовало. Оренбургу первому из всех городов России предстоит увидеть и по достоинству оценить это начинание до сих пор замкнутого в себе наро-

да. Женщина-мусульманка впервые публично покажется пред мужчиной своей веры без покрывала.

Как видно из вывешенного уже анонса, труппа артистов-мусульман сформирована неким И.Б. Кудашевым-Ашкадарским, пока литературе ещё не известном, говорят человеку очень молодом. Во всяком случае, на долю молодого создателя татарского театра выпадает большая заслуга пред народом, который он стремится вести по пути прогресса.

Труппой артистов будет поставлена комедия в двух действиях под названием «Свет и тьма» (сочинение самого антрепренёра Кудашева-Ашкадарского. Действующих лиц более 10 человек, в том числе 3 человека женского персонала)¹.

На первой полосе «Оренбургской газеты» вскоре опубликовано приглашение: «Только одна гастроль. Городской театр. Восточный праздник. 1-й раз в России труппой драматических артистов под управлением И.Б. Кудашева-Ашкадарского дан будет спектакль на русском и татарском языках.

На русском языке: «Горе от ума» – комедия А.С. Грибоедова, 4-е действие. Роль Чацкого исполнит И.Б. Кудашев-Ашкадарский; «Ревизор» – комедия Н.В. Гоголя, 2-е действие. Роль Хлестакова исполнит И.Б. Кудашев-Ашкадарский.

На татарском языке: «Свет и тьма» или «Наданлк и ля Галимлк» – комедия в 2-х действиях. Перевод И.Б. Кудашева-Ашкадарского.

Национальные костюмы и новые декорации.

Участвующие: госпожи Асфандиарова, Шах-Назарова, Айджарова и господа Амиров, Тагиров, Мирбов, Камчатов, Кудашев-Ашкадарский.

В заключение Синематограф – самый усовершенствованный аппарат живой фотографии фабрики братьев Люмьер.

В антрактах струнным оркестром под управлением Г.Ф. Эстеррейх будут исполняться восточные пьесы.

По необходимости бельэтаж предназначен исключительно для женского персонала. Для женщин-мусульманок места обособлены вуальными шторами. Вход, коридор, зало и вешалки для сбережения верхнего платья совершенно изолированы от доступа мужского пола. Прислуга женская русская.

Цены местам бенефисные.

Начало музыки в 8 часов, а спектакля в 8,5 часов вечера².

«Политико-литературно-общественная» газета «Голос Оренбурга» в начале января 1906 года разместила на своих страницах статью Н. Степняка «Мусульманское пробуждение». Автор утверждал: «Замкнутая до сего времени среда мусульманского общества заметно начинает про-

буждаться: в разных городах появляются новые периодические издания, некоторые печатаются на двух языках – русском и татарском, другие – только на татарском; составляются различного рода союзы и общества...

Оренбург в этом отношении не отстаёт: уже состоялись два татарских митинга, на которых, несмотря на их многолюдность, царил образцовый порядок. Оживлённые прения под руководством интеллигентных мусульман-ораторов лучше всего доказывают, что вековая броня инертности и рутины, наконец, пробита волной освободительного движения и можно рассчитывать, что благотворные лучи света и знания всё больше и больше будут проникать в тёмную ещё и фанатичную мусульманскую среду.

А что эта среда ещё темна и фанатична лучше всего доказывает имевший место в Оренбурге случай. Месяц назад идущие впереди своего общества мусульманские интеллигенты задумали доброе дело – устройство в городском театре мусульманского праздника. Исполнителями имели место выступить как в мужских, так и в женских ролях исключительно местные мусульмане и их родственницы. Уже были расклеены по городу афиши о спектакле, пьесы срепетированы и приняты меры к тому, чтобы не оскорбилось национальное чувство мусульман. Театральные ложи для зрительниц-мусульманок завешаны кисеёй, раздевальня мужчин изолирована от такой же женской.

Несмотря на всё это, приходские муллы городских мечетей усмотрели в предполагающемся новшестве великую дерзость, оскорбляющую национальное и религиозное чувства правоверных мусульман. Энергичное противодействие возымело силу и благое начинание не осуществилось: спектакль был отменён, а предприниматели понесли незаслуженные убытки.

Если появление мусульманской женщины с открытым лицом на подмостках театральной сцены – этой, своего рода общенациональной школы, считается до сего времени предосудительным, то почему же не протестуется открыто против появления интеллигентных мусульманок (татарок), без покрывал гуляющих и катающихся по городским улицам?...»³

Тем не менее, в Народном доме (*находился на месте нынешнего театра музыкальной комедии – Т.С.*) на исходе февраля 1907 года «группой мусульманской молодёжи устроен литературно-вокальный вечер на татарском языке», средства от которого направлены «в пользу безработных рабочих и служащих мельничного союза». Современник события утверждал: «Этот вечер является новым не только для Оренбурга, но и вообще в

России»⁴. Тогда же открылся концертный зал «Декаданс», в помещении которого ныне располагается татарский драматический театр.

Сотрудник ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Оренбургский край» позднее в заметке под названием «Благотворительный спектакль» сообщал: «Во вторник 3 апреля (*16 апреля по новому стилю* — Т.С.) первый раз в Оренбурге будет поставлен спектакль на татарском языке. К постановке готовится драма в пяти действиях и трёх картинах «Мурад Салимов» (перевод с турецкого) и комедия в одном действии «Кизьсурау». Половина чистого сбора поступит в пользу общества приказчиков»⁵.

Накануне премьеры последовал анонс: «Состоится татарский спектакль в Народном доме в 8,5 часов вечера. Это первый раз, когда в Оренбурге состоится татарский спектакль. Надеемся, что интересный спектакль — это новое явление в нашей жизни и симпатичная цель его привлечёт много публики. Желаем инициатору спектакля члену правления общества приказчиков Ф. Шамсутдинову полного успеха»⁶.

Скрывшись за подписью «М-ъ», побывавший в Народном доме оренбуржец, писал: «Пьеса «Мурад Селимов» не оригинальная, заимствованная из турецкого и применённая к татарской жизни, теряет всякое основание. Мурад Селимов — молодой человек, бедный, учился в Париже и вернулся на родину. Хочет жениться на дочери богатого купца. Но положение его не позволяет сделать предложение. Наконец, ему предлагают в Париже место лектора в «Восточной академии». Он уезжает, заняв у купца денег. Через месяц возвращается, делает предложение дочери купца, после свадьбы уезжает с невестой. Пьеса составлена неумело. Исполнение неважное. Отсутствие женщин понудило мужчин исполнять женские роли. Господин Сакаев (Мурад Селимов) свою роль провёл слабо — нет никакого выражения жизни. Дочь купца Нуралия в исполнении господина Фидигас вышла ужасно неудачно. В общем, постановка пьесы имела массу пробелов, но ведь это в первый раз!

«Кизь-Сурау» — водевиль. Эта переделанная и применённая к татарской жизни пьеса «Предложение» А. Чехова. Исполнение было довольно удачное. Исполнители, особенно господин Рузвельд (Фатима) и помещик (господин Н.), подверглись шумной овации. Зал был переполнен»⁷.

В 1908 году на страницах «Оренбургской газеты» появилось сообщение: «Местной татарской молодёжью устраивается в Народном доме спектакль на татарском языке. Ставятся две комедии из жизни татар «Пишк беляси» («Беда от любви») в 4-х действиях и «Кияу Излау» («За женихом») в 1-м действии. Как известно, оренбургские мусульмане за исключением некоторых стариков, всегда косо смотрящих на всякие нов-

шества, очень сочувственно относятся к спектаклям на родном языке. В прошлом (*m.e. 1907 — Т.С.*) году в Оренбурге татарами поставлены три разные пьесы на своём языке»⁸.

Отзыв о спектакле, напечатанный в «Оренбургской газете», был очень кратким: «Спектакль вполне удался. В зрительном зале мы видели около 50 татарок, были видны и седые бороды — фанатизм последователей Корана смягчается. Желательно, чтобы инициаторы татарских спектаклей продолжили своё симпатичное начинание»⁹.

Ещё в середине октября 1908 года «Оренбургская газета» информировала: «На днях приезжает из Казани мусульманская драматическая труппа, организованная в начале сезона в Москве небезызвестным артистом мусульманином Ашкадарским. В качестве главного администратора и режиссёра состоит г. Кариев. У нас это первая в России профессиональная мусульманская труппа предполагает дать ряд гастролей, причём спектакли пойдут на татарском языке, репертуаром послужат лучшие комедии, драмы и водевили мусульманских писателей»¹⁰.

Несколько заметок под названием «Татарский спектакль» опубликованы в «Оренбургской газете» в декабре 1908 года. Первая из них гласила: «Как мы слышали, татарская молодёжь собирается ставить на сцене городского театра спектакль на татарском языке: будут поставлены «Жизнь с тремя жёнами», драма в 4-х действиях Исакова и «Иск жениха», водевиль в 1 действии. Предполагается пожертвовать в пользу глазной лечебницы»¹¹.

Во второй говорилось: «В декабре в городском театре на днях прибывшей передвижной татарской драматической труппой будет поставлен спектакль на татарском языке. Труппа состоит из 4 женщин и 8 мужчин. Будут поставлены «Ят хатун» («Молодая жена»), драма из татарской жизни, последний акт которой происходит в Оренбурге, и водевиль в 1 действии «Тёща в дом — всё вверх дном» в переводе. Самая выдающаяся личность в труппе — госпожа Гиззатуллина»¹².

Затем читателей уведомили: «Происки некоторых мулл и фанатично настроенных купцов против татарского спектакля не увенчались успехом: мусульманская передвижная драматическая труппа опять ставит спектакль, который пройдёт примерно 23 декабря в 3-й день Курбан-байрама в городском театре. Ставятся: «Хозяин и приказчик», комедия из татарской жизни в 3 действиях; «Мисхараланмин ханум» (Оскорблённая женщина), драма в 1 действии.

Мусульманская труппа собирается устроить восточный литературный вечер в общественном собрании, где будут участвовать и местные силы»¹³.

К сожалению, выходявшие в Оренбуржье в течение 1909, 1911 – 1912 гг. периодические издания в государственном архиве Оренбургской области отсутствуют, и у нас нет возможности выявить публикации о выступлениях татарских драматических трупп. Да и те малочисленные, что удалось обнаружить в газетах за 1913 – 1915 гг. щедростью на полноту информации не отличаются.

«Общественно-политическая, литературная, внепартийная» газета «Оренбургский край» в январе 1913 года сообщила: «В среду 30 января в городском театре артистом Г.Ф. Гоммерским при участии местных любителей на татарском языке представлено будет «Энгель Хизмат», драма в 4-х действиях пера Л. Мустафа»¹⁴.

Хроникёр «Оренбургской газеты» на исходе 1913 года информировала: «14 декабря в городском театре труппой «Нур» будет поставлена пьеса «Голод заставил» в пяти действиях. В пьесе выводится голодный год в татарской деревне и продажа голодными крестьянами своих дочерей туркменам и рабская жизнь несчастных татарок в Средней Азии. Автор этой популярной пьесы оренбуржец Я. Валеев. В заключение ставится водевиль»¹⁵.

В заметке под названием «Среди мусульман» сотрудник «Оренбургской газеты» в начале февраля 1914 года писал: «В субботу 8 февраля в городском театре состоится спектакль на татарском языке. Спектакль этот является бенефисом артистки Гизатуллиной-Волжской. Пойдёт трагедия Шекспира «Коварство и любовь»¹⁶.

В том же издании весной 1915 года появилась информация: «17 мая в городском театре состоялся мусульманский спектакль. Поставлена была пьеса «Ходжа Хем» (хозяин и приказчик). Играли артисты-любители драматического искусства. Публики было мало. Отсутствовала музыка»¹⁷.

Не были многословными оренбургские журналисты и в 1915 году, через газету «Оренбургская жизнь» известив земляков: «Завтра (2 декабря – Т.С.) в городском театре состоится *обычный* (выделено мной – Т.С.) татарский спектакль. Идёт «Табылдык» – комедия и концертное отделение»; «28 декабря в городском театре мусульманский спектакль. Представлено будет «Мугалляма» (учительница) – драма в 3-х действиях»¹⁸.

Хочется надеяться, что исследователи заинтересуются таким сложным в изучении (из-за отсутствия необходимого научно-справочного аппарата) и таким интереснейшим историческим источником, как периодические издания, продолжив поиски сведений по истории оренбургского татарского театра.

Примечания

1. «Оренбургская газета», 27 ноября 1905 года.
2. Там же, 3 декабря 1905 года.
3. «Голос Оренбурга», 1 января 1906 года.
4. «Оренбургский край», 18 февраля, 24 февраля 1907 года.
5. Там же, 30 марта 1907 года.
6. Там же, 1 апреля 1907 года.
7. Там же, 7 апреля 1907 года.
8. «Оренбургская газета», 5 февраля 1908 года.
9. Там же, 10 февраля 1908 года.
10. Там же, 18 октября 1908 года.
11. Там же, 3 декабря 1908 года.
12. Там же, 11 декабря 1908 года.
13. Там же, 18 декабря 1908 года.
14. «Оренбургская газета», 23 января 1913 года.
15. Там же, 13 декабря 1913 года.
16. Там же, 7 февраля 1914 года.
17. Там же, 19 мая 1915 года.
18. «Оренбургская жизнь», 1 декабря 1915 года.

О.Н. Сзибнева

«АПЛОДИРОВАЛИ ЕГО ИСКУССТВУ...»

**(к 105-летию со дня рождения заслуженного артиста
РСФСР, режиссера-постановщика Оренбургского татарского
драматического театра В.Г. Фатыхова)**

Исторические события в России в конце XX века внесли существенные коррективы в научные представления о ценности источников официального и личного происхождения, необходимых для объективного и всестороннего изучения прошлого. Полноценное понимание новейшей истории оказалось невозможным без анализа биографических и генеалогических данных об участниках исторических событий: их именах, возрасте, образовании, социальном положении, обстоятельствах общественной и служебной деятельности.

В Государственном архиве Оренбургской области хранится Коллекция документальных материалов о деятельности работников искусств. В данной коллекции представлены ценнейшие документы по истории науки, культуры, просвещения, общественно-политической жизни Оренбургской области. Документы содержат творческие произведения,

биографические сведения, переписку, фотографии фондообразователя, документы из личных семейных архивов. Документы фонда Коллекции объединены по профессиональному признаку (деятели литературы, изобразительного искусства, актеры и режиссеры), по составу и содержанию небольшого объема.

Сохранившиеся источники повествуют о создании и развитии Оренбургского татарского театра, его видных деятелях. 31 декабря 2010 года исполнилось 105 лет со дня рождения известного режиссера-постановщика, художественного руководителя театра, заслуженного артиста РСФСР Вали Галимовича Фатыхова.

Сформированные документы разнообразны и отражают не только творческую деятельность известного артиста: биографические (личное дело, удостоверения к медалям, почетные грамоты) и материалы режиссерской деятельности (фотоальбомы, пожелтевшие от времени афиши, программы представлений, тексты пьес, поставленные коллективом татарского драматического театра).

Вали Галимович Фатыхов родился 31 декабря 1905 года в городе Оренбурге, в семье ремесленника. После окончания татарской начальной школы поступил в медресе Хусаиния. С 1923 года продолжил обучение в татарском педагогическом училище, но из-за трудного материального положения в семье не смог его окончить и с 1925 года стал работать артистом в кружке рабочей молодежи транспортников при клубе «Пищевик»¹.

Вот как артист вспоминал о начале своей творческой карьеры: «Случилось это в бурные революционные годы в Оренбурге. В революционном татарском полку, который формировался в нашем городе, был организован драматический кружок. Гиляж Удалой, активный кружковец, как-то предложил мне сыграть в пьесе Г. Камала «Несчастный юноша» роль... старушки. Скажу откровенно, удивил меня: я — парнишка, и вдруг исполняй старушку. Но все-таки сыграл. И с той поры театр меня заполонил»².

Свой первый спектакль драматическая группа, в которую вошли артисты из Оренбурга, Казани и Уфы, дала в 1924 году. На татарском языке группой было поставлено много пьес, рассказывающих о революции, гражданской войне, становлении советской власти в Оренбуржье.

В самом начале артистической деятельности В.Г. Фатыхову посчастливилось работать с людьми, чьи имена впоследствии узнала вся страна — народным артистом СССР Х. Абжалиловым, заслуженной артисткой РСФСР Ф. Ильской, известным драматургом Г. Камалом.

В 1925 году решением горисполкома в Оренбурге создана профессиональная татарская труппа. В 1928 — 1929 годах Вали Фатыхов работал артистом Оренбургского татарского колхозно-совхозного театра. Молодой

актер много работал над своим творческим ростом. Актерская профессия для него была трудна и увлекательна. Он становится музыкальным героем театра, исполнив главные роли, как Батыржан в спектакле «Наемщик» Таджи Гиззата, Булат в спектакле «Голубая шаль» Карима Тинчурина, роли Халила, Исмагила в «Галия-Бану» Мирхайдара Файзи. Одновременно В.Г. Фатыхов приобщался к писательской работе. Им были написаны и поставлены в этом театре такие пьесы, как «Шауракай», «Прекрасная Гизылбанат», «Последние слова», «Молодость героя» о жизни и творчестве Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии поэта Мусы Джалиля в период его работы в Оренбурге. С 1933 года Фатыхов работает режиссером Оренбургского колхозно-совхозного театра, в 1937 году после окончания режиссерской школы в Москве он становится художественным руководителем театра³.

Яркие свидетели творческого пути артиста – фотографии с дарственными надписями. По-своему любопытен фотоальбом артистов Оренбургского татарского драматического театра. Здесь представлены фотоснимки первого состава Оренбургского татарского драматического городского театра за 1925, 1935, 1936 годы. Они отражают сцены из поставленных В.Г. Фатыховым и показанных не только оренбургскому зрителю спектаклей «Башмачки», «Кодача», «Молодость героя» и многих других⁴.

В период Великой Отечественной войны, обслуживая бойцов советской армии, отправлявшихся на фронт, и раненых в госпиталях, артисты театра давали до 5 выступлений в день. Иногда бывало и так, что, приезжая на гастроли в село, вечером артисты играли на сцене, а днем работали в поле, помогали колхозникам. Несмотря на сложности, в военные и послевоенные годы В.Г. Фатыхов со своим прославленным театральным коллективом побывал даже в самых отдаленных селах Оренбуржья и Башкирии. Оренбургский татарский театр – желанный гость в городах Куйбышеве, Ульяновске, Саратове, Волгограде, Астрахани, почти во всех городах Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана⁵.

Этому трудолюбивому коллективу одинаково удавались и драматические, и комедийные, музыкальные сценические произведения. Оренбургский татарский колхозно-совхозный театр был закрыт в апреле 1949 года. Силами оставшихся профессиональных артистов бывшего театра под руководством В.Г. Фатыхова в этом же году было принято решение о создании при Оренбургской филармонии татарского драматического коллектива.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся успехи в развитии театрального искусства 30 мая 1967 года В.Г. Фатыхову присвоено почетное звание заслуженного артиста РСФСР⁶.

На страницах газеты «Южный Урал» от 9 декабря 1967 года рассказывается о состоявшейся в Оренбурге премьере спектакля «Парень из Мустафино», представленной татарским коллективом областной филармонии. В спектакле о юном поэте Мусе Джалиле заслуженный артист РСФСР В.Г. Фатыхов являлся не только постановщиком, но и исполнителем роли хазрата, шарлатана в чалме. Автор публикации отмечал, что «спектакль был красочно оформлен, артисты своими руками сшили характерные для того времени костюмы. Спектакль о Мусе Джалиле был тепло принят зрителями. Самым строгим ценителем этого художественного произведения была сестра поэта Хадича Залилова, которая заметила, что театр сумел воссоздать образ юного Джалиля»⁷.

Среди многочисленных отзывов зрителей о спектаклях татарского драматического коллектива хранится благодарственная запись директора Ленинградского государственного театра эстрады Б. Баринова, составленная 26 декабря 1967 года: «Театр эстрады выражает искреннюю благодарность коллективу татарского театра Оренбургской филармонии, который своими успешными гастролями в нашем городе внес весомый вклад в дело эстетического воспитания ленинградского зрителя. Разнообразный репертуар театра, талант его артистов позволили увидеть в подлиннике произведения классиков татарской драматургии и пьесы современных татарских авторов, показанные в ярких выразительных постановках заслуженного артиста РСФСР В.Г. Фатыхова»⁸.

С апреля 1970 года татарская драматическая группа при областной филармонии стала носить имя театра, так как коллектив являлся центром национальной татарской культуры в Оренбуржье⁹.

В должности режиссера-постановщика татарского драматического театра Вали Галимович проработал до 5 августа 1982 года¹⁰.

Продолжателям дела заслуженного артиста РСФСР В.Г. Фатыхова пожелаем новых творческих успехов.

Примечания

1. ГАОО. Ф. Р.1540. Оп. 1. Д. 43 ЛЛ. 1, 8.
2. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
3. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп.1 . Д. 43 . Л. 9.
4. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 48. ЛЛ. 3, 4, 6.
5. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп.1. Д. 59. Л. 8.
6. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.
7. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
8. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 53. Л. 9.
9. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
10. ГАОО. Ф. Р. 1540. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.

ВКЛАД В.Г. ФАТЫХОВА В РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ОРЕНБУРЖЬЕ

Роль личности В.Г. Фатыхова в развитии Оренбургского татарского театра периода 1919—1980 годов значительна и многогранна. За время своей многолетней актерской и режиссерской деятельности в театре им сыграно более 350 ролей, он был ведущим актером театра, исполняя самые сложные в творческом и драматургическом отношении роли, им поставлено на сцене театра более 200 спектаклей, он сам нередко выступал не только режиссером-постановщиком, но и автором пьес.

Вали Галимович Фатыхов был хорошим другом поэта, Героя Советского Союза Мусы Джалиля, они вместе учились в медресе Хусаиния, часто встречались, обсуждая свои творческие планы. Ему дед посвятил свою пьесу «Молодость героя» (1966), которая рассказывает о юности М. Джалиля и его жизни в Оренбурге, а позднее пьесу «Мустафа егете» («Парень из Мустафино», 1966), которая повествует о жизни и творчестве поэта Героя Советского Союза Мусы Джалиля, о его борьбе с контрреволюционными силами и их прислужниками в области литературы.

История Оренбургского татарского театра неразрывно связана с жизнью и трудом Вали Галимовича. Театр много раз оказывался под угрозой закрытия, был период, когда в связи с отсутствием финансирования театр расформировали. Но удивительные качества человеческой Личности — страстная любовь к театру, ответственность перед своим народом, желание сохранить традиции татарского национального искусства — вопреки всему проложили себе дорогу в бесконечность Творчества, в бесмертие Прекрасного.

Вали Галимович Фатыхов родился 31 декабря 1905 года в городе Оренбурге в семье кустика-шапочника. Отец Галим был мобилизован на фронт Первой мировой войны в 1914 году и погиб там. Мать — Марьямбану воспитала двоих сирот — дочь и сына, работая кухаркой. Вали окончил мактяб (школу) и в 1907 году поступил в медресе Хусаиния. В 1922 году в Оренбурге создается профессиональная татарская драматическая труппа под названием «Шарык» («Восток») под руководством Сабира Кудашева-Гаспринского, куда приглашают молодого Вали Фатыхова. Ему посчастливилось в самом начале артистической деятельности встретиться и работать с людьми одаренными, бескорыстно любящими театр: с Халилом Абжалиловым, после ставшим народным артистом СССР, Фа-

тымой Ильской, народной артисткой Татарской АССР и РСФСР, композитором Салихом Сайдашевым, с известными артистами Ильясом Кудашевым, Камалом Первым, Исахаком Альмяшевым, Фатымой Камаловой, после ставшей заслуженной артисткой РСФСР и народной артисткой Татарской АССР, Сабиром Кудашевым-Гаспринским (его первым наставником) и др. Лишь через три года, в 1925 году, решением Оренбургского горсовета официально создается Оренбургский татарский драматический государственный театр¹.

В 1925 году театр получает второе рождение: ему присваивается новый статус — статус профессионального советского татарского театра. Решением Оренбургского горсовета официально создается Оренбургский татарский драматический государственный театр. Торжественное открытие татарского театра прошло в конце февраля 1926 года². Уже 13 марта этого же года в театре поставили комедию «Жемчужная каша»³. Именно тогда Вали Фатыхов в полной мере проявляет свои творческие способности. Музыканту, обладающему приятным тенором, поручаются главные музыкальные роли в спектаклях драматургов-классиков «Тагир и Зухра», «Аршин Мал Алан», «Галиябану». Молодой актер настолько увлекается искусством драматургии, что сам пишет пьесы. Но молодые начинания юного режиссера не приносят успеха: его романтические пьесы, пронизанные лирикой человеческих чувств — «Шауракай» и «Гизылбанат», не вошли в репертуар театра как «не соответствующие времени». Режиссер и руководитель театра Сабир Кудашев-Гаспринский стал привлекать Вали Фатыхова и к режиссерской работе. Добросовестный неутомимый творческий труд и добрые отношения к товарищам вскоре сделали Вали Фатыхова любимцем театрального коллектива. До 1930 года театр носил названия «Деревенский передвижной театр», «Татарский драматический государственный театр». Вали Фатыхов принимал самое активное участие в театральной жизни. Росло его актерское мастерство. В тридцатые годы он едет в Москву для повышения квалификации. Окончив Высшие курсы подготовки режиссеров в классе К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, он, по возвращении домой, становится режиссером театра.

В 1929–30-е годы в Оренбуржье, как и во всей стране, идет процесс коллективизации сельского хозяйства. По просьбе коллектива театр был переименован в «Передвижной колхозно-совхозный государственный театр» и находился в ведении отдела Управления искусств облисполкома, являясь самостоятельной хозрасчетной единицей. В двадцатые годы создано ГУБОНО, которому подчинялись не только учебные заведения, но и все учреждения культуры. При ГУБОНО создается Советнацмен

(Совет национальных меньшинств), в который входили представители национальных меньшинств, проживающих в Оренбурге (татар, казахов, башкир и других). В январе 1925 года состоялось первое совещание представителей культпросветучреждений, где решался вопрос о создании татаро-башкирского драматического театра. Совещание постановило: 1) выделить помещение под новый театр; 2) организовать театральную труппу артистов; 3) определить руководящий состав театра⁴. Хотя официально татарский драматический театр был создан в 1925 году, однако со стороны областных и городских руководителей ему уделялось недостаточное внимание. Не решался вопрос о помещении: театр вынужден был арендовать помещение для проведения репетиций и постановок спектаклей и хранения декораций и костюмов в разных клубах города. В тридцатые годы, договорившись с председателем колхоза, сняли под базу татарского театра бывшую мечеть в селе Татарская Каргала. В период с 1925 по 1930 год театр настолько вырос творчески, что уже имел возможность гастролировать за пределами области. Так, в сезон 1930—1931 годы организованы гастроли по Союзу ССР совместно с Казанским государственным театром.

В 1931—1935 гг. театр успешно выступал в городе Оренбурге в помещении драматического театра, гастролировал по городам Поволжья, по регионам и селам области и в прилегающих районах Башкирии и Татарии. Особенным творческим успехом пользуются артисты Рокия Кушловская, Вали Фатыхов, Идиат Ядгаров, Гата Сабилов-Камский, Исхак Альмяшев, Фатыма Камалова, Хадича Тагирова-Ханская, Сафа Габитов, Шакир Мазитов⁵.

Режиссер и актер Вали Галимович Фатыхов в июле 1936 года был приглашен для работы режиссером в Ташкентский государственный театр им. Хамзы. Выполнив режиссерскую работу по договору в Ташкентском театре, Фатыхов вернулся обратно в театр и был снова зачислен на должность режиссера и актера. С 1936 года он становится директором и главным режиссером, художественным руководителем театра. Впоследствии его не раз приглашали работать в театры и творческие коллективы Ташкента, Казани и многих других городов, но он отказывался от них, считая нужным развивать театр именно в Оренбурге. Итак, с 1936 года В.Г. Фатыхов — актер, главный режиссер и директор Чкаловского областного колхозно-совхозного театра. Спектакли большого полотна, такие, как «Первые цветы», «Наемщик», «Их было трое», «У берегов Кандыра», проходили в городе в помещениях клубов и областного драматического театра, так как театр не имел своего помещения. Особым успехом у зрителя пользовались концертные программы и музыкальные спектакли

«Наемщик», «Голубая шаль», «У берегов Кандыра» и комедия «Господин Хаджи женится», где главные роли исполняли Рокия Кушловская, Вали Фатыхов, Фатыма Камалова, Хадича Ханская, Гата Сабири-Камский⁶. 1937 год стал роковым для многих деятелей интеллигенции того времени. Волна сталинских репрессий с новой силой прокатилась по стране, накрывая выдающихся деятелей культуры и искусства. В тот год театр лишился многих талантливых актеров, и в черный список приговоренных к расстрелу попал и мой дед. Врагами народа были признаны Исхак Альмяшев – герой сцены (по решению комитета нацмен ГУБОНО), любимец публики, человек, стоявший у истоков советского татарского театра⁷, Карим Тинчурин – прекрасный организатор и режиссер и многие другие. Мой дед и сам попадает в списки врагов народа областного НКВД. Его спасает счастливый случай: большой почитатель его таланта, работавший тогда в НКВД, увидел имя Вали Галимовича в черных списках врагов народа и вычеркнул его, тем самым, спасая его от неминуемой смерти. В связи с существовавшими в то время правилами строгой секретности дед узнал о своем спасителе только спустя 20 лет. В те годы для театра наступили тревожные времена, цензура запретила многие интересные музыкальные спектакли.

В 1938 году, выступая на страницах печати, главный режиссер Колхозно-совхозного государственного театра В.Г. Фатыхов, акцентировал свое внимание на агитационной и воспитательной работе театра: «Оренбургский театр был создан в 1925 году для культурного обслуживания трудящихся Оренбурга. В 1930 году по просьбе коллектива театра был переименован в областной колхозно-совхозный театр для широкого обслуживания населения сел Оренбуржья. Это было необходимо для воспитания в социалистическом духе татарского народа в период коллективизации и борьбы с кулачеством. Коллектив театра как политическая трибуна ставит не только спектакли и концерты, но и ведет большую политическую агитационную воспитательную работу, проводит лекции, доклады, беседы на политико-воспитательные темы среди населения татарско-башкирских сел»⁸.

Репертуар спектаклей носил строго идеологическую окраску: каждый спектакль подвергался тщательной проверке цензуры. В тридцатые года театр являлся одним из немногих мест культурного времяпрепровождения, трибуной нравственного воспитания.

В июле 1941 года началась Великая Отечественная война, и большинство актеров были мобилизованы на фронт. На войну отправился и директор театра Т.Р. Халитов. Исполнение обязанностей директора театра было возложено на главного режиссера – Вали Галимовича, которого освободи-

ли от мобилизации⁹. Годы Великой Отечественной войны не могли не отразиться и на театре — эти годы были для него тяжелым испытанием.

Руководство области оставляет В. Фатыхова для организации работы театра в тылу. Надо было не только организовать отдых тружеников тыла, но и проводить разъяснительные мероприятия по сбору урожая, устраивать политинформации, участвовать в идеологической, патриотической пропаганде, проводимой партийными органами. В те годы (1941—1945) театр гастролировал исключительно по колхозам и совхозам, возвращаясь на 4—5 дней на отдых, и снова направлялся в рейс: из села в село, из колхоза в колхоз переезжал коллектив театра. Где на повозках, а где и пешком шагали артисты в лютый мороз и летний зной. В связи с уходом многих артистов на фронт возникли большие трудности в создании репертуара. Из-за нехватки мужчин артисткам приходилось исполнять мужские роли. Большая работа велась в госпиталях. Актриса С. Саттарова писала: «Я вспоминаю годы войны. Концерты в госпиталях. Глаза раненых бойцов. Аплодисменты забинтованных рук»¹⁰. Это был самый мобильный театр Чкаловской области. Только за один 1944 год он побывал со спектаклями в 24-х национальных колхозах. А общим итогом татарского театра в эти годы стал 1061 спектакль, собравший 361 455 зрителей¹¹.

Страна несла огромные людские и материальные потери. Вскоре, из-за отсутствия средств, по решению исполкома с 1 августа 1941 года Татарский областной Государственный колхозно-совхозный театр ликвидируется (решение исполкома Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся № 1291 от 21 июля 1941 года). Но через месяц, в сентябре 1941 года, деятельность Татарского государственного колхозно-совхозного театра возобновляется (постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР за № 585 от 25 августа 1941 года). В целях финансовой поддержки театра из государственного бюджета выделяется дотация в сумме 42 450 рублей. 15 июля 1942 года театр направил на посевную 5 бригад, обслужил 17 районов¹². Особое место в репертуаре театра занимают спектакли на тему Великой Отечественной войны. 16 марта 1943 года поставлены спектакли «Дни войны» и «Мечь». Признанными мастерами татарской сцены в те годы были Рокия Кушловская (Хусаинова) и Вали Фатыхов. Появление В. Фатыхова на сцене сопровождалось длительными аплодисментами. Артистическая труппа театра являлась также своеобразным почтальоном, который доставлял вести о войне и о международной обстановке в глубинку.

Заслуги театра в годы войны были высоко оценены страной: театр был награжден Почетной грамотой Комитета по делам искусств при СНК

СССР, ЦК профсоюзов. В грамоте отмечается самоотверженная работа театра в области культурного шефства над частями героической Красной Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 13 августа 1946 года вернулся с фронта бывший директор театра Фаиз Нигматзянович Халитов и был вновь назначен руководителем театра, а В.Г. Фатыхов приступил к обязанностям художественного руководителя театра. Теперь главному режиссеру театра В.Г. Фатыхову представилась возможность заняться укреплением творческих сил театра. Состав коллектива театра вырос до 16 человек, возобновились спектакли большого полотна — «Голубая шаль», «Наемщик», «Асыльяр», что позволило поднять посещаемость зрителей.

В 1946 году театр так и не имел своего помещения, в основном работал по районам и селам, обслуживая колхозы и совхозы двумя бригадами, заезжая в прилегающие районы Башкирии и Татарии. Авторитет театра неизменно рос, о нем заговорили в Татарии и Башкирии, а также в соседних областях. В 1948 году начались трудные времена для Областного татарского колхозно-совхозного театра. Решением исполкома областного Совета депутатов трудящихся за № 545 от 15 апреля 1948 года он был снят с государственной дотации и переведен на полную самостоятельность.

В 1949 году из-за нехватки средств театр вновь закрывают. Все артисты театра увольняются. Директор и главный режиссер театра Вали Галимович Фатыхов временно назначается директором кинотеатра «Урал» (здание было снесено в период перестройки района Форштадт г. Оренбурга). Ликвидация татарского театра стала большой трагедией для моего деда, посвятившего творчеству в нем всю свою жизнь. Ему в то время предлагали работу его коллеги из Казани, но он отказывался от их предложений, мечтая возродить Оренбургский театр и прилагая все усилия для этого.

И вот в начале 1950 года бывший директор Чкаловской филармонии, называемой в те годы КЭБ — Концертно-эстрадное бюро, Лев Давыдович Бронский предлагает В.Г. Фатыхову создать при филармонии татарский драматический коллектив. Так, в Оренбурге вновь появляется небольшой татарский театр, который впоследствии достигает огромного успеха. Таким образом, только благодаря усилиям Вали Галимовича Фатыхова, Оренбургский татарский театр продолжает свою работу, удалось удержать многих талантливых артистов, которые хотели уехать в Казань и Уфу, удалось проложить дело татарской интеллигенции, сохранив для потомков Оренбургский татарский театр.

В.Г. Фатыхов начинает организовывать театр, сталкиваясь со многими трудностями. И первым его делом становится создание творческого

коллектива. В труппу приходят оставшиеся без работы ветераны театра: Ишмурза Ишаев, Зайтуна Галаяутдинова, Сара Саттарова, Магинур Ваныркина, Гата Сабиров-Камский, Фатхулла Ахмеров.

Коллектив выехал на гастроли по районам и селам области, где выступает довольно успешно. С этим репертуаром коллектив работает зимой и летом, выполняя и перевыполняя намеченный план по финансам и количеству зрителей. В конце 1950 года в коллектив возвращается артистка Фатыма Абдуллина, приступает к работе и вновь принятая в коллектив молодая артистка Разия Рафикова – моя бабушка. В дополнение к репертуару готовится концертная программа, где поют, танцуют, играют на скрипке и гармошке, читают стихи.

Пятидесятые годы стали периодом творческого подъема Вали Галимовича Фатыхова: им были поставлены сотни спектаклей таких известных драматургов-классиков и советских писателей, как Мирхайдар Файзи, Таджи Гиззат, Дабиб Ибрагимов, Шариф Камал, Галиасгар Камал и других. Первый громкий успех театру принес музыкальный спектакль по пьесе Д. Ибрагимова «Башмачки». Спектакль обличает беспечную жизнь татарских баев в дореволюционный период – их безнравственность, деспотизм, бесправное положение женщины. Этот музыкальный спектакль до конца шестидесятых годов не сходил со сцены театра и шел всегда с успехом при переполненном зрительном зале. Дополнив репертуар концертной программой, коллектив выезжает на гастроли по районам, селам, городам области, обслуживая тружеников села и городов. В 1954 году в Оренбургской области шла крупнейшая кампания по освоению целинных и залежных земель. В Акбулакском, Новоорском, Адамовском целинных районах области проживают жители татарской, башкирской, казахской национальности. Перед татарским театром филармонии была поставлена задача «культурного обслуживания» сел этих районов, где быстрыми темпами строились совхозы, в некоторых местах люди жили еще в палатках. Несмотря на трудности и неудобства, коллектив театра выезжал во время посевной и уборочной работы. На грузовой машине под открытым небом во время обеденного перерыва артисты устраивали сцену и выступали с концертной программой и со спектаклем «Башмагым», за что зрители горячо благодарили артистов. За самоотверженный труд артисты Фатыма Абдуллина, Разия Рафикова, Зайтуна Галаяутдинова, Сара Саттарова, Ишмурза Ишаев и руководитель театра режиссер Вали Фатыхов награждены медалью «За освоение целинных и залежных земель». В 1956 году татарский драматический театр, как коллектив филармонии, стал выезжать на гастроли по городам Поволжья – Куйбышев, Саратов, Волгоград, Ульяновск, Горький, а также по городам республик:

Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии. Ранней весной 1955 – 1956 гг. театр находился в гастролях по районам и селам области и в прилегающие районы и села Башкирии с репертуаром «Башмагым», «Еллар хэм юллар» и «Асылъяр». Гастроли проходили с большим успехом, так как везде было очень много татаро-башкирского населения, горячо принимавшего своих земляков.

Вскоре в жизни театра произошло яркое событие: в 1964 году, впервые за всю свою историю театр гастролирует в Ленинграде. Из воспоминаний Вали Галимовича Фатыхова: «Артисты очень волновались: как их здесь примут, полюбят ли? Но уже с первого спектакля «Кыз урлау» («Похищение девушки») стало ясно: успех обеспечен. Зрители неустанно аплодировали, а в конце спектакля кричали: «Браво! Бис!» Хотя, наш театр и привык к таким теплым приемам, но в Ленинграде это особенно приятно»¹³.

За долгие годы своей творческой деятельности В.Г. Фатыхов создал много замечательных пьес, которые были известны по всей стране. В каждой из них есть свои особенности и своя неповторимость. Конечно, нельзя отрицать, что многие из них, по законам того времени, носили идеологическую окраску, но все-таки они были близки людям, заставляли зрителя смеяться и плакать.

Осенью 1975 года театр праздновал 50-летие. В ноябре 1975 года началась подготовка к 50-летию театра, для чего была составлена программа из многочисленных отрывков спектаклей, сыгранных театром. Юбилей провели 27 декабря 1975 года в зале филармонии. Были приглашены гости из Казанского, Уфимского, Салаватского театров, представители крупных колхозов и совхозов области, коллеги из оренбургских театров – Музыкальной комедии и драматического театра им. М.Г. Горького, областного театра кукол. Зрители отмечали серьезную и многоплановую работу бессменного руководителя театра, заслуженного артиста РСФСР Вали Галимовича Фатыхова, которому 30 декабря 1975 года исполнилось 70 лет со дня рождения. 70 лет со дня рождения и 50 лет творческой деятельности совпали у Вали Галимовича Фатыхова с 50-летием его родного театра! От имени Союза художников Оренбуржья юбиляру подарили его портрет.

К этому времени в составе театра под руководством режиссера заслуженного артиста РСФСР Вали Галимовича работали артисты: Фатыма Абдуллина, Булэк Байбулатова, Зайтуна Галяутдинова, Марат Зарипов, Ишмурза Ишаев, Амина Кучитарова, Разия Рафикова, Фахри Сайфутдинов, Сара Саттарова, Халит Салихов, Рафаиль Фатыхов, Флюра Хамитдуллина, Ульфат Хамитдуллин, Энже Шафеева, Зиннат Шафеев, Фа-

ния Яхина. В 1977 году подготовили новый спектакль «Улица широкая» («Кин урамнар тар иде») Ф. Асанова, Н. Асанбаева, посвященный 60-летию Октября. Спектакль был поставлен молодым режиссером Рафаилем Фатыховым – сыном артиста РСФСР В.Г. Фатыхова. В конце 1978 года театр начинает работать над пьесой Карима Тинчурина «Казанский рушник» («Казан солгесе»). Вали Галимович Фатыхов ушел из жизни 6-го июля 1983 года.

Труд Вали Галимовича Фатыхова оценен орденом Знак Почета, многими медалями, многочисленными почетными грамотами. В мае 1967 года ему присвоено звание заслуженного артиста РСФСР. Это был человек удивительной доброты. Его дом на старинной Оренбургской улице Чичерина был всегда открыт для друзей театра – татарских и башкирских драматургов, поэтов, актеров, художников. Всю свою сознательную жизнь Вали Фатыхов отдал делу развития татарского театрального искусства. Это единственный человек, который полвека руководил Оренбургским татарским театром и шестьдесят лет отдал служению театру. Не имея специального образования (закончил медресе Хусаиния и краткосрочные режиссерские курсы), но обладая удивительно плодотворной творческой режиссерской фантазией и организаторским талантом, он с величайшим мужеством в самые трудные для страны – военные, послевоенные застойные годы – сохранил первый в России профессиональный татарский театр. Так всю свою сознательную жизнь Вали Фатыхов отдал делу развития татарского театрального искусства.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1025.
2. Смычка. 1926. 25 февраля.
3. Смычка. 1926. 20 марта.
4. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1025.
5. ГАОО. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАОО. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАОО. Ф. 450, Д. 1025.
8. Коммунист. 1938. 18 декабря.
9. ГАОО. Ф. 13. Д. 2.
10. Южный Урал. 1970. 26 ноября.
11. ГАОО. Ф. 1581. Оп. 2. Д. 4. Л. 1, 19; Д. 57. Л. 11; Д. 76. Л. 110; Д. 66. Л. 102.
12. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 681. Л. 4.
13. Из автобиографии Вали Галимовича Фатыхова.

МУЗЫКА ЖИЛА В НЕМ ВСЕГДА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА Д. ФАЙЗИ)

Оренбург богат памятными местами, с которыми связаны имена известных деятелей литературы и искусства татарского народа.

В доме № 22 по Ивановскому переулку 17 января 1910 года в семье Файзуллиных родился мальчик, которого назвали Джаудатом. Впоследствии ставший звездой на музыкальном небосклоне, композитор Джаудат Файзи первые годы своего детства провел в этом уютном уголке нашего города.

Его отец, Харис Зарифович Файзуллин, был одним из образованных людей своего времени. Поняв, что в татарских медресе многому научиться невозможно, он уезжает в Турцию, получает разносторонние знания, с отличием заканчивает учебу. Осенью 1897 года Харис возвращается в Оренбург, его приглашают преподавать в открывшееся накануне медресе «Хусаиния». В этом медресе были введены учебные предметы, которые никогда не изучались в старометодных учебных заведениях. Харис Зарифович учит шакирдов алгебре, геометрии, географии и истории. В связи с отсутствием учебников он сам пишет методические пособия, переводит с турецкого и русского языков.

С 1909 года по приглашению купца Хусаинова Файзуллин работает бухгалтером в его фирме, а затем становится его доверенным лицом.

Джаудат родился четвертым ребенком в семье и рос в атмосфере дружбы, взаимопонимания, бережного отношения друг к другу. Родители мечтали дать сыновьям высшее образование, но, прежде всего, учили их быть добрыми, справедливыми, ответственными перед обществом и людьми.

Современниками маленького Джаудата были уже известные в то время в области литературы и искусства люди, с которыми был знаком его отец: Ш. Бабич – поэт, Ф. Карими – писатель и журналист, И. Хилалов, музыкант и многие другие. Они часто приходили в дом Файзуллиных, общались. Сверстники мальчика, с которыми он учился в гимназии, играл и дружил, тоже в будущем стали известными личностями: Шура – Александр Ключарев – композитором, Ф. Мухамедов (сын писателя Ш. Мухамедова) – военным врачом, М. Джалиль – поэтом-героем.

Джаудат начальное образование получает в русской гимназии, а продолжает учебу в семилетней татарской школе имени М.И. Калинина.

Мальчик быстро находит общий язык со сверстниками: его избирают председателем школьного комитета, он ставит спектакли в драматическом кружке, сам исполняет главные роли, руководит струнным оркестром. С детства Джаудат тянется к музыке. Впервые к клавишам пианино он прикасается в доме писателя и журналиста Ш. Мухамедова. Его сыновья Фаик и Камиль играют на скрипке и мандолине, Фоат — на пианино. Услышав впервые это «семейное трио», Джаудат забывает обо всем на свете. Он восхищен игрой друга, который учит его наигрывать незатейливые мелодии. Теперь он не хочет брать в руки мандолину, его мечта — приобрести пианино.

В 1918 году в Оренбурге было создано общество «Музыка — драма». Стараниями его членов впервые в истории татарского просвещения открывается Школа восточной музыки. Харис Файзуллин, видя, что сын тянется к искусству, предлагает ему пройти прослушивание. Мальчика встречает директор школы, в будущем первый татарский профессиональный композитор Салих Сайдашев, оказавший неоценимое влияние на формирование музыкального развития Файзи. Зная, что у Джаудата нет инструмента, Сайдашев разрешает ему готовить домашние задания в школе. Юный музыкант после занятий часами слушает репетиции духового оркестра, которым дирижирует Салих Замалетдинович. К сожалению, тот вскоре уезжает из Оренбурга, школа закрывается, но мальчик не прекращает занятий. Он рисует клавиатуру на большом листе бумаги и «играет», напевая. Наконец, наступил счастливый день. Морозным зимним утром отец и сын поехали покупать пианино. Через несколько минут подъехали к богатому дому, где их приветливо встретили. Восторгу мальчика не было конца: ему очень понравился инструмент и звучанием, и такими «мягкими» клавишами. Уже дома он узнал, что пианино принадлежало золотопромышленнику, поэту Дардмэнду — Закиру Рамиеву.

В воспитании у Джаудата любви к народным песням, музыке большую роль сыграл родственник, выдающийся драматург, автор первой татарской музыкальной драмы «Галиябану» Мирхайдар Файзи. Под влиянием его пьес пятнадцатилетний подросток пишет драму «Слезы», которая в 1928 году была поставлена на оренбургской сцене.

Желая дать сыновьям высшее образование, отец решает перевезти семью в Казань. В 1925 году Джаудат Файзи навсегда прощается с родным городом. Ему тяжело это расставание: родной дом, дорогие сердцу улицы, Урал, близкие друзья, школа — все это в прошлом, все невозвратно, как и детство.

Казань восхитила Джаудата: Кремль, минарет Сююмбеки, величавая Волга — все будто бы предвещало новую, интересную жизнь. Но юноша

стоял на распутье: он увлекался музыкой, литературой, искусством. Нравилась ему и техника. Любимые занятия – игра на пианино и чтение книг. Здесь он слушает первую татарскую оперу «Сания», пишет рассказы, статьи, работает над пьесой, переводит научно-популярную литературу. На первый гонорар покупает радиодетали и собирает радиоприемник, который потом слушают всей семьей.

Круг его друзей расширяется: он знакомится с драматургом Каримом Тинчуриным, поэтом Хади Такташем, писателем Аделем Кутуем, земляком, бывшим комиссаром, а ныне писателем, инженером, руководителем казанского радицентра Шамилем Усмановым и многими другими.

Закончена средняя школа. Джаудат тянется к музыке, желает поступить в музыкальный техникум, но отец не советует делать этого. Он считает, что профессия музыканта – «несерьезная» и в техникуме не получить высшего образования. Юноша пытается поступить в индустриальный техникум, но получает неудовлетворительную оценку по физике. Чтобы попусту не терять год, он вместе с другом по направлению уезжает работать учителем в дальнюю деревню Нижегородской области. Быстро находит общий язык с детьми, ведет курсы ликбеза.

В 1929 году Джаудат Файзи становится студентом юридического факультета Казанского университета. Годы его учебы очень насыщены: он занимается журналистикой, композицией, участвует в литературно-музыкальных вечерах, на каникулах организует выездные концерты с друзьями. На практику его посылают работать судьей в один из районов Татарстана.

В 1932 году Файзи получает диплом, его оставляют работать на кафедре. Молодой преподаватель добросовестно готовится к занятиям, собирается поступать в аспирантуру, но... не может жить без музыки.

В декабре 1932 года в здании Татарского государственного академического театра проходит вечер памяти поэта Хади Такташа. Звучат его стихи, воспоминания о нем. На этом вечере впервые исполняется песня Джаудата Файзи на стихи поэта «Лесная девушка». Творческая жизнь композитора начинается с этой песни, с этого вечера.

Казани необходим оперный театр, нужны профессиональные певцы. С этой целью в 1933 году в Москве при консерватории имени П.И. Чайковского организуется татарская оперная студия, в которую набирают талантливую молодежь. Среди будущих артистов, музыкантов, композиторов и Джаудат Файзи, который с огромной радостью едет в Москву. Перед ним открываются новые, неизведанные горизонты.

Свое творчество Д. Файзи начинает как композитор-песенник. В этой области музыкального искусства он работал более сорока лет и на-

писал более двухсот песен. Многие из них можно назвать летописью XX века. Его мелодии просты и понятны, быстро запоминаются: «Песня Гульшагиды», «Оренбургская шаль», «Жду тебя»... Этим песням несколько десятков лет, но они не стареют.

Файзи был одним из тех композиторов, который писал музыку на стихи Г. Тукая. Одну из таких песен «Сегодня праздник» можно назвать самой красивой и любимой народом.

Новым жанром для татарской культуры стала музыкальная комедия. Ее рождением мы обязаны Д. Файзи. В 1942 году, когда страна переживала тяжелые дни войны, была написана первая татарская музыкальная комедия «Башмачки». Она была поставлена на многих сценах страны, переведена на русский, казахский, тувинский, украинский, узбекский языки.

Файзи — автор музыкальных комедий «Чайки», «На берегах Волги», оперы «Неотосланные письма», произведений для симфонических и духовых оркестров.

Еще с детских лет Джаудат начал собирать тексты народных песен, это увлечение продолжалось всю жизнь. Долгие годы композитор собирал мелодии, изучал их, обрабатывал для солистов, хора и оркестра. В результате была написана книга «Народные жемчужины», которая стала бесценным подарком для любителей музыки.

Народный артист Татарстана, заслуженный деятель искусств России, лауреат Государственной премии Татарстана имени Г. Тукая композитор Джаудат Файзи был способным литератором, опытным журналистом, глубоким знатоком музыки. Его любовь к родному языку, родным мелодиям, родной культуре зарождалась здесь, в степном Оренбурге.

А.Н. Потапова

СЕЛО АЛАБАЙТАЛ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Современное село Алабайтал в Беляевском районе, расположенное на правом берегу реки Урал, принадлежит к числу старинных татарских населенных пунктов Оренбургской области. До начала XVIII века территория Южного Урала практически оставалась еще не заселенной. В границах современной Оренбургской области существовал только Сакмарский татарский городок Аулчон, в устье реки Бузулук, жители которого относились к яицкому казачьему войску¹.

Известные ученые Ю.С. Зобов, Д.М. Исхаков, В.М. Кабузан и другие, проанализировав данные проведенных в XVIII веке ревизий, приш-

ли к выводу, что в 1719 г. в Оренбургском уезде татар и близких к ним мишарей не числилось². Появление татар в крае тесно связано с основанием в 1743 г. города Оренбурга и строительством укрепленных поселений по рекам Яику, Самаре и Сакмаре. Это открыло широкие возможности для активного заселения и освоения малолюдных земель.

Военные крепости-редуты, располагавшиеся вдоль побережья реки Яик, были необходимы для защиты от кочевников. Первое казачье поселение, крепость Верхнеозерная, появилась на территории современного Беляевского района в 1736 г. по указанию императрицы Анны Иоанновны, в период создания Оренбургской укрепленной линии. 13 июля 1742 г. заложили стан Оренбургского казачьего войска – Гирьяльский редут³. Наименование села тюркского происхождения. До сих пор его татары называют «Айгыр-яли» (искаженное, общеупотребительное «Айгыржал») – «Грива жеребца». Вершины красивых сизо-голубых окрестных гор напоминают развевающуюся на ветру гриву коня. Позже русское население постепенно трансформировало «Айгыр-яли» в Гирьял. Но топоним существовал и раньше, он упоминается в одном персидском сочинении XIV века в связи с описанием похода Тамерлана в 1391 г. как название переправы через реку Яик⁴. Между Гирьяльским и Верхнеозерным редутами (современные села Гирьял и Верхнеозерное) было большое пространство, и в 1752 г. поставили еще один казачий форпост № 24. Он располагался недалеко от места основания будущего села Алабайтал и, опоясанный ровом шириной 3–4 метра и такой же глубины, напоминал крепость, с воротами и часовыми.

После подавления пугачевского восстания из плотно заселенных территорий насильственно стали переселять крестьян на свободные земли побережья Урала в крепости и укрепления. В 1818 г. между старым руслом реки Урал и маленькой речкой для закладки села Алабайтал поселили 74 татарские семьи из деревень Усакальской, Новогумеровой (их сейчас нет, они располагались на реке Сакмаре) и села Бардаш Бакалинского района Башкирии⁵. Незадолго до этого, в 1801 г. в Гирьяльскую станицу переселили 166 татар из Сеитовой слободы, освободив их на три года от несения военно-казачьей службы для обзаведения хозяйством⁶. Возможно переселенцы и дали имя селу и речке.

Название села, одно из типично «конеvodческих», в переводе с татарского – «пегая кобылица», связано с легендой. Когда-то в реке утонул юноша на такой лошади, и речку назвали Алабайталкой, от нее получило свое наименование возникшее здесь поселение татар и казаков. Речка Алабайтал (правый приток реки Урал) в письменных источниках прошлого века обозначается Алабей-тальк: татарское алабай – «богатый

пестрым», тал – «тал, ива» («богатый ивой»). В данном написании гидроним можно перевести и с казахского: ала – «пестрый, пегий» и байтал – «кобылица-трехлетка»; возможно, когда-то в этих местах было особенно много и ивы, и диких лошадей.

Шли годы, Алабайтал разрастался: в 1824 г. прибыли 25 семей из села Гирьял, а в 1826 г. несколько семей из Чесноковки. Переселенцев зачислили в состав Оренбургского казачьего войска. В 1834 г. в поселении, которое стало именоваться Алабайтальским отрядом Оренбургского казачьего войска, проживало 105 семей: 207 мужчин и 118 женщин. Серьезные испытания выпали на долю местных жителей 23 апреля 1854 г. Сильный паводок на р. Урал полностью затопил Алабайтальскую станицу. Особо пострадавшим 25 семьям из казны выдали на семена и питание по 10 пудов зерна.

Особое внимание уделялось образованию и просвещению. В основном обучение было религиозное. В 2-классной приходской школе учились сыновья казаков, располагалась она на месте нынешнего медпункта. Рядом стояло здание, где казаки собирались на свои сходки. Село делилось на два микрорайона, в каждом была мечеть, а при ней действовало медресе, где обучали только мальчиков; девочек учила у себя дома абыстай. В обучении большое внимание уделялось гуманитарным наукам. Мрдгаллям Махмудов (видный татарский ученый-педагог) в своих путевых заметках по обследованию школ в казачьих поселениях в качестве положительного примера приводит новометодную школу в селе Айгырьял Оренбургской губернии (Гирьял). В селах же Алабайтал и Черкаissy, где школами заведовали, по его мнению, «реакционные муллы», наблюдалось «печальное состояние обучения и жизни учителей»⁷.

В 1900 году в Алабайтале насчитывалось уже 238 дворов с населением 1270 человек. Атаманом был Зариф Арсланов, урядником – Дмитрий Астафьев. Сохранились имена казаков среди татар: Гадельша Ахтямов, Шакир Вагапов, Миназь Хасанов, Мифтахетдин Хасанов. Активную торговлю здесь вел известный купец, прибывший из Казани, Габдрахман Хамидуллин, который держал магазины в Жанаталапе, Никольском, Алабайтале⁸.

История села неразрывно связана с пуховязальным промыслом. В татарских деревнях навыки и все тайны этого замечательного ремесла передаются из рода в род, от старших к младшим, и девочки приобщаются к работе с раннего возраста. В 1914 г. в Оренбургском казачьем войске организовали первую пуховязальную артель, которая открылась в Гирьяльской станице. В нее вступила часть алабайтальских женщин, но большинство вязали больше для рынка. Местные козы давали тонкий и

недлинный пух, и поэтому платки получались мягкие, толстые и очень теплые. В них не страшен никакой холод и ветер. А вот, чтобы связать белые тонкие ажурные паутинки, женщины использовали шерсть меринских овец, хорошо обработанная при прядении она давала тонкую нить.

Вплоть до октября 1917 г. Алабайтал именовался поселком и входил вместе с селами Верхнеозерное, Новочеркасск и Красногор, а также хуторами Елшанка, Новоалександровка в состав Гирьяльской станицы. Трудные и противоречивые годы установления советской власти оказали влияние на численность населения, которая заметно сократилась, так, в 1926 г. в селе осталось 164 двора: из них русских — 25, украинских — 4, татарских — 135, в которых проживало 705 человек⁹.

Первым секретарем комсомольской организации избрали Хасана Магзумовича Халиуллина, который многое сделал для ликвидации неграмотности среди молодежи. В 30-е годы комсомольцы, в числе которых была Хадича Ахтямова, организовали в Алабайтале школу ликбеза, в которой учились и молодые, и пожилые, по вечерам обучали в школе или ходили по домам. Писали на плохой серой бумаге, на грифельных досках. Люди тянулись к знаниям, и к 1933 г. уже почти все алабайталцы могли писать и читать¹⁰.

Первой попыткой создания коллективного хозяйства стал кооператив «Кызыл ел», куда вошли пять бедных крестьянских семей. Они брали орудия труда и семена в кредитном товариществе, расположенном в селе Озерное. В 1930 г. образовали колхоз имени Ленина, активным организатором которого стал вернувшийся после службы в Красной Армии Х.М. Халиуллин. Сельчане стали обустраивать новую жизнь. Правление колхоза расположилось в доме раскулаченного Г. Хамидуллина. Первый председатель колхоза — Нигматша Халитов. Впоследствии хозяйством руководили: Авходи Вагапов (1934—1935 гг.), Карим Рахимов (1938—1941 гг.), Кивам Япаров (1941—1948 гг.). Вспоминая о колхозной жизни, Атаула Хабибулович Махмутов, бывший председатель колхоза имени Ленина, писал: «в 1932 г. в колхозе не было тракторов, а в районе их насчитывалось 7 штук; затем создали Красногорскую МТС в селе Новочеркасск и за колхозом закрепили первые 4-колесные трактора»¹¹. Появились первые трактористы: Ш. Ахтямов, А. Аксанов, Я. Чернев, Г. Мухаметзянов.

Не обошли село и страшные годы репрессий. В 1937—1938 гг. были репрессированы десять человек, из них к высшей мере наказания приговорили Халитова Габдельхакима, Астафьева Дмитрия, Халитова Нигматшу, Хасанова Набиуллу, Махмутова Хабибуллу. Вагапов Гадельша, Рафиков Галиулла, Ахтямов Кужахмат, Япаров Ягофар и Халитов Сулейман отбывали сроки в лагерях.

Среди репрессированных бывший мулла Алабайтальской мечети Махмутов Хабибулла Махмутович, который получил духовное образование в Бухаре и пользовался большим уважением среди жителей деревни. Женившись, вместе с семьей, по решению сельчан, он стал жить в большом доме общины. Помещение состояло из 3 частей: дома муллы, медресе (школа) для мальчиков и для девочек. Хабибулла Махмутович служил в мечети и учил деревенских мальчиков, а его жена занималась с девочками. Опасаясь начавшегося раскулачивания, в 1931 г. Махмутов и вместе с ним еще несколько зажиточных крестьян уехали в Среднюю Азию, надеясь, что так они спасут свои семьи и себя. Но осенью 1931 г. дом муллы разломали. Жену и детей, оказавшихся на улице, приютила Мухаметова Махира. Так был раскулачен многодетный мулла. Вернувшись летом в 1932 г. из Средней Азии, он через районную газету отрекся от своих религиозных убеждений и сана муллы. Потом вступил в колхоз, где работал плотником. А в 1937 г. отца семерых детей арестовали. Следствие велось месяц, Хабибуллу Махмутова осудили за участие в военно-казачьей повстанческой организации, приговор привели в исполнение 11 октября 1937 г., захоронили в Зауральной роще. Только 20 лет спустя его семья узнала, что он был расстрелян, а потом реабилитирован за отсутствием состава преступления¹².

Мирную колхозную жизнь прервала война. Жители Алабайтала внесли свой вклад в дело Победы. На фронтах Великой Отечественной войны защищали Родину 160 алабайтальцев, не вернулись с полей сражений 97 человек. Одними из первых ушли на фронт четыре брата Махмутовы: Галиулла, Атаула, Касым, Абдульбар. Два брата Галиулла и Атаула ушли на фронт вместе и воевали с августа 1941 года до конца войны. В 1943 г. на Курской дуге был ранен и умер в госпитале Касым. Братья Махмутовы участвовали в прорыве блокады Ленинграда, а также в освобождении Эстонии, Литвы, Польши, с боями они вступили на землю Германии. Алабайтальцы достойно защищали Родину, о чем свидетельствуют их боевые награды, ордена и медали.

Оставшиеся в тылу работали на полях и фермах, собирали посылки на фронт, участвовали в военных займах, сборе денежных средств на танковую колонну. 24 февраля 1943 г. в район пришла телеграмма из Москвы: «Передайте колхозникам и колхозницам Буртинского района, собравшего 1 400 000 рублей на танковую колонну им. Чкалова и сдавшим 19062 пуда зерна в Фонд обороны, мой братский привет и благодарность Красной Армии. Иосиф Сталин»¹³. В числе этих колхозников и колхозниц, конечно же, были и алабайтальцы. Небольшая татарская деревня жила по законам военного времени, справляясь с тяжелым крестьянским трудом

и природными бедствиями. Весной 1942 г. в результате сильного разлива село оказалось в воде, были повреждены дома.

В воспоминаниях Минзифы Калимуллиной, вдовы, потерявшей мужа в начале войны, отражается то трудное время. Мужчин почти не было, всю работу по уходу за скотом и даже по заготовке кормов приходилось выполнять женщинам. «Вручную косили сено, силосную яму заполняли травой, а ночью по очереди ходили охранять. Часто волки близко подходили к ферме, выли жалобными голосами, но боялись не столько за себя, сколько за коров, ведь если с ними что-то случится, никто не пожалеет ни тебя, ни твоих детей». И тяжелый мужской труд трактористов лег на женские плечи: Т. Астафьевой, Г. Башировой, З. Дельмухаметовой, З. Халитовой, Г. Хасановой, Г. Мукменовой, З. Богаутдиновой. Налоговое бремя в годы войны включало в обязательном порядке сдачу продуктов: 50 кг мяса, 10 кг топленого масла, 100 яиц. По свидетельству Майфы Мухаметзяновой: «детям на питание почти ничего не оставалось, а в случае неуплаты могли забрать корову. Тяжело было работать, но труднее всего было бороться с голодом. Ведь все, что выращивали, отправляли на фронт. Самым тяжелым был год, когда ели проросшие зерна прошлогодних колосков. Сначала люди не знали, что же случилось: у детей из носа и рта шла кровь, тело покрывалось синими пятнами, потом наступала смерть. У Файрузы Ахтямовой так умерли трое детей»¹⁴. Такими страшными были последствия «септической ангины».

Нелегко было алабайтальским женщинам, но они сумели преодолеть все трудности, проработав целый день в колхозе, ночами при свете керосиновой лампы собирались в одном доме, разговаривали и вязали. Промысел оказывал большое подспорье, спасал многие семьи от голода и нищеты. В военные годы, когда колхозники «получали одни палки на трудодни», поддержать семью помогало рукоделие женщин. В пуховязальной артели им платили мизерную плату, но это были живые деньги. Вязаные изделия: платки, носки, варежки, мастерицы и сами реализовывали в Оренбурге, Беляевке или отправлялись на Гипсовый Рудник. Здесь рабочие получали паек продуктами и зарплату, а в магазине можно было купить хлеб и другие продукты.

В послевоенные годы женский труд в колхозе постепенно заменили мужским. Большинство женщин перешли на работу в пуховязальную артель и стали надомницами. Теперь не требовалось каждой работнице ездить в Гирьял за сырьем. Открылось отделение артели в селе Алабайтал. Дом выбранного бригадира становился конторой, сюда приходили за пухом, сдавали готовые платки, получали зарплату и проводили собрания. При приемке готовых платков строго оценивали качество, вес и размер

платка. Бригадир предварительно указывал сортность платка, но окончательно сорт определяли в Оренбургском пуховязальном комбинате, и в зависимости от этого назначали зарплату. Бригадиром в разные годы работали: Манжиан Ахтямова, Раиса Вагапова, Сарвар Япарова, Карима Ягудина, Линнура Рахимова, Фахирниса Дельмухаметова. Председателем Гирьяльской пуховязальной артели многие годы была Мария Косогорская.

Почти все женщины села работали надомницами в артели, вязали в каждом доме, чтобы иметь дополнительный доход. Девочки вязали кайму, паутинку раньше, чем учились писать и читать. Отделение Алабайтальское увеличивалось, в 1977 — 1978 гг. разрешили организовать Алабайтальскую пуховязальную артель. Председателем назначили К. Хасанову. Администрация артели состояла из начальника, бухгалтера-кассира и кладовщика.

Поднимая экономику хозяйства, алабайталцы ориентировались на полеводство и стремились четко организовывать процесс производства. Колхоз делился на бригады: 2 полеводческие, руководили которыми Гизатулла Губайдуллин и Сергей Чернев; тракторную возглавлял Галиулла Дельмухаметов, во главе животноводческой бригады встал Япаров Мингазетдин. В 1950 г. колхоз имени Ленина первым в районе выполнил сдачу хлеба государству, и первый раз после войны колхозникам дали по 2 кг зерна за трудодень. В 1953 г. колхоз собрал небывалый урожай — по 16 ц с гектара и был занесен на областную Доску почета.

1954 год — начало целинной эпопеи. Колхоз имени Ленина тоже поднимал целину. Посевные площади увеличились в два раза. Приехали на помощь целинники: Решетов Иван Андреевич, Селявка Геннадий, Гашакберов Наиль, Лебедев Иван, Мещеряков Николай. Из них в селе жить остались Решетов и Гашакберов. В 1956 г. колхоз собрал максимальный урожай в районе — по 20 ц с гектара и выполнил план сдачи государству зерна на 205%. Колхозникам дали за каждый трудодень по 10 кг зерна. План сдачи молока выполнили на 196%, шерсти — на 148%. Колхоз стал миллионером, а также участником ВДНХ, где был награжден дипломом и золотой медалью, а также грузовой (ГАЗ-53) и легковой автомашиной «Москвич-408»¹⁵. Кавалерами ордена Ленина стали: председатель колхоза Махмутов Атаула Хабибуллович, доярка Калимуллина Минзифа, бригадиры — Чернев Сергей, Ахтямов Идрис. Орденом Трудового Красного знамени наградили агронома Фиалко В.Г., Губайдуллина Гизатта, Дельмухаметова Галиулла. Медаль «За освоение целины» получили более 20 колхозников.

Начавшееся по всей стране в 1959 г. укрупнение колхозов привело к слиянию трех хозяйств: колхоза имени Ленина, 2-й Пятилетки и колхоза «Путь к Коммунизму» (Гирьял) в одно — колхоз имени Ленина, председа-

телем избрали А.Х. Махмута. В 1962 – 1965 гг. хозяйство села Алабайтал входило в состав Красногорского совхоза, а с 1965 г. отделение № 3 передали Белогорскому совхозу. А.Х. Махматов продолжал работать управляющим до 1968 гг. За заслуги перед Родиной был удостоен звания «Персональный пенсионер РСФСР».

В годы перестройки хозяйство отделения №3 совхоза «Белогорский» пришло в упадок: резко сократилось поголовье крупного рогатого скота (с 5 тысяч до 100 голов), часть посевных площадей не обрабатывалась из-за нехватки техники и горючего, росли долги. Сельчане приняли решение отделиться от п. Белогорский и создали свой колхоз «Урал». По данным переписи населения за 1989 г. здесь проживал 471 человек (226 мужчин и 245 женщин), большинство из них татары¹⁶. В 1997 г. население села составляло 576 человек. Упорство и трудолюбие помогают алабайтальцам преодолевать трудности. В селе действуют два фермерско-крестьянских хозяйства по выращиванию овощей и зерновых культур, которыми руководят Х.А. Хасанов и З.Н. Курамшин.

Прошлое села Алабайтал – богатая и самобытная страница в истории Оренбургского края, России. Исторически так сложилось, что большая часть алабайтальцев – татары. И люди, жившие и живущие здесь, вне зависимости от жизненных перипетий, были и остаются великими тружениками, которые сами создают и бережно сохраняют историю своей малой родины. У русского писателя Федора Абрамова есть прекрасные слова: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда он забывает свою историю».

Примечания

1. Зобов Ю.С. Начальный этап формирования татарского населения Оренбуржья (40–50-е гг. XVIII в.) // Татары в Оренбургском крае. Материалы научно-практической конференции. Оренбург: Изд-во «Димур», 1997.

2. Галигузов И.Ф. Татары и тептяри // Народы Южного Урала: история и современность. Магнитогорск, 2000. С.74 – 82.

3. Елешева Ж. К 75-летию района (строки истории) // Вестник труда. 2001. 31 мая.

4. Стрельников С.М. Географические названия Оренбургской области. Кувандык: Изд-во С.М. Стрельникова, 2002. С. 35.

5. Хусаинова Р. Как родилась «пестрая кобылица» // Вестник труда. 1998. 16 декабря.

6. Вестник труда. 1991. 14 декабря; 1998. 16 декабря.

7. Тузбеков А.И. Роль новометодных религиозных учебных заведений (медресе) в образовательной системе Оренбуржья (конца XIX — начала XX вв.). [Электронный ресурс] / <http://www.idmedina.ru/books/materials>.

8. Хусаинова Р. Указ. соч.
9. Там же.
10. К юбилею села // Вестник труда. 2002. 30 августа.
11. Материалы школьного исторического музея с. Алабайтал.
12. Там же.
13. К юбилею села // Вестник труда. 2002. 30 августа.
14. К юбилею села // Вестник труда. 2002. 22 сентября.
15. К юбилею села // Вестник труда. 2002. 30 августа.
16. Сельские населенные пункты Оренбургской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Оренбург: Управление статистики Оренбургской области, 1989. С.64.

К.А. Морзунов

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТАТАРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ (1918 – 1960-е гг.)

Татарское население Оренбургской губернии еще в дореволюционный период имело разветвленную систему образования, состоявшую главным образом из мектебе и медресе, а также светских русско-татарских школ. Так, в 1915 г. на территории Оренбургского и Орского уездов, составляющих основную часть территории современной Оренбургской области, действовали 286 мектебе (142 – в Оренбургском и 144 в Орском уездах), а также 14 русско-татарских школ¹.

На первом этапе советской истории базовым принципом образовательной политики являлся принцип «школа на родном языке». Мектебе и медресе были закрыты, а на их основе стали создаваться новые светские образовательные учреждения. Так, в Оренбургском уезде мусульманская секция уездного комитета РКП(б) в сентябре 1918 года решила открыть 19 комплектов школ для мусульманского населения². В самом Оренбурге в апреле 1918 года открылось 7 начальных школ для башкирских и татарских детей. Всего же в башкирских и татарских деревнях Оренбургского и Орского уездов начало работать 112 новых школ³. В постановлении Оренбургского губернского комитета РКП(б) «О работе губернского отдела образования» от 29 июня 1919 года говорилось о необходимости введения в коллегию отдела народного образования одного представителя от мусульманского населения⁴.

К ноябрю 1919 года в Оренбургской губернии действовало 58 татарских школ I ступени (из них 16 в г. Оренбурге), и 3 школы II ступени. В 1920 году в губернии действовали уже 141 татарская школа I ступени

и 8 школ II ступени с преподаванием на родном языке⁵. Правда, большинство этих школ создавались стихийно, без учета реальных условий финансирования.

В ходе политического воспитания трудящихся масс страны складывалась целая система культурно-политического просвещения, включающая такие массовые средства повышения культуры населения, как печать, библиотеки, клубы, музеи, театры и пр. К началу 1920 года в Оренбурге работали две татарские библиотеки и клуб, а уже в 1921 году, по данным губернского отдела народного образования, по всей Оренбургской губернии имелось 55 татарских библиотек, 20 клубов и народных домов, Восточный театр и музыкальная школа⁶.

Тяжелое экономическое положение после окончания гражданской войны и голод начала двадцатых годов не позволили государству на первых порах оказать эффективную помощь в деле строительства национальной школы. Средств крайне недоставало, что привело к значительному сокращению количества школ. Основным типом образовательных учреждений становятся договорные школы, содержащиеся на средства самого населения. В годы голода количество татарских школ значительно сократилось. В 1923 году в Оренбургском уезде для татарских детей действовало 6 государственных и 4 договорные школы. В Орском уезде осталось 6 татарских школ (2 в городе и 4 в селах). Всего же, по данным на 1 октября 1923 года, в губернии функционировало 29 татарских школ I ступени и одна школа II ступени, в которых обучалось 2870 детей⁷.

Одной из основных проблем, тормозивших развитие национальной школы, была нехватка педагогических кадров и низкий уровень подготовки работающих учителей. Подготовка национальных учительских кадров с первых лет установления советской власти стало уделяться большое внимание. Еще в июне 1918 года решением Оренбургского губернского съезда мусульман и VI-го губернского совещания по народному образованию была организована сеть летних педагогических курсов для мусульманских учителей (2 группы в Орске, 3 группы в Ново-Мусино и 3 группы в Троицке)⁸. В 1919 году татарским подотделом губоно были организованы краткосрочные и трехгодичные татарские педагогические курсы, на которых обучалось более 150 человек (имелось 3 основных и 2 подготовительных отделения). В этом же году на базе медресе «Хусаиния» был образован Восточный институт народного образования (ВИНО). В 1920 году в Оренбургской губернии снова действовала сеть краткосрочных педагогических курсов⁹. С 1921 года в Оренбурге приступил к работе 4-годичный татарский педагогический техникум, в котором в год открытия обучалось 155 учащихся¹⁰. Но просуществовал он не долго, и уже в

1922 году был объединен с русским педтехникумом с организацией при нем татарского отделения.

Большим событием в культурной жизни Оренбурга стало преобразование в 1921 году ВИНО в Татарский институт народного образования, в котором в 1922 году обучался 81 студент, из них – 75 татар, 1 башкир и 4 казаха¹¹.

В Оренбургском татаро-башкирском педтехникуме в 1924/25 учебном году обучалось 99 башкир и 70 татар, а также 5 студентов других национальностей. Практически полностью татарским был в том же году состав учащихся Ново-Каргалинского педтехникума, в котором обучалось 92 студента татарской национальности и по одному студенту из башкир, русских и чувашей¹².

К прочим трудностям национальных школ добавлялась и проблема применения методических приемов новой школы. С 1920 года начали публиковаться новые программы для общих школ, которые периодически менялись. Однако эти методические новшества практически не затрагивали национальные школы, так как были обусловлены необходимостью изучения русского языка. В 1922 году Оренбургским отделом совнацмена начала разрабатываться учебная программа для татарских школ I и II ступеней. С этой целью была образована специальная комиссия. Рассмотрение и корректировка разработанных программ были осуществлены на пленарном заседании комиссии, проводившемся с участием представителей высших татаро-башкирских учебных заведений. Однако широкого применения разработанные программы не получили, и базовыми оставались программы для русскоязычной школы¹³. Подготовленных учительских кадров для этого в национальных школах катастрофически не хватало. Только в городских национальных школах Оренбургской губернии один урок в день отводился для изучения русского языка. Лишь в одной татарской школе Оренбурга обучение велось по-русски и как предмет был введен родной язык. Не зная русского языка, педагоги не могли пользоваться методической литературой и понятно, что предложение национальным школам в 1924/25 учебном году ввести программы ГУСа оказалось нереальным. В апреле 1925 года в Оренбурге состоялось совещание преподавателей русского языка в школах национальных меньшинств, на котором было решено проходить комплексную программу сначала на национальном, а затем на русском языках.

В большинстве национальных школ и библиотеках преобладала литература религиозного содержания. В ноябре 1923 года специальная контрольная комиссия Оренбургского ГПУ целый месяц была занята

выборкой религиозных и антисоветских книг из татарской библиотеки в Оренбурге¹⁴.

Большое значение для развития народного образования имело осуществление программы всеобщего обязательного начального обучения. Начиная с 1925 года наметилась устойчивая тенденция увеличения количества национальных общеобразовательных школ. Если в Оренбургской губернии к 1925 году действовали 32 татарских школы I ступени и 1 школа II ступени, то к 1927 году было уже 50 татарских школ I ступени и 4 школы II ступени. В начальной школе обучалось 4280 татарских детей, а в школах повышенного типа – 360 детей. У татарского населения в Оренбургской губернии отмечался и один из наибольших процентов охвата детей школьной сетью – 57%, при этом довольно высоким был процент обучения девочек – 45%, в то время как по губернии в среднем обучалось 38% девочек¹⁵.

В таблице 1 приведены сравнительные данные о количестве татарских школ и обучающихся в них детей за 1928/29 и 1929/30 учебные годы.

Таблица 1 – Сеть татарских школ по Оренбургскому округу за 1928 – 1930 годы¹⁶

Национальные школы	1928/29 учебный год		1929/30 учебный год	
	кол-во школ	кол-во учащихся	кол-во школ	кол-во учащихся
Школы I ступени				
Татаро-башкирские	1	30	1	35
Русско-татарские	1	110	1	120
Татарские	69	4757	73	5270
Школы II ступени				
Татарские ШКМ	1	92	2	140
Татарские	2	373	3	342
Русско-татарские	1	105	1	114
Всего	75	5467	81	6021

По данным по Оренбургскому округу за 1929/30 учебный год средняя обеспеченность школьными местами и охват татарских детей школьного возраста составлял в городах – 93%, в сельской местности – 73%.

Продолжалось в эти годы и проведение компании по ликвидации неграмотности. В 1925 году в Орском уезде действовали 4 ликпункта для татарского населения, в которых занимались 91 человек. По всей Оренбургской губернии в 1925/26 учебном году в ликпунктах обучалось 557 татар¹⁷. В Бугурусланском округе в 1927/28 учебном году при ликпунктах обучались

1083 татар¹⁸. В 1928/29 учебном году в Оренбургском округе ликпунктами и школами малограмотных было охвачено 12% татарского населения¹⁹.

Необходимость коренного перелома в деле ликвидации неграмотности в Оренбуржье усугублялась проведением в конце двадцатых годов широкомасштабной реформы письменности тюркских народов, связанной с переводом ее с арабского на латинский алфавит.

С выходом в свет Постановления ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности СССР» от 7 августа 1929 года началось активное внедрение нового тюркского алфавита во всех образовательных и культурных учреждениях тюркских народностей. Все национальное население, грамотное на основе арабского алфавита, должно было переучиваться на новую письменность. Данное обстоятельство существенно увеличивало масштабы работы по ликвидации неграмотности. С другой стороны, переход к новому алфавиту одновременно облегчал работу по обучению неграмотных, так как обучаться грамоте, используя латинский алфавит, было значительно легче, чем на базе архаической арабской письменности.

30 ноября 1928 года было организовано Оренбургское окружное бюро по введению НТА. К концу 1928 года большинство татарских школ округа были снабжены за счет ЦИК НТА новыми учебниками, и уже начиная с 1 января 1929 года они начали свою работу на латинизированном алфавите. В округе были проведены пятидневные курсы-конференции по подготовке работников для ликпунктов. Районным исполкомам были даны указания о необходимости организации недельных районных курсов по подготовке актива и учителей²⁰.

К началу 1930 года все ликпункты и школы малограмотных Оренбургского округа уже работали по новому латинизированному алфавиту. На Оренбургском окружном съезде советов было принято решение о преобразовании Бюро по введению НТА в Окружной комитет НТА²¹. С марта по май 1930 года в округе прошел трехмесячник ликвидации неграмотности по новому алфавиту. В том же году в Оренбурге были организованы месячные курсы по подготовке ликвидаторов на 60 человек²².

В 1930 году начал свою работу Оренбургский татаро-башкирский агропединститут, преобразованный в 1932 году в татаро-башкирский пединститут и просуществовавший в этом статусе до 1935 года. Татаро-башкирское педучилище было в 1935 г. переведено из Оренбурга в Бугуруслан.

С 1937 года началась новая реформа алфавита, связанная с переходом с латинского алфавита на кириллицу. В этот период в области действовало 166 татарских школ, из них 129 начальных, 29 неполных средних и 8 средних школ.

Развитие системы национального, в том числе татарского, образования в первые десятилетия Советской власти представляло собой сложный, многоплановый процесс, включающий реформы национальных алфавитов, ликвидацию неграмотности, унификацию учебно-методического процесса в национальной школе. В середине 1930-х годов И.В. Сталиным был сформулирован новый подход к национальным культурам, которые должны были стать «национальными по форме, но социалистическими по содержанию». В подходе к национальным культурам возобладали интернационалистское направление, что нашло отражение и в дальнейшем развитии системы национального образования.

В военные и послевоенные годы система народного образования испытывала огромные трудности, связанные с проблемами материально-технического обеспечения, острой нехваткой квалифицированных педагогических кадров, учебной и методической литературы. Данные факторы, безусловно, сказывались на постепенном сокращении количества школ, на достаточно низком качестве образования, неудовлетворительной квалификации преподавательских кадров. Однако, несмотря на многочисленные трудности, в послевоенные годы удалось не только сохранить систему национального образования, но и приступить к выполнению программы всеобщего семилетнего образования. Система национального образования, сложившаяся в 20–30-е годы XX века, после войны продолжала функционировать и развиваться. Преподавание в школах по выбору родителей по-прежнему осуществлялось на родных языках.

На начало 1944/45 учебного года, по данным Чкаловского облоно, в области действовало 429 нерусских школ, в том числе 321 начальная школа, 87 неполных средних и 21 средняя школа. В этих школах обучалось 24634 ученика. Среди них действовало 138 татарских школ (86 начальных, 38 – неполных средних и 14 – средних школ), в которых обучалось в этот период 10775 детей²³.

Недостаток высококвалифицированных кадров для национальных школ привел к постановке вопроса о возобновлении работы татаро-башкирского отделения при Чкаловском госпединституте, закрытого еще в 1938 г. Однако проверка, проведенная в институте, показала, что большая часть преподавательских кадров, работавших ранее на этом отделении, из города к этому моменту уже выехала, а фонд учебной и художественной литературы был передан различным учреждениям и не мог быть восстановлен. Для возобновления работы татаро-башкирского отделения институту требовалась определенная помощь по созданию необходимой материальной базы²⁴.

С началом войны областным советом депутатов было принято решение о переводе татаро-башкирского педучилища из Бугуруслана в село Желтое Зиянчуринского района. Под учебный корпус было отведено бывшее помещение казармы. В качестве общежития был предоставлен пустующий «кулацкий» дом, состоящий из трех комнат. Все студенты, нуждающиеся в общежитии, там разместиться были просто не в состоянии. Кроме того, в селе отсутствовали не только клуб, столовая, баня, прачечная и хлебопекарня, но и не было электрического освещения, что давало дополнительные сложности в организации учебного процесса и самостоятельной работы студентов, которые вынуждены были выполнять задания при керосиновом освещении.

В 1943/44 учебном году в Желтинском педучилище обучалось 96 студентов (из них 24 было выпущено). В 1944/45 учебном году набор в Желтинское училище составил 90 человек (общее количество студентов составило 156 человек)²⁵.

После принятия 10 сентября 1945 г. постановления бюро обкома ВКП(б) «Об улучшении дела подготовки учителей в области» инструкторами отдела школ обкома в течение всего 1945/46 учебного года проводились проверки работы районных комитетов ВКП(б) по выполнению данного постановления по отношению и к национальным педучилищам. В отчете о проверке состояния Желтинского татаро-башкирского училища отмечались серьезные недостатки как организации учебного процесса, так и бытовых условий проживания учащихся и преподавателей училища. Здание барака, переоборудованного под учебный корпус, с высокими потолками и большими, обращенными на север окнами, не протапливалось и учащиеся вместе с преподавателями были вынуждены заниматься в верхней одежде. Парты и классные доски не были даже покрашены. В общежитии учащихся в каждой из комнат располагалось по 15–20 человек, спать приходилось по два человека на одной постели.

В результате проведения проверки было выявлено, что все занятия в училище ведутся исключительно на татарском языке. Башкирский язык и литература, вследствие отсутствия преподавателей и учебных пособий не преподавались вовсе и учителя для башкирских школ готовились исключительно на татарском языке. Естественно это очень сильно сказывалось на качестве их профессиональной подготовки. В связи с этим группа учащихся – башкир обратилась к инструктору обкома с жалобой на отсутствие преподавания на башкирском языке. В результате проверки облоно было рекомендовано с 1946/47 учебного года обеспечить преподавание башкирского языка²⁶.

Директор Желтинского педучилища А.М. Мусин в своей докладной записке от 20 февраля 1946 г. просил перевести педучилище снова в г. Чкалов, предлагая разместить его в бывшем здании татарской школы № 28, по адресу: ул. Орджоникидзе, 222, которая в свою очередь в годы войны была перемещена в другое помещение²⁷. Но положительного ответа на эту просьбу дано не было.

К началу 1945/46 учебного года в училище обучалось 135 человек. К концу полугодия их численность сократилась до 123 человек (86 человек по национальности татар и 37 — башкир).

Одним из больных вопросов являлась низкая подготовка учащихся, поступающих в педагогические училища. При подготовке к каждому учебному году руководство Желтинского училища направляло информационные письма с условиями приема всем директорам татарских и башкирских школ, а также публиковало условия приема в газете «Чкаловская коммуна». К началу 1947/48 учебного года в училище было подано 33 заявления, из них 13 от абитуриентов из Башкирии.

Поступая в педучилище абсолютное большинство учащихся, окончивших татарские и башкирские школы, имели очень слабую подготовку по русскому языку и литературе. Это служило основной причиной их низкой успеваемости. В течение трехлетнего обучения в педагогическом училище, практически не имея практики общения с русским населением, выпускники не овладевали русской разговорной речью, не умели грамотно писать на русском языке. Это создавало определенные трудности для их профессиональной деятельности.

К 1947/48 учебному году вопрос о преподавании башкирского языка в Желтинском педучилище так и не был решен. Учащиеся — башкиры продолжали заниматься на татарском языке и вполне понятно, что их успеваемость была значительно ниже. После окончания училища выпускники — башкиры, овладев татарским языком, но, не зная башкирской грамматики, часто отказывались поступать на работу в башкирские начальные школы²⁸.

В 1947/48 учебном году общая численность школ нерусского языка несколько сократилась, составив 407 учебных заведений. Сокращение произошло из-за уменьшения численности мордовских и башкирских школ. Количество же татарских школ напротив увеличилось до 140 (в том числе 86 начальных, 41 неполная средняя и 13 средних школ). Контингент обучающихся в этих школах также несколько повысился, составив 13852 ученика. Преподавательский состав татарских школ области составлял 785 учителей, в том числе в начальных классах работало 427 учителей, в 5—7 классах — 234 учителя, у старшеклассников преподавали

124 учителя. К 1949/50 учебному году контингент учащихся в татарских школах снова увеличился и составил 14 229 человек.

Характеризуя численность национальных школ в этот период, необходимо уточнить, что часть школ являлись «коренизированными», то есть в учебном процессе в них использовался один язык обучения, а другая часть школ условно может быть отнесена к «смешанным» — с двумя или тремя языками обучения. Отдаленность населенных пунктов и смешанный этнический состав населения, материальные затруднения, нехватка помещений, оборудования, педагогических кадров приводили к появлению таких школ, которые, пользуясь современной терминологией, можно назвать «поликультурными». «Смешанные» школы рассматривались в этот период как временное явление и при первой же возможности разъединялись по национальному признаку. В 1949/50 учебном году в Чкаловской области насчитывалось 403 нерусских школы, из них 308 «коренизированных» и 95 «смешанных».

К числу «коренизированных» в 1949/50 учебном году относилось 115 татарских школ (70 начальных, 36 семилеток и 9 средних школ), а к числу «смешанных» относилось 25 татарских школ.

Все занятия в национальных школах проводились в соответствии со специально утвержденным Министерством просвещения РСФСР учебным планом. Русский язык в национальных школах преподавался как предмет, в соответствии с постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», со второго класса в начальных школах и с третьего класса в семилетних и средних школах. В качестве иностранного языка во всех нерусских школах преподавался немецкий язык.

Основные дисциплины в татарских школах по-прежнему преподавались на родном языке. На местах случались попытки перевода преподавания в национальных школах с родного языка — на русский. Так, заведующий Сорочинским районо Григорьев распорядился в 1948/49 учебном году перевести преподавание в Медведковской татарской начальной школе на русский язык. Однако эти попытки сразу же пресекались со стороны облоно²⁹.

Абсолютное большинство национальных школ не имели типовых зданий и размещались в приспособленных, зачастую мало пригодных помещениях. Многие татарские школы все еще размещались в переоборудованных зданиях бывших мечетей. Например, здание бывшей мечети, в котором располагалась начальная школа в селе I-е Имангулово, было не приспособлено для учебных занятий и требовало ремонта. II-я Иман-

гуловская средняя школа Октябрьского района была «разбросана» сразу по пяти зданиям.

Не многим лучшее положение имели национальные школы и в городах. Так, средняя школа № 28 в г. Чкалове располагалась в помещении старого медресе. Переоборудованные под классные комнаты помещения могли вместить не более 12 парт, что создавало определенные трудности при организации учебного процесса.

Особое внимание органами власти уделялось выполнению плана всеобщего семилетнего обучения. К началу 1948/49 учебного года в Чкаловской области среди детей, не охваченных обучением в нерусских школах, на учете состояло 194 ребенка, в том числе по татарским школам — 62 человека. В начале следующего 1949/50 учебного года по татарским школам не охвачены обучением оказались 40 детей. В течение учебного года все эти дети были устроены в школы, однако из-за отсутствия одежды и обуви, а также вследствие отдаленности расположения школ многие ученики снова выбывали³⁰.

По своему образовательному уровню педагогические кадры далеко не всегда соответствовали предъявляемым требованиям. В 1948/49 учебном году только 87 учителей татарских школ (9,7%) имели высшее педагогическое образование, и еще 98 человек закончили учительский институт (10,9% учителей). Как и в других образовательных учреждениях школах, основная масса учителей в татарских школах имела образование на уровне педагогического училища (380 человек, или 42,2% учителей). При этом 157 учителей имели общее среднее образование (17,4% учителей) и 107 человек не имели даже среднего образования (11,9% учителей)³¹.

Несмотря на острую нехватку квалифицированных кадров в 1948/49 учебном году по направлению Министерства просвещения в Чкаловскую область прибыл только один преподаватель татарского языка и литературы, окончивший Казанский педагогический институт.

Одним из путей повышения квалификации учителей татарских начальных школ являлась организация системы заочного обучения при Желтинском педагогическом училище. В 1948/49 учебном году охват заочным обучением составлял 104 учителя татарских школ (что составляло 11,5% учителей этих школ)³².

Повышение квалификации учителей национальных школ зачастую затруднялось тем, что большинство учителей довольно слабо владело русским языком. В связи с этим облоно обратил особое внимание на необходимость организации обучения русскому языку учителей национальных школ.

Еще одной из острых проблем, возникающих при организации учебного процесса в национальных школах, являлось крайне бедное обеспечение наглядными пособиями, учебниками и художественной литературой на родных языках. Не могла в полной мере восполнить недостаток учебной литературы и система заказов через КОГИЗ. Так в 1948/49 учебном году из заказанных чкаловским облоно 59580 учебников на татарском языке было получено только 34368 учебников³³. В 1949/50 учебном году получено было только 27020 учебников на татарском языке (68,5% от общего количества полученных учебников).

В начале 1950-х годов проблемы подготовки квалифицированных учительских кадров сохраняли свою актуальность. В 1951/52 учебном году в Желтинском педагогическом училище обучалось 210 учащихся. Основные трудности в процессе обучения возникали по-прежнему при изучении русского языка, так как большинство абитуриентов поступали в училище из национальных сел и не владели русской разговорной речью³⁴.

Методика преподавания русского языка основывалась на базовых положениях «гениального» произведения И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В программе обучения значились такие темы как: «Русский язык – величайший язык национального и интернационального общения», «Классики марксизма-ленинизма и крупнейшие писатели о достоинствах русского языка». Программа преподавания родных языков увязывалась с преподаванием русского языка. Особое внимание обращалось на изучение грамматики и обогащение словарного запаса. При изучении курса татарской литературы основной упор делался на изучение произведений советских писателей.

Занятия в Желтинском педучилище велись в одну смену. Общежитие не могло вместить всех учащихся. В нем проживали всего 75 человек, но даже при этом спать они были вынуждены по двое на койку. Из 23 преподавателей 15 имели высшее образование, 1 – незаконченное высшее, 5 – среднее и 2 – незаконченное среднее образование. Директором училища в этот период был А.Х. Абляисов.

Конкурс при поступлении в Желтинское педучилище был достаточно высоким. Так, в 1954/55 учебном году для поступления на 1-й курс было подано 170 заявлений, а принято всего 30 человек, при этом 21 человек были зачислены без вступительных экзаменов как отличники³⁵.

Созданная еще в предвоенные годы система национального образования, несмотря на многочисленные трудности, просуществовала вплоть до второй половины 50-х годов, когда начал происходить постепенный отказ от принципа преподавания на родном языке и стал поэтапно осу-

ществляться процесс перевода национальных школ на русский язык обучения, с включением в качестве этнокультурного компонента преподавания родного языка как предмета.

21 января 1957 г. Министерством просвещения РСФСР был принят приказ «О состоянии и мерах по улучшению преподавания русского языка в нерусских школах». В Оренбургской области этот документ был изучен учителями национальных школ на прошедшем в Саракташском районе традиционном августовском совещании, где работала секция учителей нерусских начальных школ. На заседании секции был проанализирован опыт проведения занятий по русскому языку, прослушаны лекции по вопросам методики преподавания русского языка в нерусских школах.

После изучения состояния преподавания и качества знаний учащихся нерусских школ, а также анализа отчетов районных отделов образования Оренбургский облоно издал приказ от 20 октября 1958 г. «О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в нерусских школах». Районным отделам образования предписывалось организовать проверку работы всех преподавателей русского языка 5–10 классов нерусских школ, а итоги проверок обсудить на заседаниях советов по народному образованию с приглашением директоров нескольких из этих школ. На основе обобщения опыта работы лучших учителей русского языка предлагалось провести районные педагогические чтения, а также организовать выставку лучших работ по русскому языку. Во все национальные школы было разослано составленное в облоно методическое письмо «О нормах оценок знаний учащихся по русскому языку в нерусских школах».

Во исполнение приказа Оренбургского облоно от 20 октября 1958 г. был проведен областной семинар директоров нерусских школ области по вопросам преподавания русского и родного языков.

После уточнения потребности нерусских школ в учительских кадрах в Министерство просвещения РСФСР была дана заявка на направление в область учителей для татарских, башкирских и казахских школ. Помимо этого, была изучена расстановка педагогических кадров в нерусских школах и были приняты меры по трудоустройству выпускников русско-татарского отделения Оренбургского государственного педагогического института и выпускников педагогических училищ.

Продолжала действовать система повышения квалификации учителей. Через курсы, действующие при Оренбургском институте усовершенствования учителей, в 1958/59 учебном году прошло 90 учителей татарских и башкирских школ. 10 педагогов были командированы на курсы, проводимые для учителей родного языка в Казани, Актюбинске, Чебокс-

сарах. Еще 9 учителей прошли обучение на курсах учителей русского языка в нерусских школах.

В 1958/59 учебном году облоно было проверено 20 национальных школ области (всего в этот период действовали 290 нерусских школ)³⁶. Особое внимание в ходе проверки уделялось районам с многонациональным составом населения. Одним из таких был Асекеевский район, в котором в 1959 г. проживало 35,7 тысяч человек, в том числе: русских — 14 171 чел., татар — 12 055 чел., мордвы — 3803 чел., украинцев — 3504 чел., чувашей — 1445 чел. и еще 736 чел. других национальностей. Из 73 школ Асекеевского района 15 были татарскими (4 семилетние и 11 начальных), одна мордовская (средняя) и еще одна чувашская (семилетняя). При трех семилетних татарских школах имелись интернаты на 15—20 мест. Кроме того, в Асекеевской средней школе было создано 9 татарских классов, в которых обучалось 143 ученика.

Преподавание и воспитание во всех национальных школах по-прежнему велось на родном языке. Отсюда одной из проблем развития системы образования на родных языках являлось то, что выпускникам национальных школ сложнее было поступить в высшие учебные заведения. Так, ни один из выпускников национальных школ Асекеевского района в 1958—1959 гг. не поступил в вуз и только 20 человек были зачислены в техникумы области. В 1959 г. в Оренбургском сельхозинституте обучалось 114 студентов татарской национальности. Из них 87 студентов — на очном отделении и 27 — на заочном. В пединституте обучалось 118 татар (всего 1485 студентов), в мединституте — 49 студентов татарской национальности (всего 1385 студентов). В Бузулукском библиотечном техникуме на стационарном отделении обучалось 706 человек. В их числе было только 6 татар (4 студента на очном отделении и 2 — на заочном). В Оренбургском музыкальном училище обучалось 5 татар (всего 190 учащихся)³⁷.

С 9 по 12 февраля 1959 г. в г. Оренбурге прошло совещание директоров и завучей нерусских школ по вопросам контроля и руководства за преподаванием родного и русского языков. На совещании присутствовало 75 руководителей национальных школ. Сразу после этого, с 13 по 17 февраля 1959 г., в институте усовершенствования учителей прошел семинар учителей татарского языка, на котором присутствовало 15 учителей³⁸.

Главным недостатком в преподавании русского языка в национальных школах чаще всего являлась излишняя формализация процесса обучения. Уроки часто были направлены исключительно на изучение грамматики языка, зазубривание правил, при этом дети мало развивали разговорную речь, слабо пополняли свой словарный запас. В сельской

местности, где обычно компактно проживало татарское население, русский язык практически не использовался в качестве разговорного языка общения и ученики татарских школ зачастую не имели необходимой практики общения на русском языке. Это обуславливало неудовлетворительную успеваемость по данному предмету.

В 60-е годы во всех национальных школах Оренбургской области для детей, родители которых выражали желание, чтобы их дети были зачислены в классы с русским языком обучения, были организованы подготовительные группы. Это способствовало некоторому повышению успеваемости учащихся начальных классов. Однако неудовлетворительное знание учащимися русского языка по-прежнему оставалось одной из главных проблем национальных школ. В связи с этим в последующие годы по-прежнему большое внимание уделялось повышению качества преподавания русского языка в национальных школах.

В 1967 г. в Оренбургской области работали уже только 192 школы, в которых преподавание велось как на родном языке, так и на русском, но с преподаванием родного языка как предмета. В их числе были 88 школ с преподаванием татарского языка (35 – начальных, 36 – восьмилеток и 17 – средних школ), в которых обучалось 16154 ученика. В 83 школах области к этому периоду был уже осуществлен переход преподавания на русский язык с сохранением обучения родному языку в качестве предмета, в их числе в 42 татарских школах³⁹. Соотношение родного и русского языка в учебных планах общеобразовательных школ постепенно сокращалось. К концу 1960-х годов на изучение родного языка отводилось почти в два раза меньше времени, чем на русский язык, который постепенно превращался во второй родной язык. Это стало итогом отказа от принципа преподавания на родном языке и поэтапного перевода национальных школ на русский язык обучения. Родной язык при этом сохранялся в качестве этнокультурного компонента преподавания на уроках, кружках или в ходе факультативных занятий.

Примечания

1. Болодурин В.С., Сафарова А.Д. Развитие национального образования в Оренбуржье (1870 – 1940 гг.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. С. 82 – 84.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 450. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
3. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2 (Советский период). Уфа, 1966. С. 176.
4. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
5. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 100. Л. 246 – 252.
6. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 100. Л. 246.

7. Тетерятник О.П. Деятельность татарских школ в Оренбуржье в период нэпа // Татары в Оренбургском крае: научно-практическая конференция. Тезисы докладов. Оренбург, 1996. С. 87.

8. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 244.

9. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 32. Л. 73, 74; Д. 940. Л. 15.

10. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 167. Л. 158–162; Д. 221. Л. 64.

11. ГАОО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

12. ГАОО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 17. Л. 114.

13. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 308. Л. 50 об.

14. ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 304. Л. 307.

15. Тетерятник О.П. Деятельность татарских школ в Оренбуржье в период нэпа // Татары в Оренбургском крае: научно-практическая конференция. Тезисы докладов. Оренбург, 1996. С. 89.

16. Составлено по: Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 163. Л. 23–23об.

17. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927гг. Т. 1. Ч. 2. Документы и материалы. 1921–1927. М., 1984. С. 146–147.

18. Культурное строительство в Оренбуржье: Документы и материалы, 1918–1941. Челябинск, 1985. С. 108.

19. ЦДНННН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 163. Л. 24 об.

20. ЦДНННН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–2.

21. ЦДНННН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 163. Л. 25.

22. ЦДНННН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 147. Л. 11.

23. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 8. Д. 679. Л. 18

24. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 8. Д. 679. Л. 18, 18 об, 19, 19 об.

25. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 8. Д. 135. Л. 102–107.

26. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 10. Д. 608. Л. 89, 100, 102, 109а, 118.

27. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 10. Д. 608. Л. 56

28. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 12. Д. 788. Л. 36–44.

29. ЦДНННН. Ф. 317. Оп. 13. Д. 746. Л. 28–29; Оп. 14. Д. 776. Л. 32–33.

30. ЦДНННН. Ф. 317. Оп. 13. Д. 746. Л. 66; Оп. 14. Д. 776. Л. 6–9.

31. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 13. Д. 746. Л. 9–12.

32. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 13. Д. 746. Л. 15.

33. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 14. Д. 776. Л. 15.

34. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 16. Д. 958. Л. 52–54.

35. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 18. Д. 792. Л. 2–5.

36. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 20. Д. 396. Л. 48, 68.

37. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 20. Д. 396. Л. 32–36.

38. ЦДНННН. Ф. 371. Оп. 20. Д. 396. Л. 68.

39. ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 374. Л. 118–120.

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ АСЕКЕЕВСКОГО РАЙОНА НА РЕШЕНИЯ XX СЪЕЗДА КПСС

XX съезд КПСС состоялся 14—25 февраля 1956 г. в Москве в Большом Кремлевском дворце. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был заслушан делегатами съезда на утреннем закрытом заседании 25 февраля 1956 г.¹ Ход закрытого заседания съезда не стенографировался. После окончания доклада было решено прений по нему не открывать. По предложению Н.А. Булганина, председательствовавшего на этом заседании, съезд единогласно принял постановление «О культе личности и его последствиях», которое было опубликовано в печати, а также постановление о рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати.

5 марта 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ознакомлении с докладом Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС», где указывалось: «1. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик ознакомить с докладом тов. Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников. 2. Доклад тов. Хрущева разослать партийным организациям с грифом «не для печати», сняв с брошюры гриф «строго секретно». В соответствии с этим постановлением доклад зачитывался на собраниях всех партийных и комсомольских организаций². Весь жизненный мир партийцев был потрясен до основания открытой, безапелляционной дискредитацией Сталина. При этом областные партийные руководители не получили никаких дополнительных директив, ни методических инструкций, ни исторических справок, ни иных вспомогательных материалов.

12 марта 1956 г. в здании областного драматического театра им. М. Горького в 10 часов утра состоялось областное собрание партийного актива с повесткой дня: «Задачи областной партийной организации по выполнению решений XX съезда КПСС». Количество участников составило 700 человек. С основным докладом, в т.ч. с освещением основного содержания доклада Хрущева о культе личности, выступил первый секретарь Чкаловского обкома КПСС Д.С. Полянский. Интересно, что в резолюции, принятой на этом собрании, отмечено буквально несколько слов по этому вопросу: «Собрание партийного актива единодушно под-

держивает решения XX съезда КПСС и считает, что Центральный Комитет совершенно правильно выступил против культа личности, распространение которого умаляло роль партии и народных масс, принижало роль коллективного руководства в партии и нередко приводило к серьезным упущениям в работе»³.

С целью оказания помощи райкомам КПСС в разъяснении решений XX съезда КПСС в районы области было направлено 14 групп. Пропагандистские группы особое внимание обращали на разъяснение решений XX съезда КПСС колхозникам, проживающим в отдалённых пунктах, бригадах и работающим в животноводстве. Показательно замечание секретаря Чкаловского горкома КПСС К. Пономарева на одном из собраний городской партийной организации: «Последствия культа личности Сталина в политической литературе, философии, экономии, истории партии, Гражданской и Отечественной войн Центральным комитетом партии будут своевременно разобраны и решены, а нашей задачей на местах сейчас является правильное разъяснение этих вопросов людям»⁴.

Только 10 июля 1956 г. Чкаловский обком КПСС принимает постановление по данному вопросу в соответствии с указаниями Центрального Комитета (протокол № 37): «1. Постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» принять к руководству и исполнению. 2. В соответствии с постановлением ЦК КПСС считать необходимым организовать широкое разъяснение постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» ... б) обязать горкомы и райкомы КПСС в месячный срок во всех первичных партийных организациях провести открытые партийные собрания с обсуждением доклада и постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий и задачи партийных организаций»; организовать среди трудящихся коллективные читки и беседы по постановлению ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»; в) обязать редакции «Чкаловская коммуна», городских и районных газет освещать в печати работу, проводимую партийными организациями по разъяснению постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий»⁵.

Влияние культурного шока, спровоцированного докладом Н.С. Хрущева, оказалось достаточно прочным и долгим. В выступлениях, вопросах наблюдается сочетание живого интереса к тайнам давнего прошлого с растерянностью перед будущим, недовольство бытовыми условиями жизни и недоверие к нынешним властям. Среди наиболее характерных вопросов, задаваемых на собраниях, были такие, как⁶: Почему доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» читают на закрытых партсобраниях?

Почему ЦК партии не довел до сведения масс о вредности культа личности раньше, а начали говорить об этом только после смерти Сталина?

Почему после предупреждения В.И. Ленина Сталин мог стать во главе нашего государства?

Как все это могло случиться?

Как следует преподносить информацию о Сталине: его биографию, труды?

Как быть с названиями улиц, памятниками, портретами Сталина?

Когда уберут тело Сталина из Мавзолея?

Почему советское правительство помогает другим странам, когда нам самим не хватает?

Кто создавал или подписывал закон о налогах в сельской местности при жизни Сталина?

Чем объясняются трудности с продовольственным снабжением трудящихся нашей области?

Как будут решаться вопросы зарплат, пенсий, сокращения рабочего дня?

Примечательно оправдание, предварившее вопросы о том, почему в репрессивных действиях обвиняют одного Сталина и где были остальные члены Политбюро, прозвучавшее на областном собрании партийного актива 12 марта 1956 г. в докладе Д.С. Полянского: «...Некоторые товарищи могут задать вопрос, куда же смотрели члены Политбюро ЦК, почему они своевременно не выступали против культа личности и сделали это лишь в последнее время (в зале движение). Прежде всего, надо иметь в виду, что члены Политбюро смотрели на этот вопрос по-разному в разные периоды. В первое время многие из них активно поддерживали Сталина, потому что Сталин являлся одним из сильнейших марксистов, и его логика, сила и воля оказывали большое воздействие на кадры и на работу партии. Известно, что Сталин после смерти Ленина, особенно первые годы, активно боролся за ленинизм, против его извращения, против врагов ленинского учения. Исходя из ленинского учения, партия во главе со своим Центральным Комитетом развернула большую работу по социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции. В то время Сталин завоевал популярность, симпатии и поддержку. Но затем Сталин, все больше злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против советских честных людей террористические методы. Попытки выступить против необоснованных подозрений и обвинений приводили к тому, что протестовавший подвергался репрессиям.

Ясно, что такая обстановка ставила любого из членов Политбюро в крайне тяжелое положение. Если к тому же учесть, что за последние годы пленумы Центрального Комитета вовремя не созывались, а заседания Политбюро проводились от случая к случаю, то будет понятно, как трудно было кому-либо из членов Политбюро высказаться против несправедливых и неправильных мер, против очевидных ошибок в практике руководства.

Вопрос осложняется тем, что все, о чем говорилось выше, произошло при Сталине, под его руководством, с его согласия, причем он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции. Нельзя сказать, что это действия самодура. В этом истинная трагедия. Нам нужно решительно развенчать культ личности, сделать надлежащие выводы как в области идейно-теоретической, так и в области практической»⁷.

Какова же была реакция населения Асекеевского района на это событие?

Собрание районного партийного актива состоялось 19 марта 1956 г. С сообщением (около 17 страниц текста) о докладе Н.С. Хрущева выступил первый секретарь Асекеевского райкома КПСС Е.М. Гончаров. Приведем небольшие выдержки из сообщения: «Товарищи! Состоялось закрытое заседание съезда, где по вопросу о культе личности и его последствиях выступил первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев.

После смерти Сталина ЦК партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках. Такое понятие о человеке, и говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет.

В настоящем докладе не ставится задача дать всестороннюю оценку жизни и деятельности Сталина. О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. Общеизвестна роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в Гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии, речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжких извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности.

В связи с тем, что не все еще представляют себе, к чему на практике приводил культ личности, какой огромный ущерб был причинен нарушением принципа коллективного руководства в партии и сосредоточением необъятной, неограниченной власти в руках одного лица, ЦК партии счел необходимым доложить XX съезду материалы по этому вопросу...

Те отрицательные черты Сталина, которые при Ленине проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии. Сталин действовал не путем убеждения, разъяснения, кропотливой работой с людьми, а путем навязывания своих установок, путем требования безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правду, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением...

Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1934–1938 гг. «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т.п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) все возможные тяжкие и невероятные обвинения»⁸.

Фактически все основные положения выступления повторяли текст доклада на областном собрании по этому вопросу (который в свою очередь повторял доклад Н.С. Хрущева о культе личности и его последствиях), где говорилось и о злоупотреблении властью со стороны Сталина, письмах В.И. Ленина, убийстве С.М. Кирова, о репрессиях в отношении делегатов XVII съезде партии и мн. др. В одном из пунктов постановления заседания бюро Асекеевского райкома КПСС отмечалось: «п. 7. Осудить и искоренить как чуждый духу марксизма-ленинизма и несовместимый с принципами партийного руководства и нормами партийной жизни культ личности, вести беспощадную борьбу против всех и всяческих попыток возродить его в той или иной форме. Строжайше соблюдать во всех партийных организациях ленинские принципы партийного руководства и прежде всего высшего принципа — коллективного руководства по развертыванию критики и самокритики, вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью»⁹.

О реакции непосредственно населения можно судить по информации и справкам, поступавшим в Чкаловский обком КПСС. Так, например, в информации второго секретаря Асекеевского райкома КПСС И.С. Ханикова от 26 марта 1956 г. сообщалось: «19 марта с.г. состоялось собрание

районного партийного актива, где обсуждался вопрос: «О задачах районной парторганизации по выполнению решений XX съезда КПСС и собрания областного партийного актива».

После доклада были заданы следующие вопросы, касающиеся культа личности:

1. Управляющий Маслопрома т. Гиниятуллин: — «Почему эти вопросы не были подняты при жизни Сталина?»

2. Зам. пред. колхоза «Правда» т. С.Г. Валеев: — «Мы всегда объясняли о Сталине, что он вождь, как теперь о нем следует говорить?»

3. Завуч Асекеевской средней школы т. В.Н. Юртаева: — «Все указанное Сталин проделал сознательно или нет?»

Выступивший секретарь парторганизации Асекеевской МТС т. М.К. Артеменко говорил: «Я одобряю решения XX съезда КПСС и поднятый вопрос о культе личности. Культ личности нанес нашей партии большой ущерб. Он вел к нарушению социалистической законности, нарушению Ленинского принципа-коллективности руководства. Авторитет, созданный Сталину до XX съезда КПСС, после стал использоваться им в личных, корыстных целях. С согласия Сталина была расстреляна не одна сотня честных, добросовестных партийных и советских работников.

Трогательно было на собрании областного партийного актива слушать одного члена КПСС с 1905 года, который сказал, что он был посажен в тюрьму той властью, за которую он боролся всю свою сознательную жизнь. Нам необходимо вести решительную борьбу против всякого проявления культа личности и свято выполнять принципы коллективного руководства»¹⁰. При этом отмечено, что выступающие выразили глубокое удовлетворение решениями съезда, а также единодушно поддержали доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева о культе личности и его последствиях. Более того, в работе актива принял участие и выступил буровой мастер конторы бурения управления «Бугурусланнефть» А.Е. Мартъянов, делегат XX съезда КПСС. Однако его речь не содержала политических, моральных или иных оценок выступления Хрущева о культе личности. Напротив, он говорил о задачах области в народном хозяйстве: «Товарищи! Я — буровой мастер «Бугурусланнефть» был избран делегатом XX съезда КПСС, этим мне оказали большое доверие...

В нашей Чкаловской области введено более 20 мощных промышленных объектов, тяжелая промышленность возросла в 9 раз по сравнению с довоенным уровнем. В шестой пятилетке нам предстоит поднимать еще выше уровень нашей промышленности. Будет введен 7-часовой рабочий день, будет повышена зарплата рабочим и служащим, для колхозников

будут построены дома и интернаты для детей. Большая забота проявляется о женщине.

Большое внимание партия уделяет сельскому хозяйству. Наша Чкаловская область получила много техники, 10600 тракторов (в 15-кратном исчислении), много комбайнов и других сельскохозяйственных машин...

В шестой пятилетке нам необходимо увеличить валовой сбор зерна и продукции животноводства. Весенний сев должен быть проведен в 5–6 рабочих дней, скот обеспечен грубыми и сочными кормами.

Товарищи! У нас имеются все возможности досрочно выполнить план шестой пятилетки в промышленности и сельском хозяйстве»¹¹.

Течение обычной жизни населения района без отражения каких-либо серьезных изменений в связи произошедшим идеологическим событием зафиксировано в справке инструктора отдела пропаганды и агитации обкома КПСС В.Н. Завальничкой от 28 апреля 1956 г. о разъяснении материалов XX съезда КПСС в районах области: «Разъяснение трудящимся материалов XX съезда КПСС началось ещё в ходе работы съезда. В день открытия съезда во всех предприятиях, учреждениях, колхозах, совхозах и НТО были проведены митинги и собрания трудящихся. С получением материалов XX съезда КПСС началось их глубокое изучение в системе партийного просвещения и среди широких масс населения...

Хорошо поставлена массово-политическая работа в клубе колхоза им. В.И. Чапаева Асекеевского района (зав. клубом тов. Тутаев). В клубе вывешены лозунги, отражающие работу и задачи, поставленные XX съездом КПСС. Красочно оформлен перспективный план колхоза. В клубе за три месяца текущего года прочитано 9 лекций и докладов на темы: 1. О международном положении; 2. Директивы XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану; 3. Двадцатый съезд КПСС и др.

В Асекеевском районе отделением общества по распространению научных и политических знаний 5 марта 1956 года была проведена научно-производственная конференция с вопросом: «Методы получения высоких урожаев кукурузы» – докладывала т. С. Хуснулина. В прениях выступило 11 человек. В работе конференции принимали участие бригадиры тракторных и полеводческих бригад, колхозные агрономы, звеньевые и члены звеньев по выращиванию кукурузы, работники МТС. Конференция обобщила опыт выращивания кукурузы в прошлом году и наметила пути получения высоких урожаев в текущем 1956 году.

В районе прочитано 183 лекции и докладов по материалам XX съезда и проведено 1023 беседы, выпущено 27 стенных газет»¹².

Реакцию населения можно подразделить как бы на два этапа. Первый – после проведения областного собрания партийного актива, со-

стоявшегося 12 марта 1956 г. Второй – после принятия к руководству и исполнению решений Чкаловского обкома КПСС от 10 июля 1956 г., в соответствии с которыми во всех первичных партийных организациях проводились открытые партийные собрания с обсуждением постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». На первом этапе реакция выразилась в заслушивании выступления первого секретаря Асекеевского райкома КПСС на собрании районного партийного актива. На втором – последовала отчетность о проведенных мероприятиях в обком КПСС. Например, в информации от 9 августа 1956 г. указано: «При получении закрытого письма Центрального Комитета «Об итогах обсуждения решений XX съезда КПСС и ходе выполнения решений съезда» в Асекеевском райкоме партии составлен график по обсуждению данного письма в первичных партийных организациях. Был подобран партийный актив из числа членов бюро и пленума РК КПСС, который был проинструктирован о порядке проведения и обсуждения на партийных собраниях закрытого письма. На 3 августа 1956 г. в 14 организациях проведены партийные собрания, на которых присутствовало 188 членов и кандидатов в члены партии, где выступило 65 человек. Партийные собрания проходили организованно, с большой активностью коммунистов. В своих выступлениях они единодушно одобряют решение ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий, а также берут повышенные обязательства по выполнению заданий 6-го пятилетнего плана. В настоящее время обсуждение в первичных парторганизациях закрытого письма ЦК КПСС продолжается»¹³.

В информации от 1 сентября 1956 г. второй секретарь Асекеевского РК КПСС И.С. Хаников сообщает: «В Асекеевском районе имеются 37 первичных партийных организаций. Из них: 15 колхозных, МТС – 2, железнодорожных – 3, школьных – 7, учреждений – 10.

25 августа все первичные парторганизации закончили обсуждение данного письма. Из 616 членов и кандидатов КПСС, состоящих на учете в Асекеевском РК КПСС, присутствовало на партсобрании – 565 человек, выступило – 413 человек. Партийные собрания прошли организованно и с большой активностью коммунистов. Выступления коммунистов главным образом были направлены на выполнение решений XX съезда КПСС, на выполнение взятых социалистических обязательств, за быстрое завершение уборки урожая и досрочной хлебосдачи государству, на усиление организаторской и политической работы в массах.

Обсуждая письмо ЦК КПСС, коммунисты парторганизации колхоза им. С.М. Кирова решили к 1 сентября закончить уборку урожая и хлебосдачи государству. Это решение выполнено: 29 августа колхоз расчи-

тался по хлебосдаче и взяли дополнительные обязательства — сдать еще 12000 пудов хлеба, а 31 августа закончил уборку ранних зерновых культур.

Парторганизация колхоза им. В.М. Молотова, мобилизуя колхозников на успешное проведение уборки урожая и хлебосдачи государству, 31 августа закончили уборку ранних зерновых культур, засыпано в закрома Родины 67890 пудов хлеба, продолжается сверхплановая хлебосдача. Выполняя решения XX съезда КПСС о создании прочной кормовой базы для общественного скота, колхозники колхоза им. К.Е. Ворошилова при активном участии коммунистов заложили по 21,5 тонны силоса на каждую фуражную корову»¹⁴.

При этом отмечено, что в своих выступлениях коммунисты районной партийной организации единодушно одобряют решение ЦК КПСС о преодолении культа личности и его последствий. Т.е. фактически ситуация уже взята под контроль (составляются графики в первичных парторганизациях, проводится инструктаж о порядке проведения и обсуждения доклада на собраниях). Жизнь стала входить в свое привычное русло.

В целом реакция населения вполне ясна. Ведь в укоренившемся коллективном сознании обычных людей вождь был наделен всеми человеческими добродетелями, ему верили как высшему авторитету не только в политических вопросах, но и в житейских, в нем видели заступника перед лицом безжалостного и грубого начальства. Поэтому закономерной реакцией на разрушение этого мифа стал культурный шок, испытанный людьми. Они стали вспоминать, казалось бы, прочно забытые имена, задавать неудобные вопросы. В их высказываниях, репликах отчетливо проявились сомнения в политической искренности Хрущева и политической элиты в целом.

Примечания

1. Предложение о проведении закрытого заседания съезда и выступлении на нем Н.С. Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» было выдвинуто Президиумом ЦК КПСС 13 февраля 1956 г. В тот же день состоялся Пленум ЦК КПСС, который принял это предложение.

2. Известия ЦК КПСС. 1989 г. № 3. С. 166.

3. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 955. Л. 4, 28.

4. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1175. Л. 62.

5. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 977. Л. 2–3.

6. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1137. Л. 2–9.

7. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 937. Л. 3, 35.

8. Из 1966 делегатов XVII съезда было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1108 человек. ЦДНИОО. Ф. 1156. Оп. 13. Д. 36. Л. 57, 61, 62.

9. ЦДНИОО. Ф. 1156. Оп. 13. Д. 36. Л. 27.

10. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1175. Л. 37–38.
11. ЦДНПО. Ф. 1156. Оп. 13. Д. 36. Л. 22.
12. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1615. Л. 19–20.
13. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1174. Л. 9.
14. ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1174. Л. 36–37.

В.В. Емельянова

СПЕКТАКЛЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ... (О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАТАРСКОГО КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО ТЕАТРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Обширное театральное пространство Южного Урала, не случайно ставшее местом проведения международных фестивалей «Гостиный двор» и «Оренбургский арбузник», было бы беднее без областного государственного татарского театра драмы имени Мирхайдара Файзи.

История работы татарского театра не избежала трагических моментов. Так, 3 декабря 1905 г. в Оренбурге должен был состояться первый спектакль на татарском языке, уже были напечатаны афиши, даны объявления в газетах, но губернатор запретил постановку, ссылаясь на жалобы религиозных деятелей: по шариату открытое выступление татарских женщин перед публикой недопустимо. Позднее, в 1907 г. все-таки был дан большой концерт на татарском языке. Так описывает начало деятельности театра Евгения Ароновна Павлова, заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии «Оренбургская лира» (за многолетнюю работу в области театроведения) и премии им. М. Джалиля в своей работе «Текут воды, веют ветры...». Из книги мы узнаем, какой длительный и сложный путь пришлось преодолеть театру. Несмотря ни на что, коллектив театра в любые, даже самые трудные времена, дарил свое творчество благодарным зрителям.

Начало было положено. Предстояло решить много сложных задач: театр не имел своего собственного здания, ему приходилось скитаться по селам района, были и финансовые затруднения. Так, за 1936 г. театр дал 185 спектаклей, обслужив 38 тыс. зрителей. Стоимость одного спектакля составила 946 руб. 50 коп., сбор в среднем – 379 руб., убытки, таким образом, от каждого спектакля достигали 567 руб. 60 коп. Они покрывались государственной дотацией¹.

В 1939 г. директором татарского драматического театра был Т.Р. Халитов, главным режиссером – В.Г. Фатыхов. Театр по-прежнему ездил по районам и селам области, в г. Чкалове выступал в помещении драмтеатра

им. М. Горького и в клубах, выезжал и на территорию соседних Башкирии и Татарии, работая на кассу. Годовой план был выполнен по посещаемости зрителями на 96%, по городским зрителям – на 46,7%. План по сборам выездных спектаклей – на 92%, в городе – на 86,4%. План сбора с каждого спектакля был определен в 300 руб., выполнен – на 304 руб. 80 коп. Дотация в то время составляла 122 тыс. 200 рублей, фактически получено 132 тыс. 900 руб.

Театр начал вызывать интерес у прессы. Газета «Коммунист» от 8 февраля 1938 г. печатает рецензию на спектакль «Прекрасное время» («Мактаулы заман»), поставленный режиссером В. Фатыховым по пьесе Таджи Гиззата и посвященный современной колхозной жизни. Автор статьи Гиниатов положительно отозвался об идеологическом содержании пьесы и хорошем исполнении ролей артистами Фатыховым, Сатаровым, Ядгаровым, Хамитдуллиной, Ванюркиной, Камским – Сабировым.

Двадцатого апреля 1938 г. была напечатана еще одна рецензия, на спектакль «Пограничники». Автор статьи Н. Кудыргулов положительно отозвался о репертуаре театра в целом: «Театр растет, ставит глубоко содержательные пьесы, улучшается оформление спектаклей и художественный уровень, отвечающие требованиям дня».

Особым успехом пользовался спектакль «Шамсикамар», где главную роль исполняла Рокия Кушовская – об этом писала газета «Коммунист» от 5 мая 1940 г. Во второй половине 1940 г. театр поставил спектакль «Галиябану» по пьесе М. Файзи. За год производственный план был выполнен по количеству спектаклей на 70%, по посещаемости в селе – на 66,5%, по посещаемости в городе – на 75%, финансовый план – на 84%. Дотация составила 150 400 рублей, фактически было получено 147 100. Театр по-прежнему не имел своего помещения и работал двухбригадной системой. По штату в нем было 12 артистов².

Самым тяжелым испытанием для татарского театра стала Великая Отечественная война, в ходе которой его неоднократно пытались закрыть. Понятно, что от театров потребовалась большая и быстрая перестройка всей работы, чтобы решить задачу актуальной художественной агитации и пропаганды. Поэтому во всех театрах области немедленно приступили к переработке утвержденных репертуаров, с включением пьес, отражающих героическое прошлое советского народа и героики тех дней, а также пьес антифашистского характера. В результате переработки репертуар дополняют такими спектаклями, как «Парень из нашего города» («Безнен шахарнын егете») К. Симонова, «Крылатое племя» («Канатны кабисеэ») А. Первенцева, «Партизаны в степях Украины» («Партизанлар далада») А. Корнейчука и др.

В декабре 1940 г. был утвержден репертуарный план татарского колхозно-совхозного театра на 1941 г.: «Ласточка» («Карлугач») Бикбаева, «Ходжи Насретдин» Исембята, «Свадьба» («Туй») Анаса Камала, «Любовь Яровая» Тренева, «Новая советская пьеса», («Яца советлар») для обслуживания посевной и уборочной кампании³.

В июле 1941 г. большинство артистов-мужчин ушли на фронт: «Где на повозках, запряженных лошаадьми, быками, верблюдами, а то и пешком артисты шагали в летний зной, зимнюю стужу, весеннюю, осеннюю слякоть», — вспоминает актриса театра Разия Рафикова. Был мобилизован и директор татарского театра В. Халитов. Его обязанности возложили на главного режиссера — коммуниста Вали Галимовича Фатыхова, ему была предоставлена бронь от мобилизации в армию. В результате таких передвижений произошло существенное изменение в составе актерских кадров. Так, на 1942 г. в театре всего было 16 работников, из них лишь 8 — творческий состав. Но не смотря на все затруднения военной поры, репертуар был довольно широк: «Иль очен» («За Родину») Ризы Ишмуратовой, «Аршин мал алан» Хаджибекова, «Галиябану» М. Файзи, «Шимсикамар» Абдиева, «Бакчалар чэчэк ата» («Сады цветут») М. Куличенко, «Банкрот» Г. Камала, «Рыбачка с побережья» А.Д. Левина, «Яла» («Наговор») Ф. Хусни. А вот посещаемость была невысокой. Так, если план по выездным спектаклям был выполнен на 92% и посещаемость была такой же (92%), то на стационаре в г. Чкалове посещаемость составила всего 53%⁴. Невыполнение плана объяснялось тем, что выезды по области производились нерегулярно ввиду неблагоприятной погоды: бездорожье, снежные заносы и весенние разливы. Это было еще не самое плохое. В связи с нехваткой бюджета в 1941 г. на основании решения исполкома Чкаловского областного Совета депутатов трудящихся от 21 июля за № 1291 с 01 августа 1941 г. татарский областной государственный колхозно-совхозный театр был ликвидирован.

Однако через месяц, в сентябре 1941 г., постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР деятельность татарского государственного колхозно-совхозного театра восстанавливается. Устанавливается штат работников, их было 10 человек. На период с 1 сентября по 31 декабря выделяется дотация из бюджета в сумме 42 450 рублей.

Это были далеко не последние препятствия, с которыми пришлось столкнуться татарскому театру. В 1942 г. в его работе возникли еще большие трудности с созданием репертуара. Мужские роли пришлось исполнять женщинам — Хадиче Ханской, Каримовой, Галаятдиновой. В репертуар были включены спектакли камерного характера. В большинстве случаев обходились концертными программами, включая небольшие от-

рывки из спектаклей «Рыбачка с побережья» А. Левина, «Девушка с характером» («Холькылы кыз») и «Простой случай» («Гади вакыйга») В. Ардова, «У костра» («Учак буенда») и «На призывном пункте» Рудина⁵.

В 1941–1945 гг. театр работал исключительно в колхозах и совхозах, возвращаясь в г. Чкалов всего на несколько дней, и после короткого отдыха снова отправлялся в дорогу. «Наш театр почти круглый год на колесах, – вспоминает Разия Рафикова, – летом – гастроли по области, а зимой, осенью и весной – в Поволжье». В записке начальника отдела искусств Г.И. Незнамова в Чкаловский обком ВКП(б) было отмечено, что татарским колхозно-совхозным театром было заявлено 19,3 тыс. дохода, фактически собрано 26,3 тыс., т.е. план был выполнен на 136%⁶. В 1943 г. театр перевыполнил производственно-творческие планы, даже приобрел еще одну грузовую машину («трехтонку»). В сообщении Г.И. Незнамова начальнику управления по делам искусств при СНК РСФСР тов. Н.Н. Беспалову о выполнении репертуарного плана по театрам Чкаловской области были отмечены следующие постановки татарского колхозно-совхозного театра: «Журавли летят» Мукреева, «Мимолетное виденье» Ленча, «В дни войны» Суходольского, а также концертная программа на оборонную тематику. Производственный план по количеству спектаклей выполнили на 95%, по посещаемости – на 102%, по финансовому сбору – на 125%.

Задачи искусства в период Великой Отечественной войны были весьма ответственны и нелегки. Как никогда, театрам были свойственны функции агитаторов и пропагандистов. Обком ВКП(б) требовал письменные доклады от руководителей театров о проделанной работе в сфере политического и трудового воспитания населения⁷. Не допуская никаких художественных компромиссов, решительно отказываясь от всяких скидок на трудности, театры должны были стать максимально оперативными и гибкими. А если учесть, что в период Великой Отечественной войны интерес к театру и ярким патриотическим спектаклям был очень велик, и в большинстве случаев все спектакли в театрах проходили при полных сборах⁸, то можно понять, как тяжело приходилась театральным труппам, тем более тем, кто не имел собственного помещения для театра.

В докладе 1942 г. о деятельности организаций искусств Чкаловской области за годы Отечественной войны было отмечено, что работники искусства с первых дней войны смогли быстро перестроиться на военный лад и мобилизовать все силы на помощь фронту, на помощь общему делу разгрома фашистской армии. Весь идейный арсенал искусства был брошен на большой фронт агитационно-пропагандистской работы. Большую роль в повышении идейной и агитационной роли театрально-

зрелищных предприятий сыграла новая форма специальных чтков статей из газет и актуальных произведений перед началом спектаклей в драмтеатрах. Стали проводить патриотические беседы, беседы о задачах посевных кампаний и др. В татарском колхозно-совхозном театре доклады и лекции в основном проводились В. Фатыховом и Ж. Хамитдуллиной. Так, за 1943 г. ими были проведены беседы с участниками районной самодеятельности о задачах драматического кружка, о мастерстве актеров, сделан доклад о международном положении и задачах посевной кампании. В отзыве колхоза «Красная Заря» Никитинского сельского совета была положительно оценена агитационно-пропагандистская работа театра.

Начальник отдела искусств Г.И. Незнамов в докладе секретарю обкома ВКП(б) А.Я. Жукову о состоянии искусства Чкаловской области в 1943 г. отмечал, что существующий в Чкаловской области единственный национальный татарский театр, как и в предыдущие годы Великой Отечественной войны, обслуживал татарское население области. В заслугу коллектива театра, по мнению Г.И. Незнамова, следовало поставить не только его творческую, но и массово-политическую работу, которую он проводит среди национального татарского населения области. Так, благодаря поездке по Гавриловскому, Саракташскому, Зиянчуринскому районам области удалось собрать 14 центнеров семян и наличные деньги, которые были сданы колхозу «Красная Заря» Гавриловского района. Также были проведены доклады и лекции, которые нашли большой отклик у населения. Было оставлено много благодарственных надписей в книгах отзывов и предложений. Например, в отзыве от 18 марта 1943 г. из колхоза «Кызыл Чулпан» («Красная Заря») сообщалось, что В. Фатыхов сделал доклад «О международном положении и о подготовке к посевной кампании». После этого артисты сыграли спектакль «Мечь», где роль советского командира замечательно исполнил В.Г. Фатыхов, а роль учительницы сыграла Жиган Хамитдуллина. В отзыве колхоза «Красная Заря» Никитинского с/совета от 19 марта 1943 г. положительно была отмечена агитационно-пропагандистская работа и спектакли «Мечь» и «В дни войны». А в отзыве колхоза «Саитбаталл» отмечалось, что В.Г. Фатыховым так мастерски была сыграна роль немецкого офицера, что в зрительном зале не осталось ни одного человека, который бы не воспылил лютой ненавистью к врагу⁹.

Творческий состав театра за время Великой Отечественной войны пополнялся новыми актерами — это были Фатхула Ахмеров и Фатыма Абдуллина. Театр, как и прежде, не имел своего помещения, в основном работал в районах и селах, обслуживая колхозы и совхозы по гарантийным

договорам, в городе Оренбурге выступал на разных сценах. Но за годы войны коллектив творчески вырос, повысилось мастерство артистов. Так театр работал до победного 1945 г.

Тринадцатого августа 1946 г. директором театра был снова назначен вернувшийся из армии Ф.Н. Халитов, а В.Г. Фатыхов занялся непосредственно художественным руководством театра. Творческий состав вырос до 15–16 человек, возобновились масштабные спектакли: «Голубая шаль», «Наемщик», «Асылъяр», что привлекло новых зрителей. Авторитет его неизменно рос, о нем заговорили любители театрального искусства далеко за пределами области.

Таким образом, несмотря на все трудности военной поры, татарский колхозно-совхозный театр смог не только выжить, но и подняться на более высокую творческую ступень. И можно с уверенностью сказать, что его спектакли в годы Великой Отечественной войны вселяли уверенность в скорой победе и способствовали патриотическому подъему населения.

Примечания

1. Павлова Е.А. Текучь воды, веют ветры... Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. С. 6–7.

2. Рафикова Р. Из истории Оренбургского государственного татарского театра. Оренбург: Оренбургское литературное агентство «Орлит-А», 2005. С. 5, 25, 29–33.

3. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 256. Л. 11, 6 об.; Оп. 5. Д. 303. Л. 50, 50 об.

4. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 355. Л. 3; Павлова Е.А. Указ. соч. С. 11–12; Рафикова Р. Указ. соч. С. 31–32.

5. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 355. Л. 3; Павлова Е.А. Указ. соч. С. 11–12; Рафикова Р. Указ. соч. С. 32.

6. Рафикова Р. Театр на колесах // Гостиный двор. 1997. № 5., ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 255. Л. 34.

7. Рафикова Р. Из истории Оренбургского государственного татарского театра. Оренбург: Оренбургское литературное агентство «Орлит-А», 2005. С. 31, ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 355. Л. 33 об., 34.

8. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 255. Л. 1.

9. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 256. Л. 9, 14; Оп. 7. Д. 355. Л. 9; Рафикова Р. Указ. соч. С. 31–32.

ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНЕ ОРЕНБУРЖЬЯ В КОНЦЕ 1950-х – 1980-е гг.

Конец 1950-х годов ознаменовался усилением идеологического давления КПСС на религию. Власть пыталась в кратчайшие сроки решить «религиозную проблему» в стране, сравнительно ровные государственно-конфессиональные отношения первого послевоенного десятилетия стали обостряться.

Переломным моментом в советском законодательстве о культах стало «секретное» постановление ЦК от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», которое обязывало партийные, советские, комсомольские и общественные организации развернуть бескомпромиссное пропагандистское наступление на «религиозные пережитки» советских людей. Вновь был нанесен удар по всем вероисповеданиям СССР, в том числе и по исламу. При этом государственным учреждениям предписывалось незамедлительно осуществить мероприятия административного и уголовного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин. Вслед за ним вышло в свет еще одно постановление ЦК КПСС, которое носило запретительный характер и касалось уже самих верующих – «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам» от 28 ноября 1958 г., где подчеркивалось, что «разного рода кликуши, юродствующие и другие сомнительные лица» «разжигают религиозный фанатизм и распространяют суеверия». Данное постановление бюро Оренбургского обкома КПСС восприняло как руководство к действию и обязало уполномоченного по делам религиозных культов В. Опитина усилить работу в этом направлении. Мусульманские служители культов также предупреждались о недопущении паломничества. По отчётным данным в 1962 г. по области насчитывалось девять «святых мест», к 1968 г. их осталось уже семь и массового паломничества не отмечалось. Тем не менее, в 1967 г. в связи с засухой некоторые религиозные группы пытались организовать «мокрые» ходы и молебны¹. Все попытки мусульман совершать паломничества в Мекку пресекались Советом по делам религии. Так, верующий мусульманин Х.З. Рахманкулов, работавший на станкостроительном заводе г. Оренбурга, в 1968 г. просил разрешения совершить хадж, но получил отказ, объясняя это тем, что «группа для поездки

уже укомплектована». Отказ с аналогичным объяснением вынуждены были принять К. Мумбаев и З. Гарипов, которые неоднократно обращались с такой же просьбой².

Антирелигиозная политика властей затронула не только верующих, но и священнослужителей. В соответствии с постановлением «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» от 13 января 1960 г. властные структуры стали жёстче относиться к духовенству и активно пресекали их незаконную деятельность.

В результате принятых ЦК КПСС и СМ СССР антирелигиозных мер и незамедлительной реакции местных партийных и советских органов на местах была проведена масштабная атеистическая работа против мусульман. Так, в периодической печати священнослужителей порой представляли в непристойном свете, манипулируя непроверенными фактами. Например, П. Пешков в статье «О чем они хлопочут» в газете «Бугурус-ланская правда» называл приверженцев ислама «тунеядцами». Характеризуя их, отмечал, что Ш. Ганеев «сбежал в город из колхоза», Х. Ганеев — «хитрый мулла», У. Япаров «...из 59 лет своей жизни 21 год провел в заключении», Б. Гатауллин и С. Якупов были раскулачены и «все они теперь муллы». Пропагандисты, давая подобную информацию, выражали таким образом свое нетерпимое и непримиримое отношение к исламу и ее носителям — мусульманам³.

Несмотря на такую, казалось бы, массивную атеистическую работу среди населения, имели место случаи, когда комсомольцы и коммунисты сами принимали участие в религиозных обрядах. Верующие колхоза «Красное знамя» Кувандыкского района в конце 1958 г. совершили обряд обрезания (сунет) 35 мальчикам, среди которых были дети коммунистов — председателя сельсовета Мустафина и учительницы Симаковой⁴.

На конец 1950-х — начало 1960-х гг. приходится «всплеск» закрытия мечетей по стране: из 398 функционировали 182[5]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Оренбургской области: из семи зарегистрированных обществ на январь 1963 г. осталось три, в Челябинской области из 4 действовали 2 мечети, в Куйбышевской — из 20 мусульманских общин одна была снята с регистрации⁶.

Активно проводилась политика по отвлечению молодежи от религиозного влияния. Молодые верующие характеризуются некоторыми специфическими социально-психологическими особенностями, которые связаны с периодом социального становления, поисками цели и смысла жизни, желанием утвердить себя как личность в обществе, что активно использовали пропагандисты в своих целях. Для реализации поставленных задач применялись различные средства и методы антирелигиозной про-

паганды. Была значительно улучшена культурно-просветительская работа клубов и красных уголков в с. Старо-Гумерово Александровского района и татарского клуба в Соль-Илецке. В г. Бугуруслане в местах сосредоточения татарского населения был организован парк с киноэстрадой. В колхозных клубах Александровского района были созданы хоровые, музыкальные, драматические и танцевальные ансамбли, кружки кройки и шитья, народных промыслов. Молодёжь сёл Юртаево, Петровки, Султакаево активно посещала клубы, в которые периодически приезжал с постановками татарский драмколлектив областной филармонии⁷.

Справедливости ради заметим, что попытки атеистов разорвать связи оренбургской молодёжи с религиозными традициями имели ограниченный успех. Прежде всего это объяснялось высоким авторитетом и главенством в традиционной социальной иерархии старшего поколения, являвшегося хранителем исламских норм и обычаев. А праздник считали не только религиозным, но и национальным. «Общественное мнение» среди пожилых татар, башкир и казахов ещё было ощутимо и в том, что не проявлявшие должного почтения могли быть не приглашены с ними в гости, даже переставали здороваться.

Во исполнение очередного «закрытого» постановления СМ СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» при райисполкомах, поселковых и сельских советах были созданы комиссии содействия по наблюдению за выполнением религиозного законодательства. Летом 1961 г. Оренбургским облисполкомом были приняты соответствующие решения, по которому запрещалось проводить молитвенные собрания религиозных общин и групп без регистрации. В случае нарушения этого пункта их руководители подвергались в административном порядке предупреждению, штрафу до 10 рублей, исправительным трудовым работам на срок до одного месяца. Контроль за исполнением этих решений возлагался на исполкомы городских, районных, поселковых и сельских Советов депутатов трудящихся, домоуправления, органы милиции. Облисполком согласно постановлению без объяснения верующим закрывал культовые учреждения⁸.

Одновременно был ужесточен контроль за уплату налогов с церкви. Надзирающие органы строго потребовали, чтобы религиозные обряды — наречение, никах, поминки — заносились в специальные книги с выдачей квитанций, с указанием паспортных данных. Информация об участии населения в культовых обрядах нередко власть использовала против верующих, преследуя их по месту работы и учебы. Теперь доход от обрядов шел в бюджет местных исполнительных органов, часть из которых отчислялась в Фонд мира.

В случае отказа от уплаты налогов служители культа подвергались со стороны органов правопорядка административной ответственности. Так, в отчёте уполномоченного Совета по делам религий по Оренбургской области Г. Василенко сообщалось, что в совхозе «Красная житница» Сакмарского района Н. Бадаев систематически собирал с верующих садака⁹, а средства утаивал и сдавал на нужды мечети. После выявленных нарушений исполнительный орган мечети был предупреждён, а сам Н. Бадаев оштрафован административной комиссией¹⁰.

Культовые здания мусульманского вероисповедания подвергались закрытию и использованию их не по назначению. За период 1961—1962 гг. в области из семи мечетей четыре были переоборудованы: в Шарлыке — под аэровокзал, в с. Старогумерово — бригадный клуб, в г. Соль-Илецке — горклуб ДОСААФ, в с. Султакаево — медпункт. В порядке контроля за исполнением законодательства о религиозных культурах власть запрещала служителям мечетей пение такбир на улицах, призыв с минарета под предлогом избежания несчастных случаев на проезжей части дороги, устраивать массовые моления на кладбищах путём хождения по домам вследствие маулюда и др. В случае нарушения этих пунктов муллу лишали регистрации. Имам с. Старо-Кульшарипово Александровского района Мукимов З. был снят с регистрации за то, что совершал религиозные обряды среди мусульман до регистрации в сельском совете и читал молитву в присутствии восьми учеников 1—4 классов. Аналогичному наказанию подверглись Яруллин С. и Темирбаев Ш. за сбор добровольного пожертвования в праздник Курбан-байрам¹¹.

Необходимо отметить, что наступательная антирелигиозная пропаганда «давала свои плоды» и способствовала сокращению религиозной обрядности и доходности. Это можно констатировать на примере трёх зарегистрированных мечетей области: в 1964 г. число венчаний уменьшилось на 66% , похорон — на 45% от показателей 1961 г. Но при этом уровень доходности сократился всего на 0,2%, то есть практически остался неизменным и составил 14 476 руб.¹²

24 июля 1968 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культурах». В нём местным властям предписывалось упорядочить дело регистрации религиозных общин, разобраться с каждым незарегистрированным объединением и определить, какие из них подлежат регистрации в соответствии с действующим законодательством, а какие нет, а также принять в установленном порядке меры в отношении религиозных организаций, уклоняющихся от регистрации. Отказ в регистрации практически всегда проходил по одному и тому же сценарию. Отдельные группы верующих

мусульман обращались к уполномоченным Совета и в райгорисполкомы с ходатайствами о регистрации их религиозных обществ. Верующие консультировались с уполномоченным о порядке оформления документов, что вселяло в них некоторые надежды на регистрацию. После того, как в райгорисполкомы поступали списки верующих, начиналась «активная атеистическая работа» с учредителями религиозных объединений, которая иногда приводила к обострению взаимоотношений между атеистами и верующими. В результате в регистрации верующим отказывали, мотивируя отсутствием у них помещения, которое бы удовлетворяло строительнотехническим, санитарным и противопожарным нормам. Незарегистрированные религиозные объединения для исполнительной власти были, по существу, неуправляемыми, так как их деятельность невозможно было проверить. В мусульманском культе традиционная практика проведения религиозных обрядов (наречение, никах, поминки) часто совершалась «нелегальными муллами» на дому верующих, и это не всегда можно было проконтролировать. Нежелание верующих мусульман обращаться в мечеть за услугами объяснялась тем, что «партийные верующие боялись подачи этих сведений на предприятия»¹³.

В ряде городов и сёл области периодически действовали незарегистрированные объединения группы мусульман. В Соль-Илецке, где из 22 000 населения около 3 300 граждан татарской и казахской национальности, более 400 человек совершали намазы, выполняли обряды, тем самым сохраняя религиозные традиции, присущие мусульманскому культу. Среди женщин работали женщины-муллы, которых называют «абыстай». 11 ноября 1978 г. на кладбищах под открытым небом проводили службу, посвящённую празднику Курбан-байраму. Помимо приезжих гостей, здесь присутствовали дети. Прежде мусульмане ставили вопрос о регистрации их объединения в г. Соль-Илецке, но получив отказ, в 1978 г. прекратили ходатайства и стали действовать нелегально, активно и бесконтрольно¹⁴. Подобным образом вели себя и другие незарегистрированные объединения, что последних вполне устраивало.

Конституция СССР, принятая в 1977 г. (ст. 52), декларировала принципы свободы совести. Хотя за рубежом часто муссировалось прямо противоположное мнение об отношении к верующим мусульманам в СССР. Например, афганцы, работавшие в нефтегазодобывающей промышленности г. Оренбурга, были проинформированы о закрытии мечетей и гонении на верующих. Власти поспешили опровергнуть эти факты и организовали встречу с имам-хатыбом Соборной мечети Яхьей Имамединовым и председателем мутавалията Фаритом Шаймиевым, которые рассказали о Конституции СССР, о равенстве верующих и неверующих

перед законом, о том, что «...без каких-либо ограничений проводятся религиозные обряды, торжества всех религиозных праздников». С целью произвести нужное впечатление в глазах иностранцев, власти позволяли верующим некоторые послабления. Так, в этом же 1979 г. властями была предоставлена возможность имам-хатыбу Яхье Имаметдинову совершить паломничество в Мекку¹⁵.

В 1979 г. мусульмане Оренбуржья удовлетворяли религиозные потребности в пяти зарегистрированных мечетях. Председатель исполнительного органа мечети в с. Татарская Каргала Сакмарского района Садыков Закир Зарипович в беседе с уполномоченным Совета с сожалением заметил: «В мечети в обеденный намаз бывает 12–15 человек, в пятницу – 30–35. Верующих не добавляется, татарский язык не учат, по телевизору татарских песен не передают, праздника произведений Тукая нет, а Пушкина есть»¹⁶.

С 23 июня 1982 г. в шести мечетях области проходил мусульманский пост, а 22–25 июля – праздник Ураза-байрам. Накануне уполномоченным Совета всем райгорисполкомам были направлены информационные письма о времени прохождения поста и праздника и рекомендации по контролю за соблюдением законодательства о культах. До начала праздника в намазе участвовало 317 человек, а в день праздника – 1836 мусульман, в т.ч. в возрасте с 18 до 30 лет – 308 человек, или 18%, с 30 до 60 лет – 800, или 44%, старше 60 лет – 648, или 35%, женщин – 87, или 4% от числа всех присутствовавших. Только добровольных пожертвований в праздник поступило 16 817 рублей, что было на 10% больше, чем в 1981 г. В 1984 г. на Ураза-байрам было 2040 человек, в т.ч. 742, или 36%, из них старше 60 лет, женщин – 130 (6%). На Курбан-байраме присутствовало 2085 человек, в т.ч. 862 верующих старше 60 лет, что составило 41%, женщин – 177, или 8%¹⁷.

Следует отметить, что западные учёные на рубеже 1970-х – 1980-х гг., опираясь на данные советских социологических опросов, оценивали количество верующих-мусульман в 80%, зачисляя в этот разряд всех, кто в той или иной мере продолжал соблюдать связанные с исламом обряды¹⁸. При всей спорности такого рода интерпретации социологических данных последние наглядно демонстрируют ограниченность успеха советской атеистической пропаганды.

В этот период усилилась и религиозная активность верующих мусульман. Муллы, «абстай», актив мечетей стали чаще приглашать к себе домой женщин, с которыми вели беседы на религиозные темы. Праздничный день начинался поздравлением мулл, зачитывались поздравления от мусульман Москвы, Казани, Уфы, Куйбышева и других городов. В мече-

тах присутствовало много приезжих, в т.ч. молодых людей, большинство из которых в молениях не участвовали, но это свидетельствовало об уважительном отношении к своей религии.

Повышение роли женщины в жизнедеятельности религиозных объединений становилось все более характерным. Их удельный вес среди прихожан мечети заметно вырос. Они все чаще выступали в числе ходатайствующих о регистрации обществ, включались в различные делегации для решения в советских органах внутриобщинных вопросов, к голосу женщины стали больше прислушиваться на общих собраниях верующих, на заседаниях мутаваллиатов¹⁹. В конфликтных ситуациях противоборствующие стороны уже не игнорировали женщин, как было прежде, а наоборот, стремились заручиться их поддержкой. Возрастание роли женщин было связано с их психологическими особенностями, занимаемым ими местом в социальной среде и в семейно-брачных отношениях. Большая чем у мужчин расположенность к религиозности, невысокая занятость в сфере общественного производства, сохранившийся во многих семьях мусульман патриархальный уклад жизни способствовали не только увеличению религиозности, но и расширению паствы за счет приобщения к религии молодежи и детей. Отмечалась тенденция к проявлению большего внимания к вере со стороны молодежи, хотя пока свое выражение это находило в ее участии в богослужениях во время религиозных праздников. В некоторых мечетях были отведены отдельные от мужчин места для присутствия на молитвенных собраниях женщинам. В предпраздничные и праздничные дни, перед постом и в дни его соблюдения в проповедях служителей культа и в разговорах постоянных посетителей мечети уделялось внимание значению этих дней в жизни мусульманина, о чём в домашней обстановке женщины вели беседы.

До середины 1980-х гг. мусульманское духовенство было представлено лицами пожилого возраста, не имевшими специального богословского образования. Это было связано с тем, что длительное время не велась подготовка кадров духовенства и вынужденным замещением вакантных мест имамов мечети недостаточно подготовленными священнослужителями в связи с регистрацией новых религиозных обществ. В мусульманском культе Оренбургской области в 1986 г. не было ни одного служителя с духовным образованием. Практически все они были «самоучками» и в преклонном возрасте, умевшие лишь читать Коран и совершать религиозные обряды. Молодой служитель культа Хайруллин Б.Х., имевший среднее светское и духовное образование по инициативе ДУМЕС был направлен на очную учебу в мусульманский институт в г. Ташкент с сохранением за ним места службы²⁰.

Процесс демократизации, начавшийся с перестройкой середины 1980-х годов, содействовал возрождению исламской конфессии. По РСФСР число мусульманских религиозных обществ увеличилось со 195 в 1988 г. до 344 к началу 1990-х гг.²¹ В Оренбургской области в 1990 г. насчитывалось 19 зарегистрированных мусульманских организаций²². Определяющим фактором социально-политической ориентации религиозных мусульманских объединений стало обновление советского общества. В подавляющем большинстве мусульманские духовники и верующие поддерживали перестройку, активно участвовали в трудовой и общественной жизни, в проповеднической деятельности усилились патриотические и нравственные мотивы.

Значительное влияние на жизнь мусульманских религиозных организаций оказали празднования 1100-летия ислама в районах Поволжья и Урала, 200-летия Оренбургского магометанского духовного собрания. В 1989 г. председатель ДУМЕС Талгат Таджуддин организовал эти торжества, что стало крайне важным фактором роста религиозного самосознания мусульман Советского Союза и сказалось на дальнейшем развитии мусульманской уммы России. В Оренбурге, в с. Татарская Каргала Сакмарского района прошли торжества, на которые съехались делегации из Москвы, Уфы, Оренбурга, были иностранные гости, в основном представители мусульманской культуры. Здесь же был поднят вопрос о возвращении верующим комплекса «Караван-Сарай»²³.

Итак, несмотря на общую либерализацию политического курса хрущевской «оттепели», механизм административно-командной системы продолжал себя проявлять в области государственно-исламских отношений практически до начала перестройки. Для реализации решений и постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, направленных на свёртывание деятельности религиозных организаций, подрыв их материально-финансовой базы, ущемление прав верующих вплоть до административной и уголовной ответственности, были задействованы все партийно-государственные эшелоны власти. По сути, власть объявила войну религии и её носителям – верующим, борьба с которыми заведомо была обречена на провал.

Примечания

1. Государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области» (далее ГУ «ГАОО») Ф.Р – 617. Оп. 1. Д. 275. Л. 1; Д. 392. Л. 17.; Д. 400. Л. 13.

2. Там же. Ф. Р – 617. Оп. 1. Д. 280. Л. 2 – 6.

3. Шакирова Э.З. Антирелигиозная пропаганда в печати Южного Урала в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века // Городские башкиры: прошлое, настоящее, буду-

щее: материалы V межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2008. С. 393.

4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 556. Оп. 5. Д. 57. Л. 8.

5. Там же. Ф. 556. Оп. 15. Д. 25. Л. 33.

6. Шакирова Э.З., Баннова В.И. Эволюция государственной политики в области этноконфессиональных отношений на примере Оренбургской, Челябинской, Курганской и Самарской областей (конец 1950-х – 2005-е гг.). Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2009. С. 15.

7. ГУ «ГАОО». Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 386. Л. 3; Д. 390. Л. 32; Р-2570. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.

8. Там же. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 388. Л. 30.

9. Садака – в исламе практика очищения перед Аллахом посредством раздачи милостыни.

10. ГУ «ГАОО». Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 402. Л. 38.

11. Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Оренбургской области». Ф. 7517. Оп. 1. Д. 74. Л. 31; ГУ «ГАОО». Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 395. Л. 2.

12. ГУ «ГАОО». Ф. Р – 617. Оп. 1. Д. 392. Л. 5–6; Д. 395. Л. 13–14.

13. Там же. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 403. Л. 11; Д. 404. Л. 53.

14. Там же. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 412. Л. 24–25.

15. Там же. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 413. Л. 40–42.

16. Там же. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 413. Л. 10.

17. Там же. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 417. Л. 1–13.

18. См.: Голунов С.В. «Советская модель» трансформации традиционных центральноазиатских обществ: история и современность // <http://www.analitika.org/article.php?story.14.05.2009>.

19. Мутаваллиат – это исполнительный орган зарегистрированного мусульманского общества.

20. ГУ «ГАОО». Ф. 371. Оп. 91. Д. 183. Л. 12.

21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 111–111 об.

22. Религиозная ситуация и этноконфессиональные отношения // Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Ежегодный доклад, 2005. С. 28.

23. ГУ «ГАОО». Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 450. Л. 82.

БАТЫР МАНСУР АБДУЛИН

В советское время существовало много стандартных словесных формул. Когда упоминали достойного человека, часто писали «...славный сын (славная дочь) башкирского (украинского, каракалпакского, осетинского...) народа...» Формулировка вполне пригодная к употреблению и в наше время.

Жизнь Мансура Гизатуловича Абдулина достойна внимания как образец служения Родине, людям. Такие примеры полезны молодежи, да и людям зрелым не вредны. Полное соответствие теме конференции – Мансур Гизатулович татарин и наш земляк – многие годы прожил в г. Новотроицке Оренбургской области, работал на Орско-Халиловском металлургическом комбинате в сортопрокатном цехе.

Во время плановой проверки Новотроицкого краеведческого музея по линии федеральной службы Росохранкультура летом 2010 г. мое внимание было привлечено одним музейным предметом. Патент на изобретение был выдан участнику Великой Отечественной войны по заявке 1998 г. Поразило творческое долголетие автора. Главный хранитель музея Соловьева Марина Алексеевна любезно скопировала: Патент на изобретение № 2141875... «отсадочная машина диафрагмовая». В экспозиции музея имеется несколько книг Абдулина, а также сведения, что фронтовик известен еще и как самодеятельный художник. Весьма информативны воспоминания М.Г. Абдулина, помещенные в книге «От Сталинграда до Днепра». Автор, несомненно, обладает талантом в кратких словах ясно и ярко обрисовать сложные и динамичные ситуации. Кроме того, имеется не часто встречающаяся способность к анализу и самоанализу. Честность в изложении, в том числе и своих просчетов, – редкое свойство. Оно, как правило, наличествует у людей храбрых, умных, сильных и добрых. Взгляд автора на жизнь имеет в основе твердые принципы, высоконравственный подход к самым разным сторонам действительности.

Непреукрашенность прошлого и доброжелательность к людям делают книгу М.Г. Абдулина притягательной даже для не очень больших любителей чтения.

При рассмотрении лучших произведений литературы нередко отмечается, что автор сумел увидеть ситуацию глазами героя, почувствовать ее изнутри. В воспоминаниях М.Г. Абдулина видим еще более интересный случай: сам герой обладает даром слова – редкая удача для читателя.

Боевая судьба М.Г. Абдулина поистине уникальна: рядовым солдатом он участвовал в Сталинградской, Курской битвах и в форсировании Днепра. Честно и мужественно выполняя долг защитника Родины, пехотинец остался жив, «смелого пуля боится, смелого штык не берет». Когда мы сталкиваемся с мастером своего дела, человеком, работающим успешно, нередко появляется желание, по мере возможности, перенять опыт. Воспоминания М.Г. Абдулина дают нам возможность узнать, какие решения принимал батыр (кого как не М.Г. следует именовать подобным образом?) в конкретных ситуациях. Его решения — это не плод игры ума, так герой поступал и у него получалось жить красиво — совершать подвиги и просто достойные поступки. Одним из подтверждений правильности жизни, на мой взгляд, является в том числе долголетие автора и творческое тоже.

«В 1940 г. за возможность получить хлебную карточку я бросил школу, пошел на работу в шахту коногоном-откатчиком ...А 22 июня 1941 г. грянула война. Как шахтер-горняк был забронирован от мобилизации, но добился отправки на фронт»¹. Налицо совершенно ясное осознание долга перед Родиной — ее необходимо защищать.

После отличного окончания Ташкентского пехотного училища Абдулина оставляют в качестве инструктора. Он находит возможность уклониться от преподавания и отправляется на фронт. Командир дивизии, генерал, предлагает должность адъютанта: «Нет, товарищ генерал, я не умею чистить сапоги, а умею воевать, — сказал, как отрубил. — Почему? — У него высоко взлетели мохнатые с проседью брови и долго не опускались. — Я поклялся друзьям воевать вместе». Таков был ответ богатыря духа, война.

Более того, Абдулин просил полкового комиссара помочь «...побыть рядовым, т.к. я стесняюсь командовать солдатами, по возрасту годными мне в отцы»². Комиссар помог. Как же пословица про рыбу, которая ищет, где глубже? Дело в том, что перед нами богатырь — этим все сказано. Как тонко анализирует себя солдат: «Вот ведь штука: и умирать не хочется, и жить неумоготу, если нечиста совесть. Истерзала меня на шахте мысль, а что я стану говорить, когда кончится война?.. Девчонок и тех берут на фронт... Но как же не хочется погибнуть!» Мансур Абдулин имеет твердые убеждения и осознает свой долг. Как не похож такой подход к жизни на эгоистические права человека, не соотнесенные с понятием о долге.

Во время переброски пешим порядком к Сталинграду на три дня задержалась выдача хлеба. Через три дня выдали по целой буханке на человека. После привала Абдулин доложил комбату о пропаже хлеба. Капитан вынул из кобуры наган и сказал, что расстреляет вора. Все мешки

проверены. Остался один. Всех опередил Абдулин. Нашупал две буханки. «Я встал, выпрямился по стойке «Смирно» и доложил: «Украденный хлеб не обнаружен!» Мгновение на лице комбата держалось выражение удивленного недоумения, но тут же его глаза мне сказали: «Молодец!» — и он засунул наган обратно в кобуру». В этом эпизоде мы видим двух благородных и милостивых людей. Они понимают друг друга и рады этому.

Николай, которого Абдулин спас от расстрела, через некоторое время был тяжело ранен осколком в грудь. Доставить его в санроту поручили именно М.Г. «В роте сутки ждали приезда полевой кухни. Раненый без сознания, лыжи под волокущей противно скребут землю... Остановился, наклоняюсь. «Мансур, пристрели. А не можешь, брось... Замучил я тебя...». И откуда только у меня взялась сила. Впрягся в лямку и помчался уже без остановок, будто убегал от постыдных своих подленьких мыслей. Ведь краем сознания надо это признать — я надеялся, что Николай умрет в начале пути, и я освобожусь от груза, успею к раздаче горячей пищи.

И зачем так попеременно доброе и злое в одном человеке — во мне?!.. И теперь я торопился ради очистки своей совести, чтобы победить в себе начатки того злого, подлого, которое я так ненавижу и которое во мне тоже заложено!..»³ Абдулин доставил раненого в санроту живым. При этом получил котелок пшеничной каши теплой, душистой, с маслом, т.е. поборов слабость, был вознагражден даже в простой своей потребности. «Я тащил на себе до половины пути вора, помилованного мной, потом после просьбы его пристрелить, бросить, убегал от собственных подленьких мыслей, а в санроте я простился с настоящим боевым другом, от всего сердца желая ему выжить!..»⁴

Поистине красивый поступок человека сильного и доброго.

Горит танк, за которым рота идет в атаку. На снегу катается, чтобы сбить пламя, танкист и кричит «Братцы, спасите полковника!»

«Хочется и мне проскочить мимо — не на блины спешу, в атаку! Да и у тех, что уже пробежали здесь — в оправдание подсказывает мне хитрящий мозг — времени в запасе было больше, танк взрывается через две-три минуты после того, как загорится. Но совесть, слышу, кричит мне: «Не теряй времени. Лезь на танк!» Мозг: «Бесполезно!» Все равно не успеешь! А совесть... Конечно, вся эта война во мне — доли секунды. Сработали все же мои «тормоза», уже чувствую, как шипит броня под моими мокрыми перчатками. Броня скользкая, никак не могу запрыгнуть и никаких скоб и выступов не вижу. Но уже не могу остановиться и прыгаю, сколько есть силы. А из люка наверху пыхнуло в лицо горячим дымом, и руки, живые руки танкиста, вцепились мертвой хваткой в рукава моей шинели. Я свои руки запустил поглубже, чтобы ловчей было тянуть из тесного люка, за-

жмурился, лицо отворачиваю, дымом-гарью разъедает глаза, — и рывками (никогда еще таким тяжелым не казалось мне тело одного человека) вытянул.

Свалились мы на милую землю. Земля милая, да лежать на ней пока не приходится. У полковника обе ноги перебиты. Схватил его, ташу по снегу подальше от танка. Двадцать метров...Тридцать метров...

Взрыв был сильный. Башня поднялась метров на пять, кувыркнулась в воздухе и грохнулась рядом с корпусом. Железки с неба сыплются. Полковник обнял меня.

— Сынок! Не забуду! Как твоя фамилия? Абдулин? Не забуду. Пока возьми вот пистолет на память... Подоспевшие санитары уложили на волюкушу, сделанную из лыж и поволокли в тыл...»⁵.

Отношение к противнику сжато и исчерпывающе обрисовал человек, весьма почитаемый Мансуром Абдулиным, Павел Георгиевич Суворов (командир минометного расчета): «А по-твоему, я жить не хочу? — Он улыбнулся. — Да что поделаешь, Мансурчик, «мы их не звали, а они приперлись» (слова популярной песни), пространство им подавай! Наше с тобой! Сверхчеловеки они, понимаешь? Мы им годимся разве что сапоги чистить. Как тебе это? Один разговор с такими — драка. Масштабная драка. Не в стороне же стоять... Уж тут боись, не боись...»⁶. В другом месте, описывая завершающие бои под Сталинградом, Абдулин рассуждает: «Убивать радости мало. Но зачем они шли к нам, в наш дом»? Зачем несли на нашу землю смерть и горе? Рассчитывали, что мы сдадимся без боя?»⁷. К счастью, в те годы терпимое и даже доброжелательное отношение к иностранцам не превзошло разумных пределов и позволило нашим славным предкам отстоять Отечество. Увидев на немецком аэродроме тысячи умирающих от холода, обмороженных раненых немцев, закаленный боец потрясен и делает серьезный вывод: «фашизм не разжалобишь человеческим страданием»⁸. Запланированное, аккуратное, без эмоций уничтожение людей по национальному признаку на оккупированных территориях совместились у него в сознании гибелью раненых немецких солдат. Человеконенавистники, планировавшие такие ужасы, по мнению Абдулина, страшнее варваров. Борьба с проводниками подобной идеологии не может иметь компромисса. Попытка договориться с людоедами по-хорошему для них ведет лишь к сытному обеду. Задумаемся, а если вдруг сейчас найдутся деятели, планирующие сокращение «поголовья» людей? Каковы будут наши действия? Теснейшим образом с предыдущим вопросом связано отношение непосредственно к ратному труду (или, как сейчас говорят — к боевой работе). Мансур Абдулин опирался на совесть и здравый смысл: война кончится, когда родная земля будет свободна. Свобода будет, когда немцы с

нее будут выбиты. Следовательно, для приближения конца войны надо в боях истребить максимум солдат противника. Так он и воевал, при этом «...никогда не надеялся, что останусь в этой мясорубке живым...»⁹. Мансур Абдулин и аналитик: «С сожалением следует отметить, что преобладающая часть нашей пехоты — это пассивные солдаты, которые, не попытавшись уничтожить ни одного солдата противника и даже не увидев его живым или мертвым, погибали сами или выбывали из строя по ранению»¹⁰. Абдулин выделил важнейший аспект. Может быть, и с этим обстоятельством тоже следует соотнести размеры наших потерь. Как контрастирует доблестное поведение честного защитника Родины с поведением одного народного артиста, каковой публично хвалился, что во время Великой Отечественной войны ни разу прицельно не выстрелил! Гордиться тем, что даром жег патроны, их с такими трудами выпустили на заводе в тылу. Одновременно два потрясающих момента: бессовестное, нелояльное отношения к Родине, товарищам по оружию да к тому же и похвальба этим! Подобным поведением можно гордиться лишь в одном случае: если ты сторонник Гитлера и затесался в Красную Армию по ошибке или как лазутчик.

По поводу приказа № 227 «Ни шагу назад»: «По нашему с Суворовым разумению, мы могли отступать до тех пор, пока не появился этот приказ. Он сработал как избавление от неуверенности, и мы остановились. Остановились все дружно....Остановился солдат, убежденный, что и сосед остановился»¹¹. Это очень весомые слова солдата мужественного, умелого, удачливого. Мнение человека воевавшего до и после названного приказа разом делают ненужными рассуждения потомков, не помнящих долга защиты Родины, прикрывающих себя пустыми словами о нежелании, «создать дискомфорт» кому-либо.

Мансур Абдулин добровольно принимает на себя обязанность комсорга батальона. Кроме многочисленных дел он полагал для себя главным первым подниматься в атаку: «И хочется оглянуться назад — поднялись или нет солдаты, — но я не позволяю себе этого сделать, потому что покажу — обнаружу свой страх и недоверие к моим комсомольцам. Бегу вперед, перенапрягая себя, силком толкая, как перегруженную вагонетку на подъеме...И когда уже в моей душе все резервы исчерпаны, когда я уже себе почти считаю обреченным на верную гибель, слышу сзади раскатистое «уррррр-а!» и сладкий моему слуху топот пехоты, и тяжелое жаркое дыхание бегущих за мной...»¹². Это ведь почти стихи, но очень дорого заплатил автор за подлинность знания этих чувств — огромным количеством смертельных бросков. Абдулин служил товарищам и Родине.

Переправа через Днепр вплавь. «Автомат. Два диска. Две гранаты. Пистолет «ТТ». Поплавком у меня будет служить вещмешок. Я его за-

штопал хорошо, смазал шпигом ржавым американским, набил свежей сухой соломой. ...Вот меня взметнуло в воздух упругим водяным столбом, но тут же падая обратно, я погрузился под воду, и мои перепонки острой болью ощутили сотню гидроударов от взрывов... Нет спасения ни на воде, ни под водой... Но вот замечаю, как один солдат, часто опускаясь под воду, хватая ртом воздух: похоже, мог бы еще плыть, но обессилел. Как помочь бедняге? Я аккуратно приблизился и к его руке прикоснулся своим поплавком. Его рука инстинктивно обвила вещмешок намертво, а я за спину чуть поддерживаю его. Он дышит часто, со стоном и неморгающими глазами смотрит на этот мир, как будто впервые видит его в своей жизни, страшный был его вид.

Он уже отдышался. Я плыву рядом, слегка его подталкиваю. Он по слогам говорит мне: — Спа-си-бо, друг!

Я обрадовался, что теперь он не опасен для меня, и тоже одной рукой взялся за вещмешок. Я плыву на спине. Мой спасенный тоже ослабил хватку, стал держаться за мешок одной рукой, а правой начал грести. Странно и прекрасно устроен человек. Даже в таком аду можно пережить минуты подлинного счастья. Я рад, что обрел товарища, что спас ему жизнь. Плыдем и смотрим друг другу в счастливые лица...»¹³. Батыр испытывает подлинное счастье, спасая человека, рискуя своей жизнью. Стараясь исполнить заповеди, он награжден радостью в бушующей от взрывов широкой реке. Задумаемся над этим. Как мелки радости потребителя!

Наблюдения Мансура Гизатуловича заставляют задуматься и в мирной жизни. Сибиряк был отличным, храбрым, выдержанным и выносливым воином. Желая после войны привезти жене подарок, подобрал в развалинах Сталинграда ручную швейную машинку. В атаке споткнулся, упал. Машинка ударила по затылку и убила: «Не стал я никому в роте рассказывать об этой машинке, чтоб не осудили человека... А может быть зря? Это послужило бы хорошим уроком». Сам Абдулин никогда не снимал часы с убитых: «...я постепенно стал замечать: тот, кто из моих товарищей снимал у убитого фрица часы, рано или чуть погодя погибал...»¹⁴. Для осажденных в Сталинграде немцы сбрасывали продовольствие. Часть попадала к нашим. Один солдат нашел мешок колбасы в марлевых оболочках: «Вопреки нашим правилам, он на этот раз почему-то решил «зажать» богатый трофей и с нами не делиться. Он обезумел и грозился применить оружие. Мы все решили оставить его одного с его колбасой в блиндаже. Все его товарищи прокляли его и забыли... Прошел относительно спокойный день... Вдруг в той стороне, где остался Виктор в блиндаже, раздался глухой взрыв...»¹⁵. Отметим для себя — товарищи Виктора

не убивали, все получилось само собой. В старину говорили: «Суд Божий». Задумаемся над этим, когда будем что-то защищать лично для себя, когда рядом люди голодные. Можно отмахнуться, однако подобные случаи время от времени происходят и описаны в мемуарной литературе.

«Через сутки с небольшим я вошел в здание вокзала в Куйбышеве. Народу битком, много детей и все голодные, я развязал свой вещмешок... Дети облепили меня, как голуби. Все худые — кожа да кости. Глаза большие. И что меня поразило — их десятки, а они терпеливо, без суеты, без давки, в очереди получают каждый свою порцию... Словом, в ташкентский поезд я сел с пустым вещмешком, без единого продталона, и если бы не пассажиры, которые угощали меня своим последним куском, худо бы мне пришлось трое суток до Ташкента»¹⁶.

Вспомним, Мансур Абудулин остался без еды, буксируя на волокуше раненого в грудь и получил кашу в санроте, все раздал голодным детям и люди покормили. Случайность? Думаю, закономерность. Нам же остается учиться у батыра щедрости — одной из лучших черт татарского народа, впрочем, и других народов тоже.

Встречались на фронте люди, видевшие только ценность вещей, предметов. Один политрук потребовал у Абдулина трофей, взятый в бою. Посулил представить к награде. Ответ Мансура Гизатуловича был грубоватый по-солдатски и однозначный: «Ты! Торгаш! Ты говно! Ты продажная шкура! Родина меня наградит, если заслужи, а не ты!» На мое удивление, он с ехидной улыбкой спокойно выслушал мои оскорбления, в ответ обозвав «мальчишкой желторотым»...¹⁷. Столкнулись два мировоззрения: примитивный, «животный», утробный материализм (столь, к сожалению, распространенный ныне) — и полный достоинства, опирающийся на высшие ценности подход к жизни батыра. Задумаемся над этим. Богатыри нетерпимы ко всякой неправде. Низкий корыстолюбец, торгующий знаками доблести нашей Родины — одно из воплощений неправды.

Талантливый человек талантлив во всем. Абудулин был известен как запевала: «Мансур, — спрашивали меня, — ты артист, наверно? — Нет, — говорю я, — шахтер»¹⁸.

Всегда интересно знать, каким образом формируются выдающиеся люди: «У меня все от отца моего, которым я горжусь. В 1934 г. у него была возможность безнаказанно присвоить 4 кг золота, но он не стал этого делать. Даже ревизор сказал моему отцу «дурак»...»¹⁹. Отец Мансура был просто честным человеком, несправедно добытое для него неприемлемо — в среде людей порядочных такой поступок разумеется единственно возможным. «Хотя смутно, но помню я, что в те годы все «партийные» на шахтах приняли решение установить потолок своему заработку — сорок

рублей в месяц. Моя мать немного на отца сердилась за то, что «беспартийные» шахтеры получали в два раза больше денег и жили лучше нас. Но мой отец всегда умел уговорить мамку «по-доброму»²⁰. Отец умел жертвовать для Родины, в том числе и деньгами, урезать свое потребление. Не забудем — и добровольное самоограничение лучших людей способствовало росту могущества Родины. Руководствоваться высшими ценностями было для этого человека естественным — отсюда и красота поступков его сына. Отношения Гизатулы Абдулина к нецензурной брани: «Если услышу или узнаю, что ты где-нибудь сматерился, шкуру спущу!»²¹. Мансур работал коногоном на барабанном приводе у ствола шахты. Конь не слушался понукания без матерной брани (от скверных привычек людей и животные портятся). Мансур, не желая того (правильно воспитан!), стал погонять коня, как тот привык. Отец принес обед. Мальчик смущен и испуган. Отец предложил сыну поесть: «Я любовался работой отца. Он одним своим присутствием заставил коня работать как надо. Конь не спускал с отца своего хитрого глаза, вывернув белок с красными жилками, как будто понимая, что новый коногон есть царь всех лошадей и зверей. И никаких дополнительных ему слов, оказывается, не надо»²². Думается, что к семье Абдулиных обоснованно можно отнести выражение «благой народ». Люди, знавшие Мансура Гизатуловича, говорят о сильной положительной энергетике — другими словами, человек излучает спокойную доброжелательность. Во время битвы под Сталинградом около трех часов Мансур был знаком с водителем Николаем Соболевским. Солдаты обменялись адресами. После войны Мансур посетил дом Соболевского. С войны тот не вернулся. Печальная вдова позвала гостя в дом; «А ты, наверное, Мансур Абдулин. Николай писал о тебе...» Мимолетное знакомство так впечатлило Соболевского, что в письме к жене он сумел передать его облик. Удивительный эпизод. Информация от мужа перешла к жене — от сердца к сердцу. Внимательность даже к своим мыслям, способность к самопожертвованию делает человека удивительно притягательным для окружающих.

Очень полезно было бы изучать воспоминания Мансура Гизатуловича в школе — на таких примерах надо учиться жить.

Воздавая должное достойным людям из прошлого нашей Родины, предпринимателям-меценатам, например, мы не должны упускать из виду важного обстоятельства. Прежде чем начнут добиваться успехов купцы и промышленники, государство должно оградить рубежи, оборонить территорию, утвердить законы, защищающие личность и собственность, установить защитительные таможенные тарифы и пр. Защищали Родину наиболее успешно богатыри как Мансур Абдулин и в Смутное время, и в

XVIII – XIX–XX веках. Лишь при выполнении названных (и многих других еще) условий в дело вступят предприниматели и совершат подвиги обогащения себя и что-либо уделят для своих единоплеменников.

Тем, кто не читал книгу от «Сталинграда до Днепра», можно позавидовать – их ждет интересное и поучительное произведение.

На фотографии из Новотроицкого музея два фронтовика, два писателя: М.Г. Абдулин и В.М. Песков. Мансур Гизатулович седовлас и седобород, взгляд спокойного, доброго и сильного человека, батыра.

Примечания

1. Абдулин М.Г. От Сталинграда до Днепра. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 16.
2. Там же. С. 19.
3. Там же. С. 44.
4. Там же. С. 45.
5. Там же. С. 51.
6. Там же. С. 20.
7. Там же. С. 95.
8. Там же. С. 120.
9. Там же. С. 193.
10. Там же. С. 194.
11. Там же. С. 56.
12. Там же. С. 197.
13. Там же. С. 37.
14. Там же. С. 63.
15. Там же. С. 63.
16. Там же. С. 282.
17. Там же. С. 152.
18. Там же. С. 153.
19. Там же. С. 146.
20. Там же. С. 146.
21. Там же. С. 46.
22. Там же. С. 147.

ФЕНОМЕН ТАТАРО-БАШКИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Автор этого доклада в своей жизни неоднократно сталкивался с ситуациями, когда собеседники, узнав о его башкирском происхождении, начинали задавать вопросы о так называемом «татаро-башкирском конфликте». Многие из них были уверены, что такая проблема существует и имеет довольно острый характер. И тогда мне приходилось терпеливо объяснять, что она действительно существует, но только в головах отдельных ангажированных деятелей, преследующих сомнительные цели. К счастью, абсолютное большинство простых россиян татарской и башкирской национальности даже не подозревают о существовании этой «проблемы» — живут своей повседневной жизнью и не дают втягивать себя в дурно пахнущие политические игры. Но все же, как видим, тема для разговора существует, и возникла она не на пустом месте.

История распорядилась так, что трудно, пожалуй, найти в мире два других народа, имеющих такую высокую степень этнического и языкового родства, территориальной и культурной близости, конфессиональной общности и т.д., как башкиры и татары. Тем не менее, никто из серьезных исследователей, начиная с древности и до наших дней, никогда не подтверждал существование некоего мифического единого тюрко-татарского этноса. Речь всегда шла о двух самостоятельных народах с собственной этнической и социально-политической историей, имеющих существенные отличия в менталитете, духовной и материальной культуре, традиционных хозяйственных занятиях. Башкиры впервые упоминаются под своим именем в VIII—X вв. в сочинениях арабо-персидских путешественников. В это время они органически входили в огромный кочевой тюрко-угорский мир, который раскинулся на обширнейшей территории от Приуралья до Волги, от Южного Урала и Западной Сибири до Северного Кавказа и Причерноморья¹. Предки современных поволжских татар в течение многих лет не принимали этнонима «татар» и предпочитали называть себя булгарлы (булгарин) или казанлы (казанец). Как самоназвание татар Среднего Поволжья одноименный этноним утвердился не ранее XIX века, в период складывания татарской буржуазной нации². Упомянутые в начале абзаца факторы явились основой для их своеобразного симбиоза, то есть взаимовыгодного существования на протяжении XVI—XIX вв. в рамках единого государства, в котором каж-

дый этнос выполнял присущие ему функции и роли. Результаты этого сосуществования имели впечатляющие последствия для обоих братских народов. Можно согласиться с мнением А.Т. Бердина: «Так, сомнителен был бы какой-либо всплеск татарской образованности, если бы татары в свое время, как башкиры, лезли бы массами под картечь с голыми саблями. Да и не было у них сабель, за исключением служилых татар — а последние всегда обнажали их только за Российскую империю, а не против нее; исключения, вроде мишаря Канзафара Усаева, только подтверждают правило»³. Башкиры, поднимаясь на борьбу, выступали в роли силового защитника не только своих прав, но фактически и прав татар, их этническим и конфессиональным союзником. Факты свидетельствуют, что вооруженное восстание не было способом борьбы и выживания татарского этноса. Вся история татар с 1552 года — это существование в системе Российской государственности как ее структурная часть. С момента падения Казанского ханства татары из завоеванного народа трансформировались в системную часть российского общества как своеобразная религиозно-этническая оппозиция. Соединяя в себе элементы традиционной и диаспорной цивилизации, они нашли свою «нишу» — транзитная торговля, переводчики и приказчики, мусульманское духовенство и сельские учителя, ремесленные кварталы и обслуживающий персонал в городах, при сохранении крестьянства на месте этнообразования. Построив свою систему выживания в новых исторических условиях, татары уже не помышляли об открытой вооруженной борьбе против государства, уповая на изменения в самой империи, повышение своего статуса в ней. А башкиры, вошедшие в состав России на договорных началах, обладали определенной степенью автономии, основой которой было право вотчинного землевладения. Угроза потери своей земли и жалованных прав таила для них смертельную опасность. Чувствуя это, башкирский народ многократно поднимался на самоотверженную борьбу за их сохранение. Татарский этнос, фактически будучи проводником влияния империи в Башкортостане, в значительной мере смягчал тяжелые условия интеграции башкир в ее организм. Все татарское земледельческое и торгово-ремесленное население, способствовавшее этому процессу, объективно желало мирной жизни. К концу XIX века, когда интеграция башкир в империю окончательно завершилась и они лишились большинства автономных особенностей, эта положительная функция татар была исчерпана и была более не нужна ни башкирам, ни империи, ни им самим. После этого башкиры окончательно превратились из субъекта симбиоза, наоборот, в объект ассимиляции, в досадную помеху для амбиций татарских буржуазных националистов.

Тогда же среди казанлы появились деятели, одержимые идеями осуществления постепенной ассимиляции окружающих, прежде всего родственных (и не очень) народов в нечто аморфное, но единое целое, при активном внедрении мифа о праве именно казанлы на культурное наследие ассимилируемых народов, к которому они, в действительности, имеют весьма отдаленное отношение. Ими стали предприниматься шумные попытки приписать себе «этническую чистоту» и «удревнения» своего этногенеза, перемежаемые с обвинениями соседей и соперников по империи в «геноциде татарского народа!», «вероломном завоевании Казани Иваном Грозным!». В национальной психологии стали упорно формироваться образы неких «внешних врагов». Соответственно, все противники этих идей объявлялись платными «прислужниками метрополии», а в то же время имперские потуги собственной национальности преувеличивались и превозносились. Причем оценка действий империи зачастую была очень субъективна. Разумеется, имевшие место насильственное крещение некоторой части татар и притеснение духовенства можно оценивать как трагедию, но не более. Называть это геноцидом — явный перебор. Ведь есть и другая «сторона медали» — власти империи открывают муфтият, выплачивают муллам жалованье из казны, причем жалование и статус муфтия приравнивается к генеральскому. В Казанской губернии после XVI века, в отличие от Башкирии, не сжигались сотни аулов (иногда и вместе с жителями). Потому что, с точки зрения правительства и церкви, татар желательно было крестить, но не за что истреблять — не они устраивали кровавые восстания от Тобола до Волги, и от Перми до Кубани. Но существует категория людей, которых история ничему не учит, которые видят в ней лишь то, что хотят видеть. Они охотно поучают других, требуют извинений и покаяний, но сами учиться, каяться не спешат. Их претензия на роль основы нового (но якобы существовавшего ранее) суперэтноса, то есть пантюркизм в пантатаристском варианте, аналогичен панславизму в русском: вплоть до советского периода термином «русский» упорно обозначали и украинцев, и белорусов, не спрашивая их мнения. Оторопь берет от самоуверенных, ни на чем не основанных заявлений шовинистически настроенных деятелей, называющих «тюрко-татарами» и башкир, и казахов, и ногайцев, и народы Средней Азии (оставляя первенство, разумеется, за собой).

В целях достижения своих далеко идущих целей, они активно использовали и используют религиозный фактор. В силу ряда причин для татар ислам сразу же стал определяющим фактором самоидентификации. Коран, хадисы и эпоха распада Золотой Орды заменили им мифологию. Тот факт, что татары являются относительно ярко выраженной мусуль-

манской нацией, не дает никакого основания для ассимиляции ими других народов, пусть и «светом ислама». Тем более, если это касается башкир — народа, так же давно являющегося мусульманским и защищавшего ислам столетиями. Неуместным является также приписывание всех явлений, связанных с исламом в истории тюркских народов, к «историческому активу» именно татарского этноса. Например, факт широкого распространения мусульманской образованности татар в XVIII — XIX вв., в действительности, совершенно не связан с абсурдным стереотипом, согласно которому чуть ли не все муллы в Башкортостане были татарами, тем более в период башкирских восстаний XVII — XVIII вв. Татарские муллы появились среди башкир в заметном количестве именно в XIX — XX вв. в связи с резким увеличением татарского населения в Башкортостане и с переходом башкир к оседлому образу жизни, с утратой ими особого «башкирско-казацкого» социального статуса. За целые столетия до миграции казанлы они были мусульманами и, надо думать, не могли не иметь своих священнослужителей. Даже в начале XX века в Башкирии муллы обычно не присылались извне, а «согласно исламской традиции, мусульмане сами выбирали в своей общине в качестве духовного наставника самого уважаемого, грамотного мужчину». Тем не менее, подобный взгляд на историю считается среди определенной части татарской интеллигенции как бы само собой разумеющимся — если «все знают», то зачем же проверять?

В то же время никто не оспаривает тот факт, что удельный вес образованного слоя среди казанлы был значительно выше аналогичного показателя среди башкир. Татарские просветители внесли существенный вклад в просвещение не только своего народа, но и башкир и казахов. Однако длительное доминирование татарской интеллигенции практически завершилось лишь с формированием самостоятельного башкирского национального движения.

После февральской революции большой размах приобрело общемусульманское движение в России, которое возглавила мусульманская фракция Государственной Думы. Первого мая 1917 года по инициативе мусульманской фракции состоялся I Всероссийский мусульманский съезд. На съезде развернулась острая дискуссия по поводу национально-государственного переустройства бывшей Российской империи. Именно представители тогдашней татарской интеллигенции выступили за унитарную Россию и были резко настроены против любой национальной автономии. Тем не менее, в острой дискуссионной борьбе башкирская делегация в составе 58 человек совместно с азербайджанской, казахской, крымско-татарской делегациями отстояла идею федеративной России на

основе территориальной автономии. Идея национально-культурной автономии была поддержана делегацией казанских татар, которые, в свою очередь, ратовали за единую тюрко-татарскую нацию, в состав которой включали и башкир как часть татарского этноса. Лидеры татарского движения проявляли великодержавные притязания, в первую очередь к башкирам. Идея башкирской автономии была воспринята ими откровенно враждебно. В основе этого лежали, прежде всего, помимо других причин, и экономические интересы. Угрозу своим интересам в автономии Башкортостана видели и представители татарской буржуазии, занимающиеся добычей золота и других полезных ископаемых на башкирских землях. И татарское крестьянство было заинтересовано в уравнительном перераспределении башкирских вотчинных земель.

Но все же пантатаристские идеи не получили распространения среди широких масс татарского народа. А в период господства коммунистической идеологии, по понятным причинам, озвучивать и распространять их было вовсе небезопасно. Но ядовитые семена, посеянные «отцами-основателями», не исчезли совсем, а лишь ждали благоприятных условий для всходов. На излете советской эпохи и в последующие годы приверженцы пантатаризма вновь вышли на арену общественно-политической жизни. В своих выступлениях они демонстрируют комплекс татарского превосходства, уничижительно, с нескрываемой иронией отзываются о других нациях. Одиозный деятель Р. Хакимов глумливо, но со «вселенской печалью» в своей статье «Кто ты, татарин» вещал: «...большевики успешно продолжили эту политику. На карте появились узбеки, киргизы. Срочно изобрели башкирский язык и ряд национальных «атрибутов». Своеобразной визитной карточкой башкир стал характерный танец, в котором джигиты выступают в шапках с лисьими хвостами. Этот танец придумал и поставил на сцене Файзи Гаскаров — татарин, которому не дали квартиру в Казани, и он в 60-е годы уехал в Уфу. Это сценическая конструкция. И весь народ именно так сконструирован, но для политической сцены. Большевики поставили дело масштабно. Кавказские татары стали не только азербайджанцами, но и кумыками, балкарами, карачаевцами. На самом деле был один народ, сформировавшийся в эпоху Золотой Орды. Татары жили в Казани, Астрахани, Сибири, Касимове, Крыму, Мещерской земле, ногайских, башкирских степях и т.д., а потому назывались по-разному: казанские, астраханские и сибирские татары, мишары, крымские татары, ногайцы и башкиры. Русских, живущих в Сибири, называют сибиряками, но никому в голову не приходит выделять их в отдельный народ и называть «сибирскими русскими». Но если немного поработать этнографам и политикам, то можно людей так

запутать, что они будут говорить: мы не русские, а сибиряки. Придумают им сибирские костюмы, танцы, свой говор. И нация готова. Татарин, остановись на секунду и взгляни на своего собрата без злобы и ненависти. Прости ему обиды. Останови разрушительную грызню. Твоя задача — быть сильным, а значит, сохранить единство народа. Более того, ты должен объединить вокруг себя тюркские и другие народы, потому что, когда страна запуталась, кто-то должен брать на себя ответственность за наше общее будущее»⁴. И этот бред писал директор Института истории Академии наук Республики Татарстан, являвшийся по совместительству советником президента своей республики! Комментарии, как говорится, здесь излишни.

Целенаправленная фальсификация же истории башкир и Башкортостана имеет свою идейную и политическую направленность. Она «основана на воззрениях радикально-шовинистически настроенных татарских деятелей начала XX в. Г. Исхаки, С. Максуди и других, которые не хотели признать башкир самостоятельным народом, их историю приписывали татарам, рьяно выступали против создания Башкирской автономии, проповедовали различные «ассимиляторские идеи»⁵. Их последователи вопреки реальной действительности провокационно и абсолютно ложно стали заявлять на весь мир о притеснении татар в Башкортостане. Нередко можно услышать фантастически безнравственные и безосновательные утверждения типа: « татары в Башкортостане живут в аду, в условиях оккупационного режима, в положении рабов; башкирские власти уничтожают язык и культуру татар». В последние годы в некоторых средствах массовой информации и научно-публицистических изданиях Татарстана получили распространение тенденциозные, не соответствующие исторической правде материалы, которые непосредственно затрагивают историю Республики Башкортостан и в особенности этническую историю башкир. В то же время в ходе III Всемирного конгресса татар, притом при присутствии Президента России В.В. Путина, Президента РБ, некоторые делегаты, нарушив все этические и моральные нормы, обрушились с явной клеветой против Башкортостана и башкирского народа. Так, на этом конгрессе было предоставлено слово известному хулителю Башкортостана и башкирского народа писателю Айдару Халиму, выступившему с беспрецедентным по своей лживости заявлением о якобы имеющем месте геноциде татар в Башкортостане. Им и ему подобными усиленно создается образ попираемого в правах татарина. Реальные же факты говорят об обратном: в Республике Башкортостан устойчиво растет численность татарского населения, а дети татарской национальности РБ изучают родной язык в более 1200 средних учебных заведениях, в то время как в Та-

тарстане нет ни одной башкирской школы. Существуют также отделения татарского языка и филологии в государственных университетах. Утверждение «Не дают говорить на татарском и развивать татарский язык» является беспрецедентной ложью, достойной самого Геббельса. Всем известно, что в Башкортостане выходят республиканские и районные газеты на татарском языке общим тиражом больше, чем в самом Татарстане! В Уфе построен и функционирует великолепный татарский театр «Нур», по радио и телевидению ежедневно транслируются многочасовые передачи на татарском языке. Никто не запрещает татарам выписывать татарские газеты из Татарстана, покупать и смотреть фильмы на татарском, выпущенным в Татарстане! Наконец, татары значительно шире, чем башкиры представлены среди хозяйственных руководителей и в органах власти.

Как видим, к сожалению, среди татарской интеллигенции и политических деятелей есть маргинальные личности, которые сознательно и с патологическим упорством пытаются вбить клин в многовековую дружбу двух братских народов. С усердием, достойным лучшего применения, они пытаются реанимировать реакционные идеи, давно выброшенные на свалку истории и сеют семена межнациональной розни. Недооценивать их потенциальную опасность было бы неразумно. Тем не менее, есть все основания уверенно утверждать, что по большому счету «проблемы» во взаимоотношениях татар и башкир носят искусственный и надуманный характер. О мудрости и зрелости этих народов свидетельствуют искренняя человеческая дружба и взаимоуважение друг к другу миллионов простых людей.

Примечания

1. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 6 – 5.
2. Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. Наука. Москва, 1985. С. 200.
3. Бердин А.Т. Молоток для кривых зеркал. Уфа, 2006. С. 128
4. Хакимов Рафаэль. Кто ты, татарин. «Восточный экспресс». 2002. №№ 21, 23, 25.
5. Исхаки Гаяз. Идель-Урал. Казань, 1991. С. 9 – 62.

РОЛЬ ТЕАТРА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ТАТАР ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Театр располагает
самой проторенной дорогой
к уму и сердцу человека.

Фридрих Шиллер

Культура человечества многонациональна. Каждый народ, независимо от того, большой он или малый, в течение своей многовековой истории создает свою национальную культуру, которая способствует в наибольшей степени улучшению благосостояния людей и их воспитанию в духе трудолюбия и высокой нравственности. Как система норм и ценностей определенной социальной общности культура функционирует, развивается и изменяется, вместе с ней меняются нормы и ценности представителей этнической общности. Культура начинается с уважения к прошлому, который заключает в себе опыт, оставленный нам предшествующими поколениями, и культурные ценности. Культурное наследие каждого народа отображает жизнь, нравы и быт далеких предков, национальные особенности и религию, изменения социально-экономических условий, а также контакты с другими народами.

Среди основных факторов, определяющих культурный уровень нации, особое место принадлежит театральному искусству, которое формирует мировоззрение человека, учит добру и пробуждает любовь. Театр занимает важное место как в жизни человека, так и в развитии общества, выполняя эстетическую, коммуникативную, социализирующую, познавательную и другие функции. Влияя на сознание, духовно-эмоциональный мир человека, театр формирует его цельный облик, способствует духовному росту, повышает культуру. «Люди идут в театр для развлечения, — писал К.С. Станиславский, — но незаметно для себя выходят из него с разбуженными чувствами и мыслями, обогащенные познанием красивой жизни духа»¹.

Искусство театра, в отличие от других искусств, живое искусство. Оно основано на обязательном эмоциональном, духовном контакте сцены и зрительного зала. В отличие от литературы, живописи, скульптуры, пришедший в театр зритель становится не создателем уже созданного, а прямым соучастником творчества. Отрываясь от реальности, он начинает сопереживать и чувствовать то, что чувствуют актеры. Присутствующие вовлечены театром в живой и волнующий процесс самого создания

сценического произведения, спектакля. Именно в этом сокрыта чудодейственная духовная, эмоциональная энергия театра, своеобразная оригинальность его воздействия на наши души.

Театральное искусство сопровождает человека с давних времен. Основные роды поэзии – эпос, лирика и драма – возникли еще в Греции, где существовали различные виды театра со своими традициями, сценической техникой. В эпоху Возрождения стали создаваться первые литературные трагедии и комедии, образцами для которых послужили пьесы античных авторов. Сами термины «театр», «драма» вошли в русский словарь лишь в XVIII веке. Слово «театр» греческого происхождения и означает место для зрелищ и само зрелище. В конце XVII века бытовал термин «комедия», а на всем протяжении века – «потеха» (Потешный чулан, Потешная палата). В народных массах термину «театр» предшествовал термин «позорище», термину «драма» – «игрище», «игра». В русском средневековье были распространены синонимичные им определения – «бесовские», или «сатанические», скоморошные игры.

В Оренбургской губернии театральное искусство делало свои первые шаги во второй половине XIX века. При правлении оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского (он работал в Оренбурге с 1864 по 1881 годы) помещение военного манежа, где играли приезжие театральные труппы, было капитально реконструировано. В письме, направленном губернатором в военное министерство, он просил передать здание манежа городу для постоянной работы в нем актеров: «Оренбург, находясь на рубеже Европы и Азии, – писал он, – составляет пункт, куда съезжаются торговцы всех среднеазиатских ханств, давно уже нуждался в театре в видах усиления влияния на азиатцев русской цивилизации и для удовлетворения потребностей самого города, население которого превышает 35 тысяч душ... Я имею честь покорнейше просить разрешить передать театр в ведение города»². Просьба Н.А. Крыжановского была удовлетворена. В ходе реконструкции манежа строители оборудовали в нем фойе, зрительный зал, сцену, карманы для декораций, а также несколько актерских комнат и т.д. В январе 1869 года состоялось торжественное открытие оренбургского драматического театра. Зрители посмотрели спектакль «Холостяк» по пьесе И.С. Тургенева и водевиль «Колечко с бирюзой» в постановке артистов труппы антрепренера А.П. Бельского. Работники театрального искусства внесли немаловажный вклад в повышение культурного уровня Оренбуржья.

Татарское театральное движение в Оренбуржье, как и другие национальные театры, имеет свою историю. Осенью 1905 года в Оренбурге по инициативе Ильясбека Батыргареевича Кудашева-Ашкадарского, широко

известного музыканта и декламатора, организуется первая в России профессиональная татарская труппа. Первой постановкой был спектакль по пьесе А. Островского «В чужом пиру похмелье», переведенной на татарский язык. Но спектакль не состоялся, так как против этого решительно выступило местное мусульманское духовенство. Тем не менее, актеры не стали опускать руки, решив устраивать концерты и ставить спектакли в Народном доме. Труппа гастролировала по различным городам России (Бузулук, Самара, Казань, Симбирск и другие). В ходе своей поездки по России она пополнилась новыми артистами. В нее вошли С. Гизатуллина-Волжская, Г. Кариев, Н. Сакаев, И. Альмяшев, Ф. Ильская и другие. В результате образовалась известная татарская труппа «Сайяр» («Путешественник»). Одновременно в городе работали татарские театры «Ширкат» («Товарищество»), «Нур» («Луч»), «Шарык» («Восточный клуб»). В них ставились пьесы М. Файзи, Ф. Амирхана, Ш. Камала, Г. Кулахметова и других татарских драматургов, а также спектакли по пьесам русских классиков — А. Островского, Н. Гоголя, М. Горького. Театр давал спектакли для татарского населения города и их детей на родном языке. Организация театральных постановок на основе высокохудожественных произведений способствовала повышению уровня культуры народов.

Главным носителем театрального действия является актер. Среди артистов труппы «Сайяр» самой выдающейся личностью была Сахибджамал Гизатуллина-Волжская, которая в 1912 году организовала театр «Нур» («Луч»), а впоследствии создала башкирский драмтеатр в Уфе. Ею были сыграны роли Гайни («Несчастный юноша» Г. Камала), Катерины («Гроза» Островского), Луизы («Коварство и любовь» Шиллера) и др. Актерский образ создается на основе пьесы и ее толкования режиссером, постановщиком спектакля. Однако в системе строго организованного спектакля актер остается автономным художником, способным лишь ему одному доступными средствами воссоздать на сцене живой человеческий образ, передать сложность и богатство человеческой психологии. Актер дополняет материал самостоятельным исследованием и наблюдением жизни, преломляет его через собственное осмысление реальности. С. Волжской удавалось создавать романтический характер мужественной девушки, посвятившей себя борьбе за просвещение своего народа. Она отталкивалась из своего понимания идейного содержания произведения. Ее волновали судьбы героев, их стремления. В свои постановки и в свои образы она вкладывала свой характер. «Солнцем на татарской сцене» назвал ее Г. Тукай³.

В июне 1919 года во время обороны города Оренбурга от войск Колчака и Дутова режиссером Усманом Садыковым в городе была организо-

вана передвижная драматическая татарская труппа «Ирэк» («Свобода») в составе 30 артистов, которая активно обслуживала население окраин города и красноармейцев, оборонявших Оренбург. Особенностью деятельности труппы было то, что сборы от спектаклей шли в пользу голодающих, военнопленных, учащихся, в пользу безработных и т.д.

Оренбургский передвижной татарский колхозно-совхозный театр (руководитель и режиссер В.Г. Фатыхов) сыграл важную роль в культурном просвещении татарского населения Оренбуржья. Разъезжая по городам и рабочим поселкам, а главным образом по райцентрам, колхозам и совхозам области, коллектив театра показывал зрителям пьесы «Родина», «Голубая шаль», «Ударники полей» и другие произведения татарских драматургов. В 1935 году коллектив актеров этого театра обслужил татарское население Каширинского (теперь Октябрьского), Шарлыкского и Покровского районов, где показал спектакли «Старое воспитание» и «Ударники полей»⁴. О работе этого театра часто писали газеты «Колхозник» и «Коммунист», выходившие в Оренбурге на татарском языке. В предвоенные годы в театре шли пьесы Т. Гиззата «Прекрасная эпоха», Р. Ишмурата «Для Родины», М. Абдиева «Шамси Комар» и произведения других татарских драматургов. В небольших городах и рабочих поселках, в крупных селах и станицах в Домах культуры и клубах, как правило, существовали драматические кружки, которые силами любителей ставили различные, в основном советские пьесы. Все это способствовало повышению культурного уровня населения не только городов, но и жителей сельской местности.

С началом Великой Отечественной войны многие артисты коллектива уходят на фронт и с оружием в руках защищают нашу Отчизну, но театр продолжает работать. Оренбургский татарский колхозно-совхозный театр продолжает гастролировать по области. Неизменным успехом у населения пользовались такие спектакли, как «Галиябану» М. Файзи, «Банкрот» Г. Камала, «Ильучен» Р. Ишмуратова и др. Театр освещал войну не только как суровое испытание народа, его великий нравственный подъем, но и как нерушимое единство людей с государством.

В послевоенный период в трудном положении оказался татарский передвижной колхозно-совхозный театр, работавший в основном в сельской местности. Из-за финансовых трудностей он в 1949 году был закрыт, а вместо него при областной филармонии под руководством режиссера В. Фатыхова был организован татарский драматический коллектив, который продолжал обслуживать татарское население области своим искусством.

Известным в Оренбуржье национальным театром является старейший Оренбургский татарский драматический театр, которому присвоено

имя известного драматурга Мирхайдара Мустафовича Файзи (главный режиссер – заслуженный деятель искусств Российской Федерации и Республики Татарстан Р.А. Абдуллаев). М. Файзи является автором татарских музыкальных пьес, которые вошли в сокровищницу татарской драматургии. Визитной карточкой театра стал его спектакль «Галиябану». Само имя Галиябану стало своеобразным символом чистоты, нежности чувств и произносилось всегда с неперенным трепетом, вдохновением. В этой пьесе М. Файзи показал себя тонким художником, выразителем дум и устремлений своего народа. Автор в полной мере использовал богатство устного народного творчества. Объектом изображения в пьесе стала жизнь одной татарской деревни Оренбургского края. Ее будни, обряды, традиции изображены столь точно и живописно, что «Галиябану» стала действительно народным произведением. А также шли пьесы «Хаджи эфенди женится» Ш. Камала, «Ревизор» Гоголя, «Доходное место» А. Островского, «Альмансур» Г. Гейне и другие⁵. Спектакли пользуются большим успехом у татарского населения города.

Татарский театр имени М. Файзи начал успешно работать 18 декабря 2008 года в здании бывшей областной филармонии, которое в течение ряда лет подвергалось коренной реконструкции. В афише театра имеется татарская, русская и зарубежная драматургия, а также пьесы современных авторов. Среди них «Песня пробуждает душу», «Приговор без суда», «Выходили бабки замуж», «Не все коту масленица», «Найти и потерять», «Ночной гость», «Банкрот» и многие другие. Кроме драм и комедий, театр осуществил постановку ряда сказок для детей. Регулярно проводились концерты Курбан-байрам «Рамазан», театрализованные вечера, посвященные Мусе Джалилю, 200-летию А.С. Пушкина, 120-летию И. Кудашева-Ашкадарского и т.д.

Коллектив театра – Люция Абдуллаева, Рафаэль и Нурия Фатыховы, Халит Салихов, Айрат Хабибуллин, Булек Байбулятова, Зульфия Мавлютова, Линиза Рахматуллина и другие – активно принимает участие в различных театральных фестивалях, которые проходят в Оренбурге, Актюбинске (Казахстан), Казани и других городах. За последние десять лет театр побывал во многих городах Урала, Поволжья и Казахстана, обслуживая своими спектаклями татарское население указанных местностей. Среди артистов данного театра хочется выделить заслуженную артистку Российской Федерации Люцию Абдуллаеву. Ее профессиональная актерская деятельность началась еще в Республиканском передвижном театре города Казани. На протяжении двадцати лет она работала актрисой в Альметьевском татарском драматическом театре. Ею сыграно более 50 ролей как в пьесах классической, так и современной драматургии:

«Поздняя любовь», «Не все коту масленица» А. Островского, «А зори здесь тихие» Б. Васильева, «Барабанщица» А. Салынского, «Нас было 12 девушек» А. Гилязова, «Поток» Т. Гиззата, «Встреча с молодостью» Т. Миннулина, «Без ветрил» К. Тинчурина, «Сариан – дочь сарматов» Н. Фаттаха. За время работы в Оренбургском татарском драматическом театре Люция Абдуллаева своим искусством завоевала любовь и уважение как горожан, так и большого числа сельских жителей с компактным проживанием татаро-башкирского населения. К тому же она не только исполняет в пьесах ведущие роли, но и профессионально поет и танцует, что дает ей возможность играть в музыкальных спектаклях. Ее красивый голос звучал в постановках «Мелодия тальянки» Ш. Бикчурина (Насима), «Озорная молодость» А. Абдуллина (Сандугач), «Хафиза – милая» Г. Камала (Хафиза), «Белый кокошник» Т. Гиззата (Хамдия) и других. Долгие годы работы над различными ролями помогли Л. Абдуллаевой сформировать определенный художественный облик актрисы, который, прежде всего, характеризуется превосходным мастерством, ясностью исполнительских намерений.

Театр нужен был человеку всегда! Зритель приходит на театральное представление не как сторонний наблюдатель. Он не может не выражать своего отношения к тому, что происходит на сцене. События, происходящие на сцене, целиком захватывают актеров и заставляют зрителей, окунаясь в ткань действия, активно сопереживать, сочувствовать. Смех, рыдание, отчаянье, беззаботность, счастье, грусть пронизывают каждого сидящего в зале во время спектакля. Само посещение театра вызывает волнительный процесс – переживание, помогающее нам задуматься над вечными проблемами и не остаться равнодушными.

В своей работе театр имени Мирхайдара Файзи главной целью ставит пропаганду и распространение среди татарского населения, других народов России, высоких образцов театральной культуры татарского народа. Театральное искусство было и остается неисчерпаемым источником духовности, несет в себе гуманистические идеи добра и великодушия, пропагандирует наилучшие человеческие качества. Оно является одним из значимых факторов в нравственном и духовном воспитании людей, поэтому, поддерживая и возрождая культурное наследие, мы, таким образом, способствуем укреплению морального духа людей и оздоровлению общества. Театральные коллективы остаются важными ячейками культурной жизни нашего государства, которые сохраняют и передают из поколения в поколение культурные традиции.

Примечания

1. Станиславский К.С. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6. М.: Искусство, 1959. С. 24.
2. Незнамов М. Старейший русский театр на Урале. Чкалов: Чкаловское изд-во, 1948. С. 6.
3. Оренбургская биографическая энциклопедия. М.: Рус. кн., 2000. С. 82.
4. Татарский советский театр. Казань: Татарское кн. изд-во, 1975. С. 480—482. (на татарском языке).
5. Татары в Оренбургском крае. Оренбург: Изд-во «Димур», 1996. С. 39—40.

С.М. Гумирова

МЕДРЕСЕ «ХУСАИНИЯ». РЕЛИГИОЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА

На сегодняшний день в России происходит активное возрождение, преобразование и развитие духовного мусульманского образования. Наиболее заметна эта тенденция на тех территориях, где ислам имеет более глубокие исторические корни и является традиционным вероисповеданием для местного населения. В числе этих территорий можно назвать кавказские республики, входящие в состав РФ, а также республики Башкортостан и Татарстан. В этот список также входит Оренбуржье, где проживает в значительном количестве население тюркских национальностей. По этой причине для мусульман, занимающих эти земли, встает проблема удовлетворения своих религиозных потребностей. Собственно с этой целью сегодня реализовывают свою религиозно-образовательную деятельность медресе — духовные мусульманские школы, готовящие имамов. Среди них можно особо отметить медресе «Хусаиния» г. Оренбурга.

Медресе «Хусаиния» в городе Оренбурге начало свое существование 120 лет назад, с момента ее основания в 1899 г. братьями Хусаиновыми, которые широко известны под именами Ахмад бай, Гани бай и Махмут бай. Хотя предпосылки создания нового медресе были заложены еще в XVIII веке муфтием Мухаметжаном Хусейновым, предложившим проект реорганизации мусульманского образования, который должен был осуществиться посредством создания нового мусульманского училища при Императорском Казанском университете в г. Оренбурге, именно медресе «Хусаиния» было суждено осуществить планы первого муфтия. В этот же период времени зарождается новая методика в системе исламского образования — джадидизм, которая впоследствии значительно

но улучшила качество и эффективность обучения в духовных школах. Таким образом, оренбургское медресе начало свою деятельность уже как джадидская школа. Медресе «Хусаиния» действовало вплоть до 1919 года¹.

Сегодня некоторые духовные учебные заведения проявляют все больший интерес к джадидизму как к практическому методу обучения. Современная мусульманская образовательная система имеет множество проблем, среди которых можно назвать слабую материальную поддержку в некоторых регионах, профессиональную невостребованность выпускников таких школ, часто низкий уровень подготовки специалистов в данной сфере и многое другое. Одним из путей разрешения сложившейся ситуации, по крайней мере для определенных регионов, некоторые представители современного богословия видят развитие существовавших некогда среди татарской интеллектуальной элиты идей джадидизма, которые сегодня могли бы поднять уровень интеллектуального, в частности, богословского развития среди мусульман, и вместе с этим стать фактором возрождения татарской интеллигенции. Однако на сегодняшний день расширение образовательных программ до столь высокого уровня, который предполагается джадидской идеологией, возможной лишь на уровне духовных школ высшего звена, готовящих богословов. Часть таких школ на данном этапе уже получили государственную аккредитацию, и вопрос внедрения определенных дисциплин светского характера отпал сам собой, поскольку государственное учреждение предполагает наличие таковых. Иначе дело обстоит со средним звеном, то есть с медресе, которые являются основным ресурсом воспитания и подготовки имамов для большей части мусульманской общины. Медресе «Хусаиния» в г. Оренбурге здесь может послужить примером. Имея за плечами историю солидного джадидского медресе, «Хусаиния» сегодня не может отвечать тем требованиям, которые к ней предъявлялись когда-то. Срок обучения, рассчитанный на два года, не позволяет дать высокого уровня знаний в небогословской сфере². Также существует проблема финансирования. В конце XIX – начале XX веков та же «Хусаиния» почти полностью обеспечивалась одним из крупнейших меценатов того времени А.Хусаиновым. Сегодня медресе не имеет и части той финансовой поддержки, которая во многом способствовала репутации школы в дореволюционное время как одной из наиболее престижных джадидских школ, и не только в России. Сегодня ни одно Духовное управление мусульман в России не может себе этого позволить. Несмотря на это, «Хусаиния» активно продолжает подготовку имамов и преподавателей арабского языка, оставаясь востребованной.

Фактически, медресе возобновило свою деятельность в 1989 году, когда при Соборной мечети г. Оренбурга были открыты воскресные курсы по основам Ислама со свободным посещением занятий. Занятия вел муфтий Абдельбарый-хазрат Хайруллин. В этот период в регионе возникла острая необходимость в профессиональных служителях исламского культа. По этой причине в 1991 году по решению муфтията, функции которого в то время исполнял мухтасибат, были открыты двухгодичные курсы по подготовке имам-хатыбов и муэдзинов. Таким образом, в здании близ Соборной мечети официально начала свою религиозно-просветительскую деятельность мусульманская духовная школа «Хусаиния». В 1993 году в медресе было открыто женское отделение, которое предполагало обучение будущих преподавательниц основ Ислама и арабской графики. Специалистов в этой сфере принято называть «абыстай» или «мугаллима». «Хусаиния» явилось одним из первых медресе, в котором стало возможным обучение девушек. Через шесть лет было открыто заочное отделение, предполагающее четырехлетний срок обучения. С 2004 года в школе введена очно-заочная форма обучения, где срок обучения продлен до четырех лет.

В 2000 году директором медресе стал Альфит Асхатович (Абдулла-хазрат) Шарипов, бывший сам некогда шакирдом оренбургской духовной школы, что во многом способствовало преемственности образовательных традиций медресе³.

На сегодняшний день деятельность медресе «Хусаиния» официально лицензирована министерством образования Оренбургской области.

Таким образом, история медресе «Хусаиния» насчитывает уже двенадцать десятилетий. Несмотря на то что после 1919 года данная духовная школа была вынуждена прекратить свое существование фактически на семьдесят лет, сегодня она активно реализует свою религиозно-просветительскую деятельность, продолжая традиции исламского просвещения в регионе.

Руководство медресе «Хусаиния» основной задачей своей духовной школы называют подготовку кадров для удовлетворения религиозных нужд верующих, а также помощь социально неблагополучной молодежи в поиске своего места в жизни. Основным принципом обучения является совмещение его с формированием духовно просвещенной личности, воспитанной в традициях толерантности, межрелигиозного диалога.

Разрешению поставленных задач и организации учебного процесса способствует слаженный преподавательский состав, представленный, в основном, выпускниками медресе «Хусаиния». Все они продолжали обучение в высших исламских учебных заведениях России. Также в числе

педагогических работников медресе имеются выпускники таких духовных образовательных заведений, как медресе «Мир-Араб», Казанское высшее мусульманское медресе тысячелетия принятия Ислама, Исламский институт имени Фахретдина в г. Уфе, Ташкентский исламский институт, Российский исламский университет, а также светские вузы. Часть преподавателей была направлена Центральным духовным управлением мусульман России и ректором Российского исламского университета г. Уфы по окончании этого института⁴. Часть преподавателей, как мы уже указали выше, после успешного окончания обучения в медресе вошла в состав педагогов школы⁵. В штате духовной школы числятся 7 преподавателей, из которых 6 являются специалистами по богословским наукам, соответственно 1 преподаватель специализируется в области психологии и педагогики.

Среди студентов заочной, вечерней и воскресной форм обучения есть люди, уже имеющие высшее светское образование, некоторые из них имеют кандидатскую и докторскую степени. География студенчества весьма широка. В «Хусаинии» обучаются студенты, или иначе их называют шакирдами, из г. Оренбурга и Оренбургской области, из Самарской области, Свердловской области, из Башкортостана и Казахстана. Всего в медресе обучается более двухсот студентов⁶.

Особенностью обучения в духовной школе «Хусаиния» для шакирда является не только обязательное посещение учебных занятий и подготовка к ним, но также полное следование внутреннему уставу медресе, который затрагивает вопросы поведения учащихся, организации их жизненного уклада. Так к студенту предъявляются следующие требования: запрет на курение; запрет на общение с девушками; неподобающий внешний вид (спортивная одежда); неповиновение учителю или классному руководителю; запрет на ругань и драки; обязательное присутствие в мечети для совершения намаза, для студентов, проживающих в медресе – присутствие на каждом намазе, для проживающих не в медресе – на обеденном намазе⁷. Студенты, живущие в общежитии при медресе, следуют распорядку дня, установленному руководством «Хусаинии». День шакирда начинается в 6:30 с подъема и подготовки к утренней молитве, далее в 6:50 учащиеся совершают молитву, после чего отправляются в 8:00 на завтрак; с 9:00 до 14:40 они присутствуют на занятиях; 12:20 – 13:00 – это время, которое отводится на обед; в 15:00 все студенты совершают полуденную молитву. В распорядке дня в медресе также учтено время для обеденного сна, который обозначен здесь как тихий час. С 16:30 до 17:00 шакирды имеют свободное время. Немаловажным является то обстоятельство, что студенты даже в свободное время могут отлучиться из

медресе только с дозволения директора медресе или своего классного руководителя. 17:30 – 18:30 – время факультативных занятий, далее в 19:00 студенты совершают вечернюю молитву, после чего с 21:40 у них есть 2 часа на подготовку к занятиям; после ночной молитвы в 23:40 отбой⁸. Расписание может варьироваться с учетом изменения времени молитв⁹. Студенты сами следят за порядком в медресе.

Учебный год в медресе «Хусаиния» начинается 1 сентября и состоит из двух семестров. Каждый семестр заканчивается сдачей зачетов и экзаменов. Так же, как и в светских учебных заведениях, студенты медресе в процессе обучения пишут курсовые работы и защищают дипломную работу.

Шакирды «Хусаинии» получают знания по следующим дисциплинам: Коран (чтение с соблюдением правил); Тафсир (толкование аятов священного Корана); Фикх (мусульманское право); Акаид (наука о единобожии); Ахляк (этика и мораль, поведение мусульманина); Хадис (изучение изречений пророка Мухаммеда); Арабский язык (диалог и грамматика); Имам вазыйфа (обязанности имама); Вагаз-хитабат (составление и чтение проповедей); История Ислама (изучение истории и жизни всех пророков); Татарский язык; Основы педагогики и психологии¹⁰. По окончании вышеприведенных курсов для студентов предъявляется некий минимум знаний, которые они должны иметь по определенной дисциплине. Студент по предмету «Ахляк» должен знать свои обязанности как мусульманин, вплоть до особенностей внешнего вида верующего, а также все религиозные праздники и святые ночи. Также обучающийся в медресе должен практически применять свои знания. Практическая сторона данной дисциплины предполагает соблюдение не только сугубо религиозных обязанностей мусульманина, но и соблюдение гражданских и социальных обязанностей человека. Например, кроме получения духовного образования студенту вменяют в обязанность получение светского образования. Здесь же в одном ряду с материальным обеспечением семьи ставится уплата налогов, участие в выборах, служба в армии, защита Родины. Студент по предмету «Коран-Карим» должен знать особенности чтения на арабском языке, представленные в священной книге мусульман – Коране, знать наизусть определенные суры из Корана. Студент по предмету «Хадис» должен знать значение понятия «хадис», виды хадисов, классификацию и структуру, а также информацию о передатчиках хадисов, знать наиболее важные хадисы наизусть. Студент по предмету «Имам-Вазыйфа» должен знать и уметь применять законы фикха, ему должен быть известен порядок проведения религиозных обрядов. Студент по предмету «История Ислама» должен знать жизнеописание про-

рока Мухаммеда, историю возникновения Ислама, историю правления первых праведных халифов. Шакирд по предмету «Фикх» должен знать обязательные – фарзы и поощряемые – сунну компоненты в обрядовой жизни мусульман¹¹.

Данный минимум определяет выпускника медресе как соблюдающего и знающего основы исламского вероучения человека, а также как знатока и человека, способного исполнять исламские обряды и научить этому других незнающих людей, то есть определяет его в качестве имама.

Наряду с такими важными дисциплинами для исламской школы, как Коран, Фикх и Арабский язык, необходимо особо отметить Татарский язык. Татарский язык занимает значимое место в религиозно-образовательной деятельности медресе. Еще до революции 1917 года постановка преподавания татарского языка и литературы была направлена на воспитание любви к татарской культуре. Сегодня эта тенденция имеет свое продолжение в работе медресе. Татарский язык также определяет региональную направленность «Хусаинии». Медресе было образовано именно с целью подготовки имам-хатыбов для мечетей поволжского региона, где большую часть верующих мусульман составляет тюркоязычное население. Неотъемлемой частью учебного процесса в медресе является практика шакирдов в мечетях области¹². Кроме собственно языка студенты изучают татарское литературное и богословское наследие.

В график учебного процесса «Хусаинии» также включены факультативные занятия, такие как информатика, психология и педагогика. Информатике отводится незначительное количество часов в расписании. Это связано с загруженностью богословскими дисциплинами и коротким сроком обучения. Психология и педагогика занимает более значимое место для студентов, поскольку является подспорьем для будущей работы с верующими в качестве учителей и проповедников.

По окончании медресе у студентов есть возможность продолжить свое образование в исламских институтах. Многие студенты по окончании медресе поступают в Российский исламский университет в Уфе, некоторые обучаются за границей.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что студент духовно-мусульманского образовательного учреждения медресе «Хусаиния» в процессе обучения осуществляет свое право как гражданина РФ на получение образования, в полном соответствии с законодательством Российской Федерации. Образовательный процесс в медресе «Хусаиния» организован в соответствии с лицензированной образовательной программой, реализация которой способствует религиозно-нравственному

воспитанию будущих служителей религиозного культа в рамках исламского вероучения. Представленная учебная программа, рассчитанная лишь на 2 года при очном обучении или 4 года при заочном обучении, фактически исключает наличие светского компонента, предлагая студентам глубокое вхождение в религиозную жизнь. Подобный подход способствует не только получению религиозных знаний, но и организации жизни учащихся в соответствии с канонами исламского вероисповедания, и вместе с тем вводит выпускника в общую систему профессиональной подготовки, предусмотренную законодательством РФ.

Примечания

1. Интервью Абдуллы-хазрата Шарипова: имамы занимаются делом государственной важности // ISLAMRF.RU [Информационно-аналитический портал]. <http://www.islamrf.ru/>. Дата обращения декабрь 2010 г.
2. Интервью Альфита Асхатовича Шарипова, директора медресе «Хусаиния» г. Оренбурга (август 2010 г.) // Личный фонд автора.
3. Интервью Абдуллы-хазрата Шарипова...
4. Интервью Нургалеева Талгата, преподавателя Священного Корана: классическое чтение Корана, фикх (исламское право) в медресе «Хусаиния» г. Оренбурга (февраль 2010 г.) // Личный фонд автора.
5. Интервью Ханнановой Сании, преподавателя Ахляк (исламская этика), Сира ан-Наби (жизнеописание пророка Мухаммеда) в медресе «Хусаиния» г. Оренбурга (февраль 2020 г.) // Личный фонд автора
6. Интервью Абдуллы-хазрата Шарипова...
7. Правила поведения студентов в медресе «Хусаиния» (2009/2010 учебный год) // Личный фонд автора.
8. Правила поведения студентов в медресе «Хусаиния» ...
9. Распорядок дня студента медресе «Хусаиния» (2009/2010 учебный год) // Личный фонд автора.
10. Интервью Абдуллы-хазрата Шарипова...
11. Требования к студентам медресе «Хусаиния» (2009/2010 учебный год) // Личный фонд автора.
12. Интервью Абдуллы-хазрата Шарипова...

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ИМАМА Х.Г. ДАУТОВА В СОХРАНЕНИИ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТАР

Я хотел бы изложить биографию и жизненный путь одного из знаменитых и уважаемых простыми мусульманами Оренбуржья личностей Даутова Халиуллы Газизулловича. Обладая большим багажом духовных и светских знаний и в совершенстве владея методами фитотерапии и иностранными языками, он очень много полезного сделал для сохранения культуры тюркоязычных народов Оренбуржья.

Халиулла Газизуллович — пример служения своему народу. Точная дата жизни и смерти имама не известна. Он родился в конце XIX века в Сеидовом Посаде (с. Татарская Каргала). Прожил трудную и в то же время интересную и яркую жизнь. Умер в 50-х годах XX века. На надгробном камне с обратной стороны стоит надпись «Шейх». Он действительно был и останется в памяти татарского народа духовным предводителем переломного времени. Ему тогда было 97 лет.

Недалеко от Оренбургской губернии на свет рождается с виду простой младенец, ему присваивают имя Халиулла, что в переводе означает: человек очень близкий к Господу, друг Господа. Еще до его рождения его родной дедушка говорит: «У меня родится внук, и он будет обладать необыкновенным даром и знаниями; надо будет дать ему имя Халиулла» («гилем иясе булыр»).

Действительно, Господь одарил Халиуллу огромной физической и духовной силой, незаурядными сверхчеловеческими способностями, хорошей памятью, разумом и мышлением. Впитав с молоком матери любовь к родному языку, культуре и религии, обладая даром ясновидения и будучи хорошим психологом, он решает служить простому народу. Образование играло важнейшую роль для мусульманина, поэтому с 5 лет его отдают на обучение в кадимистское (старометодное) медресе Сеитого Посада. Но здесь шакирды не только зубрили Коран, священную для мусульман книгу, а также осваивали такие науки, как история, география, персидские и арабские языки, явления природы, история пророков. Отдельным предметом шли уроки воспитания.

В дальнейшем Халиулла, овладев многими знаниями, вступает на путь суфизма. Он наизусть знает все суры из Корана. Много читает и работает над самоусовершенствованием. Его учителем и предводителем в этой духовной дороге является имам Хайрулла — ишан, родом из г. Уфы.

В дальнейшем каждое решение он принимает, опираясь на священную для мусульман книгу. Основные идеи суфизма связаны с богом, человеком, их взаимоотношениями и были очень важны для Халиуллы ишана.

В июне 1929 года до мусульман-Оренбуржцев доходит неприятная весть: на II съезде РСДРП «Союз воинствующих безбожников» принимает Закон об уничтожении церквей и мечетей. Начинаются погромы в оренбургских городах и селах, простой народ тяжело переносит это время. Ломаются устои, те религиозные заведения, которым можно сказать повезло, приспособившись под склады либо закрываются. Десятки тысяч религиозных деятелей были репрессированы и расстреляны. Оставшиеся в живых верующие всегда были в поле зрения и под давлением НКВД. Халиулла имам проживал в эти годы в Татарской Каргале. Его тоже неоднократно арестовывали. После очередных разбирательств все документы, даже личные документы имама и духовная литература из архива Каргалинской мечети были изъяты. К счастью, односельчанам имама удастся скрытно вывести и сохранить некоторые уникальные древние книги. Сложенные в штабель, они хранились в подвале одного из домов односельчан до 1947 года. По рассказам его шакирдов это были уникальные книги. По их памяти, две из них назывались «Тыйп» и «Девять пальцев».

Оренбургская земля была застлана «ковром атеизма». Во времена Советской власти, давления на религию, Халиулла имам умудрялся преподавать азы Ислама. Организовывая группы из детей и взрослых, он проводил по вечерам занятия. Собирал их в тех домах, где он сам останавливался. Этот факт остается уникальным явлением для своего времени. Нужно признать, что советская машина таких преподавателей в лучшем случае высылала или их просто расстреливала. Именно тогда народ Халиуллу Газизулловича с уважением стал называть «халфа», что означает учитель. Авторитет учителя и его популярность среди мусульман Оренбуржья были настолько высоки, что он легко обходился и без паспорта. Передвигался он по многим селам области. Его хорошо помнят в татарских деревнях Баткак, Чишма, Верхние Чебеньки и многих других. Также он периодически посещал города Средней Азии и Казахстана. В Оренбурге он состоял в тесном контакте с имам хатыйбом Центральной мечети Рахманкуловым Зияетдином Мумеджановичем. Органы СРК очень негативно относились к общению религиозных деятелей, поэтому Даутову приходилось приезжать в город самому. Благодаря сверхъестественным способностям и молитвам, ему удавалось убежать от преследований. Его ученик Ахмадулла Гайнуллин вспоминает, что, когда конная гвардия взяла его в круг и стала угрожать, он взял горстку земли и с мо-

литвой подул на него. Преследователи расступились и, забыв про своего задержанного, стали общаться на отвлеченные темы. Видимо, когда они опомнились, имам был уже далеко. Гонения продолжались и НКВД все-таки удалось арестовать Халиуллу хазрата. Есть некоторые утверждения, что он якобы подвергся избиениям и издевательствам. Его держали за решеткой в с. Никольское Сакмарского района. Удивительным было то, что в течение нескольких дней подряд стражники утром приходили, а замки — открыты, но ишан сидит на месте и молится. В очередной раз перепуганная стража просто выпустила старца на улицу. Стоит отметить достоверные факты, что ишан Даутов никогда не наказывал физически своих преследователей. На вопрос, почему он этого не делает, он отвечал, что не может вершить судьбы и совершать деяния выше дозволенного Аллахом. Он неоднократно повторял, что придет тот день, когда религии будут свободны...

Халиулла халфа занимался лечением народными средствами и травами. Этим он завоевал огромное уважение и славу у простого населения. Он в совершенстве владел приемами фитотерапии, которые были известны только самому Даутову. По рассказам очевидцев готовил снадобья в строго определенное и разное время суток. Собирал он травы как на цветочной поляне, так и в полнолуние на кладбище. Корни некоторых растений доставались в определенное им время года с очень большой глубины грунта. Односельчане и его шакирды вспоминают, если что в правой руке он всегда держал Коран, в левой на столе у него лежали сочинения Авиценны.

Он постоянно безвозмездно помогал людям. До сих пор живы его односельчане и подростки военных лет, которых он вылечил. Приезжали со всех концов России и даже из-за границы, чтобы лечиться у него. Как вспоминает летописец, уважаемый житель села Татарская Каргала Салимов Нуретдин абый: «Многих он спас от смерти, и многие ему были безгранично благодарны».

До революции в селе Татарская Каргала было 9 мечетей. В 1930 году мечеть «Куш Манара» была закрыта и разграблена. Находилась она в отвратительном состоянии. Шел 1943 год, именно во время Великой Отечественной войны, при ходатайстве Халиуллы ишана, мечеть «Куш Манара» была первой возвращена прихожанам. Желание народа вернуть моленные дома было во многих селах. Стоит указать, что до этого времени все просьбы деревенских мулл области отклонялись по различным причинам. Каргалинцам удалось договориться с властями, когда имам сам поехал хлопотать о судьбе мечети. Как ему удалось договориться, до сих пор остается тайной. В 1948 году появляется новый Указ о закрытии

мечетей, но даже в тяжелые годы репрессий «Куш манара» не была закрыта, в ней продолжалось обучение шакирдов и нравственное воспитание сельчан. Имам Даутов очень любил свою Каргалу, хотя ему приходилось много раз ее покидать. Он много хорошего сделал для родного села. Перед смертью Даутов передает свои дела и должности имама Нигматуллину Рахматулле Гизатулловичу. Татары Оренбургской области всегда будут помнить своего уважаемого учителя, имама, ишана Х.Г. Даутова. Он действительно завоевал титул «шейха» простого народа.

Мы понимаем, что, безусловно, имамы и муллы тоже были разные, были и те, которые занимались откровенными поборами, но были и те, которые всем сердцем служили мусульманам. Из всего сказанного видно, что старометодное образование в медресе служило переходным этапом и дало возможность татарской интеллигенции подняться на ступень выше и перейти к новым методам образования. Конечно же, этот переход не был встречен овациями со стороны консервативно настроенного духовенства, но это не дает нам основание сейчас осуждать их. Большинство мулл-кадимистов сопротивлялось внедрению новых методов обучения, потому что боялись, что подрастающее поколение татар отвернется от родного языка и религии предков.

Отделение школы от религии в советское время сказалось на нравственности всех народов России. Перенос графики с арабской на латиницу, а затем на кириллицу также сказался на состоянии современного образования не только татар, но и всех тюркских народов. Это способствовало их разъединению и даже вражде. Коммунисты понимали, что Ислам можно искоренить только стерев с лица земли мечети, но дух народа нельзя было сломить. Большинство татар со слезами на глазах смотрели на то, как сносили мечети. Но нельзя утверждать, что только коммунистический или социалистический реализм в литературе способствовал развитию атеизма: народ сам бесновался на развалинах мечетей и церквей.

Проблемы отсутствия нравственности у современной молодежи и поколения воспитанного в советское время в том, что они отвергают основы нравственности Ислама либо начинают искать для себя какие-то новые течения и божества, угождающие их сиюминутным интересам. Человек любой национальности стремится жить в ногу со временем. Время требует образованных людей, но не только конкурентоспособных, но и духовно развитых.

Хотелось бы, чтобы сегодняшняя молодежь не отвергала основы нравственности Ислама, а брала пример с джадидистов и меценатов XX века.

Неверно мнение, что в свое время татарские меценаты Хусаиновы, Рамиевы и другие открывали новометодные медресе, потому, что этого, якобы, требовал буржуазный путь развития нации: они отдавали нажитое собственными руками богатство для развития, во имя его будущего татарской нации. Мы, молодежь XXI века, должны помнить и гордиться религиозными деятелями-татарами, такими как Ризаэтдин Фахретдинов, Халиулла Даутов и другими, внесшими огромный вклад в сохранение и развитие тюркской нации.

Нам нужны образовательные учреждения типа медресе «Хусаиния», где наряду со светским образованием наши дети получали бы знания по основам нравственности Ислама. Я призываю всех мусульман, проживающих в Оренбуржье, помнить наших духовных лидеров и равняться на них, повернуться к религии единого Бога, объединить усилия в воспитании и обучении детей на основах нравственности Ислама.

В Коране сказано: «О, люди, я создал вас разных национальностей, чтобы вы познали друг друга».

Давайте уважать свободу вероисповедания и уважать культуру друг друга — это основа сохранения нашей России.

И.Ю. Москвин

СТАНОВЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО ТАТАРСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Одним из основоположников татарского профессионального театра является Ильяс Кудашев-Ашказарский. Окончив педагогическую школу в Казани, он в 1904 году возвращается в Оренбург и организывает из любителей театрального искусства шакирдов (студентов) медресе самодеятельный театральный коллектив. Кудашев-Ашказарский переводит с русского на татарский язык пьесу А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье», комедию Н.В. Гоголя «Женитьба» и ходатайствует о разрешении к постановке спектакля, но получает отказ губернатора.

Тогда Ильяс Кудашев-Ашказарский едет в Петербург и там получает разрешение к постановке спектакля. Воодушевленный успехом, Кудашев-Ашказарский приступает к завершению работы над спектаклем. Уже напечатаны афиши, объявления в газетах рассказывают о том, что 3 (16) декабря 1905 года в Оренбурге состоится спектакль на татар-

ском языке¹, но губернатор вновь запрещает постановку, ссылаясь на жалобы татарских религиозных деятелей Оренбурга о недопустимости по шариату открытого выступления татарских женщин перед публикой. Однако Ашказарский продолжает борьбу за создание татарского театра.

После революции 1905 года создаются благоприятные условия для развития татарской национальной культуры. Кудашев-Ашказарский 10 февраля 1907 года в помещении Народного Дома г. Оренбурга впервые ставит спектакль «Женитьба» по пьесе Гоголя, сам исполняет роль Кочкарева. Во втором отделении дается большой концерт на татарском языке². 3 апреля 1907 года в том же помещении ставится спектакль по пьесе Ф. Халиди «Марат Салимов» и водевиль А.П. Чехова «Сватовство» («Кыз сорау»). Это были первые спектакли на татарском языке на оренбургской сцене, сыгранные труппой, организованной Кудашевым-Ашказарским, позже названной «Сайяр» («Передвижник»). Таким образом, 10 февраля 1907 года мы считаем датой основания татарского театра в Оренбурге. Данное предположение находит отражение и в периодической печати того времени. О создании татарского театра в городе Оренбурге сообщалось в газете «Урал»³, выпускаемой под руководством Хусаина Ямашева. О рождении нового театра писали газеты Москвы и Петербурга⁴.

Кудашев-Ашказарский старается поднять труппу на профессиональный уровень. Но, несмотря на его усилия, коллектив не превышает 6–7 человек талантливых артистов. Среди них шакирды медресе – Нурулла Гайнуллин, Ахмат Ишмуратов (Кулаев), Нуретдин Хайрутдинов-Ахундов, Вали Муртазин-Иманский – это «первые ласточки» профессионального татарского театра «Сайяр». Труппа готовит спектакли «Совесть и слезы» Яруллы Валиева, переведенные с русского языка пьесы «Денщик Гали», «Ученье и тьма»⁵.

Под руководством 23-летнего Кудашева-Ашказарского труппа собирается к выезду на гастроли. В мае 1907 года труппа выезжает на первые гастроли по маршруту: Бузулук, Самара, Симбирск, Казань, Чистополь, Нижний Новгород. В Бузулуке по причине сопротивления местного исправника гастроли не состоялись. В Самаре был показан спектакль «Ученье и тьма». Зрители встретили артистов с восторгом. Газета «Голос Самары» сообщала: «В субботу небольшой Театр канцелярского клуба был переполнен исключительно мусульманами, которые пришли сюда впервые послушать на родном языке театральное представление. С нетерпением ожидала редкая в театральном зале публика поднятия занавеса и с напряженным вниманием следила за каждым словом, жестом, движением своих родичей, прерывая часто исполнение громкими выражениями одобрения»⁶.

После Симбирска труппа «Сайяр» направляется в Казань, спектакли проходят в парке «Аркадия»⁷. В Казани спектакли этой труппы смотрят писатели Галиаскар Камал и Фатих Амерхан, а также в первый раз знакомится с коллективом Сахибжамал Гизатуллина (Волжская) – первая женщина-актриса татарского театра. Ей не нравится исполнение женских ролей мужчинами. Ашказарский предлагает Гизатуллиной вступить в труппу и получает ее согласие. Со своей подругой Фатымой Шагимардановой они вступают в театральную труппу в Нижнем Новгороде. Получив разрешение от губернатора, труппа начинает свои выступления в парке «Фоли-Бержер», заключается договор с антрепренером русского театра А. Левицким. Первый спектакль – «Ученье и тьма» по пьесе А. Островского – был дан 14 августа 1907 г., вторым спектаклем был показан «Совесть и слезы» по пьесе Яруллы Валиева, который имел большой успех у зрителей, так как отражал национальные проблемы.

Приход новых талантов в труппу, особенно женщин, укрепляет творческий состав театра, рождается возможность для расширения географии гастролей. Театр продолжает гастроли по маршруту Ярославль, Москва, Петербург, Крым, Кавказ, Средняя Азия. Наряду со спектаклями труппа непрерывно репетирует над новыми постановками, пополняя свой репертуар. Так рождаются новые спектакли «Бэхетсез егет» («Несчастный юноша») Г. Камала, «Кызганыч бала» («Жалкий юноша»), «Намыйк» в переводе Г. Камала, «Жизнь с тремя женами» Гаяза Исхакий.

В Москве в театре «Аквариум» 10 ноября 1907 года проходит спектакль «Жизнь с тремя женами»⁸. Так же были показаны на русском языке миниатюры «Влюбленная парочка» и «Злоумышленник». Хотя к концу этих гастролей в Москве положение труппы намного улучшается, но недовольство членов труппы методами руководства со стороны Кудашева-Ашказарского нарастает. Гизатуллина и Муртазин высказывают свое недовольство по поводу того, что Ашказарский все решает единолично, не советуясь с коллективом. После таких споров Ашказарский вынужден был оставить коллектив. В ноябре 1907 года во время гастролей в Москве он покидает труппу, руководство труппой «Сайяр» переходит к Абдулле Кариеву. За короткое время Ашказарским внесен огромный вклад в дело создания профессионального татарского театра. Хорошее знание русского языка, активная жизненная позиция и принципиальный характер позволили ему преодолеть немало трудностей и преград в деле создания труппы и привлечения талантов. Ашказарский продолжает свою работу в сфере театрализованной эстрады. После ухода из труппы «Сайяр» он много ездил по стране, организовывал гастроли. Таким образом, он пропагандировал национальную татарскую музыку и литературу.

После ухода Ашказарского в работе труппы происходят значительные изменения. Кариев избирается руководителем — заведование труппой строится на коллективной основе. Меняется и название труппы с «Саяйр» на «Общество артистов-путников» («Мосафир артистлар жэмгияте»). Труппа решает ехать в Уральск. В середине декабря 1907 года труппа в составе Г. Кариева, В. Мортазина, С. Гиззатуллиной, Ф. Шагимардановой, А. Кулаева, Н. Гайнуллина, Н. Ахундова прибывает в город Уральск. В материальном отношении и в вопросах устройства им оказывает большую помощь Камиль Мотыгий (издатель газет и журналов). Решают готовить спектакль по пьесе Г. Камала «Несчастный юноша». Но не хватает артистов. Из Казани вызывают дальнего родственника Гиззатуллиной — Бария Файзуллина-Булгарского.

12 января 1908 года на сцене городского театра Уральска с большим успехом осуществляется постановка спектакля «Несчастный юноша»⁹. Спектакль, посвященный проблемам нравственно-этических отношений в семье, тепло воспринимается зрителями. В Уральске труппа работает около трех месяцев. Авторитет труппы растет. Издатель Камиль Мотыгий положительно отзывается о работе труппы на страницах выпускаемой им газеты «Новая жизнь», а иногда и участвует в спектаклях.

Труппа продолжает свои гастроли. В Бахчисарае их очень тепло встречает редактор местной газеты «Таржеман» Исмагиль Гаспринский: добивается разрешения для постановки спектаклей, бесплатно отпечатывает афиши и программы¹⁰.

После Бахчисарая труппа дает спектакли в Ялте, Батуми, добирается до Тифлиса.

С конца 1908 года до лета 1910 года Казань становится базовым городом, планируется организовать две крупные гастроли. В маршруте первых гастролей основными пунктами остановки намечаются города Оренбург, Самара, Симбирск, во втором маршруте — города Оренбург, Уфа, Челябинск, Петропавловск, Екатеринбург, Пермь. Пересматриваются вопросы репертуара, совершенствуется с каждым днем мастерство исполнения ролей артистами, растет авторитет и значение театра, меняется и состав театра. Основная тяжесть ложится на плечи Г. Кариева, С. Гиззатуллиной, Ф. Самитовой, В. Мортазина, А. Кулалаева, Б. Бугарского.

Из труппы в 1909 году по различным причинам уходят Ф. Шагимарданова, Н. Гайнуллин и Н. Ахундов. Взамен им приходят в труппу новые таланты. Из Оренбурга Нури Сакаев (в 1908 году), из Казани Касым Шамиль (в 1909 году), Фахрия Ахмадиева (в 1909 году), Гулсум Мустафина (в 1910 году). Из Уфы приезжает Габдрахман Мангушев.

Пока «Сайяр» гастролировал, в Оренбурге молодежь организует самодетельный драмкружок и в Народном Доме ставит спектакли. Так, газета «Вақыт» («Время») сообщает: «7 февраля 1908 г. в Народном Доме состоялись спектакли «Из-за любви» («Гыйшик бэлэсе») и «Ишу жениха» («Кияу элэу») силами молодежи города. Роли женщин исполняли мужчины. Зритель был очень доволен, так как это первые татарские спектакли в эту зиму... 15 октября состоятся татарские спектакли «Несчастный юноша» и «Первый театр» по пьесам Г. Камала. На этих днях стало известно о том, что передвижная татарская драмтруппа тоже придет в Оренбург»¹¹.

Таким образом, молодежь города Оренбурга объединялась в различные драматические кружки при клубах «Пищевиков», «Транспортников» и «Кожевников». Вскоре на страницах газеты «Вақыт» появляется объявление о том, что 14 декабря в городском театре состоится спектакль татарской драмтруппы «Сайяр» «Молодая жена» и «Если свекровь дома...» с участием артистов: из женщин — Гиззатуллина, Болгарская, Самитова, из мужчин — Муртазин-Иманский, Габдулла Кариев, Кулалаев, Ахнудов, Гайнутдинов¹².

Репертуар труппы Сайяр в этот период составляют комедийные пьесы, высмеивающие недостатки быта, деспотизма и мракобесия. Так, например, в 1907–1908 годы труппа ставит 25 комедий, 13 драм и только две трагедии.

В 1909 году отмечается столетний юбилей Н.В. Гоголя. В этом мероприятии участвовала и татарская прогрессивная общественность. Труппа «Сайяр» ставит пьесу Гоголя «Женитьба» («Ойлену») ¹³. Газета «Вақыт» время от времени дает объявления на своих страницах о спектаклях труппы «Сайяр»: 2 марта о спектакле «Учитель» по пьесе Гаяза Исхакий, который состоялся 3 марта в Народном Доме, о спектакле «Ревнивый муж» («Конче ир»), который состоялся 12 марта. Газета сообщала, что труппа «Сайяр» вскоре уедет на гастроли в Среднюю Азию — в города Ташкент, Бухару, Самарканд.

5 ноября 1910 года в Казани в помещении Нового клуба общественность проводит юбилейный вечер, посвященный десятилетию творческой деятельности драматурга Галиаскара Камала. На этом вечере труппа «Сайяр» показала спектакль «Несчастный юноша» Галиаскара Камала. Много говорилось о творчестве Г. Камала, о работе труппы «Сайяр». Подводятся итоги работы за десять лет, труппа признается профессиональным театром, флагманом сценического искусства, на примере которого пришли в движение самодетельные коллективы на местах¹⁴.

«Сайяр» время от времени приезжает в Оренбург. Так, в январе 1911 года труппа «Сайяр» под руководством Габдуллы Кариева в Народном Доме и в городском театре ставила спектакли «Уйнаш» («Проституция») и «Помада мэсэлэсе» («Проблемы помады») по пьесе Идриса Богданова. Роли исполняли: Салим бай – Г. Кариев, Галиакбар хазрат – Кулалаев, Касым – Мортазин, Габдлахат – Нури Сакаев (Сакаев был приглашен на месте). 26 июля 1912 года в городском театре прошли спектакли труппы «Сайяр» под руководством А. Кариева «Уйнаш», «Первый театр» по пьесе Г. Камала. Пресса сообщает о хорошей игре артистов (в роли Ахмеджана – И. Альмяшев, в роли пьяного татарина – Шамильский¹⁵).

Исполнительское мастерство коллектива с каждым днем растет, в репертуар принимаются более сложные пьесы, такие, как «Жизнь с тремя женами», «Молодые», «Даджал»¹⁶. Большинство спектаклей, поставленных в 1912 году, относились к жанру комедии или драмы, рассказывали об отсталости, безграмотности, бескультурии, испорченной нравственности власть имущих, о социальных пороках.

В 1913 году в Оренбурге татарский театр особо активизируется. Этому способствует первый приезд на гастроли в Оренбург из Уфы труппы «Нур» под руководством Сахибджамал Гиззатуллиной. Гиззатулина еще в 1910 году с небольшой группой актеров из труппы «Сайяр» уезжает в Уфу и создает там свою труппу под названием «Нур». В составе этой труппы было всего 6–7 человек. Приезжая в Оренбург, Гиззатулина привлекает в свой коллектив самодеятельный коллектив, работающий под руководством Нури Сакаева, и, обосновавшись в Оренбурге, проводит здесь сезоны 1913–1916 годов. В труппе из Оренбурга в это время работают Нури Сакаев, Исхак Альмяшев, Махмут Саттаров-Тушинский, Нургали Якупов, Ахат Хасамов. Объединенная труппа в ноябре 1913 года начинает свои выступления. В репертуаре спектакли «Жизнь с тремя женами» Гаяза Исхакий, «Уйнаш» («Проституция»), Г. Камала, «Молодые» Фатиха Амерхана, «Голод заставил» Я. Валиева, «Коварство и любовь» («Мэкэ вэ мэхэббэт») Ф. Шиллера.

Труппа «Нур», объединенная с коллективом Сакаева, имеет большой успех у зрителя, однако творческую молодежь Оренбурга не удовлетворяет работа в составе труппы «Нур». Она мечтает о создании своей оренбургской труппы. Такую труппу создает Л. Аитов. Возникают трудности в исполнении женских ролей, не хватает женщин. Аитов знакомится с подругой своей сестры – Фатымой и приглашает ее в труппу. Фатыма в начале отказывается, потом дает согласие играть в спектакле «Привидения» («Орэклер») и «Насмешки девушек». Игра Фатымы очень понравилась зрителю. Воодушевленная успехом, Фатыма решает продолжать работу

и дальше. Так начинаются первые шаги в мир театра выдающейся татарской актрисы Фатымы Ильской¹⁷.

Вскоре из труппы «Сайяр» приезжают в Оренбург и присоединяются к коллективу Вали Мортазин-Иманский и М.И. Иманская. Естественно, работа режиссера переходит к Мортазину-Иманскому. Под руководством этого опытного режиссера восстанавливается спектакль «Живи, Зубайда, живу и я», ставится новый спектакль «Неравные» («Тигезсезлэр») по пьесе Ф. Амерханова, который привел коллектив к новым творческим успехам. Роль Сулеймана исполняет Вали Мортазин, Рокию и Салиму исполняют Фатыма и М. Иманская. В это время в Оренбург приезжает эстрадный гастролер М. Мутин. Он тоже вливается в этот коллектив. Из Казани приезжает артист театра «Сайяр» Г. Мангушев, из Уфы – артист Садыков, труппа растет. К зимнему сезону возвращается в Оренбург и труппа «Нур». Шамильский, И. Альмяшев, Барый Тарханов, Н. Ханжаров взяты в солдаты.

Таким образом, в новой труппе собираются артисты из «Сайяр», из «Нур» и из числа местных самодеятельных артистов. Поэтому Мухтар Мутин предлагает изменить название объединенной труппы. Решено было назвать труппу «Ширкат» («Союз»). Избирается коллегия «Ширката» в составе С. Гиззатуллиной, В. Мортазина и М. Мутина, Аитов назначается администратором.

Труппа «Ширкат» начинает ставить спектакли. Так, 11 января 1915 года в городском театре состоялся спектакль «Кто виноват?» при переполненном зале, а 30 августа 1915 года и 5 сентября с участием Мортазина, Иманского, Мухтара Мутина – спектакль «Малая война» («Кечкенэ сугыш»), 21 октября 1915 года с успехом прошел спектакль «Беглец» («Качкыннар») по пьесе Мортазина-Иманского и спектакль «Артист» по пьесе Габдуллы Кариева. Роль артиста исполнял Мутин, его брата – Мангушев, роль бая – Мортазин. Все спектакли прошли под аплодисменты зрителей¹⁸.

В декабре 1915 года С. Гиззатуллина, Ф. Самитова опять отделяются от этого коллектива. Работу «Ширкат» продолжают Вали Мортазин, Мухтар Мутин, Г. Мангушев. Таким образом, в городе появляются две параллельно работающие труппы. Но «Нур» не пользуется особым успехом. Журнал «Кармак» («Крючок») выступает с критикой по поводу разделения коллектива на две труппы¹⁹.

В начале 1916 года труппа «Нур» под руководством С. Гиззатуллиной уезжает на гастроли. В Оренбурге остается труппа «Ширкат». В составе коллектива: Вали Мортазин, Мухтар Мутин, Г. Мангушев, Г. Садыков, С. Баширов, М. Иманская, З. Камская, Фатыма Ахметова (позже

Ильская), С. Забитов, Л. Сыртланова. Режиссером избирается Вали Мортазин-Иманский.

Вскоре в эту труппу вливаются Камал Первый, Сара Байкина, Ф. Самитов, Ж. Байкин, Махмут Саттаров (Тупикский), Х. Сайфутдинов и другие. «Труппа «Ширкат» снова набирает творческую силу. В настоящее время из труппы «Сайяр» еще один известный актер – господин Габдулла Камал с женой (позже ему дали имя Камал Первый) вернулся в труппу «Ширкат» – сообщает газета «Вақыт»²⁰. Таким образом, труппа уже не уступает по авторитету и творческому качеству бывшей труппе «Сайяр».

11 сентября 1916 года труппа «Ширкат» в городском театре ставит спектакли «Банкрот» Ш. Камала, «Птица счастья» («Бэхэт кошы») по пьесе Хакбердина. «Два месяца тому назад этот спектакль уже был показан зрителям. Несмотря на это, зал был переполнен. Главную роль Сиражетдина исполнял Мухтар Мутин, роль Жамалутдина – Габдулла Камал (Камал Первый), роль главного доверенного – Мортазин-Иманский, старушку играла Самитова. Очень хорошо исполняли роль все артисты, особенно Мутин, Иманская в роли жены бая, Сыртланова в роли соседки, Тупинский в роли Камалутдина»²¹.

Труппа «Ширкат» стала осуществлять интересные, содержательные постановки. Так, 19 июня была поставлена на сцене городского театра «Женитьба» Н.В. Гоголя, 22 июля 1916 года «Беглецы» и концерт. В сентябре 1916 года городской театр был закрыт на ремонт, а Народный Дом был занят беженцами, в зале общественного Собрания был помещен лазарет. Поэтому труппа «Ширкат» решает ехать на гастроли в город Самару, получив оттуда разрешение.

Вернувшись из гастролей, в октябре 1916 года труппа «Ширкат» открывает сезон в городском театре со спектаклем «Живи, Зубайда, живу и я» по пьесе Сибгата Рамиева. Долго не сходят со сцены такие пьесы, как «Помолвка» («Алдым-бирдем») Г. Исхакий, «Голод заставил» («Ачлык кушты») Я. Вали, «Молодые» («Яшлэн») и «Неравные» («Тигезсезлэр») Ф. Амерхана, «Некрасивая жизнь» («Ямсез тормыш») Ф. Сайфи, «Живи, Зубайда, живу и я» («Яша, Зобэйдэ, яшим мин») С. Рамиева, «Зулейха и Фатыма» И. Багданова, «Молодая жена» («Яшь хатын») Д. Таджарова.

Большой заслугой труппы «Ширкат» является постановка пьесы «Галиябану» Мирхайдара Файзи. Эта первая музыкальная драма, поставленная на сцене татарских театров. Впервые постановка пьесы «Галиябану» М. Файзи была осуществлена труппой «Ширкат» на сцене Оренбургского театра.

Наряду с татарской драматургией труппа «Ширкат» обращается к

русской и западноевропейским драматургам. Такие пьесы, как «Женитьба» и «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Доходное место» А.Н. Островского, «Альмансур» Г. Гейне, «Ошибка в приговоре» А.Ф. Деннери, «Если не тот, так пусть будет этот» Г. Хаджибекова, «Медсестра» М.Н. Кирьякова и «Тайфун» М. Менделя с большим успехом проходят на сцене Оренбургского татарского театра на татарском языке.

В марте 1917 года «Ширкат» работает над пьесами «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Принужденный исполнитель» Ж.Б. Мольера и «Гроза» А.Н. Островского²². Это говорит о том, что репертуар труппы становится сложнее, творческие возможности шире. «Ширкат» планирует гастроли в Астрахань и другие города Поволжья. Гастроли проходят очень удачно²³. «Ширкат» не часто выезжает на гастроли, а в основном работает в городе Оренбурге, на сцене городского русского театра, арендуя ее 1–2 раза в неделю.

В мае 1917 года труппа приступает к летнему сезону. Выпускаются спектакли: «Учительница», «Письмо попугая», «Денщик Гали», «Ревнивый муж», «Привидения» (водевили). Из новых в репертуаре труппы: «Не тот, так пусть будет этот» Хаджибекова, «Разбитое зеркало» и «Би-кэ-ка» М. Файзи, «Герои Родины» по пьесе Ф. Туйкина, восстанавливается спектакль «Галиябану» М. Файзи.

Осенью 1917 года в городе становится беспокойно. Оренбург в это время становится центром контрреволюционных движений. Несмотря на смену власти, «Ширкат» продолжает работу. Например, 11 декабря 1917 года, в городском театре состоялся спектакль «Надыр шах», 13 декабря (в день Мавлюта – дня рождения пророка Мухаммеда) спектакль «Родина» («Ватан») Г. Камала. 15 декабря в Народном Доме идет спектакль «Галиябану», 18 декабря 1918 года спектакль «Коварство и любовь» («Мэкер вэ мэхэббэт») ²⁴.

Таким образом, нами рассмотрена история становления татарского театрального движения в Оренбуржье в дореволюционный период.

Примечания

1. Оренбургская газета. 1908. 27 ноября.
2. Вақыт (Время). 1907. 7 апреля.
3. Урал. 1907. 5 апреля.
4. Театр. М. 1907. 23 апреля; Обзорение театров. СПб. 1907. 27 апреля.
5. Урал. 1907. 18 апреля.
6. Голос Самары. 1907. 19 июня.
7. Волжские вести. Симбирск. 1907. 29 июня, Йолдыз (Звезда). Казань. 1907. 20 июля.

8. Вечерняя заря. М. 1907. 12 ноября.
9. Алислах. Уральск. 1908. 21 января.
10. Таржеман. Бахчисарай. 1908. 4 апреля.
11. Вакыт. 1908. 9 февраля.
12. Вакыт. 1908. 9 декабря.
13. Йолдыз. 1910. 4 февраля.
14. Йолдыз. 1910. 22 сентября.
15. Вакыт. 1912. 4 октября.
16. Вакыт. 1912. 15 марта и 1 мая.
17. Вакыт. 1915. 20 сентября.
18. Вакыт. 1915. 13 января, 3 сентября, 24 октября.
19. Кармак. 1916. №23. 12 июля.
20. Вакыт. 1916. 12 июля.
21. Вакыт. 1916. 13 сентября.
22. Вакыт. 1917. 5 мая.
23. Вакыт. 1916. 26 июня и 1917. 9 апреля.
24. Вакыт. 1917. 20 декабря.

Вторая
СЕКЦИЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА ТАТАР
ОРЕНБУРЖЬЯ:
ОПЫТ, ТРАДИЦИИ,
РОДНОЙ ЯЗЫК

ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОСЛОВИЦАХ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Интерес к языковой картине мира как путь к познанию самого главного – носителя языка – возник не на пустом месте. Обращение к трудам русских лингвистов прошлого (к работам Ф.И. Буслаева, А.А. Потемни, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова) с позиций современного прочтения позволяет заметить наиболее важные и значимые моменты для решения одной из проблем, какие единицы отражают языковую картину мира, какие единицы составляют языковую картину мира. По мнению известного лингвиста Л.В. Щербы, заметившего, «что наш язык... имеет громадный ассортимент готовых шаблонов, готовых фраз и даже готовых мыслей...».

Все это позволяет говорить о том, что одним из основных направлений современных лингвистических исследований является детальное изучение языковой картины в отдельных ее фрагментах, т.е. представлений о том, что внешняя действительность преломляется в языке каждого народа. Идея В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, превращающей его в зеркало мира, отражает изучение в анализе национальной ментальности и форм ее воплощения.

Языковая картина мира – это воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности. В процессе познания окружающего мира человек создает целую систему информации о мире, то есть картину мира. Являясь конструктором сознания, картина мира представляет собой глобальный образ мира, несущий в себе существенные признаки окружающей действительности, зафиксированные индивидом. Известно уже стало, что картина мира национально специфична, так как создается носителями языка, нации, поэтому связана с понятием менталитета.

Одной из характеристик картины мира является ее зафиксированность в знаковых символах. Язык является основным способом закрепления картины мира, то есть он способен представлять и хранить всю совокупность знаний о мире. Неоднократно отмечалось, что языковая картина мира представляет собой зафиксированную в языке схему восприятия индивидуумом действительности. Она отражает национальную картину мира и может быть выявлена посредством анализа языковых единиц различных уровней.

Языковая картина мира и ее аспекты входят в более глобальное ментальное образование – концептуальную картину мира. Картина мира –

двуетный концептуально языковой феномен, обе части которого взаимосвязаны в взаимообусловлены, но обладают в то же время ярко выраженной спецификой. Концептуальная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых, образующих совокупное семантическое пространство мира. Конкретизация логико-понятийной основы каждым этносом осуществляется по-своему¹.

Картина мира подразумевает целостное отражение, которое тем или иным способом воспроизводит положение, состояние предметов и явлений окружающего мира. Отражая мир в его бесконечном многообразии и целостности, подобно «избирательному полотну», языковая картина мира вписана в языковую модель мира. Языковая модель мира структурирует языковую картину мира и представляет ее схему².

В исследовании аспектов и фрагментов языковой картины мира ведущей является лексическая система языка. Лексика, словарный состав языка в целом, связанные с предметным миром человека, вступают между собой в разнообразные отношения, организуя, с точки зрения структуры, различные классы. Для создания образа в татарских пословицах в качестве смыслообразующего центра очень часто используются слова-названия животных, благородных камней и металлов. Они отражают бытовую и национальную особенность народа. Как показывают наблюдения, в татарских пословицах довольно часто фигурируют слова *конь, овца, корова, верблюд, собака, волк, сорока, петух* и др. Например, пословицы *Какова лошадь, таков и воз; Лев захотел на луну залезть, да ногу сломал; У верблюда спросили, чем он занимается, он ответил, что шелковод; И волк дружку своему не желает зла; Ишака гонишь траву щипать, он бежит навоз топтать; Корова не понимает ласки, дурень – уважения; Одрахлевшему ворону и вороний шаг – с версту* и др.

Одной из проблем функциональной лексикологии в гносеологическом аспекте является вопрос о том, какие фрагменты общественного опыта носителей языка требуют лексической фиксации. Мир не отражается непосредственно в языке, мир отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует это отражение в конвенциональных знаках. Иными словами, между вещью и именем стоит отраженный в голове человека образ вещи, представлений о ней, некий концепт, то есть некое усредненное представление о предмете. Ученые-лингвисты говорят о существовании научной картины мира. Научная картина мира, по мнению некоторых ученых, есть наглядный, характерный для определенной исторической эпохи интегральный образ мира, служащий важным средством синтеза конкретных знаний о мире.

Действительно, нельзя не согласиться с мнением, что языковая картина мира — концептуальна, потому что воплощается в представлениях, которые откладываются в значениях слов и которые не описывают, а «представляют» мир. Цель процесса концептуализации — осмысление всех ощущений, всей информации, приходящей к человеку в результате работы органов чувств³.

Е.С. Кубрякова справедливо утверждает, и мы не можем с эти не согласиться, что картина мира — это то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, — феномен более сложный, чем языковая картина мира, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломление через языковые формы.

Из этого следует, что каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации. Отсюда следует заключить, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной мира. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Как уже нами отмечалось, под языковой картиной мира мы, вслед за Г.В. Колшанским, В.И. Пустоваловой, Е.С. Яковлевой и некоторыми другими исследователями, понимаем выраженную языковыми средствами систему знаний человека об окружающем мире, своего рода мировидение с помощью языка, языковых единиц. Языковая картина мира в результате этого тесно связана с мышлением отдельного человека и в целом народа, представляет собой отражение реальной действительности и выражает национально-культурную специфику сознания народа — носителя языка. Следовательно, индивидуальная языковая картина мира — выраженные с помощью языка знания отдельной личности об окружающем мире. А из этого складываются знания всего народа. И будут эти знания передаваться из поколения в поколения, пока будут живы народы.

Говорят, что народ жив, пока жива песня, которую поет над колыбелью мать, и сказка, через язык и образы которой ребенок делает свои первые шаги в познании разнообразия своего мира. Сюда еще необходимо добавить пословицы и поговорки, элементы народной вышивки, одежды, архитектуры и быта. В наше время, когда, с одной стороны, во всем мире размываются самобытные черты этнических культур и все меньше остается носителей, в частности, такого древнего жанра аутентичного фольклора как пословицы и поговорки, с другой стороны, возрастает интерес к этническим корням любой национальности, этнической культуре как таковой.

Это положение справедливо по отношению к любому конкретному языку и обществу его носителей, которые естественным образом оказываются носителями определенной культуры. Язык не просто отражает жизнь общества, он воздействует на нее.

Как нами уже неоднократно отмечалось ранее, «язык выступает как форма словесного искусства», становится воплощением культурного замысла, преломленного в этнически обусловленном сознании носителя языка.

Веками в языке собираются, шлифуются, кристаллизуются лучшие образцы народного опыта человеческой мысли, идеалы душевной красоты и нравственности, заключенные в изумительную по своей краткости форму пословиц и поговорок. Эти единицы могут воссоздать тот образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает. О таких единицах говорят как о единицах, отражающих картину мира, вернее, их называют языковой картиной мира.

Ни в каком другом виде языкового творчества не отражено с такой силой и афористичностью все многообразие народной жизни.

Как нами уже неоднократно отмечалось в других материалах, пословицы и поговорки оцениваются как проявление народного ума, народного характера, составляя важную и чрезвычайно интересную часть национальной культуры. Как и каждый элемент культуры того или иного народа, той или иной национальности, пословицы и поговорки представляют собой большую ценность для различных областей знания, связанных с изучением жизни и деятельности человека.

Из это следует, что в любой единице языка любого народа «запоминаются» или «забываются» актуальные в культурной и духовной традиции носителей языка представления и понятия.

Одной из основных задач изучения языковой картины мира представителей разных народов, живущих на территории многонационального региона, является выявление лингвокультурологического потенциала пословиц и поговорок при определении этноспецифики языкового отражения концептосоставляющих материального и духовного мира каждого из народов, населяющих территорию многонациональной области. Понятийное содержание культурно значимых черт народа основывается на его социально-историческом опыте, универсальных и национально-специфических ориентирах определенного социума. Пословицы и поговорки татарского народа, являясь отражением национальной специфики, как нельзя лучше отражают этот аспект.

Прежде чем рассматривать фрагменты языковой картины через призму пословиц, необходимо определить, изучить и проанализировать сам статус пословиц и поговорок как языкового материала.

Известный русский языковед, историк, этнограф В.И. Даль определял поговорку так: «...коротенькая притча; сама же она говорит, что голая речь не поговорка. Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица — обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми... Полная поговорка состоит из двух частей: из обиняка, картины общего суждения, и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается, представляется сметливости слушателя, и тогда поговорку почти не отличить от поговорок»⁴.

Эти высказывания дают основание считать, что под поговоркой понимаются выражения, имеющие переносный характер («речь обиняком»), но различающиеся тем, что первая имеет характер суждения, привязана к определенной ситуации, а вторая — нет. Иначе говоря, поговорка, в отличие от других устойчивых сочетаний, имеет форму предложения.

Поговорку характеризуют как результат мышления по аналогии, ибо в речи она маркирует подобие, сходство двух конкретных ситуаций, одна из которых входит в означаемое, а другая является референтом поговорочного знака.

Мы убеждены, что поговорка сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации между вещами (т.е. указывать на модель ситуации) до тех пор, пока носители языка в состоянии уловить аналогию между значением предложения — деривационной базы и набором признаков собственного поговорочного означаемого. Это и побуждает признать, что поговорка по своей сути должна быть иконичной. Иконизм ее осуществляется на уровне смысла, или точнее, на уровне логики данной единицы, но при этом важно, что он отражает отношения между означаемым и означаемым⁵.

Нами изучались поговорки и поговорки татарского народа, живущего в Оренбургском крае, собранные в различных сельских районах области, а также и представленные в различных сборниках и словарях. В большинстве случаев татарские поговорки и поговорки имеют одновременно и буквальный (прямой), и переносный смысл. Выявление и описание лингвоспецифичных концептов, которые в одно и то же время отражают и формируют образ мысли народа, заставляет нас обратить внимание на то, что в значениях большого количества лексических единиц отражается как специфические, так и общие народные черты. Попробуем рассмотреть это на примере следующих татарских поговорок и поговорок.

Верблюду не убежать от вьюка, коню — телеги; На подросших детей глядя, замечаешь, как сам стареешь; Обреченной мышши голодная кошка обя-

зательно повстречается; Отбившегося от стаи гуся стая ворон заклюет; Одному смерть от жажды, другому — от воды; Старость и верблюда пригнет к земле; У ячменной водки и вкус ячменной водки; Алмаз останется алмазом, даже если бросишь его в грязь; И волк дружку своему зла не делает; Седина в бороду вошла — на душу тень легла; Пока пальцы не сойдутся, и иголку не поднять; Сколько навоз ни суши, все равно вонять будет; Кто рождения черен, того не отмоешь; В лес дрова не возьмат; Смерть не приходит дважды; Высказанное слово нельзя возвратить, как нельзя опять соединить разрезанный хлеб; Бывает, и один стоит тысячи, бывает, и тысяча одного не стоит; Бывает, человек целого мира стоит, бывает и такой, что осла не стоит; У чужого порога собака кошкой становится; Что ветер приносит, то ветром и уносит; Верблюда с ложки не поят; Корова из своей кожи не вылезет и другие.

Как видно, в них как бы совмещаются два явления, прямое и переносное употребление, что и создает образную основу. Например, пословица *Дай с ноготок, попросит с локоток* используется в прямом смысле, когда речь идет именно о результате, когда некоторые не могут ограничить свою деятельность, прося хоть самую малость. Но в переносном плане эта пословица может применяться в других ситуациях: *«Иногда, уступив в чем-то кому-то, можно потерять свое»*. Употребляется она, как и всякая пословица, в определенной ситуации: когда говорят о соответствии одного и другого, значимого и незначимого. Следовательно, пословица не только образна, но и ситуативна.

Известно, что переводить паремиологические единицы, особенно образные, чрезвычайно сложно. Это объясняется тем, что они имеют ярко выраженный национальный (этнический) характер, используют реалии, а через них — ассоциации, которые уникальны для этой этнической группы и поэтому часто непонятны носителям других языков. Поскольку пословица — это речевое произведение, то речевой стиль ее и многозначность тоже усложняют адекватный перевод татарских пословиц на русский язык.

Как показал анализ пословичного материала татарского народа нашей области, очень много пословиц и поговорок создано по «моделям», т.е. встречаются и у других народов, хотя у каждого имеют свое лексическое наполнение. И тогда трудно сказать, у какого народа появилось то или иное выражение, пословица или поговорка. Выделить собственно национальные образования очень трудно. Признаками, хотя и не очень надежными, могут служить этнизмы: *названия одежды, еды, предметов быта, собственные имена и географические названия*.

В изученных нами пословицах и поговорках обнаруживается система символов, свойственная какому-либо народу. Например, символом тру-

долюбия у татарского народа служит лошадь, конь, символом преданности — собака. Например, *Собака на своего хозяина не лает; Собака не оставит своих собачьих привычек; Медведя узнают по лапам, а лису — по хвосту; Волк никогда не бывает сытым; Волк меняет шерсть, а характер никогда; Змея только шкуру меняет, но не повадки; Сколько волка не корми — он все равно в лес смотрит* и др.

Давно замечено, к ключевым культурным компонентам татарских пословиц относится понятие *добра* и *зла*, без анализа которого не представляется возможным описать культуру любого этноса адекватно. Безусловно, для языкового сознания современных носителей языка многие слова и понятия лишены внутренней формы, поскольку она забылась, стерлась. Но для осознания аспектов этнического мировоззрения данные слова имеют место. Так, *добро* и *зло* четко противопоставляются и в татарских пословицах: *Доброе имя дороже сокровищ мира; Хоть ты свершил давно добро иль зло, глядишь — назад оно к тебе пришло; Доброе слово, как летний день, злое слово, как зимний день; Истинная добродетель не нуждается в слове; Сделал добро — забудь, сделали добро — помни; Добрые слова, сказанные подлецу, подобны клятве, написанной на воде; Достойный человек век помнит добро, недостойный человек через день забывает его; Кто любит добрые дела, тому жизнь мила; С любовью всюду простор, а со злом всюду тесно* и др.

Замечено, что такое качество человека, как *лень* противопоставляется в татарских пословицах *трудолюбию*: *Без труда и зайца не поймает; Ленивая рука покоится на пустом желудке; По труду — почет, по возрасту — уважение; Ленивый лежит без дела, а все-таки счастье его увеличивается; Свой сухарь (черный хлеб) лучше чужих пирогов* и др.

Как нами было уже отмечено раньше, пословица иконична, следовательно, нельзя не согласиться с положением, что пословица — знак определенной ситуации или знак определенных отношений между предметами и вещами. Чрезвычайно интересна в этом плане работа Г.Л. Пермякова, предложившего «теорию клише». Автор считает, что пословицу делают не реалии, а логическая конструкция, реалии же выступают лишь в качестве «строительного материала»⁶. Что и подтверждает мысль об иконизме пословиц. Из одних и тех же реалий, например, *лес* и *звери* (которые сами по себе не представляют никакого изречения), в зависимости от характера объединяющей их логической связи, получаются у разных народов совершенно разные пословицы. Сравним следующие пословицы.

Каков лес, таковы и звери (татар., башк.); Лучше быть в своем ауле подошвой, чем на чужой — султаном (татар.); Если верблюду понадобится

чертополох — он вытянет шею (татар.); И верблюду — подарок, и пуговица — подарок (татар.); От соловушки — соловушка, от сверчка — сверчок (татар.); С умом — подумаем, а без ума сделаем (татар., башк.); Сколько баран не бодался, горы не разрушил (татар.); Сколько заяц в норе ни прячется, а волку в зубы попадет (татар., башк.); Чужие деньги считать — не разбогатеть (татар., арм.); На колючке гроздь винограда не вырастит (татар.); Чужие деньги считать очень неблагодарное дело (татар.) и др.

Наличие таких структур (логических моделей) объясняет, почему у разных народов, территориально отдаленных друг от друга, существуют очень похожие по форме и содержанию пословицы. Сравним пословицы разных народов.

Куда ни поедешь, везде одно солнце, хотя солнце одно, но народ разный (чув.); Чужую крышу кроет, а своя течет (арм.); Сапожник без сапог (русс.); Сколько ни взбивай воду, масла не собьешь (татар.); Ягненка хвалят весной, а цыпленка — осенью (арм.); В доме плотника нет целой скамейки (морд., чуваш.); У кровельщика все время крыша течет (морд., мари.); Цыплят по осени считают (русс.); И медведь думает, что его медвежата самые красивые (морд.); Поет ворона вороненку: «Мой беленький!», ежиха говорит ежонку: «Мой мягонький!» (морд.); Лягушке ее головастики кажутся лучом солнца (башк.); Лягушке ее лягушонок кажется лучом солнца (удм.) и др.

Такие образования нельзя считать чистыми заимствованиями одного народа у другого. Это реализация международных мотивов в устном народном творчестве согласно заданным логическим структурам. Взаимодействие и взаимопонимание, взаимопроникновение культур, языков приводит, конечно, к заимствованиям. Но, заимствуя, народ, как правило, творчески перерабатывает ту или иную пословицу или поговорку. Это может быть лексическое преобразование. Достаточно сравнить две пословицы, например, русского и татарского народов: *Когда любишь, то и урод кажется красавцем (татар.); Не по хорошу мил, а мо милу — хорош (русс.)* или пословицы: *Рука руку моет — обе чисты бывают (русс.)* и пословицу: *Рука руку моет, а обе — лицо (татар.)* и др.

Лингвистический анализ татарских пословиц говорит о том, что в основе таких образных пословиц лежат обычно метафоры. Например: *Одну веревку развяжешь, развяжешь и много; Красота на время, а доброта навека; Утолив жажду, благодари того, кто колодец вырыл, отдыхая в тени дерева, благодари того, кто его посадил; Была лошадь — искал хомут, нашел хомут — лошадь сдохла; Чем рост с верблюда, лучше уж ум с пуговицу* и др.

В основе других пословиц может быть и стилистический прием, такой, как метонимия. Это иллюстрируют следующие примеры: *Выпущенная стрела обратно не возвращается; Кто выпил молоко – остался цел, а кто посуду облизал – попался; Слово – стрела, выпустишь – не вернешь; Мать дороги – копыта, мать разговора – уши* и др.

Многие татарские пословицы с точки зрения языковых особенностей построены на основе гиперболы. К таким пословицам можно отнести некоторые татарские пословицы: *Он из песка аркан вьет; Имеющий тысячу друзей – спасся, имеющий тысячу голов скота – погиб; Чужая душа – бездонное море; Зять – на сто лет родня, сват – на тысячу лет родня; Под одним деревом можно приютить тысячу овец; Кто силен руками – одного повалит, кто силен знаниями – тот тысячи повалит* и др.

Для того чтобы выявить специфику татарских национальных пословиц и поговорок, нами использовался метод тематической подачи материала, разработанный Г.Л. Пермяковым. Известно, что пословицы и поговорки являются не знаками определенных ситуаций, а *логемами* – все пословицы одного смысла у разных народов являются вариантами одной и той же ситуации, т.е. пословица сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации или отношении между вещами.

Подобная классификация ситуаций положена в основу логикотематических классификаций пословиц и поговорок некоторых сборников разных народов, в том числе и татарских⁷.

Как показал анализ лишь небольшого количества татарских пословиц, что народ спрессовывает в пословицы свой собственный опыт, но как часто он совпадает с опытом других народов. Следовательно, любая пословица несет на себе нестираемую печать национального характера, национальной судьбы, является отражением языковой картины мира каждого народа.

Фонд изученных нами татарских пословиц представляет интерес и для лингвокультурологии, так как именно они позволяют реконструировать наиболее важные стереотипы массового национального сознания и отражать специфику взаимоотношений между людьми, социально-исторический контекст, особенности быта, обычаи и традиции.

В силу особой структурной организации мышления человека сам человек в языке своем проецируется в многомерном виде, что обуславливает разнообразие языковых представлений. Значительный интерес представляет и анализ на материале пословиц татарского народа когнитивной семантики концептов, которые описывают внутренний мир человека, что является составной частью языковой картины мира.

Примечания

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. С. 121–123.
2. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. М. 1996. С. 53.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знания. М., 2004. С. 42.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 12.
5. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система АДД. Ростов-на-Дону, 2002. С. 17.
6. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979. С. 8.
7. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб., 1893–1911.

Л.В. Иванова

О «ЖИЗНИ» ОДНОГО ТЮРКИЗМА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ)

Общеизвестным является утверждение о наличии в русском языке достаточно большого количества слов, заимствованных из разных языков в разное время по различным причинам.

Весьма солидным является инвентарь тюркизмов в русском языке, их освоенность имеет высокую степень.

Об этом свидетельствует такой, например, факт: в наших материалах (более тысячи контекстов) такие тюркские слова, как базар, деньги, каблук, казак, камыш, ковьяль, кулак, лошадь, сапог, сарай, собака, туман, тьма, шалаш, отмечены от 20 до 130 раз.

К числу активных по употреблению относится и слово алый (более 50 контекстов), чье функционирование в творчестве оренбургских поэтов будет охарактеризовано в данной статье.

По мнению исследователей, корень ал- был отмечен в древнерусских грамотах уже в XIV веке – в слове алый. Оно быстро прижилось, видимо, потому, что содержало в своей семантике дополнительную характеристику цвета: не просто «красный», «ярко-красный».

С годами слово стало вести себя абсолютно «по-русски», и поэтические тексты могут это подтвердить.

Описываемое слово по своей употребительности относится к таким, которые считают своей основной сферой распространения художественную литературу: по данным «Частотного словаря русского языка», если

в газетно-журнальных текстах его употребительность равна 6%, в научных – 18%, то в художественных – 53%.

Прилагательное алый проявило и продолжает проявлять (в окказионализмах) свои словообразовательные потенции, родив и существительные (Город / Весь закидало / Снегом, / Раскрасило алостью щек / Богоподобных граждан, / Дерущихся горячо / Или ревущих протяжно – И. Елин), и другие прилагательные (За любовь, за речи / Я тебе при встрече / Аленькую зорьку подарю – Л. Ляхова; ... ветер по развалинам села / Пронесся в одеянье дымно-алом – П. Рыков), и глаголы (Тюльпаны але-ди, / Как жар, молодые – Л. Коростина; Пока в свинцовой буре / Победы флаг не заалел, / Не кланялся он (солдат – Л.И.) пуле-дуре, / На смерть он права не имел – М. Клипиницер).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля есть еще аловатый, аловатость, алеться, выалеть, доалеть, заалеть, заалеться, наалеться, поалеть, алоголубой и голубоалый, алосиний и синеалый, алозолотая заря, алолицый, алощекий, алокровные животные.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова добавлены еще слова алокрасный, алехонек, алешенек, поалеться, разалеться, ало, аловато.

Рассматриваемый корень прочно вошел в морфологическую систему русского языка, в парадигмы частей речи; в наших материалах имя прилагательное зафиксировано в формах единственного и множественного числа в различных падежах, в полной и краткой форме, с формами степеней сравнения (Всю ночь металась и стонала / И на рассвете родила, / А струйка алая устало / Из губ искусанных текла – Ю. Орябинский; Слово молвит Белоснежка – / С алых губ слетают розы – В. Рузавина; Вино здесь по-прежнему ало – В. Одноралов; Крылан – птица моя / Чернокрыл, глазом – ал – А. Юрьев; У горлицы израненной / Крылья алеи зари – А. Мелешко); Глаголы отмечены нами в разных формах времени, числа, лица, рода, в формах причастий и деепричастий (Словно флаги к юбилею, / Алеют листья кленов и берез – М. Ольховик; ... на древке прочно / Оно (знамя Победы – Л.И.) алею над планетой – О. Ортенберг; Вдоль алеющих аллей рябины / Идти вдвоем – вот неземной восторг – О. Вишневская; Срываю шиповник. Он каплею крови / Алея, мою прожигает ладонь – А. Вырвич).

Названный тюркизм можно встретить в различных жанрах русского фольклора: в загадках (Сам алый, сахарный, а кафтан зеленый, бархатный – об арбузе), в пословицах и поговорках (В словаре В.И. Даля есть такие: Падок мотылек на аленький цветок; Люди живут, как ал цвет цветут, а наша голова вянет что трава; Краше цвета алого, белее снега белого;

Алый цвет мил на весь свет; Алеет, покуда молодеет, станет стареть – побуреет).

В связи с приведенными фактами можно отметить и появление интертекстуальных словосочетаний, пришедших от конкретных авторов: «аленький цветочек» (от С.Т. Аксакова), «алый парус» (от А.С. Грина).

Об активности корня ал- следует говорить также, характеризуя его валентность – широчайшую способность присоединяться к различным по семантике группам слов.

Чаще всего нами отмечены представители флоры (В луче трепещет, бьется алый лист – Д. Даминов; ... всходят алые ростки, / Разламывая клеть, / И раскрывают лепестки, / Готовые взлететь – Н. Кожевникова; Тюльпаны алены, / Как жар, молодые – Л. Коростина; Для тебя сажала / Кустик розы алой – Л. Ляхова; ... Склони к лицу рябины веточку, / Застывших капель гроздью алой / Тихонько к сердцу прикоснись – А. Мелешко; ... вдали верхушки тополей алеют – Ю. Орябинский; Больше все, все больше палых / Листьев алых, золотых – В. Нетров; ... счастье я имею / В виде старого кота, / В виде алого цветочка, / Что сегодня расцветет, / В виде солнца, в виде строчки, / Что сама ко мне придет – А. Юдина и др.).

Обращает на себя внимание стремление поэтов соединить слово алый с одними и теми же явлениями природы, ср.: Окрасилась река зарю алой, / Ожили птицы, встрепенулся лес – В. Бакулин; Возвращаюсь к нему (родному городу – Л.И.) я, спеша / В затененные тихие улочки, / Где горит в стеклах алый закат – Н. Кожевникова; Мне идти и любить, сотворяя судьбу, / Беззащитную улицу в зареве алом, / Что несет уже век на усталом горбу / Застоявшийся воздух, пропахший подвалом – Н. Кожевникова; За любовь, за речи я тебе при встрече / Аленькую зорьку подарю – Л. Ляхова; ... дремавшая река / В отблесках оранжевых и алых / Плавно поднималась в облака – В. Макуров; Я молилась закатом алым, / Ворожила на лунный свет – А. Мелешко; По вечерам, когда усталая / Угомонится суeta, / Вдруг засверкает зорька алая / В перилах старого моста – А. Филатов.

Другие «пристрастия» характеризуемого слова зафиксированы реже: детали внешности человека (Ходит в баню Валентина / Каждый божий выходной – / Тело лиственно и ало, / Прямо ягодка с куста! – Е. Вовк; Белые руки, милый, твои, / Алые губы, милый, твои, / Черные пряди, милый, твои – / Только, любимый, не оробей! – В. Демурин; Хоть щеки ее алостью задело, / Дамасской розы свежесть мне дороже – А. Цирлинсон); еще меньше контекстов с предметами в качестве объекта описания (Шар был (у мальчишки – Л.И.) совсем особый: / Солнечный, алый, тугой – / Он был не столько шаром, / Сколько – мечтой! – И. Елин; уже упоминав-

шиеся флаг Победы – у М. Клипиницера, крылья – у А. Мелешко, знамя Победы – у О. Ортенберга, одеяние – у П. Рыкова).

Очень убедительно свидетельствует о прочности вживания описываемого тюркизма в русский язык то обстоятельство, что поэты охотно вводят его в изобразительно-выразительную систему – для создания антонимии, звукообразов, метафор, метонимии, сенекдохи, синонимии, сравнений, например: Рябиновые алые аллеи / В душе моей горят неугасимо – О. Вишневецкая; Но вздохну, / Обойдя рябины куст: / Поскорее б нитка алая – Г. Грибанова; И оглянулся всадник на меня – / И разглядел я алый пламень о пяти лучах / Над козырьком летящего джигита (о пятиконечной звездочке – Л.И.) – Д. Даминов; Лист окровавленный падет, / Но в этом алом колыханье / Еще страдает и живет / Его тяжелое дыханье – В. Демурин; Женское счастье что алый выюнок – Н. Кожевникова; В медовом месяце июле / Бывает долгий, длинный миг – / От облаков в шмелином гуле / До алых капель земляник – Н. Кожевникова; ... только образа / Светлы и святы в этом мире / Да солнца алое кольцо – Н. Кожевникова; Ой, тюльпаны, степные тюльпаны – / Лепестков облетевшие раны / алым шелком / На землю легли – Л. Коростина; ... у горлицы израненной / Крылья алей зари – А. Мелешко; (Стоят – Л.И.) хризантемы в вазе / Вместо алых, жарких роз – А. Мелешко; Я молилась закатам алым / – Ворожила на лунный свет – А. Мелешко; (В Абхазии – Л.И.) алые звезды граната / И терпко-зеленый самшит – В. Одноралов.

В качестве заключения можно выдвинуть следующее утверждение: тюркизм ал-, с точки зрения семантической, фразеологической, морфологической, словообразовательной, стилистической, а также по степени употребительности и по своей валентности, относится к всесторонне освоенным русским языком.

Т. Л. Большакова, Т. А. Камскова

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ

«КАРАВАН – САРАЙ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ

В 2003 г. в издательстве Оренбургского университета вышел итоговый сборник «Институту Тараса Шевченко – 10 лет», посвященный юбилею научно-исследовательского института, которым все эти годы бессменно руководил заслуженный деятель науки России, писатель Л.Н. Большаков.

С 1995 г. одним из направлений деятельности научно-исследовательского учреждения стала разработка энциклопедических проектов.

За восемь лет работы в статусе университетского подразделения «Институт Тараса Шевченко – Центр Энциклопедических Проектов ОГУ» подготовил и выпустил в свет «Оренбургскую шевченковскую энциклопедию», «Оренбургскую пушкинскую», «Оренбургскую толстовскую», «Оренбургскую биографическую», а также энциклопедию восточных народов Оренбуржья «Караван-Сарай», которая как раз и была впервые опубликована на страницах юбилейного выпуска. Последняя, являясь по жанру региональной биографической, содержит более трехсот статей о видных деятелях башкирского, казахского, татарского, других восточных народов, которые оставили заметный след в истории и культуре Оренбургского края¹.

Энциклопедия – жанр особый. В статьях-справках нет места эпитетам и оценкам – только факты. Но анализируя издание, читатель получает целостную и объемную картину, позволяющую увидеть и оценить, сколь значительную роль сыграли и продолжают играть представители восточных народов в истории и культуре Оренбургского края на всех этапах его развития. В создании энциклопедии «Караван-Сарай» принимал активное участие библиограф и краевед Ф.У. Бектимиров.

Ниже мы расскажем о видных представителях татарского народа, своей деятельностью заслуживших право войти в энциклопедию.

Вот что, к примеру, рассказывается об основателе Каргалинской слободы Сеите Хаялине: «В начале 1744 г. ... обратился к оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву с прошением о разрешении поселиться под Оренбургом двумстам семьям казанских торговых татар.... В том же году казанцы поселились на отведенном им месте, основав слободу.. (иногда ее, по имени основателя, называли Сеитовой). Сеит Хаялин, возглавивший управление слободой, в 1745 получил жалованную грамоту от императрицы Елизаветы Петровны. Грамота определяла права татар на землю, перечисляла предоставляемые им льготы и привилегии. Указанная личность упоминается Пушкиным в одном из примечаний к пятой главе «Истории Пугачева»².

Ссылки на пушкинскую «Историю Пугачева» в анализируемой энциклопедии не так уж редки. Немало купцов-татар в свое время примкнули к повстанческим отрядам Пугачева. Читатель найдет развернутую информацию об Абсаломе Аитове, Ермухаммете Кадырметове, Каране Мратове и др. Последнего власти именовали одним из «первейших сообщников Пугачева», «главным бунтовщиком», «искусным» вожаком мятежников и прилагали немалые усилия для его поимки.

Развернутая статья посвящена Мусе Улееву – купцу из Каргалинской слободы, которого Пугачев назначил старшиной и правителем этой слободы. Он был произведен в полковники и возглавил сводный татарский полк, участвовавший в боях под осажденным Оренбургом. 23 марта 1774 г., день спустя после поражения повстанцев в битве у Татищевой крепости, верные властям каргалинские татары во главе со старшиной Абдрафиком Абдуловым схватили Мусу, атамана А.Т. Соколова-Хлопушу и пятерых яицких казаков-повстанцев, связали их и 24 марта доставили в Оренбург, где те были заключены в тюремный острог. Однако последующего наказания М. Улеев избежал и в скором будущем, возобновив торговые операции, стал одним из крупных купцов своей слободы. Об этих событиях можно прочитать в «Летописи» П.И. Рычкова³.

В энциклопедии рассказывается и о тех, кто сражался против повстанцев. Так, обращает на себя внимание имя Бикбая Усманова (1745–1773) – капрала казачьей команды, который после взятия этой крепости войском Е.И. Пугачева (26.IX.1773) был казнен вместе с комендантом крепости премьер-майором З.И. Харловым, прапорщиками А.И. Фигнером и П.А. Кавалеровым и комендантским писарем А. Скопиным⁴.

Несколько статей посвящено татарским путешественникам, один из которых – Исмаил Бекмухамедов. С четырьмя спутниками (Абдрахманом, Надуром, Якубом и слугой) он в 1751 г. предпринял путешествие с целью открытия торговых путей в Индию. Маршрут его пролегал из Оренбурга через Ургенч – Бухару – Андхой – Герат – Кандагар – Басру – Сурат – Хайдарабад – Бенарес – Дели – Мекку – Медину – Дамаск – Иерусалим – Стамбул. По пути следования все спутники Бекмухамедова погибли. Сам он оставил «Записки», которые состояли из трех частей: а) описание поездки в Среднюю Азию, Афганистан, Иран, Ирак, Индию; б) паломничество по «святым» местам Аравии; в) возвращение через Турцию (Стамбул) на родину⁵. В той же энциклопедии содержатся отдельные статьи о спутниках Бекмухамедова. Это путешествие стало первым в истории Оренбургской губернии.

Кстати, заметим, что определения «первый», «впервые», «основоположник» встречаются во многих статьях энциклопедии.

Высокой источниковедческой ценностью обладают материалы издания, посвященные педагогам и воспитанникам медресе Хусаиния. Знакомясь с энциклопедическими статьями, посвященными преподавателям Хусаинии, понимаешь, какие неординарные люди обеспечивали процесс обучения в медресе, каким огромным запасом знаний они обладали. К их числу с полным правом можно отнести деятеля татарского просвещения Х.К. Бакирова (1884–1934). С 1911 г. он преподавал в медресе «Хусаиния»

и был одним из его руководителей – первым директором учительского института им. Хусаинова, созданного на основе медресе (1917–1918). Он являлся также автором учебников естествознания, вышедших в Оренбурге отдельными выпусками⁶.

Историк татарской литературы, языковед, публицист Д.Д. Валидов (1887–1932) начал литературную и одновременно педагогическую деятельность в Оренбурге (журнал «Шура», медресе «Хусаиния»). Он является автором монографии на татарском и русском языках: «Очерк истории образованности и литературы татар» (Петроград, 1923), двухтомного «Толкового словаря татарского языка» (1927–1929), трудов о Г. Тукае и др. В 1930 г. по ложному обвинению был арестован, в знак протеста бросился из окна верхнего этажа тюрьмы, но с тяжелыми переломами был отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала, где и умер⁷.

Высокая образованность, широта общественных и педагогических интересов отличала Г.Х. Еникеева. Он окончил Оренбургскую татарскую учительскую школу, в которой проработал до ее закрытия (1889). В 1895 г. начал работать в медресе «Хусаиния» в качестве учителя русского языка и литературы, вложив много труда в увеличение удельного веса естественных и светских наук в программе медресе, как того требовали его основатели. Он являлся депутатом Государственной Думы II, III, IV созывов (1907 по 1917), автором «Законопроекта о начальном образовании» и «Проекта предложенного закона о введении всеобщего начального обучения» (СПб., 1910), членом Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества и Оренбургской ученой архивной комиссии. Совместно с композитором Оводом собрал, обработал, классифицировал и издал 500 татарских и башкирских песен Приуралья и Поволжья. Г.Х. Еникеев любил народные татарские и башкирские песни, прекрасно их исполнял, за что в народе его прозвали «Жырчы Гайса» («Певец Гайса»)⁸.

Ярким представителем татарской интеллигенции первой четверти XX в. стал Салахетдин Камалетдинович Камалетдинов (Салах Камал), педагог, каллиграф, художник, исламовед, историк. После окончания Казанского Айтуганского училища, затем Бейрутского университета преподавал черчение, рисование, историю в медресе «Хусаиния». В период работы в Оренбурге он написал арабской вязью названия всех станций железной дороги от Самары до Ташкента, оформил надмогильный камень видного татарского писателя Шакира Мухаммедова (1923), прожившего 40 лет в Оренбурге. Являлся организатором курсов в Оренбурге и Бузулуке, участником открытия женской школы в Оренбурге. В период работы в медресе «Хусаиния» им написаны и изданы в Оренбурге «Крат-

кий учебник правописания», «Теология», «Знания о культуре, цивилизации и науках», «История ислама» и др.⁹

Перечень имен можно продолжить. Но еще длиннее будет список тех, в биографической справке которых значится: выпускник «Хусаинии». Целая плеяда ученых-просветителей, прославивших отечественную науку и заслуживших широкое признание, получила образование в медресе «Хусаиния». Окончившие ее стали учеными и артистами, поэтами и писателями, видными общественными деятелями.

В энциклопедию вошли сразу несколько представителей одной семьи. Кроме братьев Хусаиновых, можно назвать педагога, журналиста, издателя Х. Файзуллина (1870–1931) и его сына – композитора и фольклориста Д. Файзи; трех представителях семейства Рамеевых и др. Широко известен татарский поэт, издатель, общественный деятель М.З. Рамеев (псевдоним Дардмед). В Оренбурге в память о нем установлена мемориальная доска. Произведения его вошли в один из томов «Библиотеки всемирной литературы» (Москва, 1977). Его старший брат, Ш.С. Рамеев, золотодобытчик, благотворитель, познакомившись с золотоискательским делом в Западной Европе, закупил машины и благодаря своему опыту и инженерным способностям приспособил их к условиям Южного Урала. Братья строили школы, издавали газету «Вақыт» и журнал «Шура», содержали типографию, где выпустили много татарских книг. Сын поэта, И.З. Рамеев, инженер-золотодобытчик, автор ряда изобретений, занимал ответственные должности на приисках (до 1938 г.). По клеветническому навету его арестовали и отправили на сибирскую каторгу¹⁰.

Широкой популярностью в Оренбургской губернии пользовались татарская газета «Вақыт» (Время) и приложение к ней – журнал «Шура» («Совет»). Издания сыграли большую роль в образовании и просвещении татарского народа. В энциклопедии «Караван-Сарай» рассказывается о тех, кто издавал газету и журнал, работал в них, сотрудничал.

Статьи расположены в алфавитном порядке, но задавшись целью, можно, например, проследить историю становления татарского профессионального театра в Оренбурге: около четырех десятков имен режиссеров, драматургов, актеров присутствуют в издании.

Например, Габдулла Кариев – один из основателей профессионального татарского театра и школы реалистического актерского искусства в татарском театре – был руководителем татарской театральной труппы «Сайяр» («Передвижная»)¹¹. Вместе с ним в труппе работали татарская актриса и режиссер С. Гизатуллина-Волжская (1892–1974), актриса Ф. Кудашева-Арская (1880–1956), актер и режиссер Ф. Бакиров и др.

«Караван-Сарай» – одна из немногих энциклопедий, на страницах которой рассказано о наших современниках: ученых вузов (д.с.-х.наук Б. Галлиеве, д.мед.наук Р. Забирове, д.пед.наук М. Насыровой, д.ист.наук Р.Р. Хисамутдиновой и др.), учителях (Х. Абдульменевый, З. Ахмерове, Л. Усмановой и др.), краеведах (М. Рахимкуловой), журналистах (Ф. Гайсарове, З. Кузахметове, Л. Сафаровой), театральных деятелях (Р. Абдуллаеве, Л. Абдуллаевой, Р. Рафиковой и др.), художниках (Р. Асаеве, М. Вафине, М. Газизовой, Ш. Мухаметзянове и др.).

Безусловно, каждый из читателей увидит в энциклопедии пропущенные имена, достойные места в энциклопедии. Поэтому работа в этом направлении может и должна продолжаться. Но после ухода из жизни Л.Н. Большакова прекратилась и работа руководимого им научно-исследовательского института. Может быть, настало время возобновить деятельность если не Института Тараса, то Центра энциклопедических проектов и присвоить ему имя Л.Н. Большакова в память о человеке, который положил начало созданию региональных энциклопедий.

Примечания

1. Караван-Сарай // Институту Тараса Шевченко – 10 лет / сост. Л.Н. Большаков. Оренбург: Изд-во ОГУ, 2003. С. 117–166.
2. Там же. С. 162.
3. Там же. С. 148.
4. Там же С. 129.
5. Там же. С. 128.
6. Там же. С. 126.
7. Там же. С. 130.
8. Там же. С. 135.
9. Там же. С. 141.
10. Там же. С.150.
11. Там же. С. 142.

В.И. Попова

СОБЫТИЙНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА СТУДЕНТА

В современных условиях возрастания роли информации и информационных технологий темпы изменений научных и профессиональных знаний столь велики, что часть из них уже устаревает во время обучения студентов в вузе. В этой связи человечество встало перед необходимо-

стью создания качественно новой философии образования и вытекающей из нее новой методики подготовки специалиста в условиях субъект-субъектного взаимодействия.

В условиях переоценки общественных и личностных ценностей особую значимость приобретает принцип антропоцентризма как возможность и необходимость признания человека центром новой парадигмы образования. Рассматривая школьника активным субъектом процесса социализации, педагог тем самым стимулирует становление субъектных качеств воспитанника, его обращенность на внешний мир и на свое «Я». Данное обстоятельство позволяет направить образование и воспитание подрастающего поколения на успешное самоопределение и саморазвитие, актуализировать субъектную позицию участников образовательного процесса.

Традиционное обучение и классно-урочная система не всегда придает образованию подлинную событийность. Событие предполагает совместность действий, событие есть то, что происходит именно сейчас. Важна значимость события — эмоциональная, нравственная, познавательная, поскольку событие — это открытие смысла происходящего для каждого субъекта и общего обновленного смысла для взаимодействующих в данном действии субъектов.

Условия обеспечения событийности можно разделить на два вида: внешние, по отношению к школе, и внутренние, создающиеся укладом самой школьной жизни и событийным горизонтом обучения. Правомерно говорить об образовательном пространстве, характерными признаками которого являются его протяженность, структурность, взаимосвязь и взаимозависимость элементов, воспринимаемые воспитанником субъективно.

Говоря о пространстве, правомерно иметь в виду набор определенным образом связанных между собой факторов, условий, событий, которые могут оказывать влияние на человека. Ключевым понятием образовательного пространства можно считать событие, явление. Каждому типу событий ставится в соответствие свое пространство событий.

Введенные таким образом понятия пространств (культурное, экономическое, политическое, экологическое и т.п.) оказываются наполненными различным по характеру содержанием. Под образовательным пространством понимается существующее в социуме «место», где субъективно задаются множества отношений и связей, где осуществляется деятельность различных систем (государственных, общественных и смешанных) по развитию личности и ее социализации. Возможно и внутреннее формируемое, индивидуальное образовательное пространство, станов-

ление которого происходит в опыте каждого. В этой связи дальнейшие рассуждения связаны с субъектным становлением человека, которое осуществляется через самоопределение смыслов деятельности, поведения, всей жизни человека.

В результате самоопределения человек выстраивает систему смыслов, смысловое поле, или внутреннее смысловое пространство. Формами его организации могут выступать «Я-концепция», или направленность личности, что особенно значимо для обоснованного выбора профессии. Два процесса — осмысление (наделение ценностей смыслами) и осознание (формулирование смыслов в ценности), встречаясь, образуют пространство субъектности человека, его ценностно-смысловую сферу.

Содержание педагогического взаимодействия представляет собой обмен между субъектами информацией, ценностными установками, типами и способами общения, познания, деятельности, игры, поведения, отбор и усвоение которых имеют индивидуально избирательный характер. В целом взаимодействие — диалог воспитателей и воспитуемых, а также воспитуемых между собой, содержание, характер и воспитательная эффективность которого определяется тем, какие личности в нем участвуют, в какой мере они сами ощущают себя личностями и видят личность в каждом, с кем взаимодействуют.

Содержание взаимодействия, характер отношений воспитателя и воспитуемого, воспитание в целом определяются, с одной стороны, социальной практикой и определенными установками того или иного общества, а также идеями и методами, сформулированными философией, теорией и методикой воспитания. С другой стороны, большую роль играют так называемые имплицитные (то есть подразумеваемые, но не сформулированные) теории воспитания, которые исторически складываются в культуре каждого общества. В рамках этих теорий различаются представления о том, как следует воспитывать лиц мужского и женского пола на различных возрастных этапах; чего воспитатели хотят от воспитуемых и как они этого добиваются; стили и содержание их взаимодействия в многонациональном социуме.

Имплицитные теории воспитания нередко оказывают более эффективное влияние на взаимодействие воспитателей и воспитуемых, чем осознанно формулируемые принципы и способы воспитательной деятельности. Имплицитные теории определяют реальное поведение субъектов всех видов воспитания (как старших, так и младших, которые довольно рано усваивают то, чего на самом деле от них хотят старшие), ибо представляют собой неосознаваемые ценностные ориентации, которые во многом обуславливают особенности каждого вида воспитания.

В контексте решения заявленных проблем актуальным становится обеспечение многообразных форм практико-ориентированного обучения и воспитания. Опыт, понятие, трактовавшееся в отечественной теории как эмпирическое познание и единство знаний и умений, формировался путем простого накопления в ходе получения суммы учебной информации. В современных условиях опыт превращается в инновационный результат частных практик. Опыт событийен, он – постоянное практическое применение и предметное обновление, осмысление и переосмысление личностного прикладного знания, то есть такого знания, которое принято личностью и включено в практику, во внутренний мир и картину мира.

Важнейшей педагогической проблемой становится построение образовательного процесса на основе поддержки ученика в его стремлении открывать себя (обнаруживать способность действовать) в различных видах деятельности (учебной, проектной, творческой). Опыт приобретает накопительно-конструктивный, реконструктивный и субъектный характер в противовес «трансляции» культурного опыта как усвоения стандартной информации.

Событийность деятельности – одна из значимых культуuroобразующих идей образования. «Событие» многомерно и исключительно, есть бытие, совместное с Другим (М. Хайдеггер). Событие предполагает значимое творческое действие людей, обогащающее личностное знание и личностный опыт учащихся.

Совместность протекающей деятельности говорит о равном значении совместности для каждого, указывает на фактор, объединяющий разных людей и разные явления в новые связи. Событие нельзя повторить, но благодаря ему (событию) происходит осмысление собственного опыта, рождается вариативность позиций. При этом многомерность восприятия события в пространстве/времени рождает семантику поликультурных миров.

Событийность задает творческую включенность школьника как субъекта деятельности, создается событийный горизонт проектной деятельности, направленной на познание истории и современности родного края. Так, изучение студентами системы образования Южного Урала на занятиях по курсу «Регионоведение» является значимым событием, поскольку поиск информации, ее отбор, проектирование дальнейших шагов по-разному фиксируются и реконструируются участниками проекта.

Система образования Южного Урала складывалась в условиях многонационального социума и является одной из интересных страниц исто-

рии Южного Урала. Совместными усилиями ученых история образования Южного Урала, возникновения образовательных учебных заведений Оренбургского округа XIX и начала XX веков изучена достаточно полно (В.С. Болодурин).

Так, первые труды по истории образования в Оренбургской губернии начали появляться в XIX в., обычно они посвящались истории отдельных учебных заведений и были приурочены к юбилейным датам. Особая страничка — история Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, которой посвящены работы К. Белавина. Изучение развития образования в Оренбургской губернии, комплексная характеристика развития образования на Южном Урале в первой половине XIX в. дана в работах С.Г. Мирсаитовой. Значимы исследования М.М. Вольфсона по истории образования в XVIII в., труды Ю.П. Злобина об истории развития общего и среднего образования в Оренбуржье в дореволюционный период, работы Ю.С. Зотова, посвященные анализу состояния образования в Оренбургской епархии во второй половине XIX в., исследования З.Г. Сафоновой. В последние годы появились исследования В.С. Болодурина и его учеников о становлении и развитии национальных школ с нерусским языком обучения.

Состояние образования Оренбургского края в 20–30-е гг. XX столетия в основном совпадало с тенденциями развития образования в целом по стране. Вместе с тем, имелось много особенностей, обусловленных отдаленностью Оренбургского края от центра страны, многонациональным составом населения, отсутствием развитой системы высшего образования, что сказывалось на нехватке специалистов с высшим образованием.

В истории образования и становлении образовательных учреждений прошлых столетий Оренбургской губернии можно обозначить три этапа:

- начальный этап (1735–1825 гг.);
- второй этап (1825–1918–1919 гг.);
- третий этап (1918–1919–2000 гг.).

Соответственно этим этапам можно рассматривать и развитие системы начального, среднего общего, среднего и высшего профессионального образования, становление системы повышения педагогической квалификации работников образования, изучения и обобщения передового педагогического опыта.

В заявленном аспекте представляется необходимым учитывать, что Оренбургская область как географический центр России в течение многих веков являлась точкой, где, по словам Н.А. Бердяева, «смешались и столкнулись два потока мировой истории — восточной и западной».

Центральное положение региона обусловило воплощение в нем наиболее ярких черт пограничной культуры: полиэтничности, поликонфессиональности, веротерпимости, способности к диалогу, открытости. При этом региональное своеобразие выступает в данном случае как выражение общенациональной специфики. В сложившихся условиях особую значимость приобретает изучение языковой ситуации региона, поиска эффективных путей преподавания русского языка в условиях расширения культурной интеграции, в результате которой всякое образовательное пространство становится полилогом культур.

Современное Оренбуржье представляет собой естественным образом сложившийся этнокультурный регион, в котором в результате длительного исторического процесса сформировались оптимальные условия для взаимодействия нескольких, не всегда генетически родственных языков. Для Оренбургской области характерна ситуация, в которой наряду с государственным русским языком активно изучаются и используются в повседневном общении языки соседних регионов — татарский и башкирский.

Проблема бытия миноритарных языков в полиэтнических регионах рассматривается обычно в двух аспектах: с точки зрения возможности так называемой языковой смерти, то есть постепенного вымирания малых языков и, с другой стороны, с точки зрения особенностей менталитета тех носителей языков, которые проживают хотя и достаточно компактно, но не столь многочисленны, чтобы претендовать на какое-то официальное закрепление государственных функций своих языков.

Поэтому с 1993 года по инициативе ЮНЕСКО создается «Красная книга» исчезающих языков, а в последние годы говорят о необходимости создания «Зеленой книги языков», в которой нашли бы свое место языки возрожденные, языки, пережившие ревитализацию. К примеру, в условиях Оренбургского региона такие языки, как татарский, башкирский, чувашский, мордовский, поддерживаются тем, что территории, на которых эти языки являются коренными, автохтонными, незначительно удалены, контакты с ними постоянны и непрерывны в течение веков.

Взаимосвязь русской и азиатской культур имеет глубокие корни, которые отразились не только в сознании людей, в их миропонимании, но и в языках, различных по происхождению и морфологической структуре — все это применимо к Оренбургскому региону.

Языковая ситуация — это совокупность языковых образований, то есть языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определен-

ного региона, политико-территориального объединения или государства (Н.Б. Мечковская).

Языковая ситуация, как известно, имеет ряд типологических признаков, рассматриваемых нами с позиций социолингвистики: количество языковых образований, составляющих языковую ситуацию (языковое разнообразие); количество этнических языковых образований, составляющих языковую ситуацию (этноязыковое разнообразие); относительная демографическая мощь языков, составляющих языковую ситуацию; относительная коммуникативная мощь языковых образований, составляющих языковую ситуацию; юридический статус языков; степень генетической близости языков; оценки социумом престижа сосуществующих языков.

Для понимания изменений контактирующих языков следует учитывать:

1) в социолингвистическом плане — как взаимодействие разноязычных социумов, т.е. как определенную языковую ситуацию;

2) в психолингвистическом плане — как индивидуальное двуязычие (какой-то части говорящих);

3) на собственно лингвистическом уровне — как смешение, взаимопроникновение двух самостоятельных (самодостаточных) языковых систем.

Таким образом, опыт, приобретаемый студентами в процессе обучения в вузе, позволяет осмыслить место человека в мире, расширить его представления о себе и «значимом Другом». Событийность образования означает совместность действий при разнообразии точек зрения и позиций на какое-либо явление, приобретение опыта согласования позиций с позициями других (опыт достижения консенсуса).

Литература

1. Болодурин В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. Страницы истории (1735–1940 годы) / В.С. Болодурин. Оренбург: Оренбургск. кн. изд-во, 2001. 320 с.

2. Видгоф В.М. Школа как событие (философско-культуроведческая концепция развития) // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. 1995. №3.

3. Дюсупова Л.В. Языковая ситуация в Оренбургском крае / Л.В. Дюсупова // Регионально ориентированные исследования филологического пространства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. С. 19–23.

4. Крылова Н.Б. Событийность образования как условие самоопределения школьника. Альманах «Продуктивное образование»: формирование картины мира ребенка и его саморазвитие / Сб. науч. статей под ред. Е.В.А. Александровой, А.В. Бояринцевой. М.: Экшн, 2010. Вып. 12. С. 48–55.

5. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика/Н.Б. Мечковская. М., 2000. 206 с.
6. Попова В.И. Регионоведение: учебно-методическое пособие. Мин-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Оренб. гос. пед. ун-т. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. — 56 с. (Допущено министерством образования Оренбургской области в качестве учебно-методического пособия).
7. Слободчиков В.И. Событийная общность// Новые ценности образования. Тезаурус для учителей и школьных педагогов. 1995. №1.
8. Хайдеггер М. Бытие и время: статьи и выступления / М. Хайдеггер. М.: Республика, 1993. 447 с.

Т.В. Стрельцова

РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Существует несколько позиций для определения понятия ценностный подход в обучении русскому и родному языку: а) ценностный подход как «отбор полезности» для личности, общества; б) ценностный подход как отражение познавательной деятельности; в) ценностный подход как выявление подлинных ценностей и мнимых «ценностей».

Философия, расшифровывая понятие «подход», включает в него направление (сущность) поиска, совокупность методов и принципов, основных правил, абстрагированных идей исследования.

Ценностный подход — это указание на рассмотрение всех процессов с позиций их значимости (положительной и отрицательной для индивида, личности, социума, выявление положительных констант (ценностей), ориентиров деятельности. Сам процесс поиска связан с принципами, т.е. расшифровкой алгоритма действия.

Русский язык как мировоззренческий предмет призван обеспечивать единство и взаимодействие языка, культуры, личности в процессе обучения и развития личности.

Особое место в учебном процессе должно быть, без сомнения, отведено родному языку. Родной язык играет важнейшую роль в формировании сознания растущего человека, в его вживании в культуру.

Воспитание будущего учителя осуществляется в ходе всего учебного процесса, в том числе и на занятиях спецкурса. Известно, что спецкурс таит в себе неограниченные возможности воспитания и подготовки учителя.

Главное, как нам думается, — заложить в будущих учителях чувство единения с родной землей, природой, вызвать интерес к истории родного

края, воспитать ответственное отношение к делам и поступкам, которые они потом реализуют в работе со школьниками.

«Что посеешь, то и пожнешь!» – гласит народная мудрость. Как важно засеять поле в срок добротными семенами, а преподавателям вуза – заронить в души воспитанников добрые зерна эстетического сознания.

Для занятий следует подбирать высокохудожественные тексты мастеров художественного слова, поэтов и писателей своего края, сопроводив богатейший языковой материал интересными заданиями, направленными на формирование эстетических представлений, на развитие творческого мышления. Одним из таких писателей для нашего Оренбургского края по праву считается наш земляк, Герой Советского Союза Муса Джалиль.

Одним из приемов работы, позволяющим реализовать ценностный подход в воспитании обучаемых студентов, являются попутные социо- и лингвокультурные комментарии к используемым текстам Мусы Джалиля. Например, можно использовать текст стихотворения «Мои песни»:

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне цветите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить на земле!

Это четверостишие поставит задачу перед студентами языковых факультетов уточнить лексические значения слов «огонь», «свобода», «отчизна».

Или можно предложить прочитать слова из стихотворения М. Джалиля «Красная ромашка»:

Поляну, и, ромашки, луч, осветил, разбудил.

Далее предлагается составить предложение с однородными членами, ставя выделенные слова первыми в предложении.

Луч поляну осветил
И ромашки разбудил:
Улыбнулись, потянулись,
Меж собой переглянулись.

В процессе отработки различных направлений филологического анализа художественного текста нами предлагаются возможные виды заданий:

- найти в первом предложении рифмующиеся слова;
- поменять в первом предложении слова местами так, чтобы получились две стихотворные строки.

Как нам видится, очень важно, чтобы от полученного результата студенты увидели возможности будущей работы. Ведь только успех и положительные эмоции продвигают их по учебной лестнице вверх.

Кроме богатого языкового материала можно предложить репродукции картин с изображением портрета Мусы Джалиля, сопроводив каждую репродукцию текстом искусствоведов. Следует показать, как трудно писать сочинение по картине, и поэтому дополнительно необходимо провести беседу по ее содержанию. Все это вместе настраивает на творчество студентов, которые проникаются содержанием картины, испытывают благодарность к творчеству художника.

Содержание многих текстов биографии Мусы Джалиля позволяет формировать такие нравственные качества, как чувство любви к природе, чувство ответственности за то, что тебя окружает, чувство сопричастности к историческому прошлому края.

Рассмотрим некоторые задания, способствующие формированию чувства сопричастности к историческому прошлому края, Родины, природе. Можно предложить написать изложение на отрывок из воспоминаний Х. Залиловой, сестры М. Джалиля, о местах, где поэт провел детство.

Мы убеждены, что на занятиях должен реализовываться и стилистический аспект:

- образец публицистического стиля можно взять из биографии Мусы Джалиля;

- пример художественного стиля – прозаические произведения писателя.

Результаты такой работы можно продемонстрировать при анализе сочинений, показывающих умение пользоваться средствами языка в связи со стилистической направленностью создаваемого текста. Как показал анализ и наблюдение, важно научить студентов видеть возможности использования лучших образцов произведений различных стилей: и научного, и публицистического, и художественного.

Подводя итог всему сказанному выше, мы акцентируем внимание на особой важности приобщения современного учителя к работе по культуре родного края посредством упражнений на примерах жизни и творчества знаменитых людей своей малой родины. Будущий учитель должен помнить, что, отбирая тексты для уроков русского языка, для самостоятельной работы дома, он стремится обеспечить возможность выполнения заданий, направленных не только на диалог студента с текстом, но и текста с текстом, на осознание межтекстовых связей.

Чтобы соединить все составляющие школьного и вузовского образования, существует много путей. Один из них – знакомство с миром, национальной культурой посредством анализа художественных текстов, наблюдения над языком великих произведений. Родной язык – неисчерпаемое богатство, никогда не оскудевающее.

ТЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ДЖАЛИЛЯ И ДИСКУРС ПОЭТА О ПРИЧИНАХ АГРЕССИВНОСТИ В ПОВЕДЕНИИ ИНДИВИДОВ И ГРУПП В СОЦИУМЕ

Интеллектуальное поле представленного исследования образуют несколько аналитических линий: рассмотрение места и роли в духовном наследии М. Джалиля этнической темы; определение его концептуального подхода к феномену национальных характеров; дифференциация этнической рефлексии поэта в контексте современных процессов миграции, ассимиляции и мультикультурности этносов.

В качестве эмпирического инструментария использовался метод контент-анализа информационного материала, а также компаративистское экспертное позиционирование парадигмы Э. Фромма, Х. Ортеги-и-Гассета, С. Хантингтона.

В творческом наследии М. Джалиля получили свое художественное отражение десятки национальных характеров различных народов России и мира. К этому ряду, безусловно, относятся национальные характеры татарского, башкирского, казахского народов; особое место принадлежит описанию русского национального характера. М. Джалиль коснулся своим пером и некоторых черт украинского характера (в качестве переводчика произведений Т. Шевченко).

Среди зарубежных народов интересны эскизы национальных характеров чехов, поляков, французов (например, стихотворение «Весна в Европе»¹). Тип французского революционного борца М. Джалиль показал при переводе стихов поэта-коммунара Э. Потье (1933 г.). Широта описания характера борца охватывает у М. Джалиля китайскую тему: образ народного мстителя в стихотворении «Плакать ли, смеяться ли» (1927 г.).

Необходимо подчеркнуть, что наряду с татарским и русским национальными характерами наиболее глубокий анализ в духовном творчестве М. Джалиля закономерно получил немецкий национальный характер и, прежде всего, в контексте феномена фашизма и борьбы с ним.

Автор данных тезисов ни в коей мере не претендует на раскрытие многогранных черт татарского характера, показанных в поэзии М. Джалиля, — у этой темы есть и будут свои многочисленные исследователи. Но в рамках подхода М. Джалиля, который представляется возможным назвать «концепцией национальных типов народных борцов», уместно

привести строки из поэмы «Алтынчеч», повествующей о монгольских завоевателях, пришедших на берега реки Идель и о сопротивлении героев того времени:

Чем на коленях жить на свете,
Достоиней стоя умереть!

Эти строки наполнены высочайшим стремлением сохранения человеческого и, вместе с тем, национального достоинства.

М. Джалиль был высоко образованным человеком и имел обширные знания в областях русской истории и литературы, и поэтому он в определенной степени приблизился к таким аналитикам русского характера, как Н. Бердяев, И. Ильин. М. Джалиль в поэтической форме подтвердил главный тезис из системы парадоксов русского национального характера, разработанный Н. Бердяевым – между целеустремленностью борцов, способностью к подчинению и разгулом анархии. Рисуя широкое полотно русского характера, М. Джалиль, подобно И. Ильину, обращается в своих стихах к влиянию на национальный характер природы, славянской души, православной веры, исторического развития. В строках поэзии М. Джалиля русский национальный характер дан во времени, начиная с древней и средневековой Руси, в линии социального пространства в образах людей из народа, героев классической литературы, исторических деятелей. Так, например, в качестве эпиграфа к стихотворению «Меч», написанному в 1942 г., он приводит знаменитые слова А. Невского, отражающие патриотический облик народа: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

В концентрированном виде различные стороны русского национального характера представлены в поэме М. Джалиля «Минувшие годы», написанной во второй половине 20-х годов. Поэт листает страницы российской истории и иллюстрирует их национальными образами. Великое терпение русского народа, проявленное в тяжелых испытаниях, показал поэт в строках, описывающих события Ленского расстрела в царской России:

Мы пели редко, чаще плакали,
Вдоль берегов песок гребли,
И наши слезы в Лену капали
И в море Лаптевых текли?

Далее в поэме в яркой художественной форме даны примеры революционной энергии и силы духовных подвигов русских вместе с другими народами России, веривших в возрождение Родины, как птицы Феникса из пепла, озаренных высоким огнем мечты:

Какой же ты будешь,
Россия-разруха,
В тифозных бараках —
больные вповал.
Ни угля...
Ни хлеба...
Раздета, разута,
Под ржавой трухой
Умирает металл³.

Образ Павки Корчагина в этой поэме, а также в отдельном стихотворении «Сталь», символизирует стальной характер русских, не случайно эпиграф к упомянутому стихотворению составляет название произведения Н. Островского «Как закалялась сталь». Но наряду со стальными сторонами русского характера М. Джалиль в поэме «Минувшие годы» показывает страшную силу анархии русского бунта, отмеченную еще великим А. Пушкиным, проявляющуюся, когда стальная пружина выпрямляется. М. Джалиль сравнивает махновцев, мчавшихся по степям, с псами, сорвавшимися с цепи.

Патриотизм — стержневая черта русского характера, она воспета М. Джалилем в стихах военного времени и прежде всего в строках «Моабитских тетрадей», написанных в великих муках. Безмерный подвиг патриотизма, свершенный русским народом вместе с другими народами Советского Союза, преодолевшим все преграды на пути к освобождению Родины, поэт выразил с наивысшей художественной силой в знаменитом стихотворении «Меч» через образ русской женщины, следуя традициям А. Пушкина, Н. Некрасова, А. Блока. В словах этой женщины из русских селений, повторяющей изречение А. Невского, и в ее действиях прозвучал и воплотился суровый приговор истории:

Ты пожелал, чтоб я ласкала
Моей отчизны палача?
О, нет!
Кто к нам с мечом приходит,
Тот погибает от меча³.

Русский патриотизм отличается особой привязанностью к природе. В стихотворении «В последний бой»⁶, написанном буквально в первые часы войны, поэт призывает в духе русской традиции защитить просторы суши и морей, небо и золото пшеничных степей Родины. В стихотворении «Утешение» («Моабитские тетради») поэт также демонстрирует черту, типичную для русского патриотизма, — направленность чувства любви к Родине на столицу Москву как освободительницу народов. Поэт глубоко-

ко верил в освобождение от фашистского мрака поработанных народов, в том числе и немецкого народа⁸.

Попытка одного из первых обращений поэта к немецкому национальному характеру была предпринята им в поэме «Отрывки», написанной в 20-е годы. Образ немецкого коммуниста, рабочего, борца с зарождающимся фашизмом предстает перед нами.

В 1935 г. уже опытный мастер литературного слова М. Джалиль с тонкой иронией обыгрывает в поэме «Джин» сюжет с куклой-негритенком в руках немецкой девочки Лотты:

Не разрешается детям арийца
с черной куклой играть и возиться!
Ибо —
Так фюрер твердил нам не раз —
Это приводит к смешению рас!⁹

Поэт точно сумел передать атмосферу торжества национализма. В довоенных стихах, но в особенности в стихах военного времени, прежде всего в «Моабитских тетрадах», М. Джалиль ставит вопрос: почему фашизм в такой сильной степени овладел немецкой нацией — нацией высокой культуры (истинным знатоком которой он был: ценитель музыки Бетховена и поэзии Гейне, философии Гегеля) и пытается дать объяснение этому парадоксу.

Линии столкновения фашизма и немецкой культуры раскрыты в таких его стихах, как: «Тюремные стражи», «Волки», «Варварство», «В стране Алман» и в других. В поэтических строках эта духовная дуэль может быть представлена следующим образом — облик фашиста дан в таких главных его чертах:

Подручный смерти, варварства наймит.

«Тюремный страж»

Стихотворение «Волки» является уникальным по тонкости психологического анализа:

Старый волк постоял над бойцом,
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул,
Но не сделал ему ничего...
Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.
Что там волки! Ужасней и злей-
Стаи хищных двуногих зверей!¹¹

В стихотворении «В стране Алман» душа поэта кричит, вопрошая:

И это страна великого Маркса?!
Это бурного Шиллера дом?!
Это сюда меня под конвоем
Пригнал фашист и назвал рабом?!
Тому, кто был очарован Гете,
Ответь: таким ли тебя я знал?
Почему прибор симфоний Бетховена
Не сотрясает мрамора зал?¹²

В чем же нашел поэт ответ на свой вопрос? Думается, что он понимал фашизм как форму варварства. Н. Некрасов, А. Блок также видели кривую линию варварства в зигзагах развития социума и его проявления в различных национальных характерах, в немецком и русском, в том числе.

Современный российский ученый Г. Гачев перекликается с М. Джалилем в своем исследовании «Национальные образы мира», комментируя парадокс противостояния в немецком характере абсолютизации силы огня и разрушения – с одной стороны, и тяги к абсолютному порядку – с другой.

В трудах Э. Фромма, аналитика злокачественной агрессивности в поведении людей (немца, покинувшего Германию во времена фашизма и создавшего свою научную школу в США), видны также параллели с мыслями М. Джалиля.

Итак, М. Джалиля в анализе национальных характеров более всего привлекал национальный тип борца, но грани этого типа не сводились им лишь к противостоянию классов и охватывали в целом борьбу сил добра и зла.

В современных условиях мощные потоки миграции (Россия занимает по масштабам въезда мигрантов второе место в мире после США) актуализировали процессы, с одной стороны, – ассимиляции, а с другой стороны, – идентификации этносов. Эта динамика сопровождается столкновением культур не только в межнациональном, но и в межцивилизационном пространстве, что закономерно ведет к усилению контекста агрессивности. Развертывающийся макросоциальный феномен, подобный Великому переселению народу, наряду с другими причинами выступает в качестве стимулятора рецидивов варварства.

По Э. Фромму, этот механизм анатомии «человеческой деструктивности» можно определить как «компенсаторное насилие»¹³. Трудовые ресурсы, прибывающие в Европу, в США, в Россию (в последнюю особенно из Средней Азии), компенсируют через агрессивность слабость своей профессиональной подготовки и низкий культурный уровень.

Тезаурус главной работы Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» подобное состояние обозначает как «духовный плебс»: человек толпы, гипертрофированная масса, самодовольство, пользующийся всем как должным образом без заслуг на то. Значительную часть миграционной массы XXI века, проникающей на Запад, составляет «духовный плебс», стремительно усредняющий и снижающий европейскую культурную традицию.

В этой связи представляется, что передовой линией глобального процесса столкновения цивилизаций, указанного С. Хантингтоном, является сегодня миграция.

Безусловно, причины возврата к варварству нельзя свести к миграции, их круг гораздо шире. В работе известного российского ученого, доктора философских наук Н.В. Мотрошиловой «Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов» показан комплексный подход к данной проблеме, которая рассматривается в мировом социальном пространстве, в том числе и в России. В качестве форм рецидивов варварства отмечены: варварство, пиратство, бездомность как сознательный выбор способа проживания, массовое насилие в семьях и другое. Ученый рассуждает о среде варварства, ее детерминантах: ослабло воспитание в обществе, корректирующее дикость людей, присущую им от рождения, ослабляет роль социального качества.

Итак, в ряду аналитиков феномена варварства в его этнических контекстах вместе с Э. Фроммом, Х. Ортеги-и-Гассетом, С. Хантингтоном среди отечественных мыслителей достойное место принадлежит выдающемуся поэту-патриоту, Герою Советского Союза М. Джалилю. Экстраполируя в ретроспекции категориально-знакового аппарата известных западных ученых, представляется возможным сформулировать выводы М. Джалиля, вытекающие из его творчества следующими образом: варварство представляет собой продукт «духовного плебса», который компенсирует свой гипертрофированный низкий культурно-нравственный потенциал в агрессии; варварство соседствует с прогрессом в любой стране и в любой цивилизации.

Примечания

1. Джалиль М. Избранное. Казань: Тат. книж. изд-во, 1968. С. 81.
2. Джалиль М. Избранное. Огненный узник. М.: Современник, 1976. С. 138.
3. Там же. С. 145.
4. Джалиль М. Избранное. В. 3 т. Т.3. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. М., 1981. С. 53–55.
5. Джалиль М. Избранное. В. 3 т. Т.2. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. М., 1981. С. 185.

6. Джалиль М. Избранное. В. 3 т. Т.3. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. М., 1981. С. 128.
7. Бикмухаметов Р. Г. Муса Джалиль: Личность. Творчество. Жизнь. М.: Худож. лит., 1989. С. 231.
8. Джалиль М. Избранное. В. 3 т. Т.3. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. М., 1981. С. 67.
9. Там же. С. 181.
10. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
11. Деревянко Е. В. Неизбежность аристократического духа: учение Хосе Ортеги-и-Гассета // Социс. 1992. № 6. С. 104–113.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–48.
13. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФ РАН, «Канон+», 2010. 480 с.

В.А. Сидорова

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

В 1921 г. пятнадцатилетний Муса написал страстное, полное глубокой убежденности стихотворение, в котором он со всем пылом молодости пророчески заявил:

Пусть кому-то быть из нас убитым,
Никому из нас не быть рабом!

Юноша Муса Джалиль здесь почти дословно повторяет первые строчки «Букваря» для советской начальной школы: «Мы не рабы, рабы не мы!». На этой чеканной формулировке человеческого достоинства воспиталось не одно советское поколение и, конечно, поколение Мусы Джалиля, чья жизнь и творчество пришлось на переломные этапы истории Отечества XX в.

Вехи жизненного пути Джалиля хорошо известны: формирование его мировоззрения совпало с периодом больших социальных потрясений.

После февральской революции 1917 г. Муса оказался на левом крыле движения шакирдов (учащихся медресе) в духовном училище «Хусаиния» г. Оренбурга. Бурное, богатое событиями время способствовало раннему идейному созреванию будущего поэта.

Позднее, будучи уже зрелым мастером слова, Муса Джалиль отобразил перемены для народа после «весны» – октября 1917 г.:

Другим ветрам наступил черед,
И к власти пришёл трудовой народ.

Для всех голодных заря взошла,
Нас, бывших рабов, за собой ведя,
По светлым дорогам воля вождя
В мир счастья и радости привела.

«Мать», 1938 г.

Ощущение счастья, радости в творчестве М.Джалиля тесно связано с борьбой за новую жизнь. Уже в первых стихах, написанных в советский период, М. Джалиль уверенно передает пафос революции, как пробуждения, как праздника.

Встреть же праздник свой великий
Ликованьем, торжеством!
Пусть враги дрожат, завидя
Алые твои знамена!

«Праздник Октября», 1919 г.

В творчестве М. Джалиля с огромной любовью, очень тщательно создан образ советского человека, который впитал в себя один из постулатов большевизма «Жизнь—борьба, в борьбе — счастье» (эти уверенные слова приписывали «железному Феликсу» — наркому ВЧК Ф.Э. Дзержинскому).

Среди ценностей новой жизни в творчестве М. Джалиля, несомненно, на одном из первых мест — свобода. И в ещё незрелых строках, отмеченных революционной героикой, и в уже профессиональных стихах поэта конца 30-х начала 40-х гг. свобода понимается как состояние готовности поэта вместе с народом идти «всё вперед и вперёд».

Со знанием дела, неравнодушно, трепетно Муса Джалиль, сам принадлежавший к поколению «строителей коммунизма», создал яркий портрет «восемнадцатилетних». Поэт контрастными красками даёт описание нищенской жизни молодых до революции в трущобах и подвалах, в голоде, холоде и грязи. Октябрь 1917 г. для советских людей — величайшее событие, потрясение XX века, «навсегда» определившее судьбу страны, судьбу каждого человека.

Притворилась дверь в социализм,
Её не затворить уже веками,
И огневые мысли
Родились
В преображенном, новом
Человеке.
Свет счастья человечеству несет
Колонна эта,
Это поколение.

«Восемнадцать», 1932 г.

Портрет нового человека — это портрет человека труда. Муса Джалиль воспевает героиню трудовых будней. Для поэта завод, фабрика, колхозное поле — это передовая, которую нельзя оставить.

Ударников девиз — победный труд,
Ударники вовек не подведут.

«Ударник», 1930 г.

С первых дней Октября Джалиль чётко и навсегда определил своё место, место поэта свободы, который ведёт народ «светлой тропой».

Я восстал и вперед стал прокладывать путь,
Верю в силу свою, дышит радостно грудь.
Пусть немало преград на пути у меня,
Нет, не жалеюся я, не хочу отдохнуть.
Лишь свобода и правда — мой главный оплот.

«Слово поэта свободы», 1920 г.

В творчестве поэта периода Гражданской войны сильны лозунговые и призывные мотивы, проникнутые уверенностью в победе «дела рабочих и крестьян». Стихи примечательны революционным пафосом, революционной символикой.

Герой стихов Мусы Джалиля мечтает о вселенском пожаре, в котором сгорит всё старое, отжившее. Для такого человека смерть не страшна, наоборот, он идёт ей навстречу с каким-то восторженным самоотречением.

В стихах Джалиля 20-х гг. нашли яркое и образное выражение высокие идеалы первых комсомольцев, чистота чувств, страстное стремление служить своему народу. Молодежь 20-х отличает юношеский максимализм, высокий накал гражданских чувств, романтизм в, казалось бы, самых будничных делах. Поэт, плоть от плоти советских людей, чувствует с ними своё духовное родство.

Вот идут и сеялки, и плуги.
Молодежь моей страны цветет.
Вот идут мои друзья, подруги —
Армия труда, родной народ.

«Ледоход», 1923 г.

Ещё одна особенность поколения 20–30-х гг. — его исторический оптимизм: будущее прекрасно («жизнь прекрасна и удивительна»), и приближать его своим трудом — священная обязанность каждого. Во имя производственных успехов героини стихов и поэм Мусы Джалиля готовы отказаться от личной жизни и бытовых удобств. Так, в поэме «Зейнаб» (1932 г.) Джалиль увязывает в один узел производственную и любовную тему. Главная героиня поэмы Зейнаб отворачивается от любимого,

как только он снижает выработку со ста двадцати до восьмидесяти двух процентов. И вновь дарит ему свою благосклонность, едва он начинает перевыполнять план. Безусловно, подобного рода заданность вызывает у современных читателей лишь усмешку. Но, как было уже отмечено, в творчестве Мусы Джалиля преломилась целая эпоха, когда у людей личное подчинялось коллективному.

Для творчества М. Джалиля характерен боевой, наступательный дух, а его герой – воинственно активен, не признающий компромисс: или – или. Середины нет: «Кто не с нами, тот против нас!».

Нападение фашистской Германии на СССР вызвало мощный подъём патриотизма. Все лучшие качества советских людей – коллективизм, трудовой энтузиазм, горячая вера в справедливость идей социализма – нашли своё воплощение в ратных и трудовых подвигах. Для Мусы Джалиля совершенно естественным явилась ненависть к врагу, презрение к смерти во имя Родины, – все те чувства советского человека, которые культивировались в творчестве самого поэта.

В стихах Мусы нашла отражение эпоха величайших социальных и экономических преобразований, породившая людей особого склада – первопроходцев. Они не щадили себя и сознательно шли на самые суровые лишения.

Поколение Мусы Джалиля не «входит» в коммунистическую веру, не выбирает её. Оно в ней осознаёт себя как единственно возможную форму жизни. Смерть во имя Родины – это шаг в бессмертие миллионов советских людей. Ещё раз вспомним строки:

Пусть кому-то быть из нас убитым,
Никому из нас не быть рабом!

Воспевавший в своих стихах ценности и идеалы патриотизма, товарищества, социальной справедливости, Муса Джалиль стал совестью и гордостью советских людей и нас, живущих в XXI веке.

Т.А. Слухай

ПОЭЗИЯ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Имя Мусы Джалиля широко известно не только в Оренбуржье, но и далеко за пределами нашего края. Поэта вспоминают в дни рождения и гибели, 9 мая, ему посвящают стихи, фильмы и музыкальные произведения. Мусе Джалилю установлены памятники, его именем назван город в Татарии, улицы в разных городах, горы в Антарктиде и Центральной

Азии. Но лучшим памятником поэту, на наш взгляд, является пропаганда его стихов.

Региональный компонент учебного плана филологического факультета предполагает обращение на занятиях в вузе и на уроках в школе к творчеству оренбургских писателей и поэтов. Стихотворения Мусы Джалиля – благодатный материал для достижения этой благородной цели.

Мы знакомимся с поэзией М. Джалиля в переводе с татарского. Еще при жизни поэт видел свои стихи изданными в авторизованном переводе, т.е. одобренном, утвержденном им самим. Но в основном читатели имеют возможность прикоснуться к творчеству Джалиля благодаря талантливым переводам его стихов на русский язык В. Ганиева, И. Френкеля, М. Львова, А. Ахматовой, А. Тарковского, С. Липкина, Я. Козловского, В. Тушновой, П. Антокольского, С. Маршака и многих других. Имена переводчиков говорят сами за себя (5, 6).

В свое время аварский поэт Расул Гамзатов говорил, что ему собственные стихи в переводе Ю. Нейман, Я. Козловского, Я. Хелемского нравятся больше, чем оригинальные варианты.

Хочется доверять переводчикам стихов Мусы Джалиля в силу еще одного обстоятельства. Читаешь одно стихотворение за другим (даже самые грустные, самые трагические), и возникает ощущение напевности, музыкальности, песенности. Но ведь переводили эти стихи разные люди, разные поэты. А это говорит лишь о том, что поэзия самого Джалиля музыкальна. Поэтому стараемся познакомить студентов с этим ощущением, рассказать о поэте-земляке, почитать его стихи, использовать как иллюстративный материал на занятиях по современному русскому языку, по практикуму по русскому языку, по культуре речи, по филологическому и лингвистическому анализу текста, а также на уроках русского языка в школе во время педагогической практики.

1) Какое средство выразительности, а точнее, какая из его разновидностей использована в стихотворении Мусы Джалиля «Счастье» (4, 11. Пер. В. Ганиева)?

Если б саблю я взял,
если б ринулся с ней,
Красный фронт защищая,
сметать богачей,
Если б место нашлось мне
в шеренге друзей,
Если б саблей лихой я рубил палачей,
Если б враг отступил
перед силой моей,

Если б шел я вперед
все смелей и смелей,
Если б грудь обожгло мне
горячим свинцом,
Если пуля засела бы в сердце моем,
Если б смерть, не давая подняться с земли,
Придавила меня кулаком, –
Я бы счастьем считал эту гибель в бою,
Славу смерти героической я в песне пою.
Друг-рабочий,
винтовку возьми – и в поход!
Жизнь отдай, если надо,
за волю свою.

1919 г.

Стихотворение, которому более девяноста лет, служит примером анафоры (единоначатия) – повторение слов или оборотов в начале отрывков, из которых состоит высказывание. По мнению К. Барской (2, 234) «его построение (стихотворения «Счастье») напоминает музыкальный прием, когда одна и та же фраза звучит на последовательно меняющейся высоте, создавая интонацию искренности и взволнованности («Если б саблю я взял...», «Если б саблей ... рубил», «Если б враг отступил...» и т.д., доведя мысль до кульминационной точки –

«Я бы счастьем считал эту гибель в бою...».

Слова К. Барской подтверждают наше восприятие поэзии Мусы Джалиля как музыкальной, напевной.

В тексте можно обнаружить и другие средства речевой выразительности: сравнения, эпитеты, метафоры. Кроме того, стихотворение «Счастье» может служить примером сложной синтаксической единицы – периода. Односоставные предложения, неполное предложение, обращение, обособленные обстоятельства – все эти синтаксические понятия также могут быть проиллюстрированы приведенным текстом.

2) Стихотворение «Письмо из окопа» написано в октябре 1941 г. и посвящено одному из ближайших друзей поэта – Гази Кашшафу, татарскому критику и литературоведу (4; 206–209). Талантливо переведенное В. Державиным, это произведение предстает перед читателем в виде развернутой метафоры.

Именно это и можно предложить студентам или школьникам в качестве домашнего задания – отыскать средства выразительности в данном тексте. Зима фашизма и весна его уничтожения, в узком окопе решается судьба всего человечества, «мрак и свет» – это не только метафоры, но и

антитеза — противопоставление, которое придает мысли силу и выразительность.

3) Стихотворение «Неотвязные мысли» (сентябрь 1942 г., перевод И. Френкеля, кроме образчика патриотизма, являет собой еще и богатый материал для языковой работы (5; 36–37):

– **найти в тексте вводное слово:** Нелепой смертью, видно, я умру..

– **найти в тексте сравнения:** Как нищая старуха я умру...; Мечтал я как мужчина умереть...

– **найти в тексте обращения:** Мои друзья, позорной смерти не желаю я. Нет! Умирать не хочется, друзья!

– **найти ряды однородных членов и определить их синтаксическую функцию:** Меня задавят стужа, холод, вши... ; Осуществления моих надежд, победы нашей не дождался я...; Я прежде и не думал, не гадал...; Такого гнева я в себе не знал, Не знал такой любви, такой тоски...; ...Обидно, горько это сознавать!

– **определить структурный тип сложного предложения:**

а) Нелепой смертью, видно, я умру: меня задавят стужа, холод, вши — *бессоюзное сложное предложение;*

б) Но если бы продлилась жизнь моя, прошла б она полезней, чем была — *сложноподчиненное предложение;*

в) Я жить хочу, чтоб родине отдать
Последний сердца гневного толчок,

Чтоб я, и умирая, мог сказать,

Что умираю за отчизну-мать — *сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными;*

г) Я лишь теперь почувствовал вполне,

Что может сердце так пылать во мне, —

Не мог его я родине отдать,

Обидно, горько это сознавать! — *сложное предложение с несколькими придаточными;*

– **найти предложения-риторические вопросы, риторические восклицания:** Уж так ли много дел я совершил? Уж так ли много я на свете жил?

Нет! Умирать не хочется, друзья! Но смерть от голода?!

4) Тема «Вопросительные предложения», а также «Восклицательные предложения» может быть проиллюстрирована с помощью стихотворения «В стране Алман» (5, с. 181–184; перевод И. Френкеля). Алман — арабское название Германии, использовано автором из конспиративных соображений.

И это страна великого Маркса?!

Это бурного Шиллера дом?!

Это сюда меня под конвоем
Пригнал фашист и назвал рабом?!
И стенам не вздрогнуть
от «Рот Фронта»?
И стягу спартаковцев не зардеть?
Ты ударил меня, германский парень,
И еще раз ударил...
За что? Ответ!

.....
Тому, кто был очарован Гете,
Ответь: таким ли тебя я знал?
Почему прибой симфоний Бетховена
Не сотрясает мраморный зал?

5) Стихотворение «Случается порой» (5, 145; перевод С. Маршака) можно предложить для любого вида языкового анализа, а также для написания сочинения-рассуждения.

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.
Улыбкой гордою опять сияет взгляд.
И суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград,
Писать, писать, писать, не уставая.
Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач
и вырыта могила, —
Я ко всему готов.
Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!

К. Барская считает, что «это стихотворение можно было бы поставить эпиграфом к «Моабитским тетрадам», т.к. в нем сдержанность, спокойствие и простота подлинного мужества — мужества самого Мусы Джалиля...» (3, 259). Соглашаясь с автором этих строк, хотелось бы еще добавить, что стихотворение «Случается порой» можно назвать программным для поэта. Произведение очень короткое, лаконичное, но в нем весь поэт — искренний, правдивый, чистый, честный, смелый.

Литература

1. Альтов В.Г. Сердце поэта. Очерк / Муса Джалиль. Т. 1. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1981. 240 с.

2. Барская К. Комментарий / Муса Джалиль. Т. 2. В пути. Стихотворения (1919–1942). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1981. С. 227–236.

3. Барская К. Комментарий / Муса Джалиль. Т. 3. Моабитские тетради. Стихотворения (1942–1944). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1981. С. 254–259.

4. Муса Джалиль. Т. 2. В пути. Стихотворения (1919–1942). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1981. 240 с.

5. Муса Джалиль. Т. 3. Моабитские тетради. Стихотворения (1942–1944). Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1981. 264 с.

Р.С. Халимулина

ПОДВИГ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Всё дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, всё меньше остаётся очевидцев тех трагических событий. И всё чаще мы замечаем, как стирается историческая память народа, утрачиваются ценностные ориентиры, которые раньше считались основополагающими.

Ценности возникают в истории человечества как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом тяжёлых жизненных испытаний. Они упорядочивают действительность, вносят в её осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни.

В приверженности ценностям обнаруживается одухотворённость человека. Ценность – это, прежде всего, жизненная и практическая ориентация человека. Индивид сам определяет, что для него свято, какие святыни для него дороги, однако многие духовные абсолюты у людей тождественны. Таким образом, ценность – и есть то, без чего человек не мыслит полноценной жизни, то, что свято для конкретного человека, для группы людей или для всего человечества¹.

Сегодня один из самых уязвимых моментов в воспитании подрастающего поколения – отсутствие ясности в ценностных ориентациях. Старая система ценностей разрушена, а новая ещё только складывается.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. К тому же ценностные ориентиры одной ушедшей эпохи могут возрождаться и обретать новое значение в другую эпоху. Люди не просто выбирают ценности, они придают им определённую значимость, то есть выстраивают их в определённой иерархической системе. Появляются ценности, которые исчезают или меняются со сменой эпохи, а есть категория ценностей, которые

продолжают существовать в разных культурах и эпохах, сменяющих друг друга (так называемые абсолютные ценности).

Возникнув однажды, абсолютные ценности продолжают существовать и по сей день. Без них человечество не было бы тем, чем является сегодня. Такие ценности сохраняют в себе статус общечеловеческого — святость жизни, достоинство свободы, величие любви, лучезарность истины, свет красоты, неиссякаемый источник добра². Закрепленные в культурных универсалиях, общечеловеческие ценности и идеалы обеспечивают выживание и совершенствование человечества.

Поэтому сегодня для нас становится особенно актуальной проблема возрождения национальных культурных традиций, духовных ценностей, этических и эстетических идеалов, заложенных в сознании людей, а также возрождение исторической памяти народа.

Говорить о героических событиях прошлого не только нужно, но и жизненно необходимо для нашей страны. Без героического прошлого нет великого будущего. Только так, на примере жизни старшего поколения можно сформировать ценностные установки молодёжи.

Нас призывают воспитывать патриотизм в сознании молодого поколения, но сколько ни убеждай на словах, что нужно любить свою Родину, ничего не изменится. Воспитывать молодёжь нужно на конкретных героических примерах, а в истории нашего государства таких немало. Наши дети должны понимать, что не бывает абстрактных героев. Герои — это наши предки, их удивительные, но в то же время непростые судьбы, наполненные трагизмом.

Подумайте только, как можно не гордиться подвигом нашего земляка, соотечественника, известного татарского поэта и общественного деятеля, удостоенного звания Героя Советского Союза Мусой Мустафиевичем Джалилем? Его жизнь оказалась короткой, но столь яркой, что и сегодня, спустя более полувека его помнят, о нём говорят, его творчество ценят, его подвигом восхищаются.

В чём же феномен подвига Мусы Джалиля? В традиционном понимании подвиг — это определённый целенаправленный героический поступок человека, преобразующий внешний мир. Феномен подвига — один из важнейших мировоззренческих и поведенческих феноменов, обладавший особенной значимостью в советском культурном пространстве.

Основу героической судьбы Джалиля составляют военный, творческий и жизненный подвиги.

Военный подвиг Джалиля сродни подвигу многих наших соотечественников: горячее желание встать на защиту Родины. С первых же дней войны Муса Джалиль добивается отправки на фронт, но сначала ему предстояло пройти подготовку на курсах политруков в Мензелинске.

В 1942 г. начались суровые фронтовые будни. Джалиль все время находился на передовой Волховского фронта, будучи военным корреспондентом газеты «Отвага». В результате ожесточенных боёв 26 июня 1942 г. Джалиль был тяжело ранен и взят в плен.

Позднее Муса Джалиль был брошен в лагерь, затем пошли тюрьмы, фашистские застенки: Моабит, Шпандау, Плетцензее. Находясь в концлагере Шпандау, он организовал группу, которая должна была готовить побег. Одновременно вёл политическую работу среди пленных, выпускал листовки, распространял свои стихи, призывающие к сопротивлению и борьбе. По доносу он был схвачен гестаповцами и заключён в одиночную камеру берлинской тюрьмы Моабит. Ни жестокие пытки, ни обещание свободы и благополучия, ни камера смертников не сломили его воли и преданности Родине. Тогда он был приговорён к смерти. 25 августа 1944 г. казнён на гильотине в тюрьме Плётцензее в Берлине. Он воевал как герой и погиб, не склонив головы.

Долгое время судьба Мусы Джалиля оставалась неизвестной. Только благодаря усилиям людей, сидевших с ним в одной тюрьме, была установлена его трагическая гибель. 2 февраля 1956 г. указом Президиума Верховного Совета СССР за исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А в 1957 г. посмертно присуждена Ленинская премия в области литературы и искусства за цикл стихов «Моабитская тетрадь».

Цикл стихов «Моабитская тетрадь» можно по праву назвать вершиной творческого подвига — это не только творческий документ, но и свидетельство мужества и стойкости человека, попавшего в фашистские застенки. В то же время это и высокая поэзия, которая основана на подлинной внутренней культуре, глубокой национальной основе. Несмотря на то, что моабитские стихи написаны в нечеловеческих условиях, человеком, приговоренным к смерти, поражают своим оптимизмом, практически все они посвящены жизни.

Его произведения отличаются философским настроем, независимо от того, писал ли он о природе, или о состоянии собственной души, или о сложных человеческих взаимоотношениях, или о нечеловеческих условиях узника. Склонность к философскому осмыслению жизни характеризует всё творчество Мусы Джалиля. Он — поэт-мыслитель и с самых ранних стихов задумывался о сущности мира.

Как и сама жизнь Джалиля, его стихи наполнены такими важными для каждого из нас ценностями, как патриотизм, мужество, любовь к Родине, ценность дружбы.

В военном же творчестве Мусы Джалиля предметом философского осмысления становится судьба, смысл человеческой жизни и её ценность.

Жизнь твоя до конца отгремела –
Шел ты в бой и в сраженьи убит.
Но у славы не будет предела,
В песнях имя твое прозвенит!
За народ ты сражался в бою –
Он запомнит отвагу твою!

Цикл моабитских стихов – не просто свидетельство творческого и гражданского подвига, а своего рода реабилитация советских военнопленных, оказавшихся в фашистском плену, но и там не сдавшихся врагу. В этих стихах отражена нестигаемость и твёрдость воли советского солдата, нежелание совершать сделку с совестью.

Произведения Мусы Джалиля – произведения яркой гражданской направленности и образности в формах, близких к народному творчеству и татарскому фольклору, раскрывающие величие души и разума «рядового» человека и философское осмысление его подвига.

Муса Джалиль – великий татарский поэт и великий герой, несущий свет высоких идеалов добра, счастья, свободы, дружбы в наши сердца. Он оставил след нестигаемого бунтаря духа, и его подвиг живёт не только в трагических фактах биографии, но и в первую очередь в поэзии:

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Жизненный подвиг Мусы Джалиля прежде всего состоит в активной гражданской позиции, высоком мужестве, в служении обществу, преданности Родине до последних минут жизни, до последнего вздоха. Будучи приговорённым к смертной казни, живя в ожидании исполнения приговора, Джалиль ни на минуту не отступил от своих принципов и жалел лишь об одном, что погибает не в яростном бою, а в неволе. Духовная и физическая изоляция, одиночество, оторванность от Родины выпали на долю поэта, а ведь была еще и физическая расправа, была казнь...

Мечтал я как мужчина умереть
В разгуле ураганного огня.
Но нет! Как лампа, синим огоньком
Мерцаю, тлею... Миг – и нет меня.
Не страшно знать, что смерть к тебе идет,
Коль умираешь ты за свой народ.
Но смерть от голода?! Друзья мои,

Позорной смерти не желаю я.
Я жить хочу, чтоб родине отдать
Последний сердца движущий толчок,
Чтоб я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

Муса Джалиль был героем не только тогда, когда он, несломленный узник фашистской тюрьмы, влился в движение сопротивления, но прежде всего, когда написал бессмертный цикл стихов «Моабитская тетрадь», о существовании которых общественности стало известно уже после его смерти.

Пусть палачи с кровавыми глазами
Сейчас свои заносят топоры,
Мы знаем: правда все равно за нами,
Враги лютуют только до поры.
Придет, придет день торжества свободы,
Меч правосудья покарает их.
Жестоким будет приговор народа,
В него войдет и мой последний стих.

И всё же самая большая для поэта тема — тема исторической памяти народа, пронизывающая всю его поэзию:

Мы покинем мир... Но наши дети
Сберегут сердец замолкших жар,
Пронесут сквозь даль десятилетий
Стяг побед — отцов и дедов дар.
Так от поколенья к поколенью,
Тянутся единой цепи звенья.

Человеческий подвиг поэта придаёт немеркнущий ореол его личности в глазах современников и потомков, но в веках он будет жить, прежде всего, своим поэтическим подвигом.

Муса Джалиль — великий татарский поэт-бунтарь, поэт-мыслитель, герой, родившийся 105 лет назад и вот уже много десятилетий живёт в памяти своего народа, в памяти своих соотечественников великим подвигом, своими замечательными стихами, обогатившими сокровищницу мировой философской и гражданской лирики.

Смело бейся за правое дело,
В битве жизни своей не жалей.
Быть героем — нет выше удела!
Быть рабом — нет позора черней!

На долю Мусы Джалиля выпало суровое время, но его поэзия вместе с тем полна богатства красок, свободолюбивых идей, жизнеутверждающих мотивов.

Его жизнь подобна звезде — вспыхнула и быстро угасла, оставив после себя яркий след в наших сердцах. Он до последнего дня переживал, что многое в жизни не успел сделать, ещё больше не успел сказать:

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!³

Размышляя над героической судьбой Мусы Джалиля, невольно задаёшься вопросом: так что же такое подвиг и в чём его феномен?

Какой бы социальной или политической значимостью ни обладало то или иное свершение в глазах людей, подвигом его назовут лишь в том случае, если оно будет иметь определенную ценностную и нравственную значимость для окружающих. В то же время значительный ценностный и нравственный эффект может получить деятельность или отдельный поступок, который вовсе не имеет какого-либо значительного социального или политического содержания. Все это предполагает приоритет аксиологического и этического подхода к определению сущности подвига.

Исходя из философии советского периода, подвиг определяется как массовое явление, направленное не на один объект, а на коллектив. Советский народ, живший в крайне сложных условиях, был ориентирован на свершение подвигов.

Согласно мнению Э. Фромма, «в нашей цивилизации не мирная жизнь, а скорее война и страдания мобилизуют готовность человека жертвовать собой; периоды мира, по-видимому, способствуют главным образом развитию эгоизма»⁴.

В реалиях сегодняшнего дня с досадой для себя отмечаем, что сегодня молодому поколению не всегда понятно поведение героев Великой Отечественной войны. Для молодого сознания необъясним феномен подобного подвига верности долгу и патриотизма. Но именно на таких людях, как на столпах, держится общество в кризисные времена. Они своим подвигом оправдывают перед историей весь свой народ. Наш народ будет оставаться на этом свете, пока остаются в ней такие праведники. Невидимые нам, растворенные среди нас, они держат над нами небо, каждый день откладывая полный крах.

Героизм — концентрированный патриотизм, акт служения не себе, но другим во имя добра. Это лучшая часть народа, пассионарии⁵, — своего рода маяки, вобравшие в себя свет духовных идей и ценностей всего народа. На них равняются и стар и млад. Герои нужны стране, чтобы служить моральным и нравственным ориентиром для общества.

Память о Великой Отечественной войне необходимо сохранять, преумножать и передавать поколениям. На фронтах Великой Отечественной войны бились не на жизнь, а на смерть не далекие предки, а наши отцы и деды. И пока жива память о них, живы чувства, эмоции и идеалы, ради которых когда-то они все как один поднялись на борьбу с общим врагом.

Ими двигал патриотизм. По мнению Н. Бердяева, никакая сила принуждения не могла бы заставить человека совершать такие подвиги⁶.

Нам нужны эти герои не просто как исторический символ величайшего и трагического события, в котором нашему народу довелось принять участие, но как символ того огромного потенциала любви к своей Родине, который был в полной мере проявлен в наших дедах и отцах и который, хочется верить, есть в каждом из нас.

Примечания

1. Гуревич П.С. Философская антропология / П.С. Гуревич. М.: «Омега-Л», 2008. С. 310.
2. Там же. С. 316.
3. Джалиль М. Избранное: перевод с татарского / М. Джалиль. М.: «Молодая гвардия», 1990. 461 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм. М.: ООО Изд. АСТ, 2000. С. 128.
5. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. М.: ООО Изд. АСТ, 2001. С. 206.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. М.: Знание, 1993. С. 126.

Л.В. Языкбаева

ПОЭЗИЯ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА

Отчизна! Безутешным сиротой
Я умираю туг, в стране чужой.
Пусть горьких слёз бежит к тебе поток!
Пусть кровь моя зардеет, как цветок!

«Последняя обида». Перевод И. Френкеля

Последнее время проблема воспитания патриотизма в средней школе стоит довольно остро, так как пропаганда как инструмент советской политики уже не актуальна, а на подрастающее поколение обрушился шквал западного ширпотреба в виде поп-музыки, художе-

ственных и мультипликационных фильмов низкого качества. Дети и подростки находят себе героев в этих сомнительных образцах западной культуры. Именно в таких условиях современной российской школе приходится воспитывать людей, любящих свою малую и большую Родину.

В школьной системе воспитания подрастающего поколения большая роль отводится литературе. Для школ с татарским этнокультурным компонентом изучение поэзии поэта-героя Мусы Джалиля является неисчерпаемым источником патриотического настроения. Уже в начальных классах в учебниках по развитию речи имеются стихотворения Джалиля: «Беренче дрес» («Первый урок»), в котором детям прививается любовь к школе. Особенной мощью обладает стихотворение «Кызыл ромашка» («Красная ромашка»), где учащиеся находят историю настоящего героя, который не сдался, прекрасно зная, что враг численно превосходит его. Пав смертью храбрых, герой окрасил своей алой кровью крошечную ромашку, которая превратилась в символ советской армии — армии укротительницы коричневой чумы. Для учеников красная ромашка — не просто растение, а воплощение огромной страны, в которой жили их предки и живут они сами.

В пятом классе изучается стихотворение Мусы Джалиля «Бакчачы» («Садовод»). Несмотря на довольно обыденное название, приведение прославляет труд обычного человека, ведь патриотизм — это качество человека, которое проявляется не только в критической ситуации, но и в быту, рутинной работе.

В восьмом классе учащиеся проходят стихотворение «Имн» («Дуб»). В этом произведении мощный вековой дуб предстает таким исполином, который может приютить всех нуждающихся. Это такой сказочный богатырь, по-отечески защищающий всю страну, весь народ, по-матерински кормящий странников и крестьян.

В старших классах изучаются более серьезные произведения. Написанные в фашистских застенках стихотворения из цикла «Моабитская тетрадь» полны тягостных раздумий о Родине, матери, свободе. Читателя поражает то, что даже будучи в темнице, поэт не покидает вера в победу, оптимизм и радостное отношение к жизни. Однако идейным ядром этого цикла являются, безусловно, стихотворения «Прости, Родина!», «Песни мои», «Варварство», «Другу». Все они пропитаны любовью к своей стране, земле, которая его вырастила, воспитала. Лирический герой в этих поэтических манифестах нисколько не жалеет о том, что он отправился на священную войну, ему не жаль свою жизнь отдать за Отчизну:

В смертный час поддержан нежной силой,
Я не утрашусь — пока дышу,
О любви к Отечеству и милой
Кровью на земле я напишу...

«Прости, Родина!» Перевод Р. Бухараева

Пример татарского национального героя-поэта Мусы Джалиля может быть очень наглядным для учащихся школ. Проникновенность и простота, идейность и философичность его лирики, любовь к Родине и ненависть к врагу, всё это помогает учителям объяснять современным детям и подросткам, что такое жить дышать своим Отечеством, думать о нём.

О.Н. Максимова

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТАТАРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Этнокультурное развитие российских народов, сохранение стабильности и межнационального согласия в стране требуют компетентности и целенаправленной работы органов государственной власти и их взаимодействия с институтами гражданского общества. Актуальность проблемы этнической консолидации и взаимодействия национально-культурных общественных организаций с государством на современном этапе не вызывает сомнения. Общественные национально-культурные организации российских этносов стали важной частью деятельности государственных и общественных структур, предметом научно-аналитической и законодательной работы.

Процессы демократических преобразований в России сопровождаются ростом национального самосознания, стремлением народов к самостоятельному устройству общественной жизни. Современная этнокультурная политика ставит своей главной задачей удовлетворение интересов и потребностей граждан, связанных с их этнокультурными запросами. Одной из важнейших предпосылок решения этой задачи является создание благоприятных условий для сохранения и развития их этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности. Органы исполнительной и законодательной власти Оренбуржья стремятся обеспечить равные права всем этническим общностям, проживающим на территории области, признавая приоритет права каждого человека на полную

свободу выбора традиций, а также индивидуального национального самоопределения.

Реализация национальной политики предполагает конструктивный диалог органов власти с национально-культурными и общественными организациями, религиозными объединениями. Особое место среди них принадлежит татарам, занимающим второе по численности место среди народов России. Татары живут во всех регионах Российской Федерации. Больше всего их в Республике Татарстан – более двух миллионов человек (52% населения республики). Значительная численность татар в Башкирии (990,7 тыс.), Тюменской (242,3 тыс.), Челябинской (205 тыс.), Ульяновской (168,8 тыс.), Свердловской (168,1 тыс.), Оренбургской (166 тыс.) областях и в Москве (166 тыс.)¹. В общей численности населения Оренбургской области татары также занимают второе место (7,6%).

Являясь коренными жителями Российской Федерации, расселенными в большинстве регионов страны, особенно в регионах Поволжья, Урала, Сибири, татары играют важную роль в социально-экономическом развитии и культурном многообразии страны.

Уровень этнокультурного развития каждой этнической общности, проживающей на той или иной территории, определяется прежде всего наличием различных форм самоорганизации, наличием учреждений культуры, интенсивностью культурной жизни, возможностью реализации образовательных, духовных потребностей и интересов этнической группы в условиях определённого региона. На территории Оренбургской области по данным 2010 г. зарегистрировано 122 национально-культурных общественных объединения. Национально-культурные центры, общества, с одной стороны, демонстрируют уровень национального самосознания людей, а с другой, – отражают основные аспекты национальных отношений.

Наиболее активными инициаторами развития национальной культуры своего народа в Оренбургской области являются татарские общественные объединения. По данным управления юстиции Оренбургской области в 1989 г. на территории области зарегистрировано 6 татарских центров, 1 – областной, 5 – районных и городских. На современном этапе отмечается увеличение численности национально-культурных объединений татар как основных форм самоорганизации этнического сообщества. По данным 2010 г. в Оренбургской области действует 11 общественных татарских организаций. Повысился статус данных структур, в 1999 г. Татарский общественный центр преобразован в Оренбургскую региональную татарскую национально-культурную автономию, активно сотрудничающую с Федеральной национально-культурной автономией татар.

Федеральная национально-культурная автономия татар занимается разработкой механизма взаимодействия национально-культурных автономий и татарских общин с органами власти Российской Федерации и ее регионов, ведомствами, учреждениями культуры, учебными заведениями, научными и деловыми кругами.

Первоочередные задачи Совета ФНКАТ заключаются в следующем:

- представление интересов татар России в федеральных и региональных органах власти;
- координация разработки федеральных целевых программ развития татар национально-культурными, научными организациями и другими заинтересованными структурами;
- содействие разработке и реализации региональных программ развития татарских НКА регионов России;
- участие в создании единой федеральной системы татарских учебных заведений, учреждений и центров культуры, книготорговли, СМИ в Российской Федерации, в реализации миграционной политики и решении демографических проблем;
- организационно-методическое, правовое обеспечение деятельности региональных и местных НКА, содействие развитию их информационных структур;
- информационная, правовая, посредническая помощь в развитии коммерческих структур, торговых представительств Татарстана в российских регионах;
- сотрудничество с татарскими общинами в зарубежных странах;
- сотрудничество с национальными организациями народов РФ.

В соответствии с Уставом ФНКАТ и федеральными законами региональные и местные национально-культурные автономии татар РФ ведут организационную и культурно-массовую работу в регионах.

Татарские общественные организации, созданные на территории Оренбургской области, выполняют большую работу по возрождению и развитию национальной культуры, языка татар Оренбуржья. Так, в рамках развития национальной культуры по инициативе национально-культурных общественных объединений татар Оренбуржья в районах и городах области проходят национальные праздники «Сабантуй», фестивали, смотры. Праздник «Сабантуй» включает ряд обрядов, восходящих к языческому культу плодородия (сбор детьми крашенных яиц, коллективное угощение кашей), и состязание в беге, прыжках, конных скачках и борьбе керэш. В XIX в. «Сабантуй» проводился перед началом сева яровых культур. Мишари не праздновали «Сабантуй», но перед началом сева тоже красили яйца. Летом татары праздновали «Джиен». Соседние

сёла устраивали «Джиен» строго по очереди, чтобы иметь возможность гостить друг у друга на праздниках. В настоящее время «Джиен» не празднуется, а «Сабантуй» отмечается летом, после окончания весенних полевых работ².

По инициативе общественных организаций татар в Оренбургской области проводятся дни татарской культуры, посвящённые юбилейным датам. Оренбургская региональная татарская национально-культурная автономия активно сотрудничает с государственным татарским драматическим театром и городской библиотекой им. Ямашева.

Научным изучением народного творчества этнических групп Оренбуржья, вопросов межэтнического сотрудничества в полиэтничном регионе занимается общественный институт истории народов Оренбуржья им. М. Джалиля, созданный в 1998 г. при кафедре истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ, в рамках деятельности которого проводится работа в форме научно-практических конференций, «круглых» столов, этнографических вечеров, культурно-массовых мероприятий, посвященных жизни и творчеству выдающихся деятелей Южно-Уральского региона³.

Активную позицию занимают татарские общественные центры г. Бугуруслана и Асекеевского района. Особое место в деле сохранения исторической памяти народа занимают музеи, имеющие экспозиции, представляющие историю, культуру и быт народов Оренбуржья. В области функционируют пять этнографических музеев, одним из которых является Мухамедьяровский музей культуры и быта татарского народа. Важным фактором сохранения стабильности в обществе, установления межкультурного сотрудничества жителей региона являются СМИ на родных языках. Администрация Оренбургской области является соучредителем ряда национальных газет: «Яна вакыт» (татарская), «Айкап» (казахская), «Оренбургерцайтунг» (немецкая), «Караван-Сарай (башкирская)⁴. Татарская газета «Яна Вакыт» является самой стабильной и многотиражной.

Не менее активную позицию занимают члены общественных организаций татар в создании условий по изучению родного языка. Это помощь в открытии национальных отделений при ОГПУ по подготовке кадров и подбор абитуриентов, открытие национальной школы №38 и набор контингента учащихся, открытие классов по изучению родного языка в школах области.

Правовой основой для укрепления традиционных добрососедских отношений с сопредельными республиками, углубления творческих контактов с учреждениями культуры являются договоры областной библио-

теки имени Н.К. Крупской о культурном сотрудничестве с Татарской национальной библиотекой (г. Казань).

Решение национальных и межнациональных проблем возможно только на основе тесного сотрудничества между государственными органами и национально-культурными объединениями. Органы исполнительной власти Оренбургской области в своих взаимоотношениях с национально-культурными обществами при решении национальных и межнациональных проблем стремятся руководствоваться следующими принципами:

- равноправие всех государственных и национально-общественных организаций во взаимоотношениях друг с другом;
- уважение независимости, самостоятельности, возможности каждой общественной организации, невмешательство в их внутренние дела;
- осуществление взаимодействия на основе строгого соблюдения закона;
- взаимопонимание, согласие, стремление к консенсусу и компромиссу;
- участие национальных общественных организаций на всех этапах деятельности по разработке и реализации решений;
- внимание ко всем предложениям, инициативам и общественным организациям;
- признание права каждой общественной организации на выдвижение проблем, приоритетных для этнокультурного развития определённой этнической группы, на разработку и предоставление проектов программ;
- признание права каждой национальной общественной организации на доступ к информации во всех государственных органах по национальным и межнациональным проблемам;
- приглашение представителей политических и общественных организаций на все совещания и заседания, где обсуждаются национальные и межнациональные проблемы.

Реализация этнокультурной политики на территории Оренбургской области осуществляется в рамках деятельности управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области. Проведение этнокультурной политики в области способствует свободному саморазвитию народов, этнических групп и сообществ области, гармонизации их интересов и сотрудничества, соблюдению прав и свобод граждан в сфере межнациональных отношений, независимо от национальной, расовой, религиозной принадлежности. Управление проводит регулярные совещания по обмену опытом работы, органи-

зует краткосрочную работу социологов, конфликтологов, психологов, исследующих проблемы межнациональных отношений, осуществляет выпуск учебно-методической и информационно-аналитической литературы по национальной проблематике. Совместно с информационно-аналитическим центром управление проводит аналитическую работу, обеспечивает получение информации от городов, районов (местных органов управления), политических партий, общественных организаций и движений, научных учреждений и средств массовой информации по вопросам межнациональных отношений. Управление по связям с общественными, национальными и религиозными организациями в своей работе взаимодействует с заместителями глав администраций городов и районов, курирующих вопросы межнациональных отношений, национально-культурные центры и общества. Опыт регулирования в сфере межэтнических отношений показывает, что в решении повседневных вопросов гармонизации отношений между этническими общностями, своевременном предупреждении конфликтных ситуаций, снижении социальной напряжённости ведущую роль наряду с государством играет местное самоуправление. Местное самоуправление, являясь составной частью власти в регионе, обеспечивает учёт интересов граждан в решении вопросов, непосредственно относящихся к условиям жизнедеятельности многонационального населения Оренбуржья. Органами местного самоуправления вырабатываются инструменты гибкого учёта местной специфики. При управлении также функционируют: научно-методический совет и совет по делам национальностей при губернаторе области. Представители национальных организаций участвуют в работе при Законодательном собрании области, организации «круглых столов», в подготовке проектов программ, совместной деятельности по реализации концепций и программных документов, касающихся национальных и межнациональных проблем.

Татарские общественные организации занимают активную позицию в политической жизни области. Именно по инициативе Татарского общественного центра было внесено предложение о создании Ассамблеи народов области, прототипом которого является действующий при губернаторе Оренбургской области Совет по делам национальностей. Оренбургская региональная татарская национально-культурная автономия входит в состав Общественной палаты при Законодательном собрании области, является учредителем общественно-политического движения «Возрождение Оренбуржья». В рамках Дней культуры Республики Татарстан 2 июня 2009 г. в культурном комплексе «Национальная деревня» состоялось торжественное открытие татарского подворья. Для участия

в проведении праздничных мероприятий в Оренбург с однодневным визитом прибыла делегация Республики Татарстан во главе с председателем Государственного совета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшиным.

Кроме того, национально-культурные объединения, в отличие от других общественных и политических организаций, имеют свои специфические дополнительные направления деятельности, среди которых наиболее значимой выступает информационно-просветительская работа по распространению национальных ценностей, обрядов, обычаев, традиций, произведений национальной культуры. Для Оренбуржья, специфичного своей многонациональностью, характерно стремление населяющих область этнических групп к возрождению, сохранению и развитию самобытных национальных культур, уникальных национальных традиций, обычаев и обрядов. Этнокультурная политика в регионе формируется так, чтобы национальные группы имели возможность восстановить утраченные культурные ценности, свободно определять пути дальнейшего этнокультурного развития, реальные условия для учебы и воспитания детей, для творческих занятий в присущей им культурной среде. Проведение праздников и фестивалей национальных культур способствует сохранению и развитию национальных культур, популяризации самобытных традиций, обычаев и обрядов, музыкального искусства в его традиционных жанрах и формах. Сегодня в области работают 5630 русских и 354 нерусских творческих коллективов, в том числе 173 из них – татарских. В области действуют 174 школы с этнокультурным компонентом, татарский язык изучается в 79 образовательных учреждениях (5130 учащихся).

В основе осуществления связей и сотрудничества органов исполнительной и законодательной властей с национальными общественными организациями лежит принцип общности целей в решении национальных и этнокультурных проблем, направленных на создание благоприятных условий для этнического развития народов и гармонизации межнациональных отношений.

Примечания

1. Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. С. 91.

2. Там же. С. 90.

3. Узбеков И.Г. О работе национальных объединений области с детскими и молодёжными организациями в сфере развития национальных культур, народного творчества // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2003. №3–4. С. 6.

4. Жизнь национальностей Оренбуржья: информационный вестник. Оренбург. 1996. №2. С. 14.

РУССКО-ТАТАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПАРЕМИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С КОНЦЕПТОМ «ПРАЗДНИК»)

Интерес к изучению языковых явлений, отражающих национальную специфику этноса, всё более наблюдается в рамках лингвокультурологии — отрасли языкознания, первостепенной задачей которой является изучение взаимосвязи языка и культуры. Изучение концептов, описывающих типичные элементы культуры любого народа, представляет несомненный научный интерес, поскольку позволяет выявить не только особенности антропоцентризма того или иного языка, но и способствуют обнаружению закономерностей отражения разных аспектов человеческого сознания. С этой позиции исследование концепта «праздник» способствует осмыслению духовной жизни человека.

Праздник — это культурологическая форма оживления и воспроизводства исторической памяти народа. У каждого народа есть свои национальные праздники. Многие из этих праздников родились ещё в древности — несколько столетий или даже тысячу лет назад. Всё вокруг: деревни и города, вещи, одежда, профессии, природа меняется, а народные праздники продолжают и продолжают жить. Ибо праздники — это праздники сердца, души народа. Русское слово *праздник* происходит от древнерусского значения *породень*, то есть порожний. Получается, что праздник — это время пустое, незанятое, то есть свободное от труда и других обычных занятий. Конечно, так оно и есть — не зря же говорят: есть праздники и есть будни, обыденные, обычные дни.

У татарского народа в татарском языке есть два слова со значениями, близкими к понятию праздника. Это такие понятия, как религиозные мусульманские праздники, которые называются словом *гает* (ает). Например, *Ураза гаите* — праздник поста. Известно и такое название, как *Корбан гаите* — праздник жертвы. Как показал анализ, все народные нерелигиозные праздники по-татарски называются *бэйрэм*. Учёные считают, что это слово означает *весенняя красота, весеннее торжество*.

Нами изучались татарские пословицы с концептом *праздник*, которые были извлечены из известных национальных сборников пословиц. Концепт — базовая категория лингвокультурологии, отражающая ментальность и менталитет обобщенного носителя естественного языка. Под понятием концепт нами, вслед за Р.М. Фрумкиной, понимается универ-

сальный феномен, благодаря которому возможно установление национальной картины мира, складывающейся из мировидения представителя определенного национально-культурного общества¹.

Следовательно, любой концепт — это элемент определенной концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире и в качестве такового связан со всем множеством других, действительных или возможных «систем мнений», отражающих взгляды на мир. Лингвокультурологическая система, в основе которой лежит «жизненная философия» русского и татарского народов, отражённая в их языковом сознании, представлена концептосферой. Компоненты концептосферы неразрывно связаны между собой, они взаимопроникаемы и взаимодополняемы.

Лингвокультурологический концепт «праздник» — это определение круга лексем, соотносимых с идеей праздника, и сопоставление их семантики.

Все пословицы и поговорки, имеющие отношение к концепту «праздник», могут быть рассмотрены в следующих аспектах: а) место праздника в жизни человека; б) собственные характеристики праздника; в) следствия праздника в жизни человека; г) типы поведения людей в связи с их отношением к празднику. Наиболее частотные, по нашему наблюдению, являются паремии — характеристики праздника как эмоциональные отношения, установившиеся в обществе, как постоянное необходимое условие существования человека, а также как средство завоевания уважения и авторитета в обществе. Сравнивая русские и татарские пословицы, мы можем обнаружить определенные общие логические формулы, которые объединяют пословицы разных народов. По нашим наблюдениям, основные мысли о празднике, выраженные в русском паремиологическом фонде, могут быть сведены к общим логемам. В исследуемом нами материале эти логемы таковы:

1) праздник как день торжества, установленный в честь или в память какого-нибудь выдающегося события. Это может быть представлено следующим паремиологическим материалом: *Он именин своих не празднует, только у обедни бывает; Добрый именинник до трех дней (или: три дня) и др.;*

2) праздник как выходной, нерабочий день. Это такие пословицы: *Суббота не работа: помой да помажь, да спать ляжь; В воскресенье веселье, а в понедельник похмелье; Празднички — ватажнички, а будни — одиночки и др.;*

3) праздник как день, особо отмечаемый обычаем или церковью. Это следующие пословицы: *Боится масленая горькой редьки да пареной репы; В такой день (праздник годовой) у бога все равны; Для праздника Христова не грех выпить чарочку простого и др.;*

4) праздник как день радости и торжества по поводу чего-нибудь. К ним относятся такие пословицы: *Добрая свадьба неделю празднуется (попойкою); Добрый именинник до трех дней (или: три дня); Метель на свадебный поезд — все богатство выдует и др.*;

5) праздник как день игр, развлечений. Например, *В праздник и у воровья пиво; Праздник любить — пиво варить; Ленивому всегда праздник и др.*;

6) праздник как испытываемое от чего-либо наслаждение, приятное, радостное чувство. Например, *Всякая душа празднику рада; Кто празднику рад, тот до свету пьян; На праздник и у комара сусли (и у воровья пиво).*

В татарском же языке паремий, содержащих концепт «праздник», гораздо меньше и могут быть сведены к следующим логемам:

праздник как народное нерелигиозное действие (байрам). Например, *Красота нужна только на свадьбе, ум — каждый день; Есть конь — есть праздник, нет коня — нет праздника; Каждый месяц праздник не бывает, каждый день свадьбы не бывает и др.*

Как показал анализ, в татарском языке паремии, обозначающие праздник как религиозное, сакральное действие, не обнаружено. Думается, это связано с тем, что для татар религиозный праздник имеет очень важное, сакральное значение. Поэтому народ не применял паремии для обозначения этих праздников.

Таким образом, представление о некоторых видах праздника в русской и татарской паремиологии позволяет сделать вывод, что отношение к празднику определяет человека в социуме. Человек, умеющий радоваться, отдыхать, веселиться, заслуживает уважения и имеет авторитет в обществе. Это также служит косвенным доказательством представления о празднике как о несомненной ценности.

Примечания

1. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3.

В.В. Катермина

ФОЛЬКЛОР КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Этнолингвистика — сравнительно новая дисциплина; ее задачи, предмет и объект, методы, соотношение с другими дисциплинами сформулировал Н.И. Толстой (1; 57). Объектом ее изучения является не только язык, но и другие формы и субстанции, в которых выражает себя

коллективное сознание, народный менталитет, сложившаяся в том или ином этносе «картина мира», то есть вся народная культура, все ее виды, жанры и формы – вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тексты), акциональные (обряды), ментальные (верования). Предметом этнолингвистики является содержательный план культуры, ее семантический (символический) язык, ее категории и механизмы. Ее цель – семантическая реконструкция традиционной (архаической, дохристианской, мифопоэтической в своей основе) картины мира, мировоззрения, системы ценностей.

Главная для этнолингвистики идея – интегральность традиционной духовной культуры, содержательное (семантическое) единство всех ее жанров и форм, что иллюстрируется несколькими конкретными примерами того, как одни и те же смыслы выражаются в языке, фразеологии, верованиях, обрядовых действиях, фольклорных текстах и как одни жанры и формы культуры помогают в семантической реконструкции и истолковании других.

Рождение фольклорного (вербального) сюжета, мотива, образа, сложение целостного текста, равно как и формирование определенной фольклорной системы – с набором жанров, кодов, идей, связей, – остаётся одной из великих загадок культуры. В самом общем плане можно сказать, что мы имеем здесь дело не с бесконечным множеством однократных актов сочинительства, которые не поддаются фиксации лишь в силу их устного характера, но с процессами, по существу не знающими ни начала, ни конца, совершающимися бессознательно, в силу внутренних закономерностей культуры. Одна из этих закономерностей заключается в том, что процессы эти непосредственно включены в различные стороны жизнедеятельности общества, происходят внутри нее, составляют неотделимую ее часть. Вербальность придает творческим процессам специфические формы, определяет способы выражения общих для культуры идей, реализации общих целей, кодирования общих значений. И, конечно же, вербальность многое обуславливает в самом характере, в механизме материализации идей и значений в реальные тексты и составляющие их сюжеты, мотивы, образы.

В совокупности различных сторон жизнедеятельности определяющую роль для фольклорного творчества играют элементы этнографической действительности, в первую очередь те ее составляющие, которые носят характер организованных систем – со своими кодами, своей семантикой, своими структурами и особенностями функционирования. Именно они не просто «отражаются» или «описываются» в фольклоре, но активно воздействуют на складывание и развитие фольклорной системой их собственных кодов, семантики, структур, сюжетного и образного фонда. В меньшей

степени такое воздействие ощущается со стороны тех сфер действительности, в которых преобладает эмпирическое начало, обыденная конкретика, неорганизованный поток обыденных фактов. Это связано с эстетической и функциональной природой фольклора, которому не свойственна установка на воспроизведение жизни в ее «натуральных» проявлениях.

Отношения с действительностью происходят опосредованно, через сферы, где уже накоплен значительный фонд первичных обобщений, знаковых систем и уже действуют свои коды и свои закономерности: традиционные этносоциальные институты, обряды, обычаи, нормы быта, правовые установления, системы родства, семейные традиции, верования и представления. Из этих систем черпается преимущественно основной строительный материал для жанров, отсюда же в фольклор перекачивается масса мотивов, сюжетных ситуаций, образов, дающих затем жизнь все новым и новым темам, сюжетам, коллизиям, персонажам, языку. Фольклорное творчество вбирает богатый мир этнографической действительности, подвергая его перекодировке.

Для большинства жанровых систем архаического и частью классического фольклора именно составляющие этого мира выступают в качестве порождающих: системы эти складываются либо одновременно с другими составляющими этнографической действительности, параллельно им или даже до них, либо путем выделения из различных этнографических субстратов, либо в результате их «вторичного» переосмысления, «перевода» в вербальные формы. Мы имеем здесь дело с процессами универсальными, закономерно происходящими в культуре всех этносов и принимающими специфический характер на разных стадиях и в разных условиях.

Сказки, проходя через столетия, претерпевают различные изменения, постепенно теряют свой первоначальный облик и приобретают более современный облик. Поэтому при изучении сказок надо обязательно учесть, что они отражают своим содержанием и идейной направленностью различные временные промежутки, освещая те или иные духовно-нравственные и общественные аспекты бытия.

Народная сказка всегда активна — ей чужд дух покорности, подчинения злым силам жизни или грозным стихиям. Сказочный герой неизменно вступает в единоборство со злом, ничего не прощая своим врагам. Людоеду или дракону он отрубит все головы, сколько бы их ни было, злого царя казнит, а на его место посадит человека доброго и смелого. Жадного купца сказка накажет: отнимет у него богатство и наградит им того, кто этого богатства заслуживает — человека простого, в деле умелого.

При изучении и сопоставлении татарских сказок со сказками других народов можно прийти к выводам, что они отражают исторические усло-

вия жизни татар, их национальную психологию, быт, но в то же время включают основные сюжетные мотивы, присущие сказкам остальных народов. Это особенно хорошо видно в построении общего состава сказочного эпоса, в котором в обязательном порядке присутствуют сказки о животных, волшебные, приключенческие, бытовые сказки, а также при-мыкающие к ним народные анекдоты (мэээклэр).

Самое важное место в сказочных жанрах, без сомнения, занимают сказки о животных. Возникнув в глубокой древности, во времена охотничьей магии и тотемистических верований, они послужили первоначальным пластом зарождающейся культуры и искусства, основой для возникновения остальных сказок.

Основные персонажи татарских народных сказок — медведь, волк, лиса, заяц, кот, собака, коза. Медведь изображается могучим, однако слишком тяжелым на подъем. Зато он часто взаимодействует с людьми и помогает им. Лиса, как и в других сказках, известна своим остроумием и хитростью. Своей преданной дружбой к хозяину отличаются собака и конь. Коза и кот изображаются хитрыми и находчивыми, благодаря чему часто им сопутствует удача. Следовательно, сказки про животных основываются на реальных натуралистических наблюдениях за жизнью и повадками как диких, так и домашних зверей; они хорошо улавливают и передают их особенности. Вековые наблюдения народа над миром животных устанавливают какие-то общие закономерности совместного развития человека и природы и их влияния друг на друга. Люди же часто ассоциируются с представителями животного царства. В результате всего этого сказки о животных становятся долговечными и полными глубокого философского смысла.

Часто главным героем татарских сказок (как и многих других народов) выступает третий сын какого-нибудь простого человека или единственный сын старика и старухи, живущий на краю села или деревни. Положительные герои отличаются от всех других какой-либо особой силой либо даром должны вести борьбу против сил зла и мирской несправедливости.

Сказка — это родник, в незамутнённой воде которого отражается душа народа. Мысли и чаяния, надежды и мечты — всё лучшее вкладывает народ в свои сказки, свою веру в торжество справедливости, в победу над тьмой, разума над невежеством, свободы над рабством.

Литература

1. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Радуга, 1995. 374 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ШКОЛЬНИКА

Социокультурный контекст формирования индивидуальной картины мира школьника значим особенно в школьном возрасте, когда ребенок еще не владеет способами самопринятия, принятия других людей, ценностного отношения к окружающей действительности. Вслед за И.Д. Демаковой считаем, что в процессе взаимодействия с миром и людьми осуществляется «стыковка» двух главных потребностей ребенка, в которых реализуется основной план его саморазвития. Это проявляется в самоутверждении себя среди окружающих, в желании «вписаться» в мир, найти в нем собственное место. Социализация – это процесс постепенного вхождения ребенка в мир конкретных социальных связей и освоение социокультурных достижений общества. Она обеспечивает становление индивидуума, так как только в общественных контактах, диалоге, в «пробе» себя в социальном, в самоопределении в социокультурном пространстве происходит рефлексия, развивается самосознание.

В заявленном аспекте значимым становится заинтересованное отношение личности к миру, способность освоения исторического опыта. Речь идет о социализации, определяемой как способность той или иной системы к самодвижению, саморазвитию, саморегулированию. Необходимым компонентом познания мира является социальная активность школьника, которая, в широком смысле, рассматривается как способность вступать во взаимодействие с самим собой и окружающей средой.

Одним из внешних противоречий воспитательно-образовательного процесса является противоречие между внешними требованиями и поведением самого учащегося; его реальными данными и требованиями общества к его поведению и деятельности; между позицией воспитанника и его стремлением к самостоятельности. К числу внутренних противоречий относится противоречие между притязаниями школьника и его возможностями. Если потребность школьника удовлетворяется соответствующим предметом или действием и в необходимом размере, то противоречие снимается на ранних стадиях. Однако наблюдаются и негативные тенденции, когда потребность удовлетворяется не сразу и не в полной мере, в этой ситуации возникает противоречие, порождающее напряжение.

Проблема формирования индивидуальной картины мира подрастающего поколения относится к числу актуальных проблем современ-

ности и восходит к интеграции способов освоения мира (когнитивного, эмоционально-чувственного, волевого), отличается цельностью взаимосвязи общества, природы и человека, установкой на поиск новых ориентиров и целей жизнедеятельности. В этой связи формирование индивидуальной картины мира школьника во взаимодействии и под влиянием окружающей среды в самом общем виде можно определить как процесс и результат его социализации, то есть усвоения и воспроизводства культурных ценностей и социальных норм, а также саморазвития и самореализации.

Постоянно обновляющийся, взаимозависимый мир привел к изменению парадигмы образования, его идеала: «от человека образованного» к «человеку культуры» (В.С. Библер). В свете данного утверждения правомерно считать, что расширяющаяся культурная интеграция привела к тому, что всякое образовательное пространство становится полилогом культур, а любой регион – поликультурным. При этом поликультурное образование не может быть ограничено во времени или возрастными рамками, оно должно сопровождать человека всю жизнь.

Современная социокультурная ситуация характеризуется кризисом эстетических идеалов, негативными проявлениями эмоциональной отверженности подрастающего поколения, поэтому формирование индивидуальной картины мира школьника мы рассматриваем как возможность совершенствования способности воспринимать, правильно понимать, ценить и создавать прекрасное в жизни и искусстве, активно участвовать в творчестве, созидании красоты в окружающей действительности.

Для выявления факторов развития индивидуальной картины мира школьника в многонациональном социуме потребовалось изучение уровня практического эстетического знания школьника: теоретических представлений о красоте окружающего мира; эстетической тяги к произведениям искусства, к эстетической гармонии с миром; практических предметных действий и процедур. Обнаружено, что в современных условиях изменились взаимоотношения взрослых и детей, они отделились друг от друга по ряду объективных и субъективных обстоятельств, при этом часть детей школьного возраста не ориентирована взрослыми на приобретение нравственно-эстетических знаний, их осознание и принятие как нормы.

Происходящие изменения в социальной и духовной жизнедеятельности общества требуют от педагога гибкого реагирования на проблемы формирования индивидуальной картины мира школьника как значимого социально-педагогического фактора, поскольку развитие человека во

взаимодействии и под влиянием окружающей среды в самом общем виде можно определить как процесс и результат его социализации, то есть усвоения и воспроизводства культурных ценностей и социальных норм, а также саморазвития и самореализации.

В таких обстоятельствах проявляется социально-педагогическая ценность эстетической деятельности, так как она обеспечивает приобщение школьника к культуре общества в целом; создает условия для индивидуального и дифференцированного развития воспитуемых в соответствии с их личностными ресурсами применительно к реальной структуре общества.

В качестве ведущей идеи эстетической деятельности школьников является идея о необходимости преобразования воспитанника из преимущественно объекта учебно-воспитательного процесса в его субъект, а воспитание понимается как «восхождение к субъектности». Таким образом, основу эстетической деятельности составляет активность личности. Формирование активной личности, особенно в условиях глобальных социально-экономических преобразований российского общества, является задачей актуальной, поскольку акцентирует внимание на подготовку обучающихся не только к социальной адаптации, но и к активному освоению и преобразованию ситуации социальных перемен.

Учитывая особенности новой парадигмы образования, которую в большей мере определяет не количество знаний, а общее развитие, культура методологического мышления, способность человека оперативно включать информацию в контекст своей деятельности, нравственный долг, мы тем самым направили эстетическую деятельность на целостное развитие школьника, реализацию гуманистического человекоцентрированного подхода, рассматривающего развитие человека как субъекта истории и культуры.

Социальные ожидания от эстетической деятельности велики, поскольку значима социально-педагогическая составляющая эстетической деятельности: назначение (обеспечение преемственности поколений); структура (овладение опытом и соответствующее развитие личности); способ осуществления (эстетически окрашенная жизнедеятельность обучающихся); источник (социальные отношения, общение людей).

Ведущей целью эстетической деятельности является формирование индивидуальной картины мира как способности понимать, оценивать, любить искусство, удовлетворять потребности в создании эстетических ценностей.

Таким образом, формирование индивидуальной картины мира в эстетической деятельности школьника рассматривается как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с

окружающим миром. Необходимым компонентом познания мира является социальная активность человека, которая в широком смысле рассматривается как способность вступать во взаимодействие с самим собой и окружающей средой по законам красоты. Научно обоснованные взгляды на процесс формирования индивидуальной картины мира школьника содержатся в работах Д.И. Фельдштейна. Подчеркивается, что социализация выступает как присвоение ребенком норм человеческого общения, а индивидуализация как постоянное открытие, утверждение (понимание, отделение) и формирование себя как субъекта. Важен акцент исследователя на том, что социализация по своей сути – это движение, раскрытие творческой природы личности, а не ряд локальных действий присвоения.

Эстетическая деятельность как социализирующий фактор формирования индивидуальной картины мира школьника предполагает достижение следующих целей: успешности социализации для самообразования школьника (накопления знаний об эстетических основах жизнедеятельности); самопознания (развития и углубления эстетически направленных интересов); самореализации (приобретения опыта эстетической деятельности). Формирование индивидуальной картины мира школьника в эстетической деятельности означает установление отношений с социумом на основе очищения эстетической атмосферы, в которой живет ребенок, пробуждения у него активности в отборе подлинно художественных средств, сообщения ему знаний и законов красоты. При этом эстетическая деятельность, с одной стороны, – педагогически организуемый процесс, а с другой, – лично регулируемый, направленный на развитие потенциальных возможностей школьника, формирование его социальной активности.

Таким образом, формирование индивидуальной картины мира школьника в условиях эстетической деятельности – задача не узкопедагогическая, а имеющая широкий социально-педагогический диапазон. Активность ребенка является важнейшей предпосылкой и результатом его развития. Если учение, занятия по интересам во внеурочное время, личное время школьников, вся его жизнь проникнуты эстетической направленностью, то у школьника появляется желание вносить элементы прекрасного в свою жизнь не эпизодически, а постоянно, приобретая черты образа жизни. Это, в свою очередь, предполагает постоянное совершенствование эстетического потенциала личности школьника, его эстетического развития на основе творчества и преобразующего взаимодействия со сверстниками, педагогами, родителями и окружающей действительностью.

Поскольку социализация – это процесс вхождения в социальную среду, содержание эстетической деятельности в целях формирования индивидуальной картины мира младших школьников определяется дополнительными воспитательно-образовательными программами, которые не только расширяют образовательное пространство ребенка, но и организуют активную социальную деятельность на основе деятельностного воспитания (воспитания делом).

Направленность на формирование индивидуальной картины мира школьника предполагает:

- создание широкого общекультурного, эмоционально значимого фона для освоения окружающего мира по законам красоты; выравнивание стартовых возможностей личности (учет индивидуальных способностей школьника);

- предметную ориентированность ребенка на базовые ценности в различных видах деятельности (ценностно-ориентационной, познавательной, коммуникативной, эстетической, физической);

- содействие определению жизненных планов, выбору индивидуального образовательного пути ребенка, его самореализации.

Условно можно выделить три группы задач для развития школьника: естественно-культурные; социально-культурные; социально-психологические.

Таким образом, в нелинейном процессе развития личности школьника обнаружены факторы, влияющие на характер этого процесса, стимулирующие как ученика, так и педагога к развитию своей позиции в эстетической деятельности. Так, в школе, на уроках приобретаются эстетические умения (выразительно читать, свободно и образно пользоваться словом, мелодично петь и т.п.), во внеурочное время в деятельности по интересам дается разумный выход познавательной, трудовой, эстетической активности школьника.

Чтобы адаптироваться к современным условиям, школьнику необходимо овладеть способностями, позволяющими приобщиться к миру прекрасного, полнее почувствовать, познать прекрасное в окружающей жизни. Эстетическая деятельность базируется на использовании различных видов искусства, при этом школьнику как творцу прекрасного, созидателю эстетических ценностей предоставляется возможность воспринимать искусство не как отвлеченное стремление к прекрасному, а как совокупное действие всех сил и способностей живого человека.

Основная идея, положенная в основание социально направленной эстетической деятельности: переход от пассивной позиции ученика к новым реалиям, требующим активной позиции, саморазвивающейся твор-

ческой личности; создание культурной образовательно-воспитательной среды в эстетической деятельности как возможности осуществления принципа многообразия обучения «внутри» и организации вместе с тем локальной культурной образовательной среды.

Оставаясь значимым социально-педагогическим фактором, формирование индивидуальной картины мира школьника во взаимодействии и под влиянием окружающей среды воспитывает способность противостоять негативным явлениям окружающей действительности. При этом характер, содержание, формы и способы приобретения социального опыта школьниками в эстетической деятельности зависят не только от возраста и пола воспитуемых, а также в определенной мере от их этноконфессиональной и социально-культурной принадлежности.

Примечания

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Боротько Н.М. Воспитание человека: гуманитарно-целостный подход. В сб.: Актуальные проблемы современного воспитания: целостный подход. Волгоград: Перемена, 2005. Ч.1. С. 36–41.
3. Боротько Н.М. Педагог в пространствах современного воспитания: монография / науч. ред. Н.К. Сергеев. Волгоград: Перемена, 2001. 214 с.
4. Демакова И.Д. Педагог в пространстве детства: поиски новых подходов // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Культура ненасилия – будущее человечества». М., 1999. 36 с.
5. Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии, 1984. №3. С. 6–30.
6. Мудрик А.В. Социальная педагогика / А.В. Мудрик. М.: Академия, 2000. 200 с.
7. Петрунина М.А. Воспитание школьников в условиях эстетической деятельности // Философия отечественного образования: История и современность: сб. материалов II Всероссийской науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА, 2006. С. 144–145.
8. Петрунина М.А. Теория и практика формирования социальной активности школьника в эстетической деятельности / М.А. Петрунина. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 160 с.
9. Русакова Т.Г. Становление духовного опыта ребенка в художественно-коммуникативной среде: монография / Т.Г. Русакова. М.: Сфера, 2005. 210 с.
10. Сальцева С.В. Теория и практика профессионального самоопределения школьников в учреждениях дополнительного образования: монография / С.В. Сальцева. Оренбург: Издательство ОГПИ, 1996. 151 с.
11. Фельдштейн Д.И. Психология развивающейся личности / Д.И. Фельдштейн. М.: Воронеж, 1996. 512 с.

ЗА ТУКАЕМ – ОТ ВЕКА ДВАДЦАТОГО К ВЕКУ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ

Тукай является как бы удостоверением
величия таланта своего великого народа...

Расул Гамзатов

Великих народных поэтов выдвигают эпохи больших социальных и национальных подъемов, время революционных сдвигов. «К сожалению, великие рождаются не так часто, как бы хотелось народам. Зато они рождаются удивительно вовремя и навсегда. Так и Габдулла Тукай...» (М. Луконин). Тукай вышел на литературную арену в тот период, когда в России все сильнее разгоралось пламя первой русской революции. Время демократического подъема в татарском обществе, вызванного революцией 1905–1907 гг., открыло путь поэтическому таланту Тукая, сделало его поэтом больших тем и острых социальных эмоций.

Творчество Тукая – это высокий образец той идейно-художественной высоты, которую достигла татарская классическая литература. Объясняется это тем, что многогранная поэзия Тукая – это вечно живущее и вечно движущееся явление, которое в каждой стадии развития общества открывается какой-то новой гранью.

Биография Тукая – одна из самых драматичных в истории мировой литературы. За двадцать семь лет жизни – от весны 1886 года до весны 1913 года – успел спеть свою песню так, что она уже никогда не смолкала.

Детство, прошедшее среди чужих людей, без материнской любви, без ласки близких, оставило в душе будущего поэта незаживающую рану. Течение времени не изгладило горьких воспоминаний о трудной сиротской доле. Так рождаются годы спустя потрясающие поэтические строки:

Мать моя лежит в могиле. О страдалица моя,
Миру чуждому зачем ты человека родила?
С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
Сына твоего от двери каждой яростно гнала.

«Разбитая надежда», 1910 г. Перевод А. Ахматовой

Габдулла берет к себе на воспитание крестьянин Сагди из деревни Кырлай. В Кырлае он начал учиться – вначале у абыстай, жены муллы, а затем в медресе – школе, дававшей религиозные знания. «Уроки я усваивал быстро, и чтобы не сидел без дела, стали поручать мне отстающих детей», – вспоминал Тукай.

В Кырлае Габдулла приобщается к сокровищницам устного народного творчества. Знакомство с волшебным миром народных песен и сказок развивает воображение, фантазию будущего поэта, пробуждает любовь к живому народному языку. Первые шаги в творчестве он начал с сочинения песен, пословиц, баитов. Кырлай сыграл исключительно большую роль в жизни Тукая, в становлении его как поэта. «Именно в Кырлае у меня раскрылись глаза на мир», — писал впоследствии поэт. Одно из лучших своих произведений — поэму «Шурале» — он посвятил Кырлаю.

Бесспорно, он был очень способным ребенком, в нем был заложен большой талант. Однако для того, чтоб этот талант раскрылся, расправил крылья, нужны были соответствующее литературное окружение и общественно-политические условия.

Не случайно судьба забросила 9-летнего мальчика Габдулла Тукая в г. Уральск. И совершенно не случайно там жили Мутыгулла хазрат Тухватуллин, с отличием закончивший Кашгарское медресе в Татарстане и еще 10 лет добросовестно, глубоко познававший в Каире ислам, исламскую цивилизацию, поэзию Востока, и его сын Камиль, два года слушавший лекции в Каирском и Александрийском университетах.

Высокообразованные, с богатой личной библиотекой, люди передовых взглядов, они организовали издание газеты «Фикер» («Мысль») и двух журналов на татарском языке, фактическим редактором и основным автором которых постепенно стал Тукай. Они были незаменимыми наставниками Тукая и сыграли определяющую роль в его судьбе, помогли сформироваться его могучему таланту.

В Уральске было три медресе: «Ракибия», «Гайния» и «Мутыйгия». Хотя все они были старометодными, последнее, которым заведовал Мутыйгулла-хазрет Тухватуллин и которое начал посещать Габдулла, отличалось в лучшую сторону. Габдулла начал учиться с присущей ему страстностью и стал лучшим учеником. При медресе существовал так называемый «русский класс», а по сути — школа, содержавшаяся за счет казны. Дети обучались там в течение трех лет. На втором году обучения Габдулла становится первым учеником и в «русском классе». Овладев русским языком, он начал самостоятельно изучать русскую классику.

Любовь к великой русской литературе и свою творческую и духовную связь с нею Тукай ярко выразил в одном из своих первых стихотворений — оде «Пушкину» (1906):

Я мудрость книг твоих постиг, познал источник сил я,
Вступил в щедрый твой цветник, твоих плодов вкусил я,
Бродил я по садам твоим, стоял перед каждым деревом,
Внимал я соловьям твоим, бессмертным их напевам...

Познакомившись с тщательным анализом номеров газеты «Фикер» («Мысль»), проведенным академиком Р.И. Нафиговым, убеждаешься, что это детище Тукая стало ценной хроникой политической и культурной жизни не только Уральска, но и Оренбурга, Казани и других городов России, а автор сердцем откликнулся на все злободневные события времени. Жизнь в Уральске в начале XX века была ключом: прогрессивно настроенная часть новой интеллигенции стремилась к созданию атмосферы взаимопонимания между народами, отвергая национальные конфликты. В этой атмосфере формировался Тукай. Он стремился привлечь к участию в культурных событиях города молодежь – к слушанию лекций в народном университете, к посещению музыкально-литературных вечеров, русско-мусульманских концертов. Он выступал со страстной пропагандой знаний для своего народа.

Только знания правят миром,
Им не правят дети тьмы.
Прочь, невежество и спячка!
Пробуждаемся и мы.

«В саду знаний»

Из Уральска окрыленная его поэзия полетела к новым высотам – в Казань и далее.

Осенью 1907 г. Тукай приехал в Казань. Здесь он заводит знакомство среди литературной молодежи, передовой интеллигенции. Издатель газеты «Урал» Х. Ямашев, писатели Г. Кулахметов, Ф. Амирхан, Г. Камал становятся самыми близкими его друзьями. Его произведения публикуются в газете «Эль-Ислах» («Реформа»).

Вместе с драматургом Г. Камалом с августа 1908 г. он начинает выпускать сатирический журнал «Яшен» («Молния»). «Яшен» стал сильным оружием в руках передовых сил татарского общества, рупором прогрессивной мысли.

В июне 1909 г. из-за материальных и цензурных трудностей журнал закрывается. По инициативе Тукая и при поддержке прогрессивно настроенной молодежи в марте 1910 г. начинает издаваться другой сатирический журнал – «Ялт-Йолт».

На страницах этих журналов окрепло и отточилось сатирическое дарование Тукая. Сатира Тукая весьма многогранна как по содержанию, так и по формам художественного отображения. И в прозе, и в стихах поэт использовал богатый арсенал сатирических форм и жанров.

Тукай явился основоположником татарской детской литературы. Наряду с переводами многочисленных произведений русских поэтов, он

создал большое количество оригинальных детских стихотворений, поэм и сказок. Основная тематика их – призыв к знаниям, к учению, прославление труда, воспитание любви к Отечеству, к родной земле и родному языку.

Родной язык – святой язык, отца и матери язык!
Как ты прекрасен! Целый мир в твоём богатстве я постиг!

Пер. С. Липкина

Тукай был и талантливым педагогом, сыграл большую роль в развитии национального образования. Он всесторонне изучил учебные книги Ушинского «Родное слово» и «Детский мир», перевел их на татарский язык. Много сделал в области создания учебных книг и пособий нового типа. Составленные им учебные книги, книги для домашнего чтения положили начало изучению татарской литературы в школе. Обращение к детской литературе показывает, что Тукай жил не только настоящим, он жил будущим, пристально вглядывался в грядущее. Ведь дети – будущее нации, будущее народа. Им свершить то, что не удалось поколению Тукая.

На протяжении всего творческого пути Тукай защищал и пропагандировал идею дружбы народов. Идея единства политических и моральных идеалов татарского и русского народов, идея неотделимости их судеб, с большой силой и проникновенностью прозвучала в стихотворении «Надежды народа в связи с великим юбилеем» (1913):

С народом России мы песни певали,
Есть общее в нашем быту и морали...
Вовеки нельзя нашу дружбу разбить,
Нанизаны мы на единую нить.

В первые месяцы пребывания Тукая в Казани пришло приглашение из Оренбурга работать в газете «Вакт» («Время»). После недолгого раздумья поэт отказался: его не устраивало политическое направление газеты. К сожалению Тукай не посетил Оренбург, но его произведения печатались на страницах оренбургских газет («Степь», «Вакт») и журналов («Шура»).

Смерть молодого поэта, погибшего в расцвете своего таланта, потрясла всех.

4 апреля 1913 года почти все татарские газеты посвятили Тукаю специальные номера, целую неделю продолжалась публикация телеграмм соболезнования из самых разных уголков России. Как писал спустя десять лет филолог Д. Валиди, за десять лет существования газеты «Вакт» «ни один вопрос, ни одно событие не вызывало столько писем и статей, сколько вызвала смерть Тукая».

Творчество Тукая принадлежит мировой литературе. Его творчество исследователями оценивается как некий итог тысячелетнего развития не только татарской, но и вообще тюркской поэзии. Исключительная широта творчества Габдуллы Тукая базировалась на прочном фундаменте: он хорошо знал татарское устное народное творчество, произведения своих литературных предшественников и современников. Он был знаком с шедеврами арабской, персидской, турецкой литератур, а также с русской поэзией.

Габдулла Тукай стал для своего народа «началом всех начал». С этого «самого великого татарина во всей татарской истории», по словам Мустафа Карима, начался новый отсчет времени для литературы и искусства Татарстана. Но в его рождении, жизни и смерти есть какая-то загадка, «великая тайна поэта, необъяснимость таланта» (Ч. Айтматов). И тайна эта заключена в предназначении, которое уготовила ему судьба, отведя всего 27 лет на жизнь и творчество. Но он сделал за этот короткий срок так много, что другим хватило бы на многие десятки лет. Это обычное содержание жизни великих гениев культуры, завершивших свой жизненный путь в 27–37 лет (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ч. Валиханов, К. Хетагуров и др.).

Жизнь Тукая, который начал свой путь почти в одно время с великими поэтами XX столетия — А.Блоком, В.Маяковским, С.Есениным, П. Элюаром, Г. Лоркой и др., оборвалась слишком рано.

Я дал народу обещаний много
Исполню ль их — известно только Богу,

Напрасно беспокоился поэт. Мы, потомки, знаем, что он выполнил все свои обещания с лихвой и стал для народа, как и мечтал, звездой, которой будет спасен не один «заблудший». Тукай стал самым любимым, самым почитаемым поэтом татарского народа. Его изучают в школах и вузах, его стихи, песни звучат по всему миру. Его произведения вдохновляют деятелей искусства на создание произведений разных жанров. Его юбилеи торжественно отмечаются повсюду. А по решению ЮНЕСКО 125-летие Тукая празднуют во всем мире. Потому что и потомкам будут близки мысли и чувства поэта о непреходящей ценности знания, книги, красоты природы, высоких человеческих чувств. Обращение к миру Тукая сегодня — это не только прикосновение к прекрасному, но и очищение души, что так важно в наши полные бездуховности дни. А для читателей XXI века он так и останется звездой, устремленной «в высоту, в безмерность, в бесконечность, к бессмертной, вечной красоте, в сияющую вечность!». И звезда эта никогда не погаснет!

Все больше и больше времени отделяет нас от апреля 1913 года. Но удивительное дело: с каждым годом фигура Тукая все укрупняется в наших глазах, его черты становятся все яснее и отчетливее, будто мы к нему приближаемся.

Сегодня актуальны слова великого Абая: «Если человек знает язык другого народа, то он может себя считать равным с этим народом, и если он желает дружбы своего народа с другими, то уже одно говорит о нем, как о сознательном и честном человеке». Эти слова созвучны и стремлениям Габдуллы Тукая. Наше будущее основано на дружбе и взаимодействии многих народов, проживающих в нашей области и в России.

Примечания

1. Лаисов Н. Габдулла Тукай. Казань: Тат. кн.изд., 1985. С. 3–40.
2. Нуруллин И. Напевы мятежного саза. М.: Дет. лит., 1986. С. 7–116.
3. Творчество Тукая в контексте евразийской культуры: материалы конференции. Казань: Фикер, 2002. С. 5–54.

Ю.В. Егорова

ПРАЗДНОВАНИЕ САБАНТУЯ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

Традиционная праздничная культура оренбургских татар включала в себя как религиозные, так и светские праздники.

Двумя главными годовыми праздниками, как и во всем мусульманском мире, были: Ураза-байрам — праздник поста и Курбан-байрам — праздник жертвоприношения. Ураза-байрам начинается в первый день следующего за рамаданом 10-го месяца шаввала и длится, как правило, 3–4 дня. Это праздник разговения, посвященный окончанию 30-дневному мусульманскому посту. Курбан-байрам проходит в память о жертвоприношении Ибрагима, которого Аллах испытал в вере и послал ему взамен сына овцу на заклание. Он начинается в 10-й день месяца зу-л-хиджа, когда завершается паломничество в Мекку, и также продолжается 3–4 дня.

В день начала обоих праздников все мужское население собиралось на коллективную утреннюю молитву. Как правило, в мечеть шли группами и громко нараспев произносили такбир — формулу возвеличивания Аллаха. После богослужения отправлялись на кладбище, где каждый совершал намаз возле могил своих близких. Тем временем женщины дома готовили праздничное угощение. С поздравлениями обходили родственников, соседей. Обязательным было посещение родительского дома.

В дни Курбан-байрама каждый мусульманин, обладающий достатком, во искупление грехов должен был принести в жертву барана или от нескольких человек — корову. Животное укладывалось в направлении Мекки, трижды произносилось такбир и покаянная молитва, после чего оно забивалось. Туша делилась на три части: одну оставляли для своей семьи, другую использовали для угощения друзей и близких, а третью раздавали бедным¹.

Несколько семей, родственников и соседей в самых красивых живописных уголках природы, на берегах рек располагались кругом. Национальным напитком татар и башкир издревле являлся кумыс, но уже к середине XIX в. стали употреблять и спиртные напитки. Шутки, остроты, подтрунивания друг над другом, исполнение песен не умолкали до самого вечера. Молодые мужчины устраивали джигитовку — это своего рода самовыражение, женщины пускались в пляс. Назывался этот вид отдыха «шиллык», «шиллыкка чыгу». Естественным неперемнным элементом национальной культуры у оренбургских татар и башкир был и остается праздник Сабантуй — праздник плуга, праздник весны².

В годовом календаре татар, проживающих в Поволжье, Оренбуржье и других регионах России, Сабантуй — один из самых популярных народных праздников. В нем сохранены лучшие древнейшие воспитательные традиции волжских булгар и праславян. Тысячи лет до Великого переселения народов они четырежды в год проводили языческие игрища, посвященные весеннему и осеннему солнцестояниям, самым длинным дням летом и ночам зимой. Затем (как и древние греки свои самые первые Олимпийские игры) волжские булгары выделяют постепенно в эпоху «мотыжного земледелия» весенние игрища в праздник, который стали проводить не столько в честь солнца, сколько посвящать его своему нелегкому труду по выращиванию нового урожая. Обычно язычники-булгары Сабантуй праздновали в конце апреля, а их потомки — казанские татары — в третьей декаде июня³. Сабантую предшествовал сбор детьми крашенных яиц. В отваре луковой шелухи получали цвета от золотисто-желтого до темно-коричневого, в отваре березовых листьев — различные оттенки зеленого. Кроме того, хозяйки заранее пекли сладкое печенье — баурсак, крендели, покупали конфеты. Рано утром, чуть свет, мальчики и девочки от 3–4 до 9–10 лет начинали обход деревни. Заходя в дом, ребенок произносил пожелание благополучия в наступившем году: «Пусть легкой будет моя нога. Пусть будет много кур и цыплят». Получив угощение и поблагодарив хозяев, малыш спешил в другой дом. Сам сбор продолжался 2–3 часа, после чего дети высыпали на улицу и начинали игры с собранными яйцами⁴. С древнейших вре-

мен у Сабантуя особенный гуманный принцип: он доступен всем и организуется так, чтобы не обидеть, не оскорбить, не унижить ни ребенка после пяти лет, участвующего в состязаниях, ни марийца, ни русского, ни чуваша. Словом, Сабантуй и при ханах, и при царях, и при императорах был и остается праздником межнационального общения. По неписанным законам и обычаям, которые сохранены народом по настоящее время, в Сабантуе поразительное и у зрителей, и у участников различных состязаний единство в прославлении труда. Редко какой будущий жених, выступая на состязаниях, не лелеял надежду понравиться девушке. И еще одна характерная черта в том, что никто из пришедших на Сабантуй не должен уйти расстроенным, с обидой. Например, обязательно награждали бегуна, повредившего ногу, и даже к шее коня, который был на скачках последним, как правило, молодые девушки призывали приз⁵.

В степных районах на каждом Сабантуе обязательны скачки на лошадях по конкретным возрастным группам. На различных дистанциях (до 15 км) может быть одновременно 15 и более стартующих всадников. У взрослых всадников самым почетным призом являлся породистый жеребенок. В то же время на майдане проводились и другие соревнования, например, бег. Начинают соревноваться в беге без всяких ограничений дети старше 5 лет до 600 м. Хотя длина беговой дистанции могла составлять от 1 до 3 км. Самый же главный вид состязаний – национальная борьба «куряш» с кушаками. Строго запрещалось выпускать из рук кушак, один конец которого был намотан на кулак, и, обхватив за талию партнера – «противника», каждый стремился вытолкнуть за пределы борцовского круга или бросить на обе лопатки на землю. Сильнейший получал приз – звание батыр (богатырь), а также как и победитель скачек, получал одно из лучших узорных полотенец⁶.

Этот вид отдыха как неоценимый вид самобытной национальной культуры проводился до 40-х гг. XX столетия в крупнейших татарских и башкирских селениях: Каргале, Ново-Мусине, Асекееве, Матвеевке, Бугуруслане, Саракташе, Чебенъках, Редуте, Имангулове. С начала войны до 60-х гг. наблюдался какой-то спад. Возобновились эти торжества с 60-х гг. и с таким размахом, охватывая все больше и больше сел. В современный период этот элемент культуры не только сохранился, но и вобрал в себя самые лучшие стороны башкир и татар. Особо следует отметить то, что в конце XX в. Сабантуй и спортивные праздники получили не только государственное, но и международное признание: борьба на поясах (куряш) – в рамках олимпийского движения, а сам Сабантуй как традиционный народный праздник – в каталогах «ЮНЕСКО»⁷.

Примечания

1. Денисов Д.Н. Татары // Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки / В.В. Амелин. Оренбург: ОАО ИПК «Южный Урал», 2007. С. 69.
2. Искандаров Р.Ш. Оренбургские татары: историко-энциклопедический очерк. Казань: Татар.кн.изд-во, 2009. С. 21.
3. Татары в Оренбургском крае: научно-практическая конференция: тезисы докладов. Оренбург: Изд-во ДиМур, 1996. С. 121.
4. Денисов Д.Н. Указ. соч. С. 70.
5. Денисов Д.Н. Указ. соч. С. 71.
6. Татары в Оренбургском крае. С. 122–123.
7. Искандаров Р.Ш. Указ. соч. С. 22–23.

Т.Б. Кильметова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – ЦЕНТР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Бум развития техники, уникальных технологий и экономических систем и техногенная цивилизация запада вызвали тенденцию потребительства. Появилась тенденция дегуманизация общества. За материальный прогресс человечество расплачивается падением духовности и нравственности. Определенная часть молодежи стесняется говорить на родном языке, принадлежать своему народу, все больше предпочитает западную культуру и образ жизни.

Потери исторической памяти, забвение культурных традиций, многолетнее отчуждение народов от своих этнодуховных корней привели к деформации личности.

«... род людской может погибнуть ни от землетрясений, ни от потопа, ни от космических катаклизмов, даже не от атомной войны, погибнет он от водки, от наркотиков, от выхлопных газов, от духовного разложения людей, если не опомнится сегодня», – отмечал М.Карим, народный поэт Башкортостана.

Стабильное развитие общества даст лишь сочетание достижений научно-технического прогресса и испытанных веками этнокультурных традиций. Возврат к духовности – жизненная необходимость. Выбор должен соответствовать этнопсихологическому и этнокультурному менталитету каждого народа. «Отчий дом. Край родимый. Его культура, прошлое, настоящее – вот что делает молодого человека нравственно чище, духовно богаче», – писал академик А.Д. Сахаров.

Р. Нигматуллин, академик РАН, президент АН Республики Башкортостан, утверждает: «Национальность – ни гордость. Национальность – это долг сохранить в себе и передать своим детям язык и культуру своих дедов и прадедов».

Россия – страна с пограничными культурами, совмещающая элементы запада и востока. В этом отношении Оренбургская область располагает уникальными историко-лингвистическими источниками, способствующими развитию языковой личности, нравственной и интеллектуальной культуры людей. В Оренбуржье происходит синтез разнообразных культур и двух потоков мировой истории: азиатского и европейского.

Надо учиться уважать национальность своих товарищей, их предков, их культуру, традиции и языки.

Важно, чтобы учитель знал и уважал культуру не только того народа, к которому он себя причисляет, но и историю и культуру народов, с которыми его народ веками проживает вместе. Без осмысления истории культуры другого народа невозможен диалог. Ф.Искандер прав, утверждая, что культура каждого народа – «жемчужина на ковре цивилизации».

В нашей школе введен факультативный курс «Календарно-обрядовая поэзия русского и татарского народа». Составителем программы этого курса является кандидат педагогических наук, доцент кафедры классической литературы А.Г. Абдулхаликова.

Основная задача курса – дать представление об обрядах двух народов, направить интерес сегодняшнего школьника к истокам родного языка и культуры, к осмыслению духовной жизни своего народа и других народов, воспитать у учащихся умение видеть общее и различное в культуре двух народов, найти им объяснения, выявить закономерности, восстановить в самых общих чертах картину познания мира народами.

В этом курсе изучается духовная и материальная культура двух народов: их обряды, традиции, праздники, игры, пословицы, поговорки, загадки, легенды, песни и многое другое, что является корнями национальной культуры.

Центром формирования духовной культуры является и наш этнографический музей «Татарский дом».

Восточная мудрость гласит: «Кто не знает историю прошлого, тот не поймет сегодняшнего и не будет иметь представление о будущем». Это действительно так.

Люди всегда интересовались историей. Тяга к познанию своего прошлого особо возросла в наше время. Чтобы не допустить серьезных ошибок в воспитании нового поколения, мы обязаны знать подлинную

историю своего народа и сделать на этой основе вывод, стимулирующий полнокровную жизнь человека.

Духовную культуру татар формировали кочевой и оседлый уклады жизни предков, степная, а потом и лесная, богатая реками и озерами природа: музыка родников, песни соловья и жаворонка, волны колосьев хлебных полей, запахи луговых цветов. Впитав в себя все многообразие природы обширных территорий, обогатившись опытом духовного развития соседних народов, татарская культура обрела неповторимые черты, сохранив на протяжении веков особые, только ей присущее отличия.

Приобщение к истории начинается со школьной скамьи. Уникальные возможности приобщения школьников к истории, воспитания чувства гордости за свой народ открывают школьные музеи. Поэтому в нашей школе большое внимание уделяется изучению этнографии татарского народа, его культуры. С этой целью при школе №38 в 1997 году был открыт этнографический музей «Татарский дом». При организации музея большую помощь оказали родители, педагоги, учащиеся. Многие экспонаты были привезены родителями из татарских деревень. Музей стал делом всей школы, центром учебно-воспитательной работы. Учащиеся участвуют в сборе и обработке краеведческого материала, проводят экскурсии на татарском и русском языках. Экспонаты музея активно используются в учебном процессе. Всей работой руководит совет музея «Татарский дом». Работа ведется в трех направлениях: поисковом, оформительском, экскурсионном. Особенно удачно, целенаправленно проходят такие экскурсии, как «Национальная одежда и обувь», «Украшение татарских женщин», «Домашняя утварь», «Татарский дом». В музее созданы следующие экспозиции: Вид татарского дома; Национальная одежда; Национальная обувь; Шамаиль – феноменальный атрибут ислама; Оренбуржье многонациональное; «Недосягаемая звезда нации» (материалы об Оренбургском краеведе М.Ф.Рахимкуловой); «Никто не забыт, ничто не забыто» (личные вещи, документы, фотографии ветеранов).

Наиболее ценные экспонаты: женские головные уборы (калфак, вышитый бисером, начало XX в.), вышитый молитвенник (начало XX в.), шамаиль, написанный красками на стекле (начало XX в.), национальная обувь, домашняя утварь, культовые книги.

Основа любой культуры восходит к фольклору. При нашем музее создана фольклорная группа «Мет» («Надежда»), которая участвует во всех городских, областных фестивалях и конкурсах, таких как «Венок дружбы», «Этнографическая мозаика», «Оренбуржье многонациональное», «Радуга», «Книжный мир, где дружат все наречья».

Участники фольклорной группы в театрализованной форме знакомят с экспонатами музея и их применением. Для сценок выбирают различные обряды и национальные праздники: «Посиделки», «Бабушкин сундук», «Воронья каша», «Сумбуля» (Праздник урожая), «Сабантуй», «Науруз». Три года подряд члены кружка «Татарский дом» открывали городской и областной Сабантуй, где показывали обряд проведения подготовки этого праздника, с использованием музейных экспонатов. На основе ознакомления с бытом и жизнью татарского народа, с его нравственными ценностями, материальной и духовной культурой у детей складывается базис личной культуры.

Наш музей посещают не только учащиеся, педагоги, родители нашей школы, но и студенты высших и средних учебных заведений, а также жители нашего города, области и гости из Казани. Музейные материалы учащиеся, студенты используют при написании рефератов и курсовых работ.

В процессе сбора краеведческого материала прививается уважительное отношение к старшим, любовь к родному краю, знания родной культуры. Проводя работу по сохранению традиций национальных культур, наш школьный музей «Татарский дом» знакомит с наследием татарского народа, рассказывает об обрядах, домашней утвари и национальной одежде. Ребята пишут свои родословные, ведут поисково-исследовательские работы.

Я, как руководитель музея, стараюсь воспитывать у учащихся уважительное и бережное отношение к прошлому своего народа, чувство гордости за свою нацию.

Школьный музей — это хранилище духовной и материальной культуры народа.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ О М.ДЖАЛИЛЕ

Мусы Джалиля давно нет с нами. Но его поэтический подвиг и мученическая смерть до сих пор волнуют оренбуржцев. Раздумья о них особенно овладевают его земляками в преддверии юбилея героя.

Родина... Дороже что на свете?
Прост наряд ее, и скромн вид.
И портрет Джалиля
в сельсовете
Белыми ромашками увит.
Родина Мусы... Живет долина,
Облачка плывут по большаку.
От поэта все неотделимо –
Свежий ветер, солнце на току.

Оренбургский поэт Михаил Клипиницер

Муса Джалиль родился 15 февраля 1906 года в деревне Мустафино бывшей Оренбургской губернии, ныне в старинном татарском селе Мустафино Шарлыкского района Оренбургской области, которое расположено у тракта Оренбург – Абдулино. Муса Джалиль. Отец Мусы – Мустафа с детских лет гнул спину на богатого купца. Огромное влияние на формирование внутреннего мира будущего поэта оказала его мать – Рахима. Она была хранительницей и исполнительницей замечательных образцов народного творчества.

В начале века в Мустафино имелось около 200 единоличных хозяйств, одна начальная школа и две мечети. Мусу, еще не достигшего семилетнего возраста, в 1912 году отвели в школу. Его первым учителем и наставником был Габдулла Усманов, который сразу заметил его способности к грамоте и тягу к знаниям. С его помощью четырехклассную программу Муса освоил за один год. В своих воспоминаниях Г. Усманов пишет: «Для меня Муса не только поэт, борец, герой. Он еще и мой ученик... Он страстно любил жизнь».

В 1913 году семья Залиловых переехала в поисках лучшей доли в Оренбург, где Муса стал ходить на подготовительные курсы при медресе «Хусаиния». Оно было основано в 1870 году купцами первой гильдии братьями Ахметом и Махмутом Хусаиновыми и было известным духовным и светским учебным заведением не только в России, но и далеко за её пределами. Из его стен вышли многие поэты, писатели, артисты, музыканты, государственные, военные и религиозные деятели, умножив-

шие славу Оренбургского края, Казахстана, республик Средней Азии. В медресе была богатая библиотека, и маленький Муса запоем читал стихи татарских поэтов. Позднее в городской библиотеке познакомился с книгами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова.

Его близким другом, школьным учителем начальных классов в медресе «Хусаиния», первым поэтическим наставником был поэт из Никитино Саракташского района Тухват Ченакай (1893–1959). Ченакай приезжал в наше село Кабанкино в 1945 г. к свату, первому председателю колхоза «Алга» Абдрахману Султангузину и к главе сельского совета Фазлыяхмету Ишмухаметову. Этот факт подтверждает письмо сотрудницы обкомполкома Майшакар Юсуповой и фото, найденное мной в селе Кабанкино, а также живой свидетель приезда Ченакай в село Кабанкино в 1950-х годах Хисамутдинова Клара Фаизовна. Тухват Ченакай был человеком, который первым обратил внимание на дарования нашего земляка поэта-героя Мусы Джалиля, стал его старшим собратом по творчеству и школьным учителем. Ченакай терпеливо учил Мусу азам стихосложения, оказал бескорыстную большую и постоянную материальную помощь юному поэту Джалилю в трудные годы его жизни. Поэт Ченакай посвятил два стихотворения своему другу. Одно из них называется «Муса», написано к 50-летию со дня рождения Джалиля и датировано 1956 годом. Другое свое стихотворение о Мусе он назвал «Был Луной» (1959 г.) и написал его за месяц до своей смерти.

Одноклассником Мусы Джалиля стал уроженец села Никитино – математик, краевед Ибатуллы Таналин, который сидел за одной партой с Мусой Джалилем. А затем, спустя годы, писал воспоминания про связь Мусы Джалиля с его учителем Тухватом Ченакаем. Кстати, Ибатулла Таналин был родственником по матери поэта Т. Ченакай.

Имя Мусы Джалиля стало известным на весь мир, а вот имя его учителя Тухвата Ченакай было незаслуженно забыто на многие годы до наших дней по понятным причинам. И нам с вами надо исправить эту несправедливость. Многое мне стало известно о Мусе Джалиле и Тухвате Ченакае благодаря краеведу Мадине Рахимкуловой и ее ученице, уроженке села Никитино Хазире ханум Абдульменевой. С именем М. Джалиля связан еще один наш житель, ровесник поэта, майор Мухаммед Едиханов (1906–1979), который учился в медресе «Хусаиния» с М. Джалилем. После окончания техникума Едиханова направили работать учителем на родину поэта. Вот так имя героя связано с судьбой многих людей и с историей многих сел¹.

Джалиль начал сочинять стихи с девяти лет. Выходец из низов, немало хлебнувший в своей жизни горя и нужды, знающий цену куска хле-

ба, Муса с искренним сочувствием относился к народу. Он писал о нем стихи, песни, сказки, легенды.

Двенадцатилетний Муса видел, как в годы Гражданской войны Оренбург переходил из рук в руки. Свои порядки устанавливали то дутовцы, то колчаковцы. В 13 лет Мусса становится комсомольцем, вожакom. Он агитирует за новую жизнь. Когда это было нужно, он с оружием в руках отстаивал молодую Советскую власть, воевал с белыми бандами в Оренбургском крае, участвовал в подавлении кулацких мятежей.

1921 год – мрачная веха в истории Оренбургского края. Обрушилась засуха, неурожай, свирепствовал голод. Уехав в родное село, Муса ничем не мог помочь родным. Он возвращается в Оренбург. Но там не удалось найти никого из прежних знакомых. Родственники тоже разъехались кто куда. Мусса влился в толпу голодной беспризорной детворы, наводнившей в то страшное лето улицы города. Способного подростка уже вовлекали в воровскую шайку, но как-то на базаре его увидел бывший преподаватель медресе Нургали Надеев. Нургали Сибгатуллович Надеев (1882–1940) до Октябрьской революции работал преподавателем медресе «Хусаиния», затем директором института народного образования. Он автор целого ряда татарских учебников, программ и педагогических трудов. Он привел Мусу к себе домой, отмыл, накормил и с помощью работников редакции «Кызыл юлдуз» («Красная звезда») устроил его курсантом в Оренбургскую военно-политическую школу (позже Совпартшколу).

В двадцатые годы, работая в Оренбургском губкоме и Орском обкоме комсомола, инструктором в подотделе нацменьшинств, Мусса побывал во многих районах и селах Оренбуржья. А в поселке Саракташ он пытался организовать комсомольскую ячейку. В те бурные годы будущий поэт познакомился со многими видными земляками. Классик татарской драматургии Файзи Мирхайдар, имя которого носит Оренбургский татарский театр, оставил очень теплые воспоминания о Мусе Джалиле. Их встреча состоялась, когда они плыли на пароходе «Раскольников» из Казани в Самару и ехали на поезде из Самары в Оренбург. Много дало будущему поэту Мусе Джалилю и общение с оренбургским поэтом Касымом Шакирзяновым (1909–1920), писавшим под псевдонимом Шамун Фидан (с арабского «жертвую собой»), с которым они учились в медресе «Хусаиния». В Оренбурге Мусса Джалиль пишет много, чаще всего ночами. Печатается в оренбургских газетах «Кызыл Юлдуз», «Очкын» («Искра»), «Юксылларсюзе» («Пролетарслов»). Публикует стихи, баллады, острые, злободневные заметки, статьи. В Оренбурге написаны стихотворения «Счастье», «Ушли», «Первый урок», «Старый рабочий», «Песня старой Сибири», «Наша любовь», «Красной Армии» и сотни других, пьесы «Ва-

рень», «Злодей», «Разруха» и другие. За годы творческой работы в Оренбурге Мусой написаны поэмы «На заводе Орлес», «Сироты», «Большой комсомолец», «Отрывки».

Поэт не раз подчеркивал, что новый этап в его творчестве начинается с 1924 года. Это расцвет поэзии Джалиля. Муса писал не только стихи, но и пьесы. Первой пьесой была «Варенье». Вторая драма называлась «Злодей» (иногда пишут «Злюка»), которая была поставлена в 1925 году в созданном Оренбургском городском татарском театре и благожелательно принята зрителями. Кстати, весьма примечательно, что первая книга Мусы Джалиля была опубликована в 1925 году, когда автору исполнилось всего девятнадцать лет. Это раритетное издание — «Барабыз» («Мы идем») было тепло встречено Оренбургской общественностью.

Социальная атмосфера, окружающая Мусу Джалиля с детства, воспитала в нем глубокое сочувствие к родному народу, готовность к борьбе за его счастье. В.Г.Белинский писал: «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он поэтому велик, что представляет народ». В августе 1927 года Мусса Джалиль навсегда уехал из Оренбурга в творческий путь, в подвиг, в бессмертие².

В 1931 году Джалиль закончил литературное отделение Московского университета по специальности «литературная критика». Работал редактором детского журнала «Октябренок», затем заведующим отделом литературы и искусства центральной татарской газеты «Коммунист», которая выходила в те годы в Москве. Джалиль подходил к стихам с полной мерой ответственности. Его произведения привлекают богатством языка, яркой образностью, подлинно народной основой. Поэт жил новыми творческими планами. Война их перечеркнула. Уже в первые дни М. Джалиль пошел на Волховский фронт корреспондентом армейской газеты «Отвага». Известно, что генерал Власов предал, бросил на произвол судьбы свою армию. Война не заставила поэта растеряться. Одну из групп прорыва вел старший политрук Муса Джалиль. Еще не взяв в руки боевого оружия, начал он сражаться с врагом пером поэта. Здесь, в окружении, в сложнейшей обстановке написаны многие замечательные стихи. Их он пересылал в Казань, Москву. В жестокой схватке в июле 1942 года раненый и контуженый, в бессознательном состоянии Джалиль попал в плен, в руки врагов.

Бельгийский патриот Андре Тиммерманс, томившийся с поэтом в одной тюремной камере и спасший для литературы рукопись его стихов, вспоминал, что Джалиль до конца оставался спокойным и мужественным человеком. Лучше всего об этом говорят написанные им в неволе стихи. В заточении поэт прошел все круги ада, но ни разу не поступился

человеческим достоинством, ни на одно мгновение не впал в отчаяние. Стихи запечатали самые разнообразные его переживания, раздумья, но среди них нет чувства страха. Жизнелюбие – вот что сильнее всего поражает в «Моабитской тетради». В самых трагических стихах Джалиля есть выход к надежде, к свету. И тут же – юмористические строки. Трудно поверить, что такие брызжущие весельем стихотворения, как «Соседи», «Влюбленный и корова», «Простуженная любовь», написаны под топором палача. Не только в стихах, но и в жизни Джалиль никогда не терял чувства юмора. Его тюремные товарищи вспоминали дни, когда руки и ноги поэта заковали в кандалы. Как-то по коридору каземата его повели на допрос, и узник из соседней камеры окликнул: «Как твои дела, Муса?» С вытянутыми вперед руками, едва передвигая ноги, Джалиль ответил: «Во всяком случае, лучше, чем у Гитлера!» Ничто не могло сломить его волю. Он здесь чувствовал себя бойцом. Таким поэта воспитала Родина.

Стихи Джалиля оказывали огромное воздействие на советских военнопленных. Его строки переписывались и заучивались наизусть. В условиях, когда немцы всеми силами внушали, что на Родине их отныне считают предателями, и иного выхода, кроме как сотрудничать с фашистами, у них нет, стихи о верности воинскому долгу были для пленных большой моральной поддержкой.

23 апреля 1945 года 79-й стрелковый корпус Красной Армии подошел к серому мрачному зданию. За высокой кирпичной стеной – тюрьма Моабит. По двору летали обрывки бумаги, страницы книг. На чистой страничке одной из этих книг кто-то из солдат заметил запись на русском языке: «Я, татарский поэт Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверное, скоро буду расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня товарищам, писателям в Москве, сообщат семье». Бойцы переслали этот листок в Москву, в Союз писателей. Так на родину пришла первая весть о подвиге Джалиля. А в 1946 году бывший военнопленный Н.Терегулов принес в Союз писателей Татарии маленький блокнотик, в котором убористым почерком было записано шестьдесят стихотворений Джалиля. Стихи из этих блокнотов получили ныне широчайшую известность под названием «Моабитские тетради». Поскольку о Джалиле до этого не было никаких сведений, его стали подозревать в сотрудничестве с фашистами, в бегстве на Запад. Лишь когда до нас дошли «Моабитские тетради», подозрение было снято. 25 апреля 1953 года «Литературная газета» опубликовала подборку стихов Мусы Джалиля.

Правда о героическом подвиге Мусы Джалиля в фашистском застенке пришла к нам не сразу. За нее пришлось побороться и Александру Фа-

1. Муса Джалиль шакирд, слушатель медресе, 1917 г.
2. Муса Джалиль среди авторов и корреспондентов журнала «Октябрь баласы». Стоят: М. Амир, М. Габитова, А. Бикмуллина; сидят; М. Джалиль, М. Губайдуллина, Т. Ченакай.
3. Майор Мухамет Едиханов, одноклассник Мусы Джалиля по медресе «Хусаиния»
4. Ибатулла Таналин (в центре), одноклассник Мусы Джалиля по медресе «Хусаиния», 15 мая 1926 г.

дееву, и Константину Симонову, и Рафаэлю Мустафину, и оренбургскому публицисту Владимиру Альтову.

Всей жизнью последних лет Джалиль дал людям пример бесстрашия, образец верности высоким идеалам. Условия, в которых оказался поэт, были исключительны по своей трудности во всех отношениях — и физическом, и моральном. Разные люди по-разному переживают такие условия, и не каждый способен выстоять. Джалиль выстоял легче других потому, что с ним была его поэзия. Жизнь во всех ее переливах живет в тюремных стихах поэта, возвращая ему надежду, спасая его от безысходной тоски, давая силы для борьбы. Стихи Джалиля не только уводят в светлый мир счастья и любви, не только дышат ненавистью к врагу — это стихи философа и мыслителя, человека, знающего цену истинным категориям добра и зла, света и мрака. Поэзия Джалиля глубоко интернациональна. В то, чтобы донести ее не только до советских людей, но и до многих народов мира, немалый вклад внесли французский писатель Луи Арагон, немецкий публицист Леон Небенцаль, член Бельгийской академии поэт Роже Бодар, иракский литературовед Джалиль Камалетдин и многие другие. Муса Джалиль по праву причислен к славной когорте поэтов-борцов, таких, как великий Байрон, пылкий Шандор Петефи, неувядаемо прекрасный Федерико Гарсия Лорка, мужественный Юлиус Фучик.

Вся жизнь Джалиля, в полном смысле слова до последней капли крови, была отдана Отчизне. Он не провозглашал героизм и стойкость перед врагом — он каждодневно проявлял их. Слово и дело не разошлись в его судьбе. Поэт стал героем, и герой погиб поэтом. Читая стихи Джалиля, мы ни на минуту не забываем о том, что чувствуем гордость Мусы, величие и благородство его души. Муса Джалиль так любил свою Родину, свой народ, так был привязан к ним тысячами живых нитей, что не может исчезнуть бесследно, ибо он существует не только в себе, для себя, но и в сердцах, помыслах, памяти многих людей. Вот поэтому хочется, чтобы наша молодёжь не забывала таких замечательных людей, преданных своей Родине, отдавших жизнь во имя народа, которые живут и после смерти. Цель нашей жизни в том и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать. Да, Джалиль не умер для нас. Он жив в памяти каждого, кому он дорог как писатель, поэт, как борец за счастье народа. Он бессмертен на века³.

Когда думаешь об этом, такими бесплодными кажутся попытки как-то «приватизировать» творчество Джалиля, сделать его только достоянием народа, на языке которого он писал. Как считает оренбургский исследователь Иван Коннов, против этого решительно выступил бы сам Джалиль — страстный интернационалист. В 1994 году Ивану Коннову

довелось быть на мероприятии, посвященном трагической дате – 50-летию со дня гибели Мусы Джалиля и его товарищей в Моабитской тюрьме. Каково же было удивление многих, когда и ведущие вечера, и его участники стали изъясняться исключительно на татарском языке, безо всякого перевода! Этот досадный эпизод наблюдал и Иван Коннов⁴.

Но куда абсурднее не прекратившееся и сегодня стремление «прикарманить» Джалиля. Нелишне напомнить строки Джалиля из «Моабитской тетради»:

Если кровь твоя за родину
лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит.
Кровь предателя струится
в грязь,
Кровь отважного в сердцах
горит.
Умирая, не умрет герой –
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

Примечания

1. Таналин И. Тухват Ченакай // Путь Ленина. 16 января 1973 г.
2. Фаизов Н. Рождение поэта // Пульс дня. 5 января 2006 г.
3. Гайсина В. «Жизнь свою народу отдаю» // Пульс дня. 14 марта 2002 г.
4. Южный Урал. 15 февраля 2006 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулхаликова Альфия Гайсовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета

Амелин Веналий Владимирович – заместитель министра – начальник управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области, доктор исторических наук, профессор

Баннова Валентина Исаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета

Большакова Татьяна Леонидовна – член Союза журналистов России

Васильев Николай Григорьевич – краевед-социолог

Габдулгафарова Ильгиза Мухаметгалеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета, директор общественного института истории народов Оренбуржья имени М. Джалиля, заслуженный работник высшей школы РФ

Гизатулин Исмагил Мунирович – председатель Оренбургской региональной татарской национально-культурной автономии

Гумирова Сабрина Марсельевна – студентка Амурского государственного университета

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Евстигнеев Виктор Иванович – председатель Межрегионального общественного фонда «Увековечение памяти поэта-героя Мусы Джалиля»

Егорова Юлия Владимировна – ассистент кафедры отечественной истории Оренбургского государственного университета

Емельянова Валентина Валерьевна – аспирант Оренбургского государственного университета, старший научный сотрудник отдела использования и публикации документов ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного университета

Иванова Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Калиева Алтынай Туритаевна – аспирант кафедры философии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета

Камскова Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, заведующая редакционно-издательским отделом ОУНБ им. Н.К. Крупской, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета

Кильметова Танзиля Башировна – учитель татарского языка и литературы МОУ «Школа с углубленным изучением татарского языка и литературы № 38» г. Оренбурга

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Кузахметов Рафаэль Каюмович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории Оренбургского государственного университета

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Максимова Ольга Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Оренбургского государственного университета

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Москвин Илья Юрьевич – преподаватель кафедры всеобщей истории ФГСН Оренбургского государственного университета

Нагорная Антонина Викторовна – учитель русского языка и литературы МОУ «Красноуральская СОШ»

Надршин Фарит Мадарикович – старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Панина Лидия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Панина Татьяна Сергеевна – заместитель директора ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области»

Петрунина Марина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики Оренбургского государственного педагогического университета

Попов Виталий Борисович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры Отечественной истории Оренбургского государственного университета

Попова Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Сафонов Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Оренбургского государственного педагогического университета

Сгибнева Ольга Николаевна – начальник отдела информации и публикации документов ГУ «Государственный архив Оренбургской области»

Сидорова Валентина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета

Слухай Татьяна Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Стрельцова Тамара Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Судоргина Татьяна Владимировна – консультант комитета по делам архивов Оренбургской области

Султангузин Марат Равильевич – краевед

Тугай Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры «Всеобщая история», старший научный сотрудник Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Филимонова Ирина Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения, заместитель декана геолого-географического факультета Оренбургского государственного университета

Футорянский Леонид Иосифович – доктор исторических наук, профессор, академик АВИН, заслуженный деятель науки РФ, научный консультант Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета

Халимулина Римма Сабитовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Оренбургского государственного университета

Ханаш Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета

Хусаинов Нур Фирхатович – заместитель председателя Оренбургской городской татарской национально-культурной автономии «Туган тел» («Родной язык»)

Шакирова Эльвира Зуфаровна – старший преподаватель кафедры политологии Оренбургского государственного университета

Шарафутдинова Василия Халимовна – ведущий библиотекарь МУК БИС г.Оренбурга (филиал №16), библиотека им.Х. Ямашева

Языкбаева Ляля Вагизовна – учитель татарского языка и литературы МОУ «СОШ с углубленным изучением татарского языка и литературы №38» г. Оренбурга

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

<i>В.В. Амелин</i> ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО).....	4
<i>И.М. Габдулгафарова</i> МУДРОСТЬ ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ	6
<i>В.И. Евстигнеев</i> ВЕЛИЧИЕ ПОДВИГА ПОЭТА-ГЕРОЯ НЕ МЕРКНЕТ	12
<i>Д.А. Сафонов</i> «ТАТАРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ» ОРЕНБУРГСКОЙ ИСТОРИИ.....	17
<i>А.В. Федорова</i> СЕЛО АБЛЯЗОВО	24
<i>Т.С. Панина</i> ДОКУМЕНТЫ МУСУЛЬМАНСКОЙ СЕКЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО ГУБКОМА ПАРТИИ О ТАТАРСКОМ НАСЕЛЕНИИ ГУБЕРНИИ	30
<i>Р.К. Кузахметов</i> ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: /ВКЛАД ТАТАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОРЕНБУРЖЬЯ	37
<i>Д. Н. Денисов</i> МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА БУГУРУСЛАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.....	42

Первая секция ТАТАРЫ В ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

<i>Ю.П. Злобин</i> ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ТАТАРСКОГО ЭТНОСА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ (ПО ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ)	54
<i>И.Ю. Филимонова</i> ТАТАРЫ В ОРЕНБУРЖЬЕ: КУЛЬТУРА И ГЕОГРАФИЯ	64
<i>Т.И. Тузай</i> ВКЛАД ТАТАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ	68

<i>В.Б. Попов</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ С МЕСТНЫМИ ЛИБЕРАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1905 – 1913 гг.).....	78
<i>Л.И. Футорянский</i> ВОЖАК МУСУЛЬМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ ХАЛИК РАУФОВИЧ ХАКИМОВ.....	85
<i>Т.В. Судоргина</i> ОРЕНБУРГСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА О ПЕРВЫХ, СОСТОЯВШИХСЯ В ОРЕНБУРГЕ, СПЕКТАКЛЯХ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	87
<i>О.Н. Сгибнева</i> «АПЛОДИРОВАЛИ ЕГО ИСКУССТВУ...» (К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗАСЛУЖЕННОГО АРТИСТА РСФСР, РЕЖИССЕРА-ПОСТАНОВЩИКА ОРЕНБУРГСКОГО ТАТАРСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА В.Г. ФАТЫХОВА).....	93
<i>И.Ю. Москвин</i> ВКЛАД В.Г. ФАТЫХОВА В РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ОРЕНБУРЖЬЕ.....	97
<i>А.Г. Абдулхаликова</i> МУЗЫКА ЖИЛА В НЕМ ВСЕГДА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА Д. ФАЙЗИ).....	106
<i>А.Н. Потапова</i> СЕЛО АЛАБАЙТАЛ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	109
<i>К.А. Моргунов</i> РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ТАТАРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ (1918 – 1960-е гг.)	117
<i>И.В. Люкшина</i> РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ АСЕКЕЕВСКОГО РАЙОНА НА РЕШЕНИЯ XX СЪЕЗДА КПСС	132
<i>В.В. Емельянова</i> СПЕКТАКЛЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ... (О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАТАРСКОГО КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО ТЕАТРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ).....	141
<i>В.И. Баннова, Э.З. Шакирова</i> ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНЕ ОРЕНБУРЖЬЯ В КОНЦЕ 1950-х – 1980-е гг.....	147
<i>А.Д. Кокшаров</i> БАТЫР МАНСУР АБДУЛИН.....	156

<i>Ф.М. Надршин</i> ФЕНОМЕН ТАТАРО-БАШКИРСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	165
<i>А.Т. Калиева</i> РОЛЬ ТЕАТРА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ ТАТАР ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ	172
<i>С.М. Гумирова</i> МЕДРЕСЕ «ХУСАИНИЯ». РЕЛИГИОЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА	178
<i>Н.Ф. Хусаинов</i> РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ИМАМА Х.Г. ДАУТОВА В СОХРАНЕНИИ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТАР	185
<i>И.Ю. Москвин</i> СТАНОВЛЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО ТАТАРСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	189

Вторая секция
ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ:
ОПЫТ, ТРАДИЦИИ, РОДНОЙ ЯЗЫК

<i>Л.С. Панина</i> ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПОСЛОВИЦАХ ТАТАРСКОГО НАРОДА.....	200
<i>Л.В. Иванова</i> О «ЖИЗНИ» ОДНОГО ТЮРКИЗМА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ОРЕНБУРГСКИХ АВТОРОВ).....	209
<i>Т. Л. Большакова, Т. А. Камскова</i> ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ «КАРАВАН-САРАЙ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ.....	212
<i>В.И. Попова</i> СОБЫТИЙНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ОПЫТА СТУДЕНТА	217
<i>Т.В. Стрельцова</i> РЕАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ МУСЫ ДЖАЛИЛИЯ	224
<i>С.А. Ханаш, Н.Г. Васильев</i> ТЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. ДЖАЛИЛИЯ И ДИСКУРС ПОЭТА О ПРИЧИНАХ АГРЕССИВНОСТИ В ПОВЕДЕНИИ ИНДИВИДОВ И ГРУПП В СОЦИУМЕ.....	227

<i>В.А. Сидорова</i> НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ МУССЫ ДЖАЛИЛИЯ	233
<i>Т.А. Слухай</i> ПОЭЗИЯ МУСЫ ДЖАЛИЛИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	236
<i>Р.С. Халимулина</i> ПОДВИГ МУСЫ ДЖАЛИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	241
<i>Л.В. Языкбаева</i> ПОЭЗИЯ МУСЫ ДЖАЛИЛИЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА	247
<i>О.Н. Максимова</i> РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТАТАРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ).....	249
<i>А.В. Нагорная</i> РУССКО-ТАТАРСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПАРЕМИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С КОНЦЕПТОМ «ПРАЗДНИК»)	256
<i>В.В. Катермина</i> ФОЛЬКЛОР КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ	258
<i>М.А. Петрунина</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ШКОЛЬНИКА	262
<i>В.Х. Шарафутдинова</i> ЗА ТУКАЕМ – ОТ ВЕКА ДВАДЦАТОГО К ВЕКУ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМУ	268
<i>Ю.В. Егорова</i> ПРАЗДНОВАНИЕ САБАНТУЯ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ	273
<i>Т.Б. Кильметова</i> ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ – ЦЕНТР ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА	276
<i>М.Р. Султангузин</i> ВОСПОМИНАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ О М. ДЖАЛИЛЕ	279
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	287

ИСТОРИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ТАТАР ОРЕНБУРЖЬЯ

**(к 105-летию со дня рождения М. Джалиля,
120-летию со дня рождения М. Файзи
и 125-летию со дня рождения Г. Тукая)**

*Материалы межрегиональной
научно-практической конференции*

Подписано в печать 21.02.2011.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 17,20. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Заказ № 3959. Тираж 200 экз.

Издательский центр ОГАУ
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18.
Тел.: (3532)77-61-43

Отпечатано в ООО «Электа». Заказ № 41.